

Фриц Лейбер

Fantasy

Фриц Лейбер

Сага о Фафхрде и Сером Мышелове

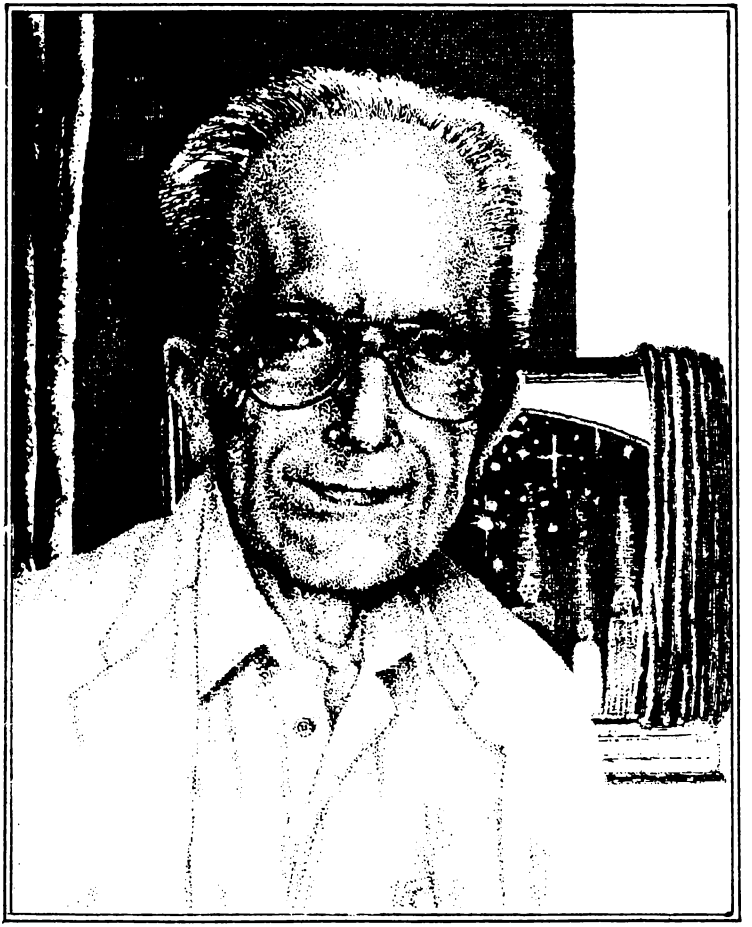

Северо-Запад

ЗАМЕРЗЩЕЕ МОРЕ
Воющая башня
Стылые пустоши
Черный берег
Симоргия
Тыквенный остров
Тряпа Бренных Останков
Горы Плящущих троллей
Иллик-Винг
Горт
Но-Омбрульск
Мингеворд
ЗЕМЛЯ ВОСЬМИ ГОРОДОВ
Уул-Хруск
Кварч-Нар
Уул-Плерн
Клелг-На
Когти
Драконьи скалы
Крысиные скалы
КРАЙНЕЕ МОРЕ
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
Горы Тьмы
Последняя Земля
Великая соленая Топь
Ланкмар
Река Хлал
сорив
Голодные горы
Плийские Озера
Квармалл
С
З
В
Ю

Звездная пристань
ликанье плоскогорье
Долина Великого Разлома
Запретный город Черных Идолов
Великие степи
Царство теней
Город Упырей
Ивамаренсийская империя
Море монстров
жженные горы
Отравленная пустыня
Тизилинилит
Сархеенмар
Горы Старейших
Илтхмар
Горборикс
Река Тилт
Зыбучие земли
Море востока
Кокгнаб
Картишла
Мир Невона
Товилийс
Далекий Кираай

Фриц Лейбер

Сага о Фафхрде и Сером Мышелове

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1994

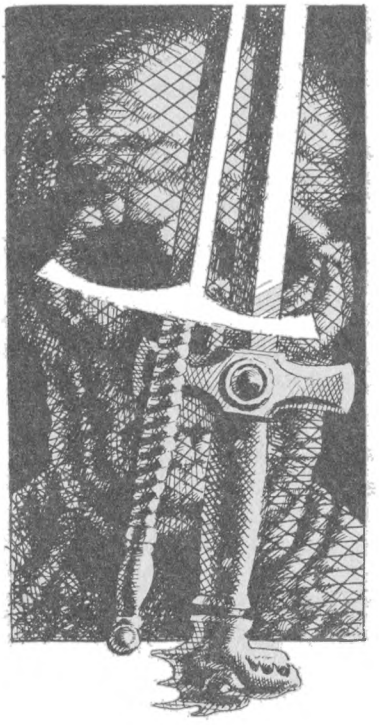
ББК 84.7 США
Л 42

Перевод с английского
И. Русецкого

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое издание данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

© И. Русецкий, перевод, 1993
© С. Лемехов, обложка, иллюстрации, 1993
© Издательство «Северо-Запад», подготовка текста, 1993
® СЕВЕРО-ЗАПАД. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом

ISBN 5-8352-0266-0 (т. 1)
ISBN 5-8352-0386-1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕЧИ ПРОТИВ СМЕРТИ

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Мечи и Черная Магия

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Об иных мирах, а также о том, как, повстречавшись, два незнакомца нашли, что их что-то связывает.

2. СНЕЖНЫЕ ЖЕНЩИНЫ

О ледовой магии женщин и холодной войне между полами, с изложением затруднительного положения, в коем оказался некий предприимчивый молодой человек, окруженный тремя властными женщинами; кроме того, относящиеся к данному предмету сведения касательно любви между отцом и сыном, отваги артистов и смелости безумцев.

3. ГРААЛЬ СКВЕРНЫ

Беллетристические рассуждения об отношениях между неким белым магом и его последователями обоих полов, подкрепленные рассмотрением ненависти как движущей силы, а также правдивейший рассказ о том, как Мышонок превратился в Серого Мышелова.

4. РАДУЩИЕ ПО-ЛАНКМАРСКИ

Вторая и решающая встреча Фафхрда и Серого Мышелова; попутно кое-что о вреде, приносимом нескончаемым ночным смогом и организованным воровством, равно как опьянением и суетностью влюбленных мужчин и женщин, а также о лабиринте чудес и ужасов Города Ста Сорока Тысяч Дымов.

1. Вступление

Отдаленная от нас глубинами времени и неведомых измерений, спит древняя страна Невон, спят ее башни, черепа и драгоценные каменья, спят ее мечи и чары. Изведанные территории Невона сгрудились вокруг Внутреннего моря: на севере — это девственные леса Земли Восьми Городов, на востоке — степь, где кочуют всадники-минголы, и пустыня, по которой медленно идут караваны из восточных земель и с реки Тилт. На юге же, соединенные с пустыней лишь Зыбучими Землями и защищенные Большой Дамбой и Голодными горами, лежат тучные нивы и обнесенные высокими стенами города́ страны Ланкмар, самой старой и наиболее важной части Невона. А в укромном уголке между нивами, Великой Соленой Топью и Внутренним морем, прилепившись к илистому устью реки Хлал, возвышаются толстые стены, скрывающие лабиринты улиц и переулков самого Ланкмара — столицы всей области, кишащей ворами и бритоголовыми жрецами, изможденными магами и дородными купцами — Ланкмара Непобедимого, Города Черной Тоги.

Если верить рунам Шильбы Безглазоликого, однажды ненастной ночью в Ланкмаре сошлись пути двух подозрительных типов, двух затейников-лиходеев — Фафхрда и Серого Мышелова. О месте рождения Фафхрда было нетрудно догадаться по его почти семифутовому росту, гибкому поджарому телу, а также по украшениям из кованого металла и громадному мечу — он явно был варваром из Стылых Пустошей, лежащих к северу от Восьми Городов и гор Пляшущих

Троллей. О предках же Мышелова вряд ли можно было сказать что-то определенное, глядя на его почти детскую фигуру, серую одежду, клобук из мышиных шкурок, надвинутый на плоское смуглое лицо, и обманчиво-изящную шпагу, однако что-то при взгляде на него наводило на мысль о южных городах, темных улицах и вместе с тем о залитых солнцем просторах. Некоторое время молодые люди с вызовом рассматривали друг друга сквозь черный туман, едва подсвеченный далекими факелами, и вскоре смутно почувствовали, что они — долго искавшие друг друга половинки великого героя и что каждый нашел себе друга, с которым пройдет через тысячи приключений и проживет рука об руку всю жизнь, а может, и множество жизней.

Никому тогда и в голову бы не пришло, что совсем недавно Серого Мышелова звали Мышонком, а Фафхрд учился петь фальцетом, носил только белые меха и, несмотря на полные восемнадцать лет, все еще спал в одном шатре с матерью.

2. Снежные женщины

В самый разгар зимы женщины Снежного клана опять развязали холодную войну против своих мужчин. Похожие в своих белых мехах на привидения, бродили они, почти неразличимые на фоне свежевыпавшего снега, сбивались в кучки, молчали или в крайнем случае шипели, как разъяренные призраки. Однако к Залу Богов, колоннами которому служили стволы деревьев, стенами — привязанные между ними звериные шкуры, а потолком — сосновые лапы, они приближаться избегали.

Собирались женщины в большом овальном шатре и там без устали читали нараспев заговоры, грозно выли или молча колдовали, чтобы привязать своих мужей к Мерзлому Стану, заледенить им чресла и наградить жестоким насморком с надсадным кашлем и зимней трясучкой в перспективе. Любой мужчина, по неосторожности вышедший среди бела дня погулять, рисковал быть обстрелянным снежками, а в

случае поимки даже получить взбучку — будь он даже скальд или могучий охотник.

А попасть под обстрел женщин Снежного клана было испытанием далеко не шуточным. Швыряли они снежки из-за головы, неумело — это верно, но зато их мускулы были тверды как сталь, благодаря постоянной колке дров, обрубке сучьев и мятью кож, даже таких жестких, как кожа снежного бегемота. Кроме того, они иногда предварительно обливали снежки водой и замораживали.

Жилистые, задубевшие от холодов мужчины сносили все это необычайно достойно, вышагивали, словно короли, разряженные в издалека заметные черные, коричневатые или окрашенные во все цвета радуги парадные шубы, пили мертвецки, но зато втихомолку и не хуже илтхмарцев торговали янтарем, серой амброй, видимыми лишь ночью снежными алмазами, блестящими мехами и снежными травами, получая взамен ткани, пряности, вороненое железо, мед, восковые свечи, порох для фейерверков, с ревом сгоравший разноцветным огнем, и другие прелести цивилизованного юга. И все же мужчины старались держаться группками, поскольку многие уже шмыгали носами.

Нет, против торговли женщины не возражали. Их мужчины торговали вполне успешно, и они, то есть женщины, были тут главной заинтересованной стороной. Женщины предпочитали этот род деятельности пиратским набегам, в которые пускались время от времени их здоровяки, удаляясь вдоль восточного побережья Крайнего моря за пределы их женской досягаемости и даже, как порою опасались достойные жены, вырываясь из-под действия их могучего колдовства. Мерзлый Стан был самой южной точкой, до которой когда-либо добирался Снежный клан, проводивший большую часть жизни на Стылых Пустошах, в отрогах Великаньего плоскогорья и расположенный еще севернее гряды Бренных Останков, и таким образом это зимнее становище давало единственную возможность в году поторговать с предприимчивыми минголами, сархеенмарцами, ланкмарцами, а порой и с каким-нибудь замотанным одеждами по самые глаза жителем восточной пустыни в громадном тюрбане и чудовищных размеров перчатках и сапогах.

Не возражали женщины и против бражничанья. Их мужья всегда были не дураки хлебнуть медку, эля и даже местного самогона из снежной картошки, гораздо более крепкого, чем все вина и прочие напитки, которые могли предложить им торговцы.

Нет, Снежные женщины ярились и ежегодно затевали холодную войну, безо всякого удержу применяя физическое и магическое насилие, из-за театрального представления, отважные участники которого с потрескавшимися лицами и заледеневшими конечностями, дрожащие от холода, но с сердцами, учащенно бившимися в предвкушении легкого северного золота и заводной до неистовства публики, всегда приезжали на север вместе с торговцами. Для этого кощунственного и непотребного спектакля мужчины предоставляли Зал Богов (последних, впрочем, это ничуть не смущало) и не пускали на него женщин и подростков; занятые в представлении лицедеи по мнению женщин были или грязные старикашки, или еще более грязные, тощие девки с юга, распущенные, как шнуровки их скудных одеяний, когда таковые вообще присутствовали. Снежным женщинам не приходило в голову, что грязная, голая, тощая девка, вся лиловая от гулявших в Зале Богов ледяных сквозняков, вряд ли может стать предметом вожделения, не говоря уж о том, что артистки постоянно рисковали отморозить себе что-нибудь.

Поэтому ежегодно в самый разгар зимы Снежные женщины затевали войну с избегающими их величественными мужчинами, прибегая к наговорам, колдовству, слежке и снайперским обстрелам снежками, а нередко даже брали в плен какого-нибудь немощного калеку или неосмотрительного подвыпившего мужа и делали ему хорошую выволочку.

Эта борьба, на первый взгляд комичная, имела и зловещую сторону. Собравшись вместе, Снежные женщины приобретали могучую магическую силу, особенно во всем, что было связано с морозом и его проявлениями: гололедицей, внезапными обморожениями, прилипанием кожи к металлу, повышенной хрупкостью разных предметов, угрожающе большими массами снега на ветвях и деревьях, а также чудовищными снежными лавинами. И не было в клане мужчины, который

совсем не боялся бы гипнотической силы их голубых, как ледышки, глаз.

Каждая Снежная женщина, обычно с помощью товарок, старалась держать своего мужа в узде, внешне предоставляя ему полную свободу; ходили слухи, что иногда непокорных мужей настигало увечье или даже смерть, обычно по какой-либо причине, непременно связанной с холодом. В то же время ведьмовские группировки и колдуньи-одиночки вели между собой жестокую борьбу за власть, в которой самые закаленные и отважные мужчины, даже вожди и жрецы были всего лишь пешками.

В течение двух торговых недель, а также двух дней, когда давались представления, женский шатер со всех сторон охраняли старые карги и рослые, сильные девушки, а изнутри просачивалось то благоухание, то мерзкая вонь, по ночам в шатре то вспыхивал яркий свет, то было видно лишь прерывистое мерцание и беспрестанно слышалось полязгивание, позвякивание, потрескивание, похрустывание, сопровождавшееся бесконечными заклинаниями и бормотаниями.

В то утро можно было подумать, что Снежные женщины заколдовали все вокруг: погода стояла пасмурная и безветренная, клочья тумана парили во влажном холодном воздухе, постепенно покрывая льдом все, что попадалось им на пути — кусты и деревья, сучья и ветви и в первую очередь кончики чего угодно — от мужских усов до ушей прирученных рысей. Сосульки были голубые и сверкающие, как глаза Снежных женщин, а человек с воображением мог заметить, что и формой своей они напоминали высоких, одетых в белые шубы с капюшонами колдуний, поскольку тянулись вверх, словно языки алмазного пламени.

Этим утром Снежные женщины захватили, вернее, чуть было не захватили добычу, о какой можно было только мечтать. Дело в том, что одна из участниц представления то ли по неведению, то ли в порыве безрассудной отваги, а может, прельстившись мягким искрящимся воздухом, покинула безопасный актерский шатер, прошла по хрустящему снежку мимо Зала Богов к пропасти и оттуда, между двумя купами гигантских вечнозеленых деревьев, покрытых снеговыми шапками, двинулась к естественному каменному

мосту, от которого некогда начиналась старая дорога на Гнамф-Нар, пока более полувека назад не обрушилась средняя его часть длиною в пять человеческих ростов.

Немного не дойдя до загибающегося вверх края опасного обрыва, она остановилась и долго смотрела на юг сквозь клочья тумана, который вдали выглядел более плотным и походил на шерстяные очески. Далеко внизу, заснеженные верхушки сосен на дне каньона Пляшущих Троллей, казались совсем крошечными, словно шатры ледовых гномов. Взгляд девушки неспешно скользнул по каньону, от его устья на востоке, мимо самого узкого места у нее под ногами и дальше, туда, где он, расширяясь, поворачивал на юг и скрывался из виду за остатками бывшего каменного моста на противоположной стороне. Затем она окинула внимательным взглядом новую дорогу — та начиналась прямо за актерскими шатрами, и, сильно петляя, в отличие от гораздо более прямой и короткой старой дороги, спускалась в каньон и пропадала среди тянувшихся к югу зарослей сосен.

По тоске, сквозившей во взоре девушки, можно было бы подумать, что это глупенькая, скучающая по дому субретка, которая уже сама не рада, что согласилась поехать в это турне, от которого кровь стынет в жилах, и мечтает теперь лишь о жарком, кишащем блохами актерском пристанище где-нибудь поюжнее земли Восьми Городов и Внутреннего моря — если бы не спокойная уверенность ее движений, гордый разворот плеч, да не опасное место, выбранное ею для созерцания пейзажа. А место это было опасным, и не только в прямом смысле, но и своею близостью женскому шатру, да и вообще на него было наложено табу: когда в свое время часть моста обрушилась, здесь нашли свою смерть вождь племени с детьми, а лет сорок назад временный и уже деревянный мост провалился под тяжестью повозки торговца спиртным. Спиртное он вез крепчайшее — потеря достаточно серьезная, чтобы объяснить строгость наложенного табу, которое включало запрет отстраивать мост заново.

И словно всех этих трагедий оказалось недостаточно, чтобы умилостивить ненасытных богов и сделать табу абсолютным, всего два года назад искуснейший лыжник, каких в Снежном клане не рождалось уже

много лет, некий Скиф, разгоряченный изрядным количеством выпитой снеговухи и ослепленный гордыней, решил попробовать перепрыгнуть каньон со стороны Мерзлого Стана. Разогнавшись до невероятной скорости и изо всех сил оттолкнувшись палками, он взмыл в воздух, словно ястреб, однако не долетел до противоположного заснеженного склона буквально на локоть, врезался носками лыж в скалу и канул в каменистые пучины каньона.

Погруженная в мечты актриса была одета в длинную шубу из рыжих лис и подпоясана легкой позолоченной бронзовой цепочкой. Ее зачесанные кверху прекрасные каштановые волосы успели уже покрыться изморозью.

Судя по тому, что девушка выглядела стройной даже в шубе, телом она была тоща или во всяком случае достаточно худа и мускулиста, чтобы соответствовать представлениям снежных женщин об актрисах, но зато росту в ней было около шести футов, а поскольку таких высоких актрис не бывает, это обстоятельство было еще одним оскорблением в адрес рослых снежных женщин, которые молчаливой белой шеренгой приближались к девушке сзади.

Но тут под чьей-то неосторожной ногой скрипнул промерзший снег.

Актриса обернулась и не раздумывая побежала туда, откуда пришла. Вначале наст начал ломаться у нее под ногами, и она замешкалась, но потом быстро сообразила, что по нему нужно не бежать, а скользить.

Девушка высоко подобрала полы своей рыжей шубы. Под нею оказались высокие меховые сапожки и ярко-алые чулки.

Снежные женщины понеслись за нею, на ходу обстреливая актрису своими твердыми как камень снежками.

Один из них угодил девушке в плечо, и она обернулась. Это была ошибка.

Тут же один снежок угодил ей в подбородок — прямо под ярко накрашенную нижнюю губу и другой — в лоб, над самой бровью.

Актриса обернулась лицом к преследовательницам, и еще один снежок с силою вылетевшего из пращи камня врезался ей в живот, отчего она, с сипом выпустив воздух из легких, согнулась в три погибели.

Через секунду девушка рухнула в снег. Грозя голубыми очами, женщины в белом ринулись к ней.

В этот момент высокий человек, худощавый и черноусый, в коричневатой стеганой куртке и небольшом черном тюрбане, отделился от заиндевелой, покрытой шершавой корой живой колонны Зала Богов и бросился к упавшей женщине. Наст ломался под ним, но сильные ноги быстро несли незнакомца вперед.

Внезапно он от изумления резко сбавил ход: мимо него пронеслась какая-то высокая белая фигура, да так быстро, словно сам он стоял на месте; на секунду незнакомцу показалось, что эта фигура бежит на лыжах. Затем у него промелькнула мысль, что это одна из снежных женщин, однако, увидев, что одета фигура не в шубу, а в короткую меховую куртку, мужчина в тюрбане решил, что это все же представитель мужской половины Снежного клана, хотя никогда раньше не видел их одетыми в белое.

Необычная проворная фигура продолжала скользить, опустив подбородок и стараясь не смотреть в сторону снежных женщин, словно опасаясь встретиться с их гневными голубыми глазами. Когда фигура поспешно присела подле упавшей актрисы, из-под капюшона высыпалась копна длинных рыжевато-белокурых волос. По ним, равно как по стройной осанке их обладателя человек в черном тюрбане на секунду подумал, что это одна из снежных девушек, горящая желанием нанести первый удар.

Но тут его взгляд упал на твердый мужской подбородок и два массивных серебряных браслета — из тех, что мужчины Снежного клана привозили из пиратских набегов. Подхватив актрису на руки, юнец заскользил с нею прочь от снежных женщин, которым оставалось лишь лицезреть обтянутые алыми чулками ноги их несостоявшейся жертвы. По спине спасителя застучал град снежков. Он чуть покачнулся, но тут же снова заспешил вперед, так и не поднимая головы.

Самая высокая из снежных женщин с осанкой королевы, красивым, но изможденным лицом и седыми разметавшимися волосами резко остановилась и воскликнула низким голосом:

— Вернись, сын мой! Слышишь, Фафхрд, вернись немедленно!

Юнец чуть заметно кивнул понуренной головой, но бега не замедлил. Не оборачиваясь, он прокричал в ответ довольно высоким фальцетом:

— Я вернусь, досточтимая матушка моя Мора, но позже!

Остальные женщины заголосили:

— Вернись немедленно! — причем кое-кто добавлял: — Распутный юнец! Бич доброй матушки Моры! Бабник!

Коротким жестом руки, обращенной ладонью вниз, Мора остановила их и властно объявила:

— Мы подождем здесь.

Помедлив, человек в черном тюрбане направился за скрывшейся из вида парой, время от времени настороженно поглядывая в сторону снежных женщин. Как правило, на торговцев они не нападали, но ведь кто там разберет этих варваров?

Фафхрд добрался до актерских шатров, раскинутых вокруг утоптанной площадки, которая находилась за алтарной частью Зала Богов. На ее дальнем от пропасти краю стоял высокий конусообразный шатер владельца театра. За ним — шатры самой труппы, формой несколько напоминающие рыбин и разделенные на мужскую и женскую половину. У самого каньона Пляшущих Троллей находился средних размеров шатер, полукруглая крыша которого была натянута на дугах. Прямо над шатром протянулась могучая заиндевелая ветвь вечно-зеленого снежного платана, которую с другой стороны уравновешивали ветки поменьше. В передней стенке шатра располагалась зашнурованная дверь, которую Фафхрду никак не удавалось развязать, поскольку он держал на руках безжизненное тело актрисы.

К Фафхрду уже спешил пузатый старикашка, двигавшийся, как ни странно, по-юношески упруго. Он весь был увешан дешевыми позолоченными побрякушками, даже его длинные усы и козлиная бородка, обрамлявшие грязнозубый рот, посверкивали золотыми искорками. Воспаленные черные глазки с большими мешками под ними слезились, однако смотрели весьма пронзительно. На голове у старикашки покоился громадный фиолетовый тюрбан, увенчанный золоченой короной, которая была усеяна кусочками горного хрусталя, которые должны были изображать брильянты.

За ним шел тощий однорукий мингол, далее жирный восточный человек с громадной черной бородой, от которой несло паленым, и завершали шествие две костлявые девицы; несмотря на раздираемые зевотой рты и плотные одеяла, в которые они были завернуты, актрисы явно были все время начеку, словно подзаборные кошки.

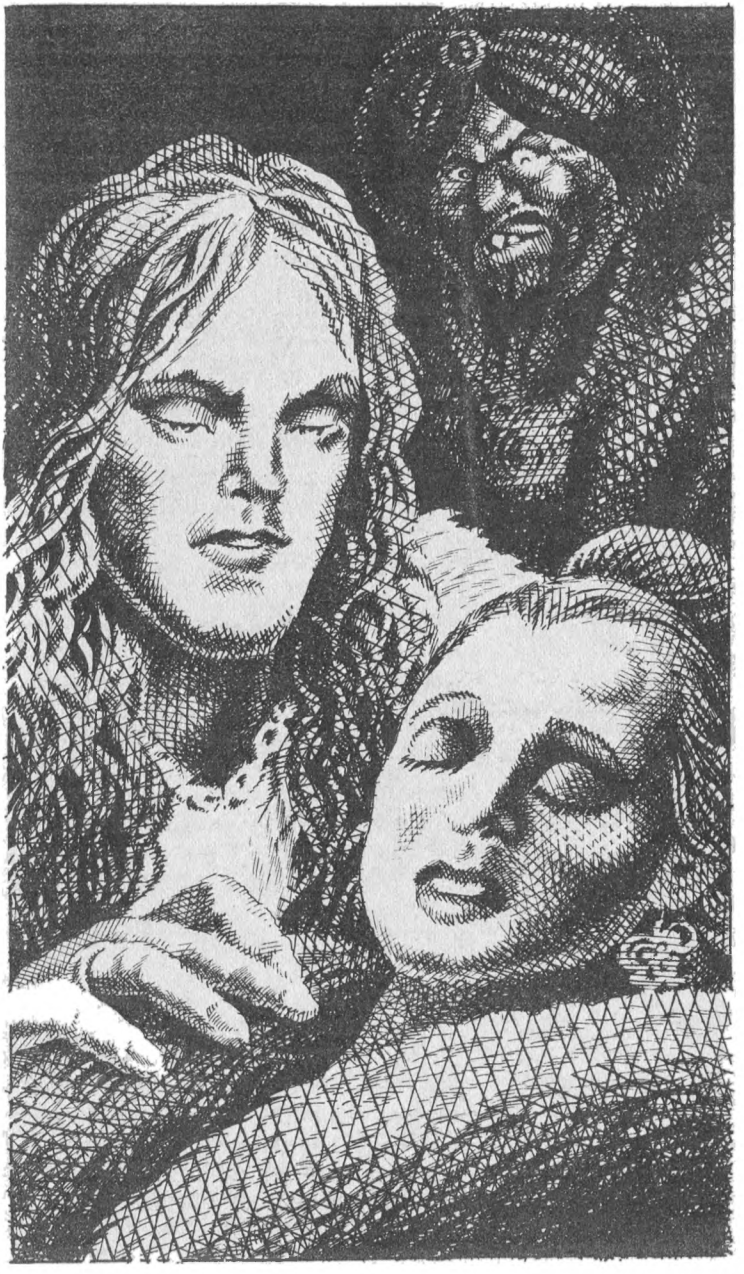
— Ну что тут еще? — осведомился предводитель, окинув своими бегающими глазками Фафхрда и его ношу. — Влана убита? Изнасилована и убита, не так ли? Так учти же, злодейский недоросль, ты жестоко поплатишься за свои забавы. Возможно, ты не знаешь, кто я такой, но скоро узнаешь. Уж будь уверен, я потребую от ваших вождей возмещения убытков! И солидного! Я пользуюсь большим влиянием, можешь не сомневаться. Быть тебе без этих твоих пиратских браслетов и цепи, что болтается у тебя на шее! Семья твоя пойдет по миру, да и все родственники тоже. А вот что они с тобой сделают...

— Вы — Эссединекс, хозяин театра, — авторитетно прервал его Фафхрд, фальцет которого, словно труба, прорезал хриплый баритон старика. — А я — Фафхрд, сын Моры и Нальгрона-Разрушителя Легенд. Танцовщица Влана не изнасилована и не мертва, ее просто оглушили снежками. Это ее шатер. Откройте его.

— Мы сами позаботимся о ней, варвар, — заявил Эссединекс, но уже более спокойно, несколько удивленный и устрашенный педантической точностью, с которой молодой человек разложил по полочкам кто есть кто и что есть что. — Давай ее сюда и проваливай.

— Я сам уложу ее, — не сдавался Фафхрд. — Откройте шатер!

Эссединекс пожал плечами и кивнул минголу, который с язвительной ухмылкой развязав шнуровку входа с помощью пяти пальцев и локтя, откинул полог. Из шатра пахну́ло сандаловым деревом и благовониями. Пригнув голову, Фафхрд вошел. Посреди шатра он увидел ложе в виде груды мехов и низенький столик с зеркальцем, стоявшим среди каких-то баночек и бутылочек. В дальнем конце шатра располагалась вешалка с костюмами.

Обойдя жаровню, из которой тянулся легкий белесый дымок, Фафхрд осторожно встал на колени и нежно уложил свою ношу на ложе. Затем он пощупал пульс Вланы под ухом и на запястье, потом, отогнув девушке веки, заглянул в глаза и мягко ощупал кончиками пальцев внушительные шишки, выскочившие на подбородке и лбу. После этого он ущипнул актрису за мочку левого уха, но не дождавшись никакой реакции, распахнул лисью шубу и принялся расстегивать оказавшееся под нею красное платье.

Эссединекс, вместе с остальными оторопело наблюдавший за происходящим, воскликнул:

— Ну, знаешь... Немедленно прекрати, похотливый юнец!

— Тихо! — скомандовал Фафхрд, продолжая расстегивать платье.

Закутанные в одеяла девицы захихикали и тут же прикрыли рты ладошками, весело поглядывая на Эссединекса и прочих.

Заложив свои длинные волосы за правое ухо, Фафхрд нагнулся к Влане и приложил его к коже между двух маленьких, словно половинки граната, грудей с розовато-бронзовыми сосками. Лицо его при этом сохраняло выражение торжественности. Девицы снова захихикали. Эссединекс сипло откашлялся, готовясь к очередной речи.

Фафхрд выпрямился и сказал:

— Душа ее скоро вернется в тело. К синякам следует прикладывать снеговые компрессы, меняя снег по мере его таяния. А теперь мне нужен кубок вашего лучшего бренди.

— Моего лучшего бренди! — завопил возмущенный Эссединекс. — Это уже слишком. Сперва ты без спроса раздеваешь девушку, теперь тебе выпить захотелось! Убирайся немедленно, бесцеремонный юнец!

— Я просто хотел... — начал было объяснять Фафхрд, в голосе которого появились угрожающие нотки.

Спор прекратила сама болящая: она открыла глаза, покачала головой, поморщилась и решительно села на постели, но тут же сильно побледнела, а взгляд ее несколько затуманился. Фафхрд снова уложил ее и подсунул ей под ноги подушку. Затем он посмот-

рел ей в глаза. Девушка с любопытством разглядывала его.

Ее скуластенькое личико было миниатюрным, уже не юным, но несмотря на шишки, отличалось какой-то кошачьей прелестью. Большие карие глаза с длинными ресницами должны были по идее таять от умиления, но почему-то не таяли. Это были глаза одинокого и решительного человека, который внимательно оценивает то, что видит перед собой.

Девушка же увидела красивого светлокожего парня зим восемнадцати от роду, большеголового и с вытянутой нижней челюстью, словно он еще не перестал расти. Прекрасные золотисто-рыжие волосы падали ему на щеки. Зеленые и загадочные глаза смотрели пристально, как у кота. Полные губы были чуть сжаты, словно служили для слов дверью, которая открывалась только по команде загадочных глаз.

Взяв бутылку с низкого столика, одна из девиц налила полкубка бренди. Фафхрд взял его и, приподняв Влане голову, помог ей сделать несколько маленьких глотков. Другая девица принесла немного снега в двух шерстяных тряпках. Став на колени по другую сторону ложа, она наложила компрессы.

Спросив у Фафхрда, как его зовут, и подтвердив, что он спас ее от снежных женщин, Влана поинтересовалась:

— Почему у тебя такой высокий голос?

— Я беру уроки у поющего скальда, — ответил тот. — Они пользуются только фальцетом, это подлинные скальды, в отличие от тех, что рычат хриплым басом.

— Какой награды ты хочешь за мое спасение? — без обиняков спросила Влана.

— Никакой, — ответил Фафхрд.

Девицы снова захихикали, но Влана взглядом заставила их замолчать.

Фафхрд добавил:

— Я счел своим долгом спасти тебя, потому что у снежных женщин верховодит моя мать. Я обязан не только уважать ее желания, но и удерживать ее от дурных поступков.

— Вот как. А почему ты ведешь себя, словно какой-нибудь жрец или знахарь? — продолжала расспросы Влана. — Это одно из желаний твоей мате-

ри? — Влана и не подумала прикрыть грудь, однако Фафхрд не отрывал глаз от губ и глаз актрисы.

— Врачевание — одно из искусств, необходимых поющему скальду, — ответил он. — А что касается моей матери, то я лишь исполняю свой долг по отношению к ней — и только.

— Влана, вести подобные разговоры с этим юнцом неблагоразумно, — робко вмешался Эссединекс. — Он должен...

— Заткнись! — бросила девушка и вновь обратилась к Фафхрду: — А почему ты ходишь в белом?

— Все снежные люди должны носить только белое. Мне не нравится новый обычай, когда мужчины ходят в темных или крашеных мехах. Мой отец всегда носил белое.

— Он умер?

— Да. Когда пытался взобраться на запретную гору Белый Зуб.

— И твоя мать хочет, чтобы ты ходил в белом, словно ты — вернувшийся отец?

Услышав столь коварный вопрос, Фафхрд не ответил, а неожиданно спросил сам:

— На скольких языках ты умеешь разговаривать, не считая этого ломаного ланкмарского?

Актриса наконец улыбнулась:

— Ну и вопросик! Ну что ж, я говорю, хотя и не безукоризненно, на мингольском, кварчишском, верхе- и нижнеланкмарском, квармаллийском, староупырском, на пустынном наречии и еще трех восточных языках.

— Это здорово, — одобрил Фафхрд.

— Но что же в этом такого?

— Это означает, что ты цивилизованная женщина.

— И почему же это здорово? — с кислой улыбкой осведомилась Влана.

— Ты сама должна знать, ты ведь танцуешь в театре. Словом, меня очень интересует цивилизация.

— Идет! — зашипел Эссединекс, стоявший у входа. — Влана, этот юнец должен...

— Ничего он не должен!

— Но мне и в самом деле пора, — вставая, проговорил Фафхрд. — Не снимай компрессы, — посоветовал он Влане. — Отдохни до заката, потом выпей еще бренди с горячим бульоном.

— Почему тебе нужно идти? — приподнимаясь на локте, спросила Влана.

— Я пообещал матери, — не оборачиваясь, объяснил Фафхрд.

— Ох уж эта твоя мать!

Нагнув голову, чтобы выйти, Фафхрд остановился и обернулся.

— Перед матерью у меня много обязательств, — сказал он. — Перед тобой пока ни одного.

— Влана, он должен уйти. Сюда идет... — хриплым драматическим шепотом начал Эссединекс, одновременно плечом выжимая из шатра Фафхрда, однако, несмотря на стройность молодого человека, старик с таким же успехом мог бы пытаться вырвать с корнями дерево.

— Ты что, боишься того, кто сюда идет? — поинтересовалась Влана, застегивая платье.

Фафхрд задумчиво посмотрел на нее. Затем, так и не ответив на вопрос, нырнул в низкую дверь, выпрямился и стал поджидать человека с разгневанным лицом, который сквозь туман приближался к шатру.

Ростом этот человек был с Фафхрда, но раза в два корпулентнее и старше, в котиковой шубе, увешанный украшениями из аметистов в серебре, с массивными золотыми браслетами на запястьях и золотой цепью на шее — отличительным знаком вождя пиратов.

Фафхрд почувствовал укол страха — но вызвал его не приближающийся человек, а изморозь на шатре, слой которой стал заметно толще, чем раньше. Мора и другие ведьмы прекрасно умели повелевать холодом, они могли без особого труда заморозить человеку суп или чресла, могли заставить сломаться от холода меч или лопнуть веревку для горных восхождений. Фафхрд часто задавался вопросом: не Мора ли и не ее ли магия сделали таким холодным его сердце? А теперь холод приближался к танцовщице. Нужно ее предупредить, только ведь она девушка цивилизованная и поднимет его на смех.

Рослый мужчина приблизился.

— Досточтимый Хрингорл, — в знак приветствия мягко сказал Фафхрд.

Вместо ответа тот смазал его тыльной стороной ладони по лицу.

Фафхрд отпрянул, и удар пришелся вскользь. Ни слова не говоря, молодой человек пошел прочь.

Тяжело дыша, Хрингорл еще несколько ударов сердца смотрел ему вслед, потом нагнулся и вошел в полукруглый шатер.

Хрингорл без сомнения самый могущественный человек Снежного клана, думал Фафхрд, хотя и не входит в число вождей из-за своей задиристости и пренебрежения к обычаям. Снежные женщины ненавидели Хрингорла, но ничего не могли с ним поделать, потому что мать его давно умерла, а сам он так и не женился, довольствуясь наложницами, привозимыми из пиратских набегов.

Фафхрд даже не заметил, как к нему откуда-то подошел темноусый человек в черном тюрбане.

— Вы молодец, друг мой. И молодец, что спасли танцовщицу.

Фафхрд бесстрастно проговорил:

— Вы — Велликс-Хват.

Черноусый кивнул.

— Привез сюда из Клелг-Нара бренди на продажу. Может, отведаете со мной моего самого лучшего?

— Мне очень жаль, — ответил Фафхрд, — но я уже договорился встретиться с матерью.

— Тогда в другой раз, — не стал возражать Велликс.

— Фафхрд!

Это был голос Хрингорла, но уже беззлобный. Фафхрд обернулся. Здоровяк постоял у шатра и, видя, что Фафхрд не шелохнулся, широкими шагами направился к нему. Тем временем Велликс исчез с тою же непринужденностью, с какою вел разговор.

— Извини, Фафхрд, — ворчливо проговорил Хрингорл, — я не знал, что ты спас танцовщице жизнь. Ты оказал мне большую услугу. Держи! — Расстегнув один из своих тяжелых браслетов, он протянул его Фафхрду.

Фафхрд все так же держал руки по швам.

— Никакая это не услуга, — ответил он. — Просто я не дал матери совершить дурной поступок.

— Да ты же плавал со мной! — внезапно заревел Хрингорл, багровея, но все еще стараясь улыбаться. — И будешь брать от меня подарки точно так же, как раньше выполнял мои приказы!

Он схватил Фафхрда за руку, положил ему в ладонь массивное украшение, сомкнул расслабленные пальцы молодого человека и отступил назад.

Фафхрд внезапно встал на одно колено и быстро проговорил:

— Прости, но я не могу взять то, чего не заслужил. А теперь мне пора к матери.

Он поспешно встал, повернулся и пошел прочь. Золотой браслет лежал, сверкая на снежном насте.

Фафхрд слышал рев Хрингорла и сдавленное проклятие, но не стал оборачиваться, чтобы посмотреть, подобрал ли тот столь надменно отвергнутый дар, однако с большим трудом удержался от того, чтобы не втянуть голову в плечи и не пойти зигзагом на случай, если Хрингорлу вздумается метнуть тяжеленный браслет ему в голову.

Вскоре юноша уже подходил к матери, сидевшей в окружении семерых снежных женщин. При его появлении они встали. Не доходя примерно ярда до них, Фафхрд понурил голову и, глядя в сторону, произнес:

— Я пришел, Мора.

— Долго же ты шел, — ответила та, — даже слишком долго. — Шесть голов торжественно закивали. Но краем глаза Фафхрд заметил, что седьмая снежная женщина начала неслышно отходить назад.

— Но я же пришел, — настаивал Фафхрд.

— Ты не выполнил моего приказания, — холодно проговорила Мора. Ее осунувшееся и когда-то красивое лицо выглядело бы опечаленным, не будь в нем столько гордыни и властности.

— Но теперь-то выполнил, — возразил Фафхрд. Он видел, что седьмая снежная женщина бесшумно бежит в развевающейся белой шубе между жилыми шатрами в сторону дремучего леса, который прижимал Мерзлый Стан к каньону Пляшущих Троллей.

— Очень хорошо, — сказала Мора. — А теперь ты без возражений отправишься со мной в шатер сна для ритуального очищения.

— А я ничем не осквернен, — заявил Фафхрд. — К тому же я очищаюсь иным способом, который тоже угоден богам.

Ведьмы Моры неодобрительно закудахтали. Фафхрд вел смелые речи, но голову так и не поднял, чтобы видеть не их лица с завораживающими глаза-

ми, а лишь нижние части длинных белых шуб, похожие на березовые пни.

— Посмотри мне в глаза, — велела Мора.

— Я выполняю все общепринятые обязанности взрослого сына, — ответил Фафхрд, — от добывания пищи до вооруженной охраны. Но насколько мне известно, смотреть в глаза матери в число этих обязанностей не входит.

— Твой отец всегда меня слушался, — зловеще проговорила Мора.

— Стоило ему завидеть высокую гору, как он взбирался на нее, слушаясь при этом лишь самого себя, — возразил Фафхрд.

— Вот именно, оттого-то и погиб! — воскликнула Мора, благодаря властности сдерживая печаль и злость, но не пряча их.

— А откуда именно на Белом Зубе взялся тот лютый мороз, из-за которого лопнула его веревка? — твердо спросил Фафхрд.

У ведьм, как по команде, от возмущения занялся дух, а Мора звучно отчеканила:

— Налагаю на тебя материнское проклятие, Фафхрд, за неповиновение и дурные мысли!

С необычайной готовностью Фафхрд ответил:

— Покорнейше принимаю твое проклятие, матушка.

— Проклятие относится не к тебе, а к твоим злобным измышлениям, — пояснила Мора.

— Все равно я сохраню его в сердце навеки, — отозвался Фафхрд. — А теперь, подчиняясь своему разуму, я ухожу до тех пор, пока демон гнева не оставит тебя.

С этими словами, так и не поднимая головы и глядя в сторону, он повернулся и быстро пошел к лесу, взяв немного восточнее жилых шатров и западнее широкой полосы деревьев, простирающейся почти до Зала Богов. У себя за спиною он слышал злобное шипение ведьм, однако его мать не произнесла ни звука. Уж лучше бы она что-нибудь сказала, подумалось Фафхрду.

У молодых людей раны заживают быстро. К тому времени, как Фафхрд, не задев ни одной заиндевелой веточки, вошел в свой любимый лес, все его чувства вновь приобрели былую остроту, к шее вернулась по-

вижность и сам он снова был чист, как нетронутый нег, и открыт для новых впечатлений. Фафхрд выбрал самую легкую дорогу, миновав покрытые изморозью заросли колючего кустарника слева и громадные, скрытые за соснами гранитные скалы справа.

Он видел следы птиц и белок, суточной давности следы медведя; снежные птицы щелкали черными клювами в поисках красных снежных ягод, покрытая мехом снежная змея зашипела на него, и он не удивился бы, появись перед ним даже дракон с заиндевелым хребтом.

Поэтому Фафхрд остался совершенно невозмутим, когда от ствола огромной сосны отделился кусок коры и в дупле появилась дриада лет семнадцати — улыбающаяся, голубоглазая и белокурая. Он, собственно говоря, даже ждал ее появления с тех пор, как увидел убегавшую седьмую снежную женщину.

Однако в течение двух ударов сердца он притворялся изумленным. Затем, с криком: «Мара, ведьмочка моя!» бросился вперед, оторвал девушку от ее маскировочного фона и обнял обеими руками; они стояли, словно одна белая колонна, капюшон к капюшону, губы к губам, на протяжении самое малое двадцати ударов сердца, ударов весьма громких и восхитительных.

Затем Фафхрд залез ей рукой под шубу и, отыскав разрез в длинном платье, прижал ладонь к ее курчавому лобку.

— Догадайся, — шепнула девушка, лизнув ему ухо.

— Это нечто, принадлежащее девушке. Я думаю, что это... — начал Фафхрд очень жизнерадостно, хотя его мысли уже бешено неслись в совершенно ином направлении.

— Да нет, дурачок, там кое-что принадлежит и тебе, — поправил влажный шепот.

Путь, которым неслись мысли Фафхрда, превратился в обледенелый склон, ведший к печальной уверенности. Тем не менее молодой человек отважно проговорил:

— Я и надеюсь, что с другими ты не проделывала это, хотя имеешь полное право. Должен сказать, что я польщен...

— Глупая ты скотина! Я имела в виду, что там кое-что принадлежит нам обоим.

Путь превратился в черный ледяной туннель с пропастью в конце. В соответствии с важностью момента сердце Фафхрда забилось чаще, и он машинально пробормотал:

— Не может быть!

— Я в этом уверена, чудовище ты этакое! У меня уже два месяца ничего не было.

Губы Фафхрда сжались, выполнив свою задачу преграждать путь словам лучше, чем когда бы то ни было раньше. Когда же рот его раскрылся, то и он, и язык уже находились в полном подчинении у больших зеленых глаз. Посыпались радостные слова:

— О боги! Как здорово! Я — отец! Ну и умница же ты, Мара!

— Еще бы не умница, — согласилась девушка. — Думаешь, мне было просто сотворить такую тонкую штуку после всех твоих грубостей? А теперь мне придется отплатить тебе за твое постыдное предположение, что я могла проделывать это с другими.

Задрав сзади юбку, она положила его руки на веревки, завязанные замысловатым узлом на крестце. (Снежные женщины носили шубы, меховые сапожки, меховые чулки, прикреплявшиеся к поясу на талии, и одно или несколько меховых платьев — одежда эта была не менее практичной, чем у мужчин Снежного клана, если не брать в расчет длинных платьев.)

Ощупав узел, от которого шли три туго натянутые бечевки, Фафхрд заметил:

— Мара, милая, не нравятся мне эти пояса целомудрия. Это так нецивилизованно. И кроме того, они мешают правильному кровообращению.

— Опять ты с этой твоей цивилизацией! Ну, ничего, я буду любить тебя так, что ты и думать о ней забудешь. Давай, развязывай узел — сам увидишь, что завязан он твоей рукой.

Фафхрд подчинился и был вынужден признать, что узел и впрямь завязан им. Все это заняло известное время, которое Мара провела очень недурно, если судить по ее вскрикам, постаныванием, ласковым щипкам и покусываниям. В конце концов и у Фафхрда возник интерес к процессу. Когда же он завершился, Фафхрд получил награду, какую получает всякий уч-

тивый лжец: Мара любила его, потому что он лгал ей именно так, как это принято в таких случаях, и, любя, завлекала так, что он приходил во все большее и большее возбуждение.

После объятий и прочих знаков приязни молодые люди упали в снег, причем матрасом и одеялом им служили их меховые одежды.

Какой-нибудь случайный прохожий мог бы подумать, что это оживший сугроб извивается в судорогах, давая рождение новому снежному человеку, эльфу или демону.

Через какое-то время сугроб затих, и тому же самому прохожему пришлось бы наклониться очень низко, чтобы разобрать доносящиеся из-под снега голоса.

Мара: Угадай, о чем я думаю?

Фафхрд: О том, что ты — королева сладострастия. Ай!

Мара: Вот тебе и ай! А ты — король скотов! Нет, дурачок, послушай. Я радовалась тому, что ты покончил со своими скитаниями по югу еще до нашей свадьбы. Я уверена, что ты изнасиловал десятки южных женщин и даже занимался с ними всякими извращениями — оттого-то у тебя и появился этот бзик насчет цивилизации. Но я не в обиде. Я буду так любить тебя, что ты позабудешь обо всем этом.

Фафхрд: Мара, у тебя блестящий ум, но ты явно преувеличиваешь все, что касается единственного пиратского набега, в котором я участвовал под началом Хрингорла, и особенно возможности, какие у меня были в смысле любовных приключений. Прежде всего, жители прибрежных городов, которые мы грабили, и в первую очередь все молодые женщины убегали в горы еще до того, как мы высаживались на сушу. А если каких-то женщин и насиловали, то я как самый младший был последним в списке насильников и даже не пытался заниматься этим. По правде говоря, единственными интересными людьми, которых я встретил за все это скучнейшее путешествие, были два старика, захваченные нами, чтобы получить выкуп — от них я научился немного квармаллийскому и верхнеланкмарскому языкам — да еще один тощий парень, ходивший в подмастерьях у чародея. Он очень ловко

управлялся с кинжалом и любил разрушать легенды — в точности как я и мой отец.

Мара: Не печалься. Когда мы поженимся, жизнь станет куда более увлекательной.

Фафхрд: А вот тут ты не права, милая Мара. Подожди, дай мне объяснить! Стоит нам пожениться, как Мора переложит на тебя всю готовку и работу по шатру. Она будет обращаться с тобой на семь восьмых как с рабыней и на одну восьмую — в лучшем случае — как с моей наложницей.

Мара: Вот еще! Ну нет, Фафхрд, тебе еще предстоит научиться держать собственную мать в повиновении. Но не бойся, дорогой мой. Ты, понятное дело, еще не знаешь, каким оружием располагает молодая и неутомимая жена против старой свекрови. Я поставлю ее на место, даже если мне придется ее отравить — не до смерти, конечно, а просто, чтобы она стала послабее. Не пройдет и трех лун, как она будет трепетать от одного моего взгляда, а ты зато почувствуешь себя мужчиной. Я знаю, ты у нее единственный ребенок, твой бешеный отец погиб молодым, поэтому она и получила безграничную власть над тобой, однако...

Фафхрд: Имей в виду, распутная и ядовитая ведьмочка, ледовая моя тигрица, что я чувствую себя вполне мужчиной и намерен доказать это без промедления. Защищайся! А ну-ка!

Сугроб снова задергался, словно извивающийся в корчах гигантский белый медведь. Вскоре он медленно издох под звуки систров и треугольников — это звенели сверкающие кристаллики льда, в невероятном количестве наросшие на одеждах Мары и Фафхрда за время их диалога.

Короткий день стремительно приближался к ночи, словно сами боги, управляющие солнцем и звездами, хотели поскорее посмотреть представление.

Хрингорл совещался со своими приспешниками Хором, Харраксом и Хреем. Они хмурили брови, многозначительно кивали и один раз даже упомянули имя Фафхрда.

Самый молодой муж из всех мужчин Снежного клана, этакий тщеславный и бессмысленный петушок,

попал в засаду и был забит снежками до потери сознания дозором снежных жен, заставшим его за бесстыдными разговорами с актрисой-минголкой. Его супруга, которая азартнее прочих закидывала его снежками, принялась нежно, но очень медленно возвращать его к жизни, желая иметь душевный покой в течение двух дней, что давалось представление.

Мара, счастливая, словно снежная голубка, забежала к ним в шатер, чтобы помочь по хозяйству. Однако, когда она понаблюдала за беспомощным мужем и ласковой женой, ее улыбки и чуть задумчивая грация куда-то исчезли. Девушка сделалась напряженной и при всей ее уравновешенности суетливой. Трижды она открывала рот, желая что-то сказать, но в конце концов ушла, так и не проронив ни слова.

В женском шатре Мара с остальными ведьмами поколдовали немного, чтобы вернуть Фафхрда домой и заморозить ему чресла, после чего принялись обсуждать более серьезные меры, направленные против всех сыновей, мужей и актрис вообще.

Второй заговор никак не подействовал на Фафхрда, вероятнее всего потому, что как раз в это время он принимал снежную ванну — ведь любому известно, что колдовство практически бессильно против тех, кто сам подвергает себя воздействиям, на достижение которых направлены чары. Расставшись с Марой, он разделся, нырнул в сугроб и растерся с ног до головы сухим обжигающим снегом. Затем он воспользовался колючей сосновой лапой, чтобы стряхнуть с тела снег и получше разогнать кровь по жилам. Одевшись, он почувствовал, что начинает действовать другое заклинание, но не поддался, а тайком пройдя в шатер двух старых торговцев-минголов Закса и Эффендрита, которые водили дружбу еще с его отцом, лег и проспал там на шкурах до самого вечера. Там материнские заговоры достать его не могли, поскольку согласно обычаю шатер считался мингольской территорией. Правда, его крыша вскоре покрылась неестественно толстым слоем кристалликов льда, и старые минголы, сморщенные и проворные как обезьяны, принялись со звоном сбивать их длинными шестами. Этот звук исподволь проникал в сновидения Фафхрда, но не будил его, что страшно раздражило бы Мору, узнай она об этом — колдунья считала, что наслаждения и отдых

мужчинам вредны. А снилось Фафхрду, что Влана плавно изгибается в танце, одетая в платье из тонкой серебряной сетки, украшенной мириадами крошечных серебряных колокольчиков, — это видение раздражило бы Мору сверх всякой меры, но в данный момент она по счастью не пустила в ход свой дар читать мысли на расстоянии.

Сама Влана дремала, а одна из девушек-минголок, которой актриса заранее заплатила целый смердук, меняла снеговые компрессы, а когда губы Вланы становились сухими, вливала в них несколько капель сладкого вина. В голове у актрисы роились всевозможные предположения и планы, однако, просыпаясь, она всякий раз успокаивала себя с помощью кольцевого восточного заклинания, которое звучало приблизительно так: «Баю-знаю, спать-опять, дрема-дома-сон-солома, гарь-янтарь-встарь-пескарь, труп-не люб, легла-дала, блядки-сладки-взятки-гладки, пять-отдать, чаю-с краю, баю-знаю», — и так далее до бесконечности. Влана знала, что морщины у женщины могут появиться не только на коже, но и в мозгу. Знала она и то, что лишь незамужняя женщина станет ухаживать за незамужней. И наконец она знала, что актер на выезде, как солдат, должен спать при любой возможности.

Слоняясь по Стану, Велликс-Хват подслушал разглагольствования Хрингорла о кое-каких его замыслах, заметил, как Фафхрд входит в свое убежище, обратил внимание, что Эссединекс пьет больше обычного, и решил немного послушать его речи.

А Эссединекс, стоя в женской части актерского шатра, спорил с двумя близняшками-минголками и совсем юной илтхмаркой относительно толщины слоя жира, которым они намеревались смазать свои бритые тела для вечернего представления.

— Клянусь прахом, вы пустите меня по миру! — жалобно причитал он. — И будете выглядеть не соблазнительнее, чем три шматка сала.

— Насколько я знаю северян, они любят, чтоб их женщины были с жирком, так почему бы ему быть только внутри, а не снаружи тоже? — спросила одна из минголок.

— К тому же, — добавила ее сестрица, — если ты думаешь, что ради развлечения этих пентюхов мы

готовы отморозить себе зады и сиськи, значит, ты и вовсе рехнулся.

— Не беспокойся, Седди, — проговорила илтхмарка, потрепав старика по вспыхнувшей щеке и редким волосенкам, — я выступаю гораздо удачнее, когда вся лоснюсь от жира. Эти мужланы полезут из-за нас на стены, а мы будем выскальзывать у них из рук, словно мокрые арбузные семечки.

— Полезут на стены? — Эссединекс схватил илтхмарку за худое плечо. — Чтобы сегодня вечером никаких оргий, слышите? Подразнить людей — дело другое. Но никаких оргий. Вопрос в том...

— Да мы прекрасно знаем, папашка, до какого предела их можно дразнить, — перебила одна из минголок.

— Мы умеем держать их в руках, — подтвердила ее сестрица.

— А если мы не совладаем, то уж Влана всяко управится, — заключила илтхмарка.

По мере того, как чуть заметные тени удлинялись, а туманный воздух темнел, вездесущие кристаллики льда, казалось, росли все быстрее. Гомон в шатрах торговцев, отрезанных полосой заснеженного леса от жилых шатров, стал тише, а потом и вовсе умолк. Нескончаемые тихие заклинания в женском шатре сделались слышнее и визгливее. С севера налетел ветер, кристаллики льда зазвенели. Но тут песнопения превратились в хриплый клекот, после чего ветер и звон льда как по команде стихли. С востока и запада снова поползли клочья тумана, и снова слой изморози стал расти. Женские голоса снизились до неясного бормотания. Весь Мерзлый Стан молчаливо и напряженно стал дожидаться наступления ночи.

День катился за обледенелый западный горизонт, словно спасаясь бегством от темноты.

В узком пространстве между шатрами актеров и Залом Богов вдруг началось какое-то движение, затеплился тусклый огонек, разгоравшийся постепенно в яркую точку — девять, десять, одиннадцать ударов сердца — и все вокруг осветилось яркой вспышкой, которая блистающей кометой, сперва медленно, потом все быстрее и быстрее стала подниматься в ночное небо, разметывая искры со своего хвоста. Высоко над соснами, почти у самого края небес — двадцать один,

двадцать два, двадцать три — хвост кометы погас, и она, оглушительно взорвавшись, разлетелась на девять ослепительно-белых звезд.

Это была ракета, возвещавшая о начале первого представления.

Внутри Зал Богов напоминал высокий нелепый драккар, холод и мрак которого едва разгоняли свечи, поставленные дугой в носовой части: весь год она использовалась в качестве алтаря, а теперь была превращена в сцену. Мачтами драккара служили девять живых сосен, вздымавшихся к небу в носу, корме и по бортам судна. Паруса, а говоря более приземленно, стены, были сделаны из звериных шкур, туго пришнурованных к мачтам. Взамен неба над головами зрителей было густое переплетение сосновых ветвей, припорошенных снегом и росших на высоте в пять человеческих ростов над палубой.

Среднюю и кормовую части этого фантастического корабля, плававшего лишь на ветрах воображения, заполняли мужчины Снежного клана, разряженные в разноцветные и темные меха и сидевшие на пеньках или скатанных одеялах. Они смеялись хмельным смешком, перебрасывались замечаниями и шуточками, однако не слишком громко. Религиозный трепет и благоговение охватили их при входе в Зал или, вернее, Корабль Богов, несмотря даже на его столь кощунственное использование, а скорее всего, именно из-за него.

В зале послышался ритмичный рокот барабана, зловещий, как поступь снежного леопарда, и поначалу такой тихий, что никто толком не мог сказать, когда он начался: еще секунду назад зал двигался и разговаривал, и вдруг все стихло, только ладони мужчин вжались в колени и глаза устремились на освещенную сцену, по бокам которой стояли две ширмы, расписанные черными и серыми завитушками.

Рокот барабана стал громче, ускорился, разорвался в причудливый ритм и вдруг снова вернулся к поступи леопарда.

Следуя барабанному ритму, на сцену выскочила серебристая, стройная и длинноногая самка леопарда с длинными настороженными ушами, длинными усами и длинными белыми клыками. Двигалась она на чет-

вереньках. Человеческим в ней была лишь копна блестящих черных волос, перекинутых через правое плечо.

Она трижды обошла сцену, ворча и нагнув голову, словно принюхиваясь к чему-то.

Потом вдруг, заметив зрителей, с визгом отпрянула и присела на задние лапы, грозно взмахнув передними, которые заканчивались длинными блестящими когтями.

Двое каких-то зрителей были настолько захвачены происходящим, что соседям пришлось схватить их за руки, чтобы те не бросили нож или топор с короткой ручкой в существо, которое они сочли самым настоящим и опасным зверем.

А зверь уставился на них, скаля острые зубы с двумя торчащими громадными клыками. Он вертел мордой из стороны в сторону, изучая их своими большими карими глазами и колотя по сцене хвостом, поросшим короткой шерстью.

Затем начался танец леопарда, танец жизни, любви и смерти, который исполнялся то на задних лапах, то на всех четырех. Зверь прыгал и что-то вынюхивал, угрожал и отступал, бросался в атаку и обращался в бегство, мяукал и сладострастно извивался.

Несмотря на длинные черные волосы, зрителям было трудно поверить, что перед ними женщина в облегающем меховом одеянии. К тому же передние лапы зверя были такой же длины, что и задние, и, казалось, имели дополнительный сустав.

Тут из-за ширмы с клекотом выпорхнула какая-то белая тень. Большая серебристая кошка, подпрыгнув, сбила белую тень лапой и набросилась на нее.

Все сидевшие в Зале Богов узнали крик снежного голубя и услышали хруст его шейных позвонков.

Поднеся мертвую птицу к своей пасти, громадная кошка, стоя уже совсем по-женски, заставила зрителей испустить долгий вздох, в котором смешались отвращение и предвкушение, желание узнать, что будет дальше, и не пропустить ничего из того, что происходит в этот миг.

Фафхрд, однако, не вздохнул. Во-первых, малейшее движение могло выдать место, где он прятался. А во-вторых, ему было прекрасно видно все, что делалось за ширмами с завитушками.

Не имея возможности попасть на представление по возрасту, не говоря уже о желаниях и заговорах Моры, он за полчаса до начала вскарабкался на одну из сосен Зала Богов со стороны пропасти, где его никто не мог заметить. Благодаря веревкам, которыми были пришнурованы шкуры, залезть туда было проще простого. Затем он осторожно прополз по двум толстым ветвям, нависшим над залом, стараясь не потревожить их коричневые иголки и нанесенный сверху снег, пока не нашел место, откуда ему была видна вся сцена, а сам он был скрыт от чьих-либо взглядов. После этого ему оставалось лишь спокойно лежать, чтобы иголки или снег не посыпались вниз. Он надеялся, что если кто-то и глянет вверх, то примет в полутьме его белые одежды за снег.

Теперь он наблюдал, как две минголки поспешно стаскивали с рук Влады тесные меховые рукава, заканчивавшиеся дополнительными жесткими суставами с когтями, которыми актриса управляла, ухватившись за них изнутри. Затем они стянули у нее с ног меховые чулки, а Влана, сидя на табурете, сняла с зубов клыки, быстро отстегнула маску леопарда и меховой жилет.

Несколько секунд спустя она, ссутулившись, уже медленно шла по сцене — пещерная женщина в короткой набедренной повязке из серебристого меха, лениво глодавшая внушительных размеров мосол. Началась пантомима, изображавшая день первобытной женщины: она поддерживала огонь, кормила младенца, шлепала ребенка постарше, мяла шкуры, что-то прилежно шила. Действие несколько оживилось с приходом ее супруга, невидимое присутствие которого мастерски изобразила актриса.

Зрители без труда следили за развитием событий, ухмылялись, когда женщина поинтересовалась, какое мясо принес муж, фыркнула при виде скудной добычи и отказалась его поцеловать. Когда она попыталась огреть его костью, которую глодала, и, получив в ответ затрещину, распласталась прямо на куче своих детей, зал разразился хохотом.

Так она и уползла со сцены за другую ширму, где скрывался вход для актеров (в обычное время — для Снежного Жреца) и сидел однорукий мингол, виртуозно игравший имевшимися у него пальцами на за-

жатом между колен барабане. Влана скинула с себя остатки мехов, четырьмя уверенными мазками гримировального карандаша изменила разрез глаз, одним движением накинула на себя длинный серый плащ с капюшоном и вернулась на сцену в образе минголки, обитательницы степей.

После очередной короткой пантомимы, она изящно присела перед приподнятой авансценой, которая была уставлена разнообразными баночками, и начала причесываться и наносить на лицо косметику, пользуясь зрительным залом как зеркалом. Скинув плащ с капюшоном, она осталась в коротком алом платье. Было удивительно наблюдать, как она накладывает на губы, веки и щеки разноцветные румяна, пудры и блестки, как скручивает свои темные волосы в высокую прическу, скрепляя ее длинными булавками, украшенными драгоценными камнями.

И тут выдержка Фафхрда подверглась серьезнейшему испытанию: кто-то с размаху залепил ему глаза пригоршней снега.

На протяжении трех ударов сердца он оставался в полной неподвижности. Затем нащупал чью-то довольно тонкую кисть и немного отодвинул ее вниз, тихонько тряся головой и стараясь проморгаться.

Пойманная кисть высвободилась, и комок снега упал за ворот вольчей шубы одного из людей Хрингорла, Хора, который сидел как раз под Фафхрдом. Странно крякнув, Хор посмотрел было вверх, но к счастью именно в этот миг Влана сняла свое алое платье и принялась умащивать соски бальзамом кораллового цвета.

Фафхрд оглянулся и увидел, что рядом с ним, чуть сзади, тоже устроившись на двух ветвях, яростно скалится Мара.

— Будь я ледовым гномом, ты был бы уже покойником! — прошипела она. — Или если бы я напустила на тебя своих четырех братьев! Зря я этого не сделала. Ты же совсем оглох, только пожирал глазами эту тощую шлюху! Я слышала, как ты сцепился из-за нее с самим Хрингорлом! И не взял в подарок золотые браслеты!

— Должен признать, дорогая, что ты подкралась ко мне очень ловко и бесшумно, — задышал ей в ухо Фафхрд, — и что ты видишь и слышишь все, что

происходит в Мерзлом Стане, и даже то, что не происходит. Но должен тебе сказать, Мара...

— Ну-ну! Теперь ты будешь говорить, что я как женщина не должна находиться здесь. Привилегия мужчин, кощунственное отношение к сексу и прочее и прочее. Так вот, ты тоже не должен здесь находиться.

После серьезных размышлений Фафхрд ответил:

— Нет, я думаю, на представление должны приходить все женщины. Они могут научиться тут кое-чему полезному.

— Скакать, как кошка в жару? Пресмыкаться, как глупая рабыня? Я тоже видела все это, пока ты был нем и глух и только пускал слюни. Вы, мужчины, готовы смеяться над чем угодно, особенно когда какая-нибудь бесстыжая сука выставляет напоказ свои костлявые телеса и делает вас краснорожими, задыхающимися похотливыми козлами!

Жаркий шепот Мары становился опасно громким и мог привлечь внимание Хора и его соседей, однако удача вмешалась и на сей раз: под барабанную дробь Влана упорхнула со сцены, и зазвучала дикая, тонкая, какая-то подпрыгивающая мелодия — это к однорукому минголу пришла на помощь юная илтхмарка, игравшая на флейте с ноздревым звукоизвлечением.

— Я не смеюсь, дорогая моя, — немного снисходительно зашептал Фафхрд, — не пускаю слюни, не багровею и не задыхаюсь, как ты, надеюсь, заметила. Нет, Мара, я здесь только потому, что хочу побольше узнать о цивилизации.

Девушка посмотрела на Фафхрда, и ее ухмылка вдруг перешла в нежную улыбку.

— Знаешь, мне кажется, ты действительно веришь в то, что говоришь, невероятное ты мое дитя, — задумчиво шепнула она. — Если, конечно, считать, что упадок, называемый цивилизацией, может для кого-то представлять интерес, а скачущая девка может быть выразительницей ее откровений или, вернее, отсутствия таковых.

— Я не верю, я просто знаю это, — ответил Фафхрд, не обращая внимания на остальные слова Мары. — Весь мир считает так, а мы должны сидеть, тупо уставившись в свой Мерзлый Стан? Смотри вме-

сте со мною, Мара, и набирайся мудрости. В танцах этой актрисы — культура всех стран и времен. Сейчас она изображает женщину Земли Восьми Городов.

Возможно, Мара начала понемногу сдавать свои позиции. А может, дело было в том, что все ее внимание привлек новый костюм Вланы — узкая зеленая блузка с длинными рукавами, свободная голубая юбка, красные чулки и желтые туфельки, — а также то обстоятельство, что от быстрого танца на шее у актрисы вздулись жилы и участилось дыхание. Во всяком случае снежная девушка пожала плечами и, снисходительно улыбнувшись, прошептала:

— Что ж, должна признать, что во всем этом есть некий отталкивающий интерес.

— Я так и знал, что ты поймешь, дорогая. Ты ведь в два раза умнее любой женщины нашего племени, да и мужчины тоже, — заворковал Фафхрд, нежно, но несколько рассеянно поглаживая девушку и устремив взгляд на сцену.

Затем, все так же молниеносно переодеваясь, Влана изобразила гурию востока, чопорную квармаллийскую королеву, томную наложницу Царя Царей, надменную ланкмарскую даму в черной тоге. Последнее было сценической вольностью: тогу в Ланкмаре носили только мужчины, однако этот род одежды был во всем Невоне как бы символом Ланкмара.

Между тем Мара лезла вон из кожи, пытаясь разделить причуду своего нареченного. Сначала она была искренне увлечена и мысленно отмечала подробности нарядов Вланы, штрихи ее поведения, которые она могла бы перенять не без пользы для себя. Но затем у нее постепенно появилось ощущение, что эта старая по сравнению с ней женщина неизмеримо выше нее в смысле подготовки, знаний и опыта. Научиться играть и танцевать так, как это делала Влана, можно лишь путем долгих и усиленных занятий. И как, а главное, где может снежная девушка носить такие наряды? Чувство собственной неполноценности уступило место зависти, а потом и злобе.

Цивилизация отвратительна, Влану следует прогнать плеткой из Мерзлого Стана, а Фафхрду нужна женщина, которая устроила бы ему нормальную жизнь и не давала бы разгуляться его воображению. Не мать, разумеется — эта ужасная, со склонностью

к кровосмешению женщина, поедом евшая собственного сына, а роскошная и практичная молодая жена. Например, она, Мара.

Она начала внимательно наблюдать за Фафхрдом. Он вовсе не походил на потерявшего голову самца, напротив, выглядел холодным как лед, однако при этом не отрывал глаз со сцены. Мара напомнила себе, что некоторые мужчины умеют ловко скрывать свои чувства.

Влана сбросила тогу и осталась в сетчатой тунике из тонюсеньких серебряных проволочек. В месте каждого их пересечения висел маленький серебряный колокольчик. Актриса качнулась, и колокольчики зазвенели, словно серебряные птички, сидящие на дереве и поющие гимн телу Вланы. Теперь она казалась по-девичьи стройной, ее большие глаза сверкали сквозь пряди волос таинственными намеками и призывами.

Несмотря на всю выдержку Фафхрда, дыхание его участилось. Выходит, его сон в палатке у минголов был вещим! Его внимание, которое до этого улетело в страны и века, которые изображала в танце Влана, теперь сосредоточилось на ней и превратилось в желание.

На сей раз его самообладание подверглось еще более тяжкому испытанию: Мара безо всякого предупреждения схватила его за промежность.

Но продемонстрировать свое самообладание во всем блеске он не успел, так как Мара отдернула руку и, воскликнув: «Грязная скотина! Ты ее хочешь!», садануло его кулаком в бок, прямо под ребро.

Балансируя на ветках, Фафхрд попытался поймать ее за кисти. Мара пробовала ударить его еще и еще. Сосновые ветви затрещали, вниз посыпались иголки и снег.

Отвесив Фафхрду очередную затрещину по уху, Мара соскользнула грудью с веток, продолжая цепляться за них ногами.

Пробормотав: «Чтоб тебя приморозило, сука!», Фафхрд схватился рукой за самую толстую ветку и свесился вниз, пытаясь поймать Мару за предплечье.

Те, кто смотрел на них снизу — а такие уже нашлись, несмотря на большую соблазнительность происходящего на сцене, — видели две сцепившиеся фи-

гуры в белом и две светловолосых головы, свесившиеся с ветвистого потолка, словно их обладатели собирались нырнуть вниз ласточкой. Через несколько секунд, не переставая бороться, фигуры скрылись за ветвями.

Старейший мужчина Снежного клана заорал:

— Святотатство!

Другой, помоложе, поддержал:

— Они подглядывают! Выбросить их отсюда!

Его призыв несомненно был бы поддержан, так как четверть зрительного зала была уже на ногах, если бы не Эссединекс, наблюдавший за публикой через дырочку в ширме и умевший как никто справляться с беспорядками в зале. Он ткнул пальцем в стоявшего у него за спиной мингола и выбросил над головой руку ладонью вверх.

Музыка заиграла громче. Радался медный звон тарелок. Совершенно голые сестры-минголки и илтхмарка выскочили на сцену и принялись скакать вокруг Вланы. К ним тут же подковылял толстый восточный человек и поджег свою бороду. Все лицо его мгновенно оказалось в ореоле голубого пламени. Он не гасил его — с помощью мокрого полотенца, которое было у него с собой, — пока Эссединекс громко не прошептал в дырочку:

— Достаточно. Они снова у нас в руках.

Черная борода укоротилась наполовину. Артистам нередко приходится идти на большие жертвы, которых не только всякие мужланы, но даже их собратья по ремеслу не могут оценить по достоинству.

Пролетев последнюю дюжину футов по воздуху, Фафхрд приземлился в высокий сугроб, наметенный у Зала Богов, и в ту же секунду Мара тоже оказалась внизу. Они стояли друг напротив друга, провалившись по щиколотку в наст, на котором горбатая луна рисовала узоры из света и тени.

Фафхрд спросил:

— Мара, кто тебе наплел, что я сцепился с Хрингорлом из-за актрисы?

— Вероломный развратник! — воскликнула в ответ девушка и, саданув Фафхрда в глаз, бросилась стремглав к женскому шатру, захлебываясь в рыданиях и крича: — Все скажу братьям! Вот увидишь!

Фафхрд попрыгал немного от боли, бросился было за Марой, но шага через три остановился как вко-

панный, приложил пригоршню снега к горящему глазу, и когда боль немного успокоилась, начал думать.

Осмотревшись вокруг с помощью здорового глаза и никого не обнаружив, он дошел до купы вечнозеленых деревьев у края пропасти, спрятался в их гуще и продолжил размышления.

Слух говорил ему, что представление в Зале Богов идет полным ходом. До него доносились смех и ликующие возгласы, порой заглушавшие даже неистовую музыку барабана и флейты. Зрение — второй глаз уже вернулся в строй — говорило, что поблизости никого нет. Фафхрд взглянул на актерские шатры, стоявшие у того конца Зала Богов, где начиналась новая дорога на юг, потом перевел взгляд на конюшни позади шатров, затем на шатры торговцев за конюшнями. После этого взор Фафхрда вернулся к ближайшему шатру — тому самому, в котором жила Влана. Он был покрыт толстым слоем изморози, посверкивавшей в лунном свете; казалось, что по его крыше, как раз под веткой вечнозеленого платана, ползет гигантский ледянистый червь.

Фафхрд заскользил к шатру по искрящемуся насту. Узел, которым была завязана шнуровка на входе, не был освещен и казался на ощупь незнакомым. Тогда Фафхрд обошел палатку, выдернул из земли два колышка, змеей прополз под низом шатра и, оказавшись под висевшей на вешалках одеждой Вланы, сунул колышки назад, встал, отряхнулся и, пройдя несколько шагов, улегся на ложе актрисы. Тлеющие уголья в жаровне струили легкое тепло. Немного полежав, Фафхрд нагнулся к столику и налил себе кубок бренди.

Наконец он услышал голоса. Они приближались. Пока снаружи кто-то расшнуровывал вход, Фафхрд нащупал нож и приготовился натянуть на себя большой ковер.

Со смехом, но решительно проговорив: «Нет-нет», Влана поспешно вступила в шатер спиною вперед, закрыла клапан и, стянув шнуровку, оглянулась.

Едва Фафхрд успел заметить на ее лице изумление, как оно сменилось приязненной улыбкой, из-за которой нос девушки забавно сморщился. Отвернувшись от Фафхрда, она тщательно подтянула шнуровку входа и завязала узел. Затем подошла к ложу и встала

на колени перед Фафхрдом. Перестав улыбаться, она устремила на молодого человека таинственный задумчивый взгляд, он попытался ответить ей тем же. На актрисе был надет мингольский плащ с капюшоном.

— Итак, насчет награды ты все же передумал, — спокойно, даже суховато проговорила она. — А вдруг я тоже передумала — откуда ты знаешь?

В ответ на первую фразу девушки Фафхрд молча покачал головой. Затем, помолчав, добавил:

— Тем не менее я выяснил, что хочу тебя.

— Я видела, как ты наблюдал за представлением с... с галерки, — сообщила Влана. — Ловко придумано. А что это за девушка была с тобой? Или это был парень? Я толком не разглядела.

Слова Вланы Фафхрд оставил без внимания и вместо ответа спросил:

— И еще я хочу задать тебе кое-какие вопросы относительно твоих искуснейших танцев и... игры на сцене в одиночестве.

— Пантомимы? — подсказала Влана.

— Ну да, пантомимы. И мне нужно поговорить с тобою о цивилизации.

— Да, верно, утром ты спрашивал меня, сколько языков я знаю, — проговорила Влана, глядя на стенку шатра мимо Фафхрда. Было ясно, что она тоже любит поразмышлять. Взяв у него кубок с бренди, она отпила половину и вернула кубок Фафхрду.

— Ну, хорошо, — все с тем же выражением наконец проговорила она. — Я сделаю все как ты хочешь, милый мальчик. Но сейчас не время. Уходи и возвращайся, когда зайдет звезда Шадах. Разбудишь меня, если я задремлю.

— Но ведь это будет всего за час до рассвета, — ответил Фафхрд. — Мне будет холодновато так долго ждать в снегу.

— Не надо ждать в снегу, — поспешно отозвалась Влана. — Закоченевший ты мне не нужен. Иди туда, где тепло. Чтобы не уснуть, думай обо мне. И не пей слишком много вина. А теперь ступай.

Фафхрд встал и попытался было обнять девушку. Та отпрянула со словами:

— Потом. Потом — что угодно. — Фафхрд направился к двери, но девушка покачала головой и ска-

зала: — Тебя могут увидеть. Уходи тем же путем, каким вошел.

Вновь проходя мимо Влаиы, Фафхрд задел за что-то головой. Потолок шатра между двумя средними дугами прогнулся внутрь, а сами дуги искривились от давившего на них сверху веса. На мгновение Фафхрд съежился, готовый схватить Влану и отскочить в сторону, но потом принялся методически наносить удары по вздутиям на потолке. Послышался громкий треск и звон: наросшие на крыше шатра кристаллы льда, напомнившие ему гигантского червя — теперь они, должно быть, походили уже на гигантскую снежную змею! — ломаясь, скатывались вниз.

Фафхрд заметил:

— Не любят тебя снежные женщины. Да и моей матушке Море ты не приглянулась.

— Неужто они думают, что я испугаюсь какого-то льда? — презрительно осведомилась Влана. — Мне ведь доводилось видеть восточную огненную ворожбу, перед которой эти жалкие потуги...

— Но сейчас ты находишься на их территории и во власти их стихии, а она более жестока и таинственна, чем огонь, — перебил актрису Фафхрд, сбивая последние вздутия, так что дуги шатра снова встали как надо и кожа между ними натянулась. — Не следует недооценивать их могущество.

— Спасибо, что не дал моему шатру обрушиться. А теперь ступай, и поскорее.

Влана говорила вполне непринужденно, но ее большие глаза были задумчивы.

Перед тем как нырнуть под заднюю стенку, Фафхрд оглянулся. Влана снова сидела, уставившись перед собою и держа в руке пустой кубок, однако, заметив его движение, ласково улыбнулась и послала Фафхрду воздушный поцелуй.

Снаружи тем временем стало еще холоднее. Тем не менее Фафхрд снова направился в свои любимые вечнозеленые заросли, поплотнее завернулся в шубу, надвинул на лоб капюшон, стянул его тесемкой и уселся лицом к шатру Влаиы.

Когда холод начал забираться под его меховые одежды, он стал думать о Влане.

Внезапно он резко сел на корточки, готовясь вытащить из ножен кинжал.

Держась по возможности в тени, к палатке Вланы крался какой-то человек. Одет он был во все черное.

Фафхрд неслышно приблизился.

В неподвижном воздухе послышалось тихое царапанье ногтя о кожу шатра.

Из открывшегося входа блеснул тусклый луч света.

Этого было достаточно, чтобы Фафхрд узнал Великса-Хвата, который вошел в шатер, после чего раздался шорох затягиваемой шнуровки.

Отойдя шагов на десять от шатра, Фафхрд остановился и замер дюжины на две вдохов, затем начал осторожно обходить шатер, держась на том же расстоянии.

Через вход высокого конусообразного шатра Эссединекса пробивался слабый свет. Чуть дальше, в конюшне, дважды заржала лошадь.

Фафхрд присел и заглянул в низкий освещенный вход шатра, находившийся от него на расстоянии брошенного ножа. Покрутив головой вправо и влево, он различил напротив входа стол, заставленный кувшинами и кружками.

По одну сторону стола сидел Эссединекс, по другую — Хрингорл.

Поглядывая, не сторожит ли где-нибудь поблизости Хор, Харракс или Хрей, Фафхрд обошел шатер и приблизился к задней стенке, на которой слабо вырисовывались силуэты двух мужчин. Высвободив из-под капюшона ухо, он приложил его к коже шатра.

— Три золотых слитка, больше не дам, — прозвучал уверенный голос Хрингорла, гулко отдававшийся в натянутой коже.

— Пять, — отозвался Эссединекс, и тут же булькнуло льющееся в глотку вино.

— Послушай, старик, — хрипло и грозно проговорил Хрингорл. — Ты мне вообще-то не нужен. Я могу сам умыкнуть девицу и не заплатить тебе ни гроша.

— Ну нет, капитан Хрингорл, так дело не пойдет, — прозвучал веселый голос Эссединекса. — Ведь в таком случае мой театр никогда больше не приедет в Мерзлый Стан, и вашим соплеменникам это может не понравиться. И девушек от меня вы больше не получите.

— Ну и что? — беспечно ответил пират. Его слова прозвучали неотчетливо, поскольку сопровождались хорошим глотком вина, однако Фафхрд все же уловил в них некоторую напряженность. — У меня есть мой корабль. Я могу прямо сейчас перерезать тебе глотку и похитить девицу.

— Милости прошу, — радостно согласился Эссединекс. — Только позвольте мне глотнуть еще разок.

— Ну ладно, старый скупердяй. Четыре слитка.

— Пять.

Хрингорл цветисто выругался.

— Когда-нибудь ты доведешь меня, старый сводник. К тому же девица уже не первой молодости.

— И тем большее удовольствие она может доставить. Я вам рассказывал, что она была в обучении у колдунов Азорки? Они хотели сделать ее наложницей Царя Царей и своей шпионкой при дворе Горбориксов. Ну вот, она научилась всевозможным эротическим премудростям, а потом очень ловко смылась от этих мерзких некромантов.

Хрингорл расхохотался с деланной беспечностью.

— Да я и серебряного слитка не заплачу за девку, которой до меня владели дюжины. Она ж просто забава для мужиков.

— Не дюжины, а сотни, — поправил Эссединекс. — Сами знаете, искусство приходит лишь с опытом. И чем обширнее опыт, тем больше искусство. Но эта девушка вовсе не забава. Она наставница и педагог, она играет с мужчиной ради его удовольствия и способна заставить его почувствовать себя королем вселенной, а быть может, — кто знает? — и стать таковым. Разве существует невозможное для девушки, которая посвящена в наслаждения богов — да-да, богов и архидемонов? А между тем — вы можете не верить, но это правда, — между тем она в известном смысле осталась девственницей. Ни один мужчина не подчинил ее себе.

— Ну это мы еще посмотрим! — расхохотавшись, воскликнул Хрингорл. Снова забулькало вино. Пират заговорил потише: — Ладно, ростовщик, пять золотых слитков. Доставишь мне ее завтра, после представления. Золото по получении.

— Через три часа после представления, когда девушка уснет и все будет тихо. Не нужно понапрасну вызывать ревность ваших соплеменников.

— Лучше через два часа. Договорились? А теперь о наших делах на будущий год. Мне понадобится чернокожая девица, чистокровная клешитка. Но уже не за пять слитков. Никаких колдовских чудес мне больше не нужно, только молодость и красота.

— Поверьте, — отозвался Эссединекс, — узнав и — да сопутствует вам удача! — покорив Влану, вы других женщин и видеть не захотите. Нет, конечно, я полагаю...

Фафхрд отбежал на несколько шагов от шатра и встал, широко расставив ноги: он чувствовал какое-то странное головокружение — а может, это был хмель? Он давно уже догадался, что разговор шел о Влане, однако когда ее имя было произнесено вслух, расстроился гораздо сильнее, чем ожидал.

Два открытия, последовавшие одно за другим, наполнили его смешанным чувством, какого раньше он никогда не испытывал: всесокрушающей яростью и желанием расхохотаться во все горло. Ему захотелось иметь длиннющий меч, которым он мог бы вспороть небеса и выгнать обитателей рая из их постелей. Ему захотелось отыскать зажигаемые перед представлением ракеты и выстрелить ими в шатер Эссединекса. Ему захотелось обрушить Зал Богов со всеми его соснами и протащить его по актерским шатрам. Ему захотелось...

Фафхрд повернулся и быстро зашагал к конюшне. Единственный конюх храпел на охапке соломы рядом с легкими санками Эссединекса; подле него стоял пустой кувшин. Фафхрд скверно ухмыльнулся, обратив внимание на то, что лошадь, которую он знает лучше других, принадлежит Хрингорлу. Он отыскал хомут и свернутую кольцами легкую, прочную веревку. Затем, что-то тихонько приговаривая, чтобы лошадь не тревожилась, вывел ее из стойла. Конюх лишь захрапел еще громче.

Тут Фафхрду на глаза снова попались легкие санки. В него вдруг вселился бес риска, и он принялся отвязывать задубевший просмоленный брезент, которым было прикрыто место для груза, помещавшееся за сиденьями. Среди прочего там находился запас

ракет для представления. Фафхрд отобрал три самые большие — они были длиной с лыжную палку — и не спеша водворил брезент на место. Он все еще ощущал дикую тягу к разрушению, но теперь по крайней мере мог ею управлять.

У конюшни Фафхрд надел на лошадь хомут и крепко привязал к нему конец веревки. На другом ее конце он сделал большую скользящую петлю. Затем, свернув веревку и сунув ракеты под мышку, он неуклюже сел на кобылу и пустил ее шагом к шатру Эссединекса. На его стенке все еще смутно вырисовывались силуэты двух мужчин, сидящих за столом.

Фафхрд раскрутил петлю над головой и бросил. Она опустилась на верхушку шатра совершенно бесшумно, так как Фафхрд сразу выбрал слабину и веревка не успела стукнуть о крышу.

Петля затянулась на верхушке среднего столба, подпирающего шатер. Сдерживая возбуждение, Фафхрд направил лошадь по искрящемуся снегу в сторону леса, на ходу вытравливая веревку. Когда в руке у него осталось всего четыре витка, Фафхрд пустил кобылу рысцой. Он сидел, вцепившись руками в хомут и крепко сжимая ногами бока лошади. Веревка натянулась, но кобыла уперлась и пошла дальше. Позади послышался ласкающий душу приглушенный треск. Фафхрд победно расхохотался. Лошадь рывками двигалась вперед. Оглянувшись, Фафхрд увидел, что шатер ползет за ними по снегу, блеснул огонь, раздались крики гнева и удивления. Фафхрд снова расхохотался.

На опушке леса он вытащил нож и хватил им по веревке. Затем, спрыгнув на землю, он одобрительно прогудел что-то в ухо лошади, шлепнул ее по крупу, и она потрусила в сторону конюшни. Фафхрд подумал было выстрелить ракетами по упавшему шатру, однако нашел, что это испортит всю картину. Зажав их под мышкой, он краем леса направился домой. Он шел легко, заметая следы сосновой лапой, а где мог, ступал по камням.

Фафхрд не ощущал больше ни подъема, ни ярости, настроение его стало подавленным. Он не испытывал больше ненависти к Велликсу или даже Влане, но цивилизация стала теперь казаться ему безвкусицей, не достойной его внимания. Нет слов, приятно, что он

опрокинул шатер на Хрингорла и Эссединекса, но это ведь жалкие мокрицы. А сам он — одинокий призрак, осужденный скитаться по Стылым Пустошам.

Быть может, ему следует двинуться лесами на север, пока он не найдет новую жизнь или не замерзнет, или надеть лыжи и попытаться перепрыгнуть через запретный провал, где нашел свою гибель Скиф, или достать меч и вызвать на поединок сразу всех приспешников Хрингорла — эти и сотни иных способов испытать судьбу роились у него в голове.

В неистовом свете луны шатры Снежного клана напоминали бледные поганки. Одни имели цилиндрическую форму с конусообразной крышей, другие очертаниями напоминали репу. Как и грибы, они не касались самыми краями земли. Пол в каждом шатре был сделан из толстого слоя лапника, покрытого шкурами и лежавшего на толстых ветвях, которые в свою очередь покоились на врытых в землю коротких столбах, благодаря чему снег внизу не таял от тепла шатра.

Громадный, древний снежный дуб с серебристым стволом, расщепленный когда-то ударом молнии и давно уже мертвый, словно палец с корявым ногтем указывал в небо рядом с шатром Моры и Фафхрда, а также рядом с могилой его отца, над которой стоял шатер. Его ставили там из года в год.

В нескольких жилых шатрах и большом женском шатре в стороне Зала Богов еще виднелся свет, однако Фафхрд не встретил ни одной живой души. Удрученно ворча, он направился к своему жилью, но, вспомнив про ракеты, свернул к мертвому дубу. Ствол его лоснился, коры уже давно не было и в помине. Оставшиеся ветви были тоже голы, коротко обломаны и начинались высоко над землей.

За несколько шагов до дерева, Фафхрд снова остановился и осмотрелся по сторонам. Убедившись в отсутствии соглядатаев, он разбежался и, в достойном леопарда прыжке, схватившись свободной рукой за нижнюю ветвь, мощным махом забросил на нее свое тело.

Легко стоя на ветви и чуть придерживаясь за ствол, он еще раз удостоверился, что вокруг никого нет, и с помощью пальцев, а, главное, ногтей, открыл в гладком, на первый взгляд, стволе дверцу высотою

с него самого, но раза в два у́же. За лыжами и палками он нащупал длинный узкий предмет, трижды обернутый в чуть промасленную тюленью кожу. Это был мощный лук и колчан с длинными стрелами. Фафхрд присовокупил к ним ракеты, и, снова завернув все в тюленью кожу, сунул сверток в дупло, закрыл потайную дверцу, спрыгнул на снег и тщательно замел все следы.

Входя к себе в шатер, он снова почувствовал себя призраком, тем более что перемещался совершенно бесшумно. Запахи дома показались Фафхрду неприятными, однако невольно успокоили его: пахло мясом, стряпней, застарелым дымом, шкурами, потом, ночным горшком, кисло-сладким запахом самой Моры. Пройдя по пружинящему под ногами полу, он не раздеваясь улегся на свое меховое ложе. Он чувствовал, что вконец выбился из сил. Вокруг стояла мертвая тишина, даже дыхания Моры не было слышно. Перед глазами у Фафхрда возник отец — такой, каким он видел его в последний раз: посиневший, с закрытыми глазами, переломанные руки и ноги выпрямлены, пальцы с посеревшими ногтями сжимают рукоять лежащего рядом обнаженного меча, самого лучшего. Фафхрд подумал, что сейчас Нальгрон лежит в земле под шатром — тело обглодано червями до костей, меч заржавел, глаза открыты — пустые глазницы вперились в мерзлую землю. Эту картину сменил образ живого отца: он бежит, длинная волчья шуба развевается, а Мора изрыгает ему вслед предостережения и угрозы. Но скоро перед глазами у Фафхрда снова появился обглоданный скелет. Это была ночь призраков.

— Фафхрд? — тихонько окликнула Мора с другого конца шатра.

Фафхрд застыл и даже задержал дыхание. Когда же стало невмоготу, он начал медленно и бесшумно дышать через открытый рот.

— Фафхрд? — голос прозвучал чуть громче, но все равно напомнил всхлип призрака. — Я слышала, как ты вошел. Ты не спишь.

Молчать дальше не имело смысла.

— Ты тоже не спала, матушка?

— Старики спят мало.

Это неправда, подумал Фафхрд. Мора не была старухой даже по безжалостным меркам Стылых Пусто-

шей. И в то же время это была правда. Мора была стара, как племя, как сами Пустоши, стара как смерть.

Мора сдержанно заговорила — Фафхрд знал, что она лежит на спине, уставясь в потолок:

— Я хочу, чтобы ты взял Мару в жены. Без особой радости, но хочу. В доме не помешает еще одна пара сильных рук — ведь ты вечно грезишь наяву, и мысли твои витают в облаках, словно стрелы, наугад выпущенные в небо, ты постоянно слоняешься неизвестно где или бегаешь за актрисами и тому подобной раззолоченной дрянью. К тому же у Мары будет от тебя ребенок, а ее семья пользуется известным влиянием.

— Мара сегодня беседовала с тобой? — спросил Фафхрд. Он старался говорить бесстрастно, но его голос звучал придушенно.

— Как и пристало любой девушке Снежного клана. Правда, ей следовало бы сделать это раньше. А тебе — еще раньше. Но ты унаследовал в троекратном размере скрытность своего отца вместе с его пренебрежительным отношением к семье и тягой ко всяческим бессмысленным авантюрам. В тебе, однако, эта болезнь приняла просто отталкивающую форму. Любовницами отца были ледяные вершины, а тебя тянет к цивилизации, этому вонючему гноищу жаркого юга, где нет морозов, чтобы наказывать тех, кто предается безумствам и роскоши, не соблюдая никаких приличий. Но ты еще увидишь: существует ведовской холод, который может достать тебя в любом уголке Невона. Когда-то лед сполз вниз и накрыл собою все жаркие страны в наказание за процветавшие там зло и разврат. А туда, где лед побывал хоть раз, его с помощью колдовства можно наслать снова. Тебе придется поверить в это и избавиться от своей болезни, иначе ты почувствуешь правоту моих слов на своей шкуре, как почувствовал ее твой отец.

Фафхрд хотел было обвинить мать в убийстве мужа, на что он утром только слегка намекнул, однако слова застряли у него — не в горле, а прямо в мозгу, в который вторглось нечто постороннее. Мора уже давно заледенила его сердце. А вот теперь она добралась и до мозга, внедряя в его самые сокровенные мысли мельчайшие кристаллики, которые искажали все вокруг и не давали Фафхрду пользоваться един-

ственным имеющимся у него против матери оружием: хладнокровным исполнением долга, подкрепленным трезвым рассудком, позволявшим ему еще как-то держаться. Фафхрд почувствовал себя так, словно его навеки замкнули в мир стужи, где лед, нравы и мысли были одинаково жесткими.

И будто чувствуя свою победу и желая немного насладиться ею, Мора проговорила тем же мертвым рассудочным голосом:

— Да, твой отец теперь горько сожалеет о Гран-Ханаке, Белом Зубе, Ледяной Королеве и прочих своих высокогорных пассиях. Они ему уже ничем не помогут. Они забыли о нем. А он смотрит и смотрит безглазыми глазницами на дом, который он презирал и к которому теперь так стремится — такой близкий и такой невообразимо далекий дом. Костями пальцев он слабо скребет мерзлую землю, тщетно пытаясь выскользнуть из-под ее гнета...

И тут Фафхрд услышал тихое царапанье — должно быть, заледенелая ветка терлась о кожу шатра, — но волосы его встали дыбом. Он попытался подняться, но обнаружил, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Тьма вокруг него придавила его к постели. Он подумал, что Мора уже заколдовала его, и он сам уже лежит под землей рядом с отцом. Но на него давил груз гораздо больший, чем просто вес восьми футов мерзлой земли. Это был гнет всех убийственных Стылых Пустошей, всех табу и высокомерной ограниченности Снежного клана, гнет пиратской алчбы и грубой похоти Хрингорла, гнет веселой самовлюбленности и живого, но ограниченного ума Мары, и все это было придавлено весом Моры, которая, плетя сети ворожбы, быстро шевелила пальцами и на их кончиках при этом вырастали кристаллики льда.

И тут Фафхрд подумал о Влане.

Быть может, ему помогла вовсе и не мысль о Влане. Быть может, какая-то звезда, оказавшись над узким дымовым отверстием шатра, попала своей крошечной серебряной стрелой прямо в зрачок Фафхрда. Быть может, он так долго лежал затаив дыхание, что оно внезапно вырвалось у него из груди и легкие механически вдохнули новую порцию воздуха, благодаря

чему Фафхрд понял, что его мускулы все же способны двигаться.

Как бы там ни было, он вскочил и бросился к выходу. Почти физически ощущая на себе ледяные и острые пальцы Моры, он не стал терять время и развязывать шнуровку, а просто рванул закостеневшей правой рукой старую кожу и буквально вышрыгнул наружу, так как объеденные червями руки Нальгрона уже тянулись к нему из узкого пространства между мерзлой землей и приподнятым полом шатра.

И тут Фафхрд побежал, как не бегал никогда прежде. Он бежал так, будто на пятки ему наступали все призраки Стылых Пустошей, и в каком-то смысле так оно и было. Миновав последние темные жилые шатры и чуть позванивающий женский шатер, он устремился вверх по пологому косогору, посеребренному лунным светом и ведущему к обрыву перед каньоном Пляшущих Троллей. Он чувствовал жажду броситься в пропасть — и будь что будет: возможно, воздух подхватит его и унесет на юг, а возможно, швырнет в мрак забытья; несколько секунд Фафхрду казалось, что третьего не дано.

Он не столько убегал от холода и его морозящих кровь в жилах, сверхъестественных ужасов, сколько стремился к цивилизации, мечта о которой опять сияла у него в мозгу ярким символом, ответом на любую ограниченность.

Потом Фафхрд побежал уже немного медленнее, и к нему стал постепенно возвращаться рассудок: он стал озираться, опасаясь не только демонов и привидений, но и запоздалых прохожих.

На западе, над верхушками деревьев он увидел звезду Шадах.

К Залу Богов Фафхрд приблизился уже шагом. Он прошел между ним и кромкой каньона, который больше уже не манил его в свои бездны.

Он обратил внимание, что шатер Эссединекса снова стоит на месте и в нем опять горит свет. Снежный червь над шатром Вланы исчез. Ветка платана над ним искрилась в лунном свете от инея.

В шатер он проник с заднего входа и без предупреждения: молча вытащил расшатанные клинья и полез под стенку и вешалку с одеждой, держа наготове в правой руке кинжал.

Влана спала в одиночестве, лежа навзничь на своем ложе; красное шерстяное одеяло закрывало ее до подмышек. Светильник едва теплился тусклым желтоватым светом, однако достаточно, чтобы понять, что в шатре больше никого нет. От недавно разожженной жаровни струилось тепло.

Фафхрд спрятал нож и остановился, глядя на актрису. Руки у нее казались очень тонкими, пальцы были длинными, ладони — чуть широковаты. Ее лицо с закрытыми глазами выглядело совсем маленьким на фоне копны разметавшихся каштановых волос. Однако оно сохраняло выражение благородства и мудрости; большие влажные губы, недавно и тщательно накрашенные, возбуждали и манили Фафхрда. Кожа девушки лоснилась от притираний. В воздухе витал аромат ее духов.

На какой-то миг поза Влана напомнила Фафхрду о Море и Нальгроне, но эта мысль тут же растворилась в тепле раскалившейся жаровни, напоминавшей маленькое кованое солнышко, в богатстве тканей и изяществе всевозможных достижений цивилизации вокруг него, в самой красоте и милой грации Влана, о которой девушка помнила, казалось, даже во сне. Влана была символом цивилизации.

Фафхрд отошел к вешалке, разделся и аккуратно сложил свое платье. Влана не проснулась, по крайней мере глаз так и не открыла.

Немного спустя Фафхрд вылез из-под красного одеяла, чтобы помочиться, а залезая назад, проговорил:

— Теперь расскажи мне о цивилизации и о твоей роли в ней.

Влана отхлебнула вина, принесенного ей на обратном пути Фафхрдом, сладко потянулась и положила ладони под затылок.

— Ну, начнем с того, что я не принцесса, хотя одно время и любила, чтобы меня так называли, — непринужденно заговорила она. — Должна тебе сообщить, милый мальчик, что ты овладел даже не дамой. Что же касается цивилизации, то она смердит.

— Верно, — согласился Фафхрд, — я овладел самой искусной и замечательной актрисой во всем Не-

воне. Но почему ты считаешь, что от цивилизации дурно пахнет?

— Полагаю, что разочарую тебя еще сильнее, миленький, — сказала Влана и машинально потерлась о его бок. — Иначе ты вобьешь себе в голову невесть что и станешь строить на мой счет всякие дурацкие планы.

— Если ты говоришь о том, что притворялась шлюхой, чтобы обучиться эротическим искусствам и прочим премудростям... — начал Фафхрд.

Девушка удивленно взглянула на него и довольно резко перебила:

— По известным меркам я даже хуже шлюхи. Я воровка. Да, я срезала кошельки и обчищала карманы, обирала пьяных, грабила и перерезала глотки. Родилась я на ферме, поэтому по происхождению даже ниже охотника, который живет, убивая зверей, не пачкает руки в земле и собирает урожай только с помощью меча. Когда благодаря крючкотворству законников у родителей отобрали их клочок земли, чтобы присоединить его к одной из гигантских принадлежащих Ланкмару ферм, на которых трудились рабы, и родители в результате умерли с голода, я решила, что возьму свое с торговцев зерном. Город Ланкмар будет меня кормить, и хорошо кормить, а взамен получать шишки да царапины. Ну, я и отправилась в Ланкмар. Там встретилась с одной умненькой девочкой, которая думала примерно как я, и была довольно опытной. В течение двух лун или даже больше все шло замечательно. Мы работали во всем черном и называли себя «Черным дуэтом».

Для прикрытия мы танцевали, главным образом на закате, пока не появятся серьезные клиенты. Потом стали также показывать пантомимы — нас обучал некий Хинерио, спившийся, но когда-то знаменитый актер — самый милый и обаятельный из старикашек, что клянчат на выпивку с утра и ухитряются приголубить девушку вчетверо моложе себя по вечерам. Короче, как я уже сказала, все шло хорошо, пока я нос к носу не столкнулась с законом, примерно так же как мои родители. Нет, милый мальчик, я имею в виду не суд сюзерена, не его тюрьмы, дыбы, плахи и топоры, хотя это и вопиющий стыд. Нет, я преступила закон, который старше самого Ланкмара, и стол-

кнулась с еще более безжалостным судом. Словом, нас с подругой в конце концов разоблачил Цех Воров — древнейшая организация, имеющая свои отделения в каждом городе цивилизованного мира, которая принципиально не принимает в свои ряды женщин и очень не любит воров-одиночек. Еще на ферме я слышала об этом цехе и в своей невинности полагала, что удостоюсь чести войти в него, однако потом услышала их любимое изречение: «Лучше подарить поцелуй кобре, чем секрет женщине». Да будет тебе известно, милый мой ученик школы цивилизации, что если Цеху нужны женщины в качестве приманки, для отвлечения внимания и тому подобного, он нанимает их за почасовую оплату в Цехе Шлюх.

Мне повезло. В тот час, когда меня намеревались медленно задушить на какой-то улочке, я заскочила домой, чтобы взять забытый ключ, и споткнулась о труп своей подруги. Я зажгла светильник в нашей комнатке с закрытыми наглухо ставнями и увидела искаженное болью лицо Вайлис и врезавшийся ей глубоко в шею красный шнурок. Но самая дикая ярость и самая ледяная злоба — о страхе, из-за которого у меня подгибались колени, я уж не говорю — нахлынули на меня, когда я увидела, что они задушили и старика Хинерио. Мы с Вайлис по крайней мере были для них конкурентками, поэтому по вонючим меркам цивилизации тут все в порядке, но Хинерио даже не подозревал, что мы воровки. Он просто полагал, что у нас есть другие любовники или, скажем так, клиенты.

Из Ланкмара меня словно ветром сдуло, и я все время опасалась погони и в Илтхмаре встретилась с трупой Эссединекса, направлявшейся на гастроли на север. По счастью ей нужен был ведущий мим, а мое искусство вполне удовлетворило Седди.

Тогда же я поклялась утренней звездой, что отомщу за гибель Вайлис и Хинерио. И рано или поздно я это сделаю! Все как следует обдумаю, найду себе помощников и новое прикрытие. Вот тогда многие крупные шишки из Цеха Воров узнают не только, как чувствует себя человек, которому медленно стискивают глотку, но и кое-что похуже!

Но это скверная тема для такого приятного утра, любовничек, и я затронула ее только для того, чтобы

ты понял, почему тебе не стоит связываться с такой грязной и порочной особой, как я.

Прижавшись к Фафхрду, Влана легко поцеловала его в мочку уха, тот уже собрался было отплатить сторицей за эту ласку, но девушка отвела его жадные руки, обняла, так что он не мог пошевелиться, и, глядя на него своим загадочным взором, проговорила:

— Милый мальчик, небо уже стало серым, скоро оно зарозовеет, поэтому тебе следует немедленно уйти отсюда, самое позднее, после того, как мы обнимемся еще разок. Ступай-ка домой, женись на этой веселой и шустрой девчонке — теперь я уверена, что это был не парень — и живи своею собственной, прямой как стрела жизнью, подальше от мерзостей и ловушек цивилизации. Послезавтра утром труппа уезжает, и я отправлюсь дальше по своей кривой дорожке. Когда ты немножко поостынешь, то будешь испытывать ко мне лишь презрение. И не спорь, я знаю мужчин. Хотя не исключено, что именно ты станешь вспоминать меня не без удовольствия. На этот случай мой тебе совет: ни слова жене!

В свою очередь придав загадочность взгляду, Фафхрд ответил:

— Принцесса, я был ширатом, то есть морским вором, и грабил людей таких же бедных, как твои родители. А варварство ничем не лучше цивилизации. Каждый шаг нашей одеревеневшей от мороза жизни ограничен бредовыми законами богов, которые мы называем обычаями, и всяческими зловещими нелепицами, от которых никуда не деться. Моему отцу переломало все кости — это был приговор суда, который я даже назвать не смею. А обвинен он был в том, что полез на гору. У нас и убивают, и воруют и сводничают — я могу порассказать тебе такого...

Он умолк, нежно приподнял девушку, так что она повисла у него на руках, и с жаром продолжал:

— Позволь мне уйти с тобою на юг, Влана, вместе с труппой или одному. Хотя я и поющий скальд, но знаю пляску с мечом, умею жонглировать четырьмя кинжалами, с десяти шагов попадаю ножом в цель величиною с ноготь. А когда мы доберемся до Ланкмара, возможно, переодевшись северянами, рост у тебя подходящий, я стану твоей правой рукой, несущей месть. На суше я тоже умею воровать, поверь мне, и

красться за жертвой переулками так же незаметно и неслышно, как и в лесу. Я умею...

Вися у Фафхрда на руках, Влана приложила пальцы к его губам, рассеянно теребя другой рукой длинные волосы на затылке.

— Милый, — проговорила она, — я не сомневаюсь, что для восемнадцатилетнего парня ты очень смел, верен и искусен. И для своего возраста ты вполне прилично занимаешься любовью, вполне достаточно для того, чтобы удержать свою невесту, разодетую в белые меха, и даже еще нескольких девиц, если захочешь. Но несмотря на свирепость твоих речей, я — прости уж за откровенность — чувствую в тебе честность, даже благородство, порядочность и некоторую мягкость. Сподручник, который нужен мне для мести, должен быть жестоким и вероломным, как змея, и знать не хуже моего все тайны больших городов и древних цехов. И, говоря без обиняков, он должен быть моего возраста, а ты моложе меня почти на столько же лет, сколько пальцев на обеих руках. Так что поцелуй меня, милый мальчик, давай насладимся еще раз и...

Внезапно Фафхрд сел, посадил девушку боком себе на колени и обнял за плечи.

— Нет, — твердо сказал он. — Не вижу смысла еще раз подвергать тебя своим неумелым ласкам. Однако...

— Вот этого-то я и боялась, — удрученно ответила Влана. — Я вовсе не имела в виду...

— Однако, — с холодной властностью продолжал Фафхрд, — я хочу задать тебе один вопрос. Ты уже выбрала себе сподручника?

— На этот вопрос я тебе не отвечу, — отозвалась девушка, с не меньшей холодностью всматриваясь в Фафхрда.

— Его зовут?.. — начал он и осекся, вовремя удержавшись, чтобы не произнести имя Велликс.

С нескрываемым любопытством Влана ждала, что он сделает дальше.

— Ладно, — проговорил он, размыкая объятия и опираясь на руки. — Насколько я понимаю, ты пытаешься действовать в моих интересах, и я отвечу тебе тем же. То, что я тебе расскажу, является обвинением и варварству и цивилизации.

И Фафхрд поведал девушке о том, как решили поступить с ней Эссединекс и Хрингорл.

Когда он закончил, Влана от души рассмеялась, хотя, как показалось Фафхрду, немного побледнела.

— Да, я совершила промашку, — заметила она. — Стало быть, вот почему мое, в известном смысле довольно изысканное искусство сразу удовлетворило грубым вкусам Седди, вот почему для меня нашлось место в трупе, вот почему он не настаивал, чтобы я после представлений торговала своим телом в его пользу, как обязаны делать другие девушки. — Пристально взглянув на Фафхрда, Влана продолжала: — Ночью какие-то шутники опрокинули шатер Седди. Часом, уж не ты ли?

Фафхрд кивнул.

— Ночью у меня было необычное настроение, веселое и в то же время отчаянное.

Девушка радостно рассмеялась и вновь пристально посмотрела на него.

— Выходит, ты не пошел домой, когда я отправила тебя отсюда после представления?

— Пошел, но не сразу, — ответил Фафхрд. — Я остался и решил понаблюдать.

Влана взглянула на него нежно, немного насмешливо и как бы спрашивая: «И что же ты увидел?» Но на этот раз не упомянуть имя Велликса уже не составило для Фафхрда никакого труда.

— Значит, ты к тому же и рыцарь, — пошутила она. — Но почему ж ты сразу не рассказал мне о замысле Хрингорла? Решил, что я испугаюсь и не смогу любить тебя как следует?

— Было немножко, — признался Фафхрд, — но главное в том, что предупредить тебя я решил только сейчас. По правде сказать, я вернулся сюда, потому что боялся призраков, но потом нашлись и другие веские причины. Знаешь, перед тем как я залез к тебе в шатер, страх и одиночество — и ревность в какой-то мере тоже — пробудили во мне искушение броситься в каньон Пляшущих Троллей или надеть лыжи и попытаться совершить почти невозможный прыжок, о котором я мечтаю уже много лет...

Влана впилась пальцами в его предплечье.

— Никогда и не думай об этом, — очень серьезно проговорила она. — Цепляйся всеми силами за жизнь.

Думай только о себе. После плохих времен всегда наступают лучшие — или забвение.

— Ну да, вот мне и захотелось доверить воздуху над каньоном решить мою участь. Подхватит он меня или швырнет оземь? Однако самолюбие, которого во мне хоть отбавляй, что бы ты там ни думала, и подозрительное отношение ко всяческим чудесам подавили во мне эту дурь. А до этого я чуть было не перевернул твой шатер, прежде чем занялся шатром Эссединекса. Как видишь, во мне тоже живет зло. И скрытность, и двуличность тоже.

Влана не засмеялась, а стала задумчиво вглядываться в его лицо. В глазах у нее снова появилось загадочное выражение. Пытаясь разгадать, что за ним кроется, Фафхрд встревожился: ему показалось, что за этими большими темными зрачками он увидел не пророчицу, обозревающую вселенную с горной вершины, а купца с весами, на которых он тщательно взвешивает свой товар, время от времени помечая в книжечке старые долги, новые взятки и другие средства получить барыш.

Но это длилось всего лишь миг, и Фафхрд возрадовался, когда Влана, которую он все еще держал на руках, улыбнулась, глядя ему прямо в глаза, и сказала:

— Вот теперь я отвечу тебе на вопрос, на который не хотела, да и не могла ответить раньше. Сейчас я решила, что моим сподручником будешь ты! Ну-ка, обними меня покрепче!

Фафхрд горячо и с такой силой обхватил ее, что она вскрикнула, но не успел он основательно распалиться, как Влана оттолкнула его и задыхаясь прошептала:

— Подожди же! Прежде нам нужно все хорошенько обдумать.

— Потом, любовь моя, потом, — принялся умолять Фафхрд, пытаясь опрокинуть девушку на ложе.

— Нет! — резко воскликнула она. — Из-за этого «потом» слишком много битв проигрывается великому и грозному «слишком поздно». Если ты сподручник, то я — главарь, и ты должен меня слушаться.

— Слушаюсь и повинуюсь, — сдался Фафхрд. — Только давай поскорее.

— Когда наступит время моего похищения, мы должны быть уже далеко от Мерзлого Стана, — начала девушка. — Сегодня мне нужно будет собрать свои вещи, запастись санями, быстрыми лошадьми и провизией. Предоставь все это мне. Ты же должен сегодня вести себя как обычно, держаться от меня подальше на случай, если наши враги приставят к тебе соглядатаев, что Седди и Хрингорл скорее всего и сделают.

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласился Фафхрд. — А теперь, моя нежная...

— Наберись терпения и помолчи! На всякий случай заберись на крышу Зала Богов задолго до представления, как вчера. Меня могут попытаться похитить во время спектакля — не утерпит Хрингорл или кто-нибудь из его головорезов, либо этот пират попытается надуть Седди, чтобы не заплатить обещанного золота — а мне будет спокойнее, если ты окажешься под рукой. Когда же я уйду со сцены в тоге и серебряных колокольчиках, быстро спускайся вниз и встречай меня у конюшни. Мы скроемся в антракте между двумя отделениями, когда все будут с нетерпением ждать продолжения и не обратят на нас внимания. Ты все понял? Ты держишься от меня подальше, прячешься на крыше, встречаемся в антракте — так? Отлично! А вот теперь, дорогой мой сподручник, к черту всякую дисциплину! Забудь начисто об уважении, которое ты испытываешь к своему главарю и...

Но теперь уже Фафхрд решил помедлить. Пока Влана говорила, в нем самом проснулась тревога, и он отстранил девушку, хотя та обвила его за шею и попыталась притянуть к себе.

— Я сделаю все в точности как ты сказала, — проговорил он. — Но я хочу предупредить тебя кое о чем, это крайне важно. Как можно меньше думай сегодня о нашей затее, даже когда будешь к ней готовиться. Старайся спрятать ее за своими обычными мыслями. Я поступлю так же, будь уверена. Дело в том, что моя мать Мора прекрасно умеет читать мысли.

— Опять эта Мора! Твоя милая матушка до такой степени запугала тебя, мой дорогой, что меня так и подмывает послать все это к черту... да не отталкивай же ты меня, погоди! Ты говоришь так, словно она — королева ведьм.

— А она и есть королева ведьм, можешь не сомневаться, — угрюмо подтвердил Фафхрд. — Она — громадный белый паук, а Стылые Пустоши, как на земле, так и под землей — ее паутина, по которой мы, маленькие мушки, должны ходить очень осторожно, чтобы к ней не приклеиться. Так я нужен тебе?

— Нужен, нужен! А сейчас...

Фафхрд медленно привлек девушку к себе: так мужчина неторопливо подносит к губам мех с вином, стараясь продлить сладкую муку предвкушения. Тела возлюбленных соприкоснулись. Губы приоткрылись и замерли.

Внезапно Фафхрда буквально пронзила мертвая тишина — наверху, внизу, везде, как будто сама земля затаила дыхание. Это ему не понравилось.

Возлюбленные поцеловались, они пили друг друга взахлеб, и страх Фафхрда исчез.

Наконец губы их разъединились. Фафхрд протянул руку и пальцами загасил фитиль светильника; в темноте сразу стало видно, как холодное серебро рассвета сочится в щели шатра. Пальцы Фафхрда горели. Он удивился: зачем ему надо было гасить светильник — ведь прежде они любили друг друга при свете? Снова пришел страх.

Но он стиснул Влану в крепком объятии, где для страха уже не оставалось места.

И тут, внезапно — Фафхрд даже сам не сумел бы объяснить почему — они оба покатились к задней стенке шатра. Вцепившись в плечи девушки и обхватив ногами ее ноги, он перекатывал ее через себя, мгновенно перекатывался через нее сам — тела их так и мелькали.

Раздался громовой треск: можно было подумать, что какой-то великан ударил с размаху кулаком по промерзшей земле, и тут же потолок посередине шатра рухнул на пол, а дуги угрожающе прогнулись, туго натянув кожу.

Фафхрд с Вланой докатились до вешалки, с которой посыпалась одежда. Снова раздался страшный треск, потом что-то захрустело, как будто какое-то немыслимое чудовище отгрызало голову бегемоту. Вздрогнула земля.

Затем вдруг стало тихо, и только в ушах любовников гудело от изумления и страха. Они прижались друг к дружке, словно перепуганные дети.

Первым опомнился Фафхрд.

— Одевайся! — крикнул он Влане, прополз под стенкой шатра и, совершенно обнаженный, вылез под розовеющее небо на трескучий мороз.

На крыше шатра, прижимая ее и находившееся под нею ложе к стылой земле, лежала громадная ветка снежного платана, накрытая кучей осыпавшихся кристаллов льда.

Само дерево, лишившееся ветви-противовеса, упало в другую сторону и тоже было погребено под горою льда. Его черные, мохнатые, обломанные корни выглядели неприлично голыми.

Поднимающееся солнце окрасило кристаллы льда в розовато-телесный цвет.

Вокруг было тихо, ни над одним из шатров даже не вился дымок готовящегося завтрака. Никто будто и не заметил чудовищного чародейского удара, кроме предполагаемых жертв.

Начиная трястись от холода, Фафхрд снова скользнул в шатер. Влана послушно одевалась с присущей актерам стремительностью. Фафхрд бросился к своей одежде, так предусмотрительно сложенной в этом конце шатра. Он решил, что его действиями, должно быть, руководили боги, когда он оставлял здесь свою одежду и гасил светильник — в противном случае шатер уже загорелся бы.

Одежда показалась ему холоднее ледяного воздуха, но он знал, что это скоро пройдет.

Вместе с Вланой он снова выполз наружу. Когда они выпрямились, Фафхрд повернул девушку лицом к упавшей ветви, лежавшей среди кучи ледяных кристаллов, и проговорил:

— Теперь можешь посмеяться над колдовским могуществом моей матери, ее ведьм и всех снежных женщин вообще.

— Я вижу только ветку, которая обломилась под тяжестью льда, — с сомнением в голосе ответила Влана.

— А ты сравни, сколько льда и снега было на этой ветви и сколько на любой другой, — посоветовал

Фафхрд. — И не забудь спрятать эти мысли подальше!

Влана промолчала.

Они увидели, что со стороны торговых шатров к ним быстро приближается какая-то черная фигура. Забавно подпрыгивая, она становилась все больше и больше.

Велликс-Хват, задыхаясь, остановился и схватил Влану за руку. Едва переводя дух, он проговорил:

— Мне приснилось, что ты упала и тебя чем-то придавило. А потом я проснулся от грохота.

— Тебе приснилась почти правда, но в таком деле «почти» означает очень много, — ответила Влана.

И тут Велликс увидел Фафхрда. Гримаса гнева и ревности исказила его лицо, рука потянулась к кинжалу на поясе.

— Погоди! — резко выкрикнула Влана. — От меня и впрямь могло остаться лишь мокрое место, но этот молодой человек по каким-то признакам почувствовал, что ветка вот-вот сломается, и в последний момент выдернул меня из лап у смерти. Его зовут Фафхрд.

Откинув другую руку в сторону, Велликс превратил начатое было движение в учтивый поклон.

— Я перед вами в долгу, молодой человек, — тепло проговорил он и после небольшой паузы добавил: — за то, что вы спасли жизнь знаменитой актрисе.

Из актерских шатров к ним уже спешили люди; вдалеке, у шатров Снежного клана тоже появились фигуры, однако эти стояли неподвижно.

Прижавшись щекой к щеке Фафхрда — якобы в виде благодарности — Влана торопливо зашептала:

— Не забудь о наших планах на вечер и, главное — о побеге. Делай все, в точности как я сказала. А теперь смывайся.

Фафхрд успел вставить лишь две коротких фразы:

— Остерегайся льда и снега. Действуй не размышляя.

Влана повернулась к Велликсу и немного сдержанно, однако вполне любезно проговорила:

— Благодарю вас, сударь, за вашу заботу обо мне — как во сне, так и наяву.

Из недр поднятого воротника толстой шубы раздался ироничный голос подошедшего Эссединекса:

— Трудная нынче выдалась ночка для шатров.

Влана пожала плечами.

Окружив девушку, женская часть труппы забросала ее вопросами; все вместе, тихонько беседуя, они подошли к актерскому шатру и скрылись в нем.

Глядя вслед Влане, Велликс нахмурился и стал теребить себя за черный ус.

Актеры-мужчины разглядывали то, что осталось от шатра Вланы, и качали головами.

Тепло и дружелюбно Велликс обратился к Фафхрду:

— Я уже предлагал вам выпить бренди, а теперь мне кажется, что оно пошло бы вам на пользу. Еще со вчерашнего утра я очень хочу побеседовать с вами.

— Прошу меня простить, но стоит мне сейчас сесть, и я не услышу уже ни слова, пусть даже каждое из них будет отмечено совиной мудростью, а о глотке бренди и говорить не приходится, — вежливо ответил Фафхрд, прикрывая ладонью зевок, который был притворным лишь отчасти. — Но все равно благодарю вас.

— По-видимому, так уж мне суждено — приглашать вас в неподходящий момент, — пожав плечами, заметил Велликс. — Тогда, быть может, в полдень? Или ближе к вечеру?

— Если можно, ближе к вечеру, — ответил Фафхрд и широким шагом направился к шатрам торговцев. Велликс остался на месте.

Такого удовлетворения Фафхрд не испытывал еще никогда в жизни. Мысль о том, что уже сегодня вечером он навсегда покинет этот опротивевший снежный мир с его властными женщинами, теперь заставляла его испытывать к Мерзлому Стану чуть ли не нежность. Поосторожнее с мыслями! — одернул он себя. То ли из-за ощущения смутной угрозы, то ли из-за того, что ему страшно хотелось спать, все вокруг сделалось нереальным, словно он наблюдал какую-то сцену из далекого детства.

Осушив высокую фарфоровую кружку вина, врученную ему друзьями-минголами Заксом и Эффендритом, он позволил им отвести себя на ложе из блестящих шкур и мгновенно уснул крепчайшим сном.

После бесконечной и податливой тьмы Фафхрд наконец увидел слабый свет. Он сидел рядом со своим

отцом Нальгроном за обильным пиршественным столом, уставленным соблазнительно дымящимися яствами и крепленными винами в кувшинах из глины, камня, серебра, хрусталя и золота. За столом были и другие сотрапезники, но Фафхрд различал лишь их темные силуэты и слышал наводящий сон гул разговоров, слишком тихих, чтобы разобрать что-либо, и напоминавших журчание воды, которое время от времени переходило во взрывы смеха — словно волны прибоя накатывали на галечный берег. А звяканье ножей и ложек о тарелки походило на стук перекатываемых волнами камешков.

Нальгрон был одет в белоснежную шубу с капюшоном из меха белого медведя и увешан булавками, цепочками, браслетами и кольцами из чистого серебра; серебро поблескивало и в его волосах, что огорчило Фафхрда. В левой руке Нальгрон держал серебряный кубок, который время от времени подносил к губам, а правую руку почему-то прятал под шубой.

Нальгрон говорил о многом, говорил мудро, спокойно, почти нежно. То и дело он поглядывал на сотрапезников, однако речь его лилась так тихо, что Фафхрд понимал, что обращается он лишь к нему.

Фафхрд понимал также, что должен внимательно прислушиваться к каждому слову и стараться запомнить каждое высказывание отца, потому что Нальгрон говорил о мужестве, чести, рассудительности, о том, что нужно с осторожностью давать и крепко держать данное слово, прислушиваться к своему сердцу, ставить перед собою высокую, романтическую цель и неукоснительно стремиться к ее достижению, о честности перед самим собой, особенно в отношении своих симпатий и антипатий, о том, что надо пропускать мимо ушей страхи и придирки женщин, но охотно прощать им ревность, создаваемые ими помехи и даже самые дурные поступки, поскольку проистекают они от их безудержной любви к тебе и другим, а также о многих других вещах, весьма полезных для молодого человека, находящегося на пороге зрелости.

Но понимая все это, Фафхрд слушал отца лишь урывками, так как его очень тревожили ввалившиеся щеки Нальгрона, когда-то сильные, а теперь худые пальцы, едва державшие серебряный кубок, серебряные нити в волосах и губы, сделавшиеся из красных

чуть синеватыми, несмотря на то, что говорил и жестикулировал Нальгрон весьма оживленно, и поэтому Фафхрд выискивал на столе самые соблазнительные блюда и то и дело подкладывал отцу лакомый кусочек, дабы возбудить его аппетит.

Нальгрон же всякий раз любовно кивал и улыбался сыну, подносил кубок к губам и снова начинал говорить, так и не вынимая правой руки из-под шубы.

Пир шел своим чередом, Нальгрон начал говорить о еще более важных предметах, но Фафхрд не слышал уже почти ничего из столь ценных для него слов — так озабочен был он здоровьем отца. Теперь ему казалось, что кожа вот-вот лопнет на выступающих скулах, что светлые глаза отца запали еще глубже и под ними появились сероватые круги, что на руке, легко держащей кубок, голубоватые жилы вздулись еще сильнее; Фафхрд начал подозревать, что Нальгрон так и не выпил ни капли вина, хотя и подносил его непрестанно к губам.

— Ешь, отец, — просил Фафхрд тихим и хрипловатым от беспокойства голосом. — Хотя бы выпей немного.

И снова улыбчивый взор, кивок, еще больше любви к глазах, кубок у плотно сжатых губ, взгляд в сторону и продолжение спокойного монолога.

И тут Фафхрда объял страх: свет вокруг сделался голубым, и молодой человек понял, что никто из одетых в темное с неразличимыми лицами сотрапезников ничего, кроме кубков с вином, не подносил ко рту, хотя звон посуды не умолкал. Его тревога за отца переросла в ужас; не понимая толком, что делает, он, отогнув полу отцовской шубы, схватил его за предплечье и кисть правой руки и стал тыкать ею в сторону тарелки, полной еды.

На сей раз Нальгрон не кивнул и не улыбнулся: набычившись на Фафхрда, он ощерился так, что стали видны его зубы цвета старой слоновой кости, а из глаз его струился холод, холод, холод...

Рука, которую держал Фафхрд, была на ощупь, на вид... просто была коричневой рукою скелета.

Внезапно и страшно задрожав всем телом — особенно сильно у него затряслись пальцы, — Фафхрд с проворностью змеи отпрянул от отца.

И вот он уже не дрожал, а его трясли за плечи чьи-то сильные руки из плоти и крови, вокруг была не тьма, а полупрозрачный свет, заливавший шатер минголов, а вместо отцовского лица со впалыми щеками перед Фафхрдом было усатое, мрачное и озабоченное лицо Велликса-Хвата.

Фафхрд сонно уставился на него, потом тряхнул головой и повел плечами, чтобы поскорее очнуться и сбросить с себя руки Велликса.

Но Велликс уже сам отпустил его и присел на лежащую рядом груду мехов.

— Прошу прощения, юный воин, — серьезно проговорил он, — но мне показалось, что вам снится сон, который любой человек с радостью бы прервал.

Его тон и манера, с какой он произнес эти слова, напомнила Фафхрду его отца из недавнего кошмара. Он приподнялся на локте, зевнул и, скривившись, снова встряхнулся.

— У вас застыли тело или разум, а может, и то и другое, — заметил Велликс. — Так что нет никакого резона отказываться от обещанного мною бренди.

Он взял в одну руку две серебряные кружечки, стоявшие рядом, в другую коричневый кувшин с бренди и ловко откупорил его большим и указательным пальцами.

Фафхрд в душе помрачнел, увидев темный налет внутри кружек — кто его знает, что там может быть у них на дне или по крайней мере в одной из них. С невольной тревогой он напомнил себе, что этот человек — его соперник и тоже добивается благосклонности Вланы.

— Подождите, — остановил он Велликса, уже собравшегося было наполнить кружки. — В моем сне серебряный кубок играл скверную роль. Закс! — окликнул он мингола, стоявшего у входа в шатер. — Будь добр, дай мне фарфоровую кружку.

— Вы расцениваете свой сон как предупреждение против серебра? — с неясной улыбкой мягко осведомился Велликс.

— Нет, — ответил Фафхрд, — но он внушил мне отвращение к этому металлу, которое еще не прошло.

Его немного удивило то обстоятельство, что минголы так легко пропустили к нему Велликса. Возможно,

все трое были старыми знакомцами по торговым стоянкам. А может, дело не обошлось без подкупа.

Велликс хмыкнул и немного расслабился.

— Верно, ни слуги, ни жены у меня нет, вот я и зарос в грязи. Эффендрит! Изобрази-ка две фарфоровые кружки, чистенькие, как только что ободранные от коры березки!

Второго мингола, тоже стоявшего у двери, Велликс явно знал гораздо лучше, чем Фафхрд. Хват протянул молодому человеку одну из мгновенно появившихся у него в руках сияющих фарфоровых кружек, налил немного душистого напитка себе, щедро плеснул Фафхрду, потом долил свою кружку, словно желая продемонстрировать, что в вышивке Фафхрда не может быть яда или сонного зелья. Фафхрд, внимательно следивший за его движениями, нашел демонстрацию безупречной. Собутыльники чокнулись кружками, и, когда Велликс отпил, Фафхрд сделал большой, но осторожный и медленный глоток. Бренди приятно обожгло горло.

— Это мой последний кувшин, — весело объяснил Велликс. — Я выменял весь запас на янтарь, драгоценные камешки и прочую мелочь, и свой шатер с повозкой тоже, оставил себе лишь двух лошадей, одежду и еду.

— Я слышал, что ваши лошади самые быстрые и выносливые во всей степи, — заметил Фафхрд.

— Во всей не во всей, но для здешних мест они хороши, это точно.

— Ну, для здешних мест... — презрительно процедил Фафхрд.

Велликс посмотрел на него, как смотрел Налыгрон в первой части сна. Затем сказал:

— Фафхрд, я могу называть тебя на ты? А ты зови меня Велликс. Можно я сделаю тебе предложение? Дам совет, который дал бы своему сыну?

— Разумеется, — отозвался Фафхрд, чувствуя не только неловкость, но и тревогу.

— Здесь, в Мерзлом Стане, тебе все неймется, ты чувствуешь неудовлетворенность. Как, впрочем, и любой другой человек твоего возраста, где бы он ни жил. Тебя зовут просторы огромного мира. Тебе не сидится на месте. Но вот что я тебе скажу: чтобы выстоять в мире цивилизации и найти в нем радость, нужны

не только смекалка, осторожность и мудрость. Тут потребуется коварство, остаться с чистыми руками тебе не удастся, потому что сама цивилизация — вещь грязная. Ты не сможешь взобраться на вершины успеха, как взбираешься на гору, пусть даже сплошь покрытую льдом и опасную. Взбираясь на гору, ты должен показать себя с наилучшей стороны, а добиваясь успеха — с наихудшей, тебе придется пробудить в себе самые низменные чувства, а зачем? Я родился предателем. Мой отец жил в стране Восьми Городов, но вечно скитался с минголами. Как я теперь жалею, что сам не остался в степях, суровых, но не поддающихся растлевающим душу соблазнам Ланкмара и восточных земель.

Да, я знаю, люди здесь ограниченны, живут в тисках своих обычаев. Но по сравнению с теми, кто искорежен цивилизацией, они прямы, как сосны. С твоими способностями ты легко выбьешься здесь в вожди, причем в крупные вожди, объединишь десяток кланов и сделаешь северян мощью, с которой придется считаться другим народам. А вот тогда, если захочешь, ты сможешь помериться силами и с цивилизацией. Но уже на своих условиях.

Мысли и чувства Фафхрда напоминали в этот миг зыбь на море, хотя внешне он был невероятно спокоен. Он даже ощущал известное ликование: Велликс расценивает его шансы у Вланы достаточно высоко, раз пытается обойти его с помощью лести, не говоря уж о бренди.

Но сильнее всех этих подводных течений было довольно ясное впечатление, что Хват не во всем ходит вокруг да около, что он и вправду испытывает к Фафхрду отцовские чувства и хочет оградить его от несчастий, что в его словах о цивилизации есть правдивое зерно. Конечно, могло быть и другое: Велликс так уверен во Влане, что может позволить себе быть добрым к сопернику. И все же...

И все же Фафхрд снова почувствовал необъяснимую тревогу, которая затмила в нем все остальные ощущения.

Допив бренди, он проговорил:

— Ваш, то есть, твой совет, Велликс, стоит обдумать. Я поразмыслю над ним.

Отрицательно покачав головой и улыбнувшись в ответ на предложение выпить еще, он встал и оправил свою одежду.

— Я надеялся, что мы побеседуем подольше, — оставаясь сидеть, сказал Велликс.

— У меня есть кое-какие дела, — ответил Фафхрд. — Сердечно благодарю.

Велликс с задумчивой улыбкой посмотрел ему вслед.

На утоптанном снегу между шатрами торговцев колыхалась и гомонила толпа. Пока Фафхрд спал, там собрались практически все мужчины Ледового племени и добрая половина мужчин Морозного Братства, и теперь многие из них стояли вокруг двух солнечных костров — их прозвали так за величину и жарко полыхающие языки пламени, — жевали дымящееся мясо, смеялись и задирали друг друга. То тут, то там возникали оазисы, где бойко шла торговля; одни из них были окружены шумными кучками гуляк, в других дела проворачивались тихо — в зависимости от положения людей, занятых в операциях купли-продажи. Старые приятели, завидев друг друга, с криками протискивались сквозь толпу, непременно желая обняться. Вино лилось рекой, еда шла нарасхват, предложения делались и принимались, а еще чаще просто высмеивались. Кое-где вопили и ревели скальды.

Суета раздражала Фафхрда: ему была необходима тишина, чтобы отделить в своих мыслях Велликса от Нальгрона, победить смутные сомнения относительно Влады и оправдать цивилизацию. Он шел, как растревоженный мечтатель, хмурился и не замечал, что его то и дело задевали и толкали.

Внезапно он вздрогнул и насторожился: сквозь толпу к нему не спеша пробирались Хор и Харракс, и в глазах у них читалась решимость. Позволив толпе развернуть себя, Фафхрд заметил неподалеку Хрея — еще одного из приспешников Хрингорла.

Цель этой троицы была вполне понятна: под видом дружеской потасовки измолотить его до полусмерти, если не что-нибудь похуже.

Из-за мрачных мыслей, связанных с Велликсом, Фафхрд совсем позабыл о гораздо более явном враге

и сопернике: любящем идти напролом, но вместе с тем и хитром, Хрингорле.

Троица медленно окружала его. Фафхрду потребовалось лишь несколько секунд, чтобы разглядеть, что Хор держит в руках небольшую дубинку, а кулаки Харракса неестественно велики, словно он сжимает в них по камню или свинчатке для пущей внушительности ударов.

Фафхрд ринулся назад, словно желая проскочить между первой парочкой головорезов и Хреем, потом вдруг резко изменил направление и с душераздирающим ревом бросился в сторону костра. Все головы повернулись на крик, кое-кто из оказавшихся на его пути успел отскочить в сторону. Но люди Ледового племени и Морозного Братства успели сообразить, что происходит: за высоким парнем гонятся три каких-то здоровяка. Назревало развлечение. Мужчины сгруппировались по обеим сторонам костра, чтобы Фафхрд не смог его обогнуть. Он метнулся сперва влево, потом вправо. Мужчины, ухмыляясь, сгрудились еще теснее.

Задержав дыхание и прикрыв рукою глаза, Фафхрд прыгнул сквозь пламя. Поток горячего воздуха высоко задрал шубу у него на спине. Он почувствовал, как огонь лизнул ему руку и шею.

Когда Фафхрд приземлился, шуба его уже тлела, по длинным волосам бежало голубоватое пламя. Народу перед ним было еще больше, если не считать выметенного и покрытого коврами места под навесом между двумя шатрами, где вокруг низкого стола сидели вожди и жрецы, внимательно наблюдавшие, как купец взвешивает на весах золотой песок.

Позади раздался глухой стук, вопль, разноголосые крики:

— Беги, трус! А ну, дай им!

Где-то впереди Фафхрд разглядел красное, возбужденное лицо Мары.

И тут будущий верховный вождь Северной страны — а в этот миг он почему-то видел себя именно в этой роли — изо всех сил оттолкнулся и, все еще пламенея, ласточкой пролетел над стоящим под навесом столом, сбив по пути купца и двух вождей и опрокинув весы, так что золотой песок рассеялся на ветру, после чего с шипением погрузился в большой сугроб.

Прокатившись несколько раз по снегу, чтобы сбить остатки огня, он вскочил на ноги и молодым оленем кинулся в лес, сопровождаемый проклятиями и взрывами хохота.

Миновав с полсотни деревьев, Фафхрд резко остановился в снежной мгле и, задержав дыхание, прислушался. Мягко стучала кровь в жилах, но звуков погони слышно не было. С удрученным видом он провел пятерней по ставшим значительно короче и отдающим паленым кудрям, потом пригладил мех шубы — тоже вонючий и весь в проплешинах.

Затем он постоял немного, чтобы успокоить дыхание и вообще прийти в чувство, и во время этой паузы сделал нерадостное открытие. В первый раз в жизни лес, всегда служивший ему убежищем, шатром, комнатой с потолком из сосновых ветвей, показался ему враждебным, словно сами деревья и холодная снаружи, но горячая внутри мать-земля, в которую они вросли корнями, знали о его отступничестве, обмане, о его отречении от родных краев.

И дело было не в какой-то необычной тишине, не в том, что стали вдруг зловещими и подозрительными тихие шорохи, которые он различал в этой тишине: царапанье коготка о кору, тихие шаги мягких лап, предвещающее ночь уханье далекого филина. Все это были следствия, в крайнем случае сопутствующие обстоятельства. Дело было в чем-то непередаваемом, неощутимом, однако очень серьезном, словно насупленные брови бога. А быть может, и богини.

Фафхрд почувствовал себя безмерно подавленным. И вместе с тем его сердце никогда еще не было таким твердым.

Наконец он снова, по обыкновению бесшумно, двинулся в путь, но если прежде он шел по лесу очень легко, безо всяких усилий подмечая все, что делается вокруг, то теперь, казалось, чувствовал окружающее каждым обнаженным нервом и был похож на туго натянутый лук, словно разведчик в неприятельском стане.

И благо ему, потому что иначе он не успел бы увернуться ни от беззвучно упавшей сосульки — длинной, острой и тяжелой, словно снаряд осадной катапульты, ни от громадной облепленной снегом высохшей ветки, обломившейся с оглушительным тре-

ском, ни от броска ядовитой снежной гадюки, кольца которой были неразличимы на белом снегу, ни от удара длинных и острых когтей снежного леопарда, что, казалось, материализовался в прыжке прямо из морозного воздуха и неизвестно куда исчез, когда Фафхрд, отскочив в сторону, выхватил из ножен кинжал. Не заметил бы он и громадную западню со скользящей петлей, которая против всякого обыкновения оказалась расставленной в этой части леса и могла придушить не зайца, а целого медведя.

Фафхрд подумал: интересно, где сейчас Мора и что она там бормочет или напевает? Неужели сон о Нальгроне был вещим? Несмотря на ее вчерашнее проклятие — и еще другие, что были до этого, — а также неприкрытые угрозы, произнесенные матерью прошлой ночью, Фафхрду и в голову не могло прийти, что она хочет убить его. Но теперь волосы у него на голове встали дыбом от страшного прозрения, настороженные глаза дико и лихорадочно блестели, а из щеки, задетой гигантской сосулькой, потихоньку сочилась кровь.

Фафхрд с таким усердием высматривал везде возможные опасности, что даже немного удивился, когда обнаружил, что стоит на прогалине, где он еще вчера обнимался с Марой, прямо на тропинке, ведущей к жилым шатрам. Тут он немного расслабился, спрятал в ножны кинжал и приложил пригоршню снега к ранке на щеке — но ненадолго, потому что даже еще не слыша звука шагов, почувствовал чье-то приближение.

Ему удалось вписаться в заснеженный пейзаж так бесшумно и основательно, что Мара заметила его лишь с трех шагов.

— Они тебя ранили! — воскликнула она.

— Нет, — коротко ответил Фафхрд, все еще внимательно следя за лесом.

— Но у тебя на щеке красный снег. Ты подрался?

— Успел спрятаться в лесу. Я убежал от них.

Озабоченность на лице девушки исчезла.

— Впервые вижу, что ты уходишь от потасовки.

— У меня не было настроения драться сразу с тремя, тем более, что их, возможно, было и больше, — тускло отозвался Фафхрд.

— Почему ты все время оглядываешься? Они выслеживают тебя?

— Нет.

Выражение ее лица сделалось жестким.

— Старики возмущены. Молодые обзывают тебя трусом. И мои братья в том числе. Я не знала, что им ответить.

— Ах, твои братья! — взорвался Фафхрд. — Пусть этот вонючий Снежный клан называет меня как угодно. Мне плевать.

Мара уперла кулаки в бедра.

— Что-то в последнее время ты слишком легко разбрасываешь оскорбления. Я не позволю тебе поносить своих родичей, понял? И хамить себе, между прочим, тоже. — Дыхание девушки участилось. — Сегодня ночью ты приходил к этой костлявой шлюхе-танцовщице. Пробыл у нее в шатре несколько часов.

— Неправда! — возразил Фафхрд и подумал: «От силы полтора часа». Перебранка немного разогрела ему кровь и помогла улечься его сверхъестественному страху.

— Врешь! Весь Стан говорит об этом. Любая другая девушка уже натравила бы на тебя за это своих братьев.

И тут Фафхрд внезапно вспомнил о придуманном им плане. Сегодня вечером осложнения ему не нужны, а то, чего доброго, он может стать калекой или вообще погибнуть.

«Тактика и еще раз тактика», — сказал он себе и бросился к Маре, проговорив вслух слащавым, обиженным тоном.

— Мара, королева моя, ну как ты можешь поверить в такое, ведь я люблю тебя больше...

— Отойди от меня, лжец и обманщик!

— Ты ведь носишь в чреве моего сына, — настаивал он, пытаясь обнять девушку. — Как поживает наш малютка?

— Плюется, слыша своего отца. Отойди, говорю тебе.

— Но ведь мне так хочется прикоснуться к твоей нежной коже, и нет для меня лучшего бальзама по эту сторону ада, о моя красавица, которую материнство сделало еще прекраснее!

— Вот и убирайся в свой ад. И прекрати эту болтовню, меня от нее тошнит. Своим притворством ты не обманешь даже кухонную девку. Паяц!

Уязвленный так, что кровь мгновенно вскипела у него в жилах, Фафхрд ответил:

— А как насчет твоего вранья? Вчера ты хвасталась, будто приструнишь мою мать. И тут же побежала и сообщила ей, что у нас будет ребенок.

— Только после того, как узнала, что ты положил глаз на эту актерку. Разве это неправда? Ну и лгун же ты!

Отступив на шаг назад и скрестив руки на груди, Фафхрд проговорил:

— Моя супруга должна быть мне верна, должна доверять мне, должна спрашивать моего совета, прежде чем действовать, должна вести себя, как подруга будущего верховного вождя. До этой роли, как мне кажется, ты еще не дотягиваешь.

— Верна тебе? И об этом говоришь мне ты? — Лицо девушки неприятно побагровело и налилось гневом. — Верховный вождь! Ты бы лучше позаботился о том, чтобы Снежный клан назвал тебя мужчиной, чего ты пока не можешь добиться. Послушай, что я тебе скажу, подхалим и лицемер! Ты немедленно на коленях вымолишь у меня прощение и отправишься со мною к моей матери и теткам просить моей руки, или...

— Да я лучше стану на колени перед змеей! Или женюсь на медведице! — возопил Фафхрд, начисто позабыв о тактике.

— А я напущу на тебя своих братьев! — завизжала в ответ девушка. — Трусливая деревенщина!

Фафхрд замахнулся, но тут же опустил кулак и, схватившись руками за голову, в отчаянии затряс ею, после чего стрелою пустился к становищу.

— Я напущу на тебя все племя! Обо всем расскажу в женском шатре! Скажу твоей матери, что... — кричала Мара ему вдогонку, но толстые ветви, снег и расстояние делали ее голос все тише и тише.

Отметив мимоходом, что у шатров Снежного клана никого нет — люди были то ли еще на торжище, то ли готовили в шатрах ужин, — Фафхрд взлетел на дерево, где хранились его сокровища, и открыл дверцу дупла. Чертыхнувшись из-за сломанного при этом ногтя, он достал завернутые в тюленью кожу лук со стрелами и ракеты, затем свою лучшую пару лыж с палками, взял более короткий сверток с хорошо сма-

занным вторым мечом отца и мешочек со всякой мелочью. Соскочив на снег, он проворно связал все длинные предметы в один сверток и положил его на плечо.

Поколебавшись немного, он зашел в шатер Моры, извлек из мешочка небольшой горшок для углей из пористого камня, наполнил его раскаленными угольками из очага, присыпал сверху пеплом, крепко завязал горшок и сунул назад в мешочек.

Поспешно подбежав к двери, он остановился как вкопанный: у входа стояла Мора — высокий силуэт в белом, лицо которого было скрыто в тени.

— Итак, ты оставляешь меня и Пустоши. Навсегда. Подумай как следует.

От неожиданности и страха Фафхрд онемел.

— Но ты вернешься. И если ты хочешь сделать это не на четвереньках и не на носилках из копий, оцени как можно скорее, кто ты и в чем твой долг.

Фафхрд уже придумал злобный ответ, но слова застряли у него в горле. Вместо этого он молча шагнул к Море.

— Дай мне пройти, матушка, — выдавил он из себя.

Мора не шелохнулась.

Стиснув челюсти в страшной гримасе, Фафхрд взял мать подмышки — по телу его пробежали мурашки — и отставил ее в сторону. На ощупь она казалась твердой и холодной как лед. Мора не протестовала. Фафхрд так и не смог заставить себя посмотреть ей в лицо.

Выйдя из шатра, он быстрым шагом направился в сторону Зала Богов, но ему навстречу уже шли четверо неуклюжих светловолосых парней, а с ними еще человек десять.

Мара привела с ярмарки не только братьев, но и всех оказавшихся под рукой родичей.

Однако сейчас девушка, похоже, уже раскаивалась в своем поступке: она тянула старшего брата за рукав и, судя по выражению ее лица и движениям губ, что-то горячо ему втолковывала.

Но старший брат вышагивал, как будто сестры рядом и вовсе не было. Завидя Фафхрда, он издал радостный клич, вырвался от сестры и бросился вперед, сопровождаемый всей компанией. Парни размахивали дубинками и вложенными в ножны мечами.

Фафхрд среагировал на два удара сердца раньше, чем услышал ее душераздирающий крик: «Беги, любимый!» Он повернулся и побежал в сторону леса; длинный твердый сверток бил его по спине. Добежав до своих старых следов, оставленных им, когда он выходил из леса, он, не снижая скорости, помчался прямо по ним.

Позади послышались крики: «Трус! Трус!» Фафхрд прибавил ходу.

Добравшись до плоских гранитных глыб, он резко свернул вправо и, прыгая с камня на камень, добежал до невысокого утеса, двумя бросками вскарабкался на него и бросился дальше, пока край утеса не скрыл его от тех, кто был внизу.

Тут он услышал, что погоня вошла в лес; люди беспорядочно бегали между деревьями, натыкаясь друг на друга, пока чей-то властный голос не призвал их к молчанию.

Фафхрд прицелился и бросил три камня так, что они упали на его фальшивый след в месте, куда гончие Мары еще не дошли. За стуком камней и шелестом задетых ими веток последовали крики: «Он где-то там!», а за ними снова зазвучал голос, требовавший тишины.

Подняв камень побольше, Фафхрд двумя руками метнул его в ствол толстенного дерева, стоявшего рядом с цепочкой следов; снег и льдинки с ветвей потоком посыпались вниз. До Фафхрда донеслись крики удивления, замешательства и ярости по всей видимости наполовину засыпанных людей. Фафхрд ухмыльнулся, однако тут же прогнал улыбку и, настороженно оглядываясь по сторонам, углубился в темнеющий лес.

Но на этот раз он не ощущал никакого враждебного присутствия, ничто, ни живое, ни мертвое, будь то привидение или скала, на него не покушалось. Возможно, Мора, посчитав, что он получил достаточную выволочку от родичей Мары, ослабила интенсивность своей ворожбы. А может... но тут Фафхрд бросил бесплодные умствования и целиком отдался быстрой ходьбе. Впереди были Влана и цивилизация. Мать и варварство оставались позади, но он изо всех сил старался не думать о Море.

Когда Фафхрд вышел из леса, уже смеркалось. Сделав большой круг, он оказался подле обрыва каньона. Веревка тяжелого свертка больно врезалась в плечо.

У шатров торговцев горели огни и слышался праздничный гул. Зал Богов и актерские шатры были погружены во тьму. Перед ними вырисовывался темный контур конюшни.

Фафхрд бесшумно перешел через изрытую заледенелыми колеями новую дорогу, ведущую на юг, в сторону каньона.

Тут он заметил, что в конюшне мерцает призрачный свет. Осторожно подойдя поближе, Фафхрд увидел Хора, заглядывающего внутрь конюшни. Беззвучный, как сама тишина, Фафхрд приблизился и заглянул ему через плечо.

Влана и Велликс запрягали лошадей Хвата в санки Эссединекса, из которых Фафхрд похитил три ракеты.

Хор запрокинул голову и поднес руку ко рту, явно собираясь ухнуть филином и завыть по-волчьи.

Фафхрд выхватил нож и уже собрался было перерезать ему горло, но передумал и изо всех сил хватил Хора рукоятью кинжала по голове. Тот осел на снег, и Фафхрд оттащил его в сторону от входа.

Влана и Велликс вскочили в сани, Хват тронул поводья, и лошади, оскальзываясь, вынесли сани из конюшни. Фафхрд крепко сжал в руке нож... потом вложил его в ножны и исчез во мраке.

Сани покатили по новой дороге. Фафхрд смотрел им вслед, и руки его болтались вдоль туловища, словно у трупа, поставленного вертикально, однако кулаки были крепко сжаты.

Внезапно он повернулся и побежал к Залу Богов.

Из-за конюшни донеслось уханье филина. Проскользив немного по снегу, Фафхрд остановился и обернулся; пальцы его были все еще сжаты в кулаки.

Из тьмы вынырнули две фигуры с факелом и побежали в сторону каньона Пляшущих Троллей. В более высоком человеке Фафхрд узнал Хрингорла. Оба остановились у пропасти, и Хрингорл описал факелом круг в воздухе. В его свете Фафхрд разглядел Харракса. Один круг, два, три — явно сигнал кому-то,

находящемуся южнее, в самом каньоне. Затем пираты бросились к конюшне.

Фафхрд устремился к Залу Богов, но тут за его спиной раздался хриплый крик, и он снова обернулся. Из конюшни, сидя верхом на крупной лошади, выскочил Хрингорл, за ним, на буксире выехал Харракс на лыжах. Взметнув на крутом повороте снежный вихрь, всадник и лыжник устремились вниз по новой дороге.

Фафхрд пробежал мимо Зала Богов и еще немного по склону, ведущему к женскому шатру. Там он сбросил на землю сверток, достал из него лыжи и надел их. Затем взял отцовский меч и прикрепил его к поясу слева, а справа повесил мешок.

После этого Фафхрд развернулся в сторону каньона Пляшущих Троллей, где была когда-то старая дорога. Взяв лыжные палки, он присел и глубоко воткнул их в снег. Лицо его стало похоже на мертвую маску, это было лицо человека, решившего сыграть в кости со смертью.

В этот миг возле Зала Богов, там, откуда он пришел, появился маленький сноп желтоватых искр. Сам не зная почему, Фафхрд не мог оторвать от него глаз, считая удары сердца.

Девять, десять, одиннадцать — и яркая вспышка. Ракета взмыла в небо, возвещая о начале представления. Двадцать один, двадцать два, двадцать три — и ее огненный хвост рассыпался девятью белыми звездами.

Фафхрд бросил палки, взял одну из украденных ракет и вытащил из ее торца запал — осторожно, чтобы не повредить.

Нежно зажав зубами тонкий, длиною с палец смолистый цилиндр, он достал из мешка горшочек с углями. Снаружи камень был чуть теплым. Фафхрд развязал горшочек и стал разгребать золу, пока не увидел — и не ощутил — красный жар.

Вынув изо рта запал, он сунул его одним концом в тлеющие угли. Запал начал плеваться искрами. Семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать — и вспыхнувшее яркое пламя тут же погасло.

Поставив горшок с жаром в снег, Фафхрд взял две оставшиеся ракеты, прижал их толстые части локтями к бокам, а хвосты упер в снег, пробуя, насколько

они прочны. Оказалось, что по прочности и твердости они не уступают лыжным палкам.

Держа ракеты параллельно в одной руке, он раздул тлеющие угли и поднес горшочек к запалам.

Внезапно из тьмы выбежала Мара:

— Милый, я так рада, что мои родичи не поймали тебя!

В льющемся от угольев красноватом полусвете ее лицо было очень красиво.

Взглянув поверх углей на Мару, Фафхрд сказал:

— Я ухожу из Мерзлого Стана. Ухожу из Ледового племени. Ухожу от тебя.

— Нет, ты не можешь! — воскликнула Мара.

Фафхрд поставил горшок и ракеты на снег.

Мара протянула к нему руки.

Фафхрд снял со своих запястьев серебряные браслеты и положил их ей в ладони.

Стиснув их пальцами, Мара вскричала:

— Я этого у тебя не просила! Я вообще ничего у тебя не прошу! Ты отец моего ребенка. Ты мой!

Фафхрд сорвал с шеи тяжелую серебряную цепь, положил ее на протянутые руки Мары и сказал:

— Да, ты моя навеки, а я — твой. Сын в твоем чреве — мой сын. У меня никогда не будет другой жены из Снежного клана. Мы — муж и жена.

С этими словами он снова поднял ракеты и поднес их запалы к горшку с угольями. Они одновременно забрызгали искрами. Он отложил их, завязал горшочек и сунул его в мешок. Три, четыре...

Из-за плеча Мары выглянула Мора и сказала:

— Я засвидетельствую твои слова, сын мой. Остановись!

Фафхрд схватил ракеты, воткнул лыжные палки в снег и, сильно оттолкнувшись, заскользил по склону. Шесть, семь...

Мара завопила:

— Фафхрд! Мой муж!

Мора подхватила:

— Ты не сын мне!

Фафхрд снова оттолкнулся от снега искрящимися ракетами. Студеный воздух хлестал его по лицу, но он почти не замечал этого. Залитый лунным светом край обрыва был уже совсем близко. Фафхрд почув-

ствовал, как склон чуть загибается кверху. А за ним тьма. Восемь, девять...

Крепко прижав ракеты к бокам, он вылетел в темноту. Одиннадцать, двенадцать...

Вспышки все не было. В лунном свете была видна противоположная стена каньона, стремительно надвигавшаяся на Фафхрда. Его лыжи смотрели в точку под гребнем стены, и эта точка опускалась все ниже и ниже. Фафхрд опустил ракеты концами вниз и еще сильнее прижал их к телу.

И тут ракеты вспыхнули. У Фафхрда появилось ощущение, будто чьи-то сильные руки тащат его вверх. Его локти и бока сразу стали теплыми. Яркая вспышка осветила отвесную скалу, но она была уже под ним. Шестнадцать, семнадцать...

Плавно приземлившись на нетронутый снежный наст старой дороги, Фафхрд отбросил ракеты в стороны. Грохнули два взрыва, и белые звезды взвились в воздух. Одна прилипла к щеке Фафхрда, ужалила его и погасла. Ликующая мысль успела промелькнуть у него в голове: «Я ухожу в сиянии славы».

Потом было уже не до мыслей: все внимание Фафхрда поглотил спуск по круто уходившей вниз старой дороге, то ярко освещенной луной, то совершенно черной после очередного поворота, огражденной скалами справа и обрывающейся в пропасть слева. Присев и стараясь держать лыжи параллельно, Фафхрд маневрировал, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Лицо и руки у него онемели. Чувствовал он лишь одно — летящую ему навстречу старую дорогу. Ее выбоины становились все ощутимее. Лыжи несли Фафхрда все ближе к белой кайме над обрывом. С другой стороны грозно чернели скалы.

И тем не менее глубоко в подсознании мысли бежали своим чередом. Даже когда Фафхрд отдал все внимание спуску, они не исчезли. «Идиот, нужно было вместе с ракетами взять пару палок. Но ведь ракеты-то пришлось выбросить. Сунуть заранее в сверток за спиной? Много бы сейчас было от них пользы. Может, горшок с углями в мешке окажется более полезным. Лучше было остаться с Марой. Такой красавицы больше не встретишь. Но что делать, если мне нужна Влана? В самом деле нужна? Даже вместе с Велликсом? Не будь я столь хладнокровен и добр, то

убил бы Велликса в конюшне, вместо того, чтобы лететь в... Неужто я в самом деле хотел покончить с собой? А что я хочу сейчас? Способна ли ворожба Моры догнать меня, когда я на лыжах? А может, когда вспыхнули ракеты, это Нальгрон поддержал меня из ада? А это еще что такое?»

Из-за выступающей скалы дорога резко сузилась. Фафхрд наклонил корпус вправо. Пронесло. На противоположной стороне расширяющегося каньона он увидел тонкую огненную черточку. Хрингорл скачет по новой дороге с факелом в руке и тащит за собой Харракса? Еще один крутой поворот, и снова Фафхрд наклонился вправо. Небо опрокинулось на сторону. Жизнь требовала, чтобы Фафхрд начал тормозить. Но в этой игре жизнь играла наравне со смертью. Впереди было место пересечения старой и новой дорог. Он должен оказаться там не позже Влана с Велликсом. Зачем? Этого Фафхрд точно не знал. Впереди замаячил новый поворот.

Постепенно, незаметно для глаз уклон стал более пологим. Из мрачных глубин слева выступили заснеженные вершины, потом такие же выросли и с другой стороны. Спуск кончился, и Фафхрд въехал в черный тоннель, летя беззвучно, как призрак. Остановился он у самого конца тоннеля. Онемевшими пальцами слегка коснулся шрама на щеке, выжженного звездой. В ранке чуть слышно похрустывали кристаллики льда.

Вокруг было совершенно тихо, если не считать тоненького позванивания льдинок, которые в неподвижном влажном воздухе нарастали на всем вокруг.

В нескольких шагах, впереди, под крутым склоном Фафхрд увидел большой круглый куст, облепленный снегом. За ним на корточках сидел Хрей — главный подручный Хрингорла: Фафхрд узнал его по козлиной бородке, которая в лунном свете из рыжей сделалась серой. В руке у него был лук.

Шагах в двадцати ниже по склону встречались новая и старая дороги. Тоннель между деревьями был перегорожен двумя громадными, в человеческий рост кустами перекати-поля. Перед ними стояли сани Влана и Велликса, лошади казались громадными серыми тенями. Их гривы и оба куста чуть серебрились в лунном свете. Влана, надвинув на лоб капюшон, си-

дела сгорбившись в санях. Велликс пытался убрать с дороги кусты.

Яркий свет факела прочертил новую дорогу со стороны Мерзлого Стана. Велликс отошел от кустов и обнажил меч. Влана оглянулась через плечо.

С победным смехом ворвавшись на поляну, Хрингорл швырнул факел высоко в воздух и осадил коня перед санями. Ехавший за ним на лыжах Харракс пролетел мимо и по инерции въехал на середину склона. Там он остановился и, нагнувшись, начал отвязывать лыжи. Факел упал в снег и зашипел.

Держа боевой топор наготове, Хрингорл соскочил с коня.

Велликс бросился к нему. Он явно понимал, что должен разделаться с могучим пиратом прежде, чем Харракс освободится от лыж, или ему придется биться сразу с двоими. Следя за ним, Влана приподнялась на сиденье; лицо ее в свете луны казалось маленькой белой маской. Капюшон сполз у нее с головы.

Фафхрд мог бы помочь Велликсу, однако даже не пошевелился, чтобы снять лыжи. Внезапно с болью — или это было облегчение? — он вспомнил, что не взял с собой свой лук и стрелы. Он стоял и твердил себе, что должен помочь Велликсу. Разве он спускался сюда сломя голову не затем, чтобы спасти Влану и Велликса или хотя бы предупредить их о засаде, о которой догадался еще тогда, когда увидел, как Хрингорл подает факелом условный знак с края пропасти? И разве Велликс не напоминал ему Нальгрона, особенно теперь, в миг безрассудной отваги? Но призрак смерти все еще стоял подле Фафхрда, не давая ему ни во что вмешиваться.

К тому же Фафхрд чувствовал, что поляна заговорена и любые действия в ее пределах будут бессмысленны. Казалось, гигантский обросший белым мехом паук оплел ее своей паутиной, отрезал от остального мира и сделал на ней надпись: «Это пространство принадлежит Белому Пауку Смерти». И неважно, что вместо паутины он пользовался кристалликами льда — результат был один и тот же.

Хрингорл с размаху обрушил топор на Велликса. Хват уклонился от удара и тут же пронзил мечом предплечье великана. Яростно взревев, тот перебросил топор в левую руку, бросился вперед и ударил снова.

Захваченный врасплох Велликс в последний миг отскочил от сверкнувшего в лунном свете лезвия, и оно просвистело мимо. Однако он тут же встал в оборонительную позицию, наблюдая, как Хрингорл уже более осторожно приближается к нему, держа топор чуть впереди над головой и намереваясь действовать короткими ударами.

Влана встала в санях во весь рост, в руке у нее сверкнула сталь. Уже собравшись метнуть кинжал, она почему-то вдруг заколебалась.

Хрей встал из-за куста: стрела уже лежала на тетиве.

Фафхрд мог бы прикончить лучника, хотя бы метнув меч на манер копья. Но присутствие рядом смерти все еще сковывало его, так же как и ощущение, что он находится в самой сердцевине ловушки Белого Ледяного Паука. Да и что он на самом деле чувствовал к Велликсу и даже к Нальгрону?

Зазвенела тетива. Меч Велликса замер в воздухе. Стрела пронзила ему спину и вышла чуть пониже грудной кости.

Велликс начал оседать, и Хрингорл коротким ударом топора выбил меч из руки умирающего. Хрипло и громко расхохотавшись, он повернулся к саням.

Влана вскрикнула.

Еще не осознавая, что он делает, Фафхрд бесшумно вытащил меч из хорошо смазанных ножен и, оттолкнувшись им, как лыжной палкой, покатился вниз по белому склону. Лыжи тихо и очень тонко запели на твердом насте.

Смерть больше уже не стояла рядом с Фафхрдом. Она вступила в него. К лыжам были привязаны ноги смерти. Смерть чувствовала себя как дома в ловушке Белого Паука.

Хрей повернулся, словно специально помогая Фафхрду, и тот косым ударом меча рассек ему глотку вместе с яремной веной. Он успел вытащить меч из раны даже раньше, чем черная в лунном свете кровь залила его, раньше, чем Хрей поднял свои большие руки в бесплодной попытке остановить ее поток. Все произошло очень просто. На врага его толкнули лыжи, убеждал себя Фафхрд, он тут не при чем. Лыжи жили своею собственной жизнью, жизнью смерти, и несли его самой роковой из дорог.

Харракс, как будто и он был марионеткой в руках богов, отвязал наконец лыжи, выпрямился и повернулся как раз в тот миг, когда Фафхрд подъехал к нему и, присев, нанес удар снизу в верхнюю часть живота — примерно так же, как был пронзен стрелою Велликс, только в противоположном направлении.

Меч скрипнул о позвоночник Харракса, однако назад вышел без труда. Фафхрд, почти не управляя лыжами, несся вниз по склону. Широко раскрыв глаза, Харракс удивленно смотрел ему вслед. Большой рот разбойника был широко распахнут, однако из него не вырвалось ни звука. Скорее всего, меч пронзил и легкое и сердце или же рассек какой-то важный кровеносный сосуд.

Теперь меч Фафхрда был направлен прямо в спину Хрингорла, который уже залезал в сани; лыжи несли смертоносный клинок все быстрее и быстрее.

Влана уставилась на Фафхрда поверх плеча Хрингорла, словно увидела самое смерть, и закричала.

Хрингорл резко обернулся и мгновенно поднял топор, чтобы отразить удар Фафхрда. На его широкой роже было внимательное, но немного сонное выражение человека, который не раз смотрел в лицо смерти и не удивляется внезапному появлению Погубительницы всего сущего.

Фафхрд притормозил и, развернувшись, проехал мимо задка саней. Он попытался достать мечом Хрингорла, но не сумел. Хрингорл нанес короткий удар топором, но Фафхрд вовремя убрал меч.

И тут прямо перед собой Фафхрд увидел распростертое тело Велликса. Притормаживая, он резко развернулся под прямым углом и, чтобы не свалиться на труп, всадил меч в снег, так что даже высек искры из присыпанной им скалы.

Развернувшись всем телом назад, насколько ему позволяли лыжи, Фафхрд сквозь поднятую ими снежную пыль увидел, что Хрингорл, занеся над головой топор, устремился прямо на него.

Фафхрд мечом парировал удар. Держи он меч под прямым углом, клинок непременно сломался бы, но Фафхрд подставил его так, что топор, лязгнув, скользнул по стали и просвистел у него над головой.

Хрингорл по инерции пронесся мимо.

Фафхрд снова развернулся всем телом, кляня на чем свет стоит лыжи, которые буквально пригвоздили его к земле. Запоздалый выпад не принес Хрингорлу ни малейшего вреда.

Дородный пират развернулся и с топором над головой бросился назад. На сей раз, чтобы уйти от удара, Фафхрду пришлось кинуться ничком на снег.

Падая, он заметил, как в лунном свете дважды сверкнула сталь. Опершись о меч, он вскочил на ноги, готовый отразить новый удар Хрингорла или, если успеет, снова увернуться.

Но гигант, уронив топор, обеими руками держался за лицо.

Неуклюже развернувшись на своих лыжах — тут уж не до стиля! — Фафхрд метнулся вперед и всадил ему меч прямо в сердце.

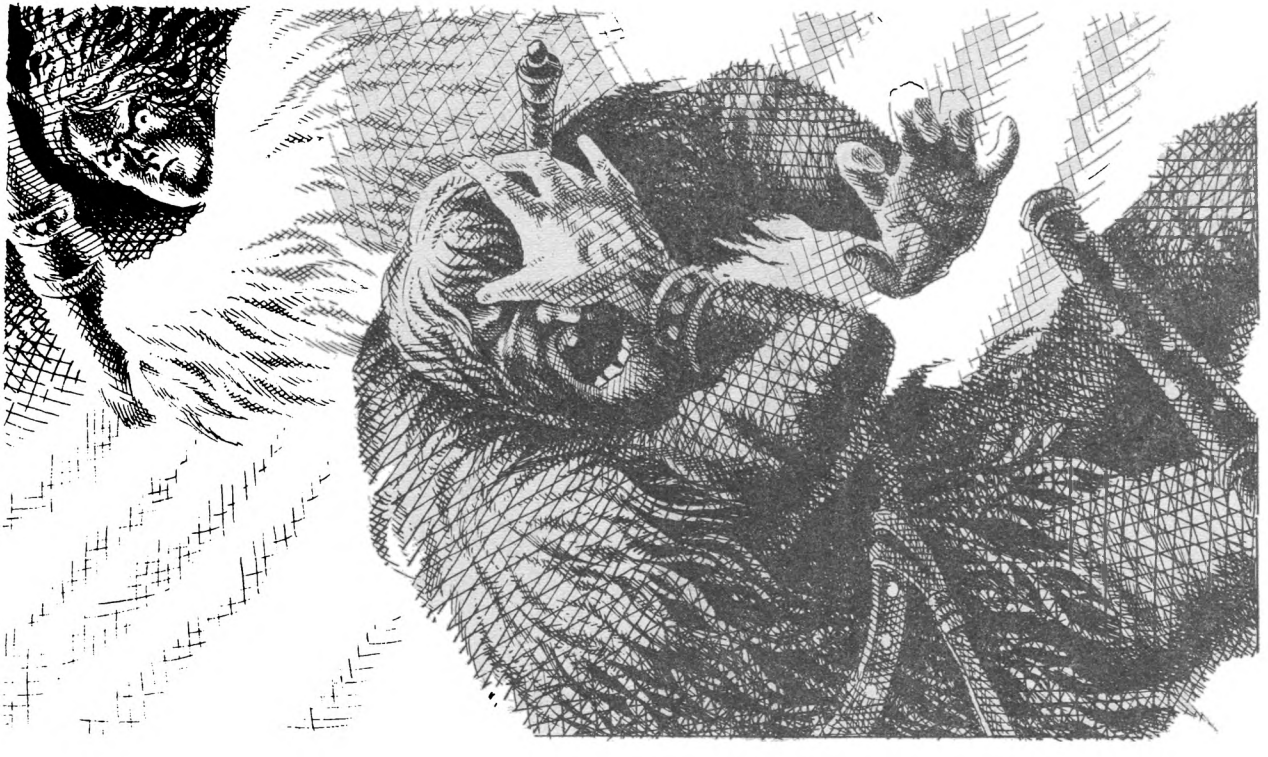
Хрингорл качнулся назад, руки его упали вдоль туловища. Из его правой глазницы торчала черная ручка кинжала с серебряным навершием. Фафхрд выдернул меч у него из груди. Подняв облако снежной пыли, Хрингорл с глухим стуком рухнул на землю, раза два конвульсивно дернулся и затих.

Держа меч наготове, Фафхрд огляделся вокруг. Он был готов к новой атаке, откуда бы она ни исходила.

Но все пять человеческих тел были неподвижны: двое лежали у его ног, еще двое на склоне, Влана застыла во весь рост в санях. С некоторым удивлением Фафхрд обнаружил, что сип, который он слышит — не что иное, как его собственное дыхание. Кроме этого, в воздухе слышалось лишь тихое позванивание, на которое он решил пока не обращать внимания. Даже запряженные в сани лошади Велликса и крупная кобыла Хрингорла, стоявшая чуть дальше, на старой дороге, вели себя на удивление смирно.

Фафхрд прислонился спиною к саням и положил левую руку на задубевший брезент, закрывавший ракеты и все прочее. В правой он все еще держал меч — уже несколько небрежно, но наготове.

Он снова оглядел все тела, закончив осмотр на Влане. Все они продолжали пребывать в неподвижности. Вокруг первых четырех снег был забрызган кровью — рядом с Хреем, Харраксом и Хрингорлом обильно, подле пронзенного стрелою Велликса — чуть-чуть.

Фафхрд взглянул в неподвижные, обведенные белыми кругами глаза Вланы. Стараясь дышать ровно, он проговорил:

— Приношу свои благодарности за убийство Хрингорла. Надеюсь, что я прав. Вряд ли мне удалось бы с ним справиться — он стоял на ногах, а я валялся на земле. Но куда был нацелен твой нож — в Хрингорла или мне в спину? Может, упав, я избежал смерти, и нож поразил не того, кого следовало?

Влана молчала и лишь прижала ладони к лицу. Теперь уже сквозь пальцы она продолжала смотреть на Фафхрда.

А он, стараясь говорить как можно небрежнее, продолжал:

— Ты дала обещание мне, а предпочла Велликса. Так почему бы тебе не предпочесть Хрингорла Велликсу и мне, когда Хрингорл был ближе всех к победе? Почему твой кинжал не помог Велликсу, когда он столь отважно пытался остановить Хрингорла? Почему, увидев меня, ты закричала и не дала мне покончить с Хрингорлом одним бесшумным ударом?

Каждый вопрос Фафхрд как бы подчеркивал, лениво тыкая мечом в сторону Вланы. Дышал он уже легко, усталость покинула его тело, несмотря даже на то, что сам Фафхрд был крайне подавлен.

Влана медленно отняла руки от лица и дважды сглотнула. Затем, хрипловато и негромко, но вполне отчетливо заговорила:

— Женщина должна всегда держать все дороги открытыми, неужели ты не понимаешь? Только будучи готовой объединиться с любым мужчиной, отринуть одного ради другого, следуя за гримасами судьбы, она может хоть как-то выровнять огромные преимущества мужчин перед женщинами. Я предпочла тебе Велликса, потому что он гораздо опытнее и еще потому — хочешь верь, хочешь нет, — что моему спутнику не уготована долгая жизнь, а я хотела, чтобы ты жил. Когда нам пришлось остановиться, я не помогла Велликсу потому, что считала нас обоих обреченными. Когда я поняла, что мы попали в засаду, то очень испугалась, хотя Велликс держался молодцом. А закричала я потому, что не узнала тебя, мне показалось, что передо мною встала сама смерть.

— Что же, похоже, так оно и было, — мягко отозвался Фафхрд, в третий раз оглядывая трупы. Отвязав лыжи, он потопал ногами, наклонился и, вытащив кинжал из глазницы Хрингорла, обтер его о шубу мертвеца.

Тем временем Влана продолжала:

— А смерти я боюсь даже больше, чем ненавидела Хрингорла. Да, я запросто убежала бы с ним, только бы спастись от смерти.

— На этот раз Хрингорл пустился не по той дороге, — заметил Фафхрд, держа на ладони кинжал. Клинок был одинаково хорошо уравновешен и для ударов, и для метания.

— Разумеется, — сказала Влана, — теперь я твоя. И рада этому всей душой — опять-таки, хочешь верь, хочешь нет. Если, конечно, ты согласен, чтобы я была с тобой. Может, ты все еще думаешь, что я хотела убить тебя?

Фафхрд повернулся, бросил девушке кинжал и сказал:

— Лови!

Влана поймала кинжал, Фафхрд рассмеялся и проговорил:

— Нет, актриса, да к тому же бывшая воровка, конечно, умеет обращаться с кинжалом. И я не думаю, что кинжал случайно угодил Хрингорлу в глаз. Ты еще не отказалась от намерения отомстить Цеху Воров?

— Нет, не отказалась.

— Ужасные существа эти женщины, — сказал Фафхрд. — То есть, я имею в виду, что они ничем не лучше мужчин. Есть ли на всем белом свете хоть одна, в жилах у которой течет не ледяная вода?

Он снова рассмеялся, но уже громче, словно понимая, что ответа на этот вопрос не будет. Затем вытер свой меч о шубу Хрингорла, сунул его в ножны, прошел, не глядя на Влану, мимо нее и неподвижных лошадей и принялся растаскивать остатки кустов, которыми была завалена дорога. Кусты сильно смерзлись, их приходилось отдирать друг от друга, прилагая для этого гораздо больше усилий, чем прикладывал, как показалось Фафхрду, несколько раньше Велликс.

Влана не взглянула на него, даже когда он проходил мимо. Она пристально смотрела на склон, по которому змеился лыжный след, выходивший из черного тоннеля на старой дороге. Но ее пустой взгляд был устремлен не на Харракса и Хрея и не на устье тоннеля, а выше.

Тихое позванивание в воздухе не прекращалось.

Раздался хруст льда, и Фафхрд отбросил в сторону последний обледенелый куст.

Он посмотрел вдоль дороги, тянущейся на юг. На юг, к цивилизации, чего бы это теперь ни стоило.

Эта дорога тоже представляла собою тоннель между заснеженных сосен.

В лунном свете было видно, что тоннель был заткан паутиной ледяных кристаллов, которым, казалось, нет конца; звенящие гроздья тянулись от сучка к сучку, от ветки к ветке, уходя в ледяную глубину между деревьями.

Фафхрд вспомнил слова матери: «Существует ведовской холод, который может достать тебя в любом уголке Невона. Туда, где лед побывал хоть раз, его с помощью колдовства можно наслать снова. Твой отец теперь горько сожалеет...»

Фафхрд подумал о гигантском пауке, плетущем свою ледяную сеть вокруг поляны.

Ему вспомнилось лицо Моры и рядом лицо его жены — там, над пропастью, у начала большого прыжка.

Интересно, подумал Фафхрд, какие заклинания пущены в ход сейчас в женском шатре и участвует ли в них Мара? Хотелось бы надеяться, что нет.

Вдруг послышался тихий вскрик Вланы:

— Женщины и впрямь ужасны! Смотри, смотри!

В этот миг лошадь Хрингорла заржала и, гулко топая копытами, понеслась вверх по старой дороге.

Секундой позже лошади Велликса попятились и тоже заржали.

Фафхрд похлопал ближайшую лошадь по холке, посмотрел на словно бы прилипшую к лицу Вланы маленькую белую треугольную маску с расширившимися от ужаса глазами и проследил за направлением ее взгляда.

На склоне, ведущем к старой дороге, торчали с полдюжины размытых призрачных фигур, каждая вы-

сотою в дерево. С виду они напоминали женщин в надвинутых на лоб капюшонах. Фафхрд не отрывал от них взгляда, а они становились все плотнее и плотнее.

В ужасе он присел на корточки. При этом мешочек оказался у него между животом и бедрами. Фафхрд ощутил слабое тепло.

Мгновенно вскочив на ноги, он бросился к саням и сорвал с их задка брезент. Затем схватил восемь оставшихся ракет и начал втыкать их хвостами в снег, направляя в громадные, все густеющие ледяные фигуры.

Затем он выхватил из мешка горшочек с угольями, развязал его, сдул серую золу, сдвинул краснеющие угли на одну сторону и стал поспешно подносить горшок к запалам ракет.

Под громкое шипение запалов он вскочил в сани.

Влана не шелохнулась, когда он пролетел мимо нее. Но зато зазвенела. Казалось, она надела на себя прозрачное покрывало из кристаллов льда, которое не давало ей двинуться с места. Лунный свет недвижно отражался от ледяного покрывала. Фафхрд понял, что Влана закована льдом.

Он схватил поводья. Они обожгли ему пальцы, словно стылое железо. Фафхрд не мог ими даже пошевелить. Ледяная паутина уже оплела и лошадей. Они слились с нею — большие статуи лошадей, заключенные в еще больший кристалл. Одна лошадь стояла на всех четырех ногах, другая застыла, поднявшись на дыбы. Стены ледяной ловушки понемногу смыкались. «Существует ведовской холод, который может достать тебя...»

Взревела первая ракета, за ней еще одна. Фафхрд почувствовал их тепло, затем услышал громкий звон, когда они угодили в стоящие на склоне цели.

Поводья пришли в движение, хлестнули лошадей по спинам. Казалось, раздался звон разбитого стекла, и животные тронулись с места. Фафхрд, набычившись и держа в одной руке поводья, другой схватил Влану и втащил ее в сани. Ее ледяная накидка рассыпалась с громким звоном. Четыре, пять...

Звон не прекращался, пока лошади тащили сани сквозь ледяную паутину. Кристаллики дождем лились

на голову Фафхрда и скатывались с нее. Звяканье стало тише. Семь, восемь...

Ледяные оковы опали. Застучали ко́пыта. Поднялся ледяной северный ветер, положив конец тихим дням. Небо зарозовело зарей. Сзади оно было чуть красноватым от подожженных ракетами сосновых ветвей. Фафхрду почудилось, что северный ветер принес с собою ревущее пламя.

Он закричал во все горло:

— Гнампф-Нар, Млург-Нар, великий Кварч-Нар — мы вас увидим! Увидим все города Лесной страны! Всю Землю Восьми Городов!

Фафхрд обнял Влану, она уютно пристроилась у него под мышкой и подхватила:

— Сархеенмар! Илтхмар! Ланкмар! Все южные города! Квармалл! Горборикс! Многобашенный Тизилинилит! Восходящая Земля!

Фафхрду почудилось, что на светлеющем горизонте показались миражи всех этих неведомых мест и городов.

— Дорога, любовь, приключения, мир! — заорал он, прижимая к себе Влану правой рукой, а левой нахлестывая лошадей.

На секунду он подумал: его воображение разгорелось, как каньон, который они покинули — так почему на сердце у него такой холод?

3. Грааль скверны

Три вещи насторожили ученика чародея: во-первых, глубокие отпечатки подков на лесной тропе, которые он почувствовал сквозь башмаки еще до того, как наклонился и нащупал их пальцами в темноте; во-вторых, жутковатое гудение пчелы, почему-то оказавшейся ночью не в улье, и, наконец, слабый и приятный запах горелого. Мышонок бросился вперед, уверенно огибая деревья и перескакивая через скрюченные корни: ему это удавалось благодаря хорошей памяти, а также тому, что он умел, как летучая мышь, улавливать отражение даже едва слышных звуков. Серые штаны в обтяжку, туника и развевающийся плащ с остроконечным клобуком делали этого хрупкого юнца,

исхудавшего от вечного аскетизма, похожим на летящую тень.

Возбуждение, которое после удачного завершения своих долгих поисков испытывал Мышонок, с триумфом возвращаясь к своему учителю Главасу Ро, мгновенно улетучилось и уступило место страху. Неужто кто-то причинил зло великому чародею, его наставнику? «Мой Серый Мышонок все еще на полпути между белой магией и черной», — так однажды сказал Главас Ро... Нет, просто невозможно представить, чтобы этому человеку, кладезю мудрости и духовной мощи, кто-то мог причинить зло! Великий чародей... (Мышелов с некоторой истеричностью настаивал на слове «великий», тогда как для всех вокруг Главас Ро был рядовым кудесником, ничем не лучше какого-нибудь мингола-некроманта с его пятнистой ясновидящей собакой или нищего фокусника-квармаллийца)... великий чародей, равно как его жилище, были защищены сильным колдовством, преодолеть которое не под силу любому непосвященному, даже (сердце Мышонка на секунду замерло) — даже владельцу этих лесов герцогу Джанарлу, ненавидевшему магию вообще, и белую в особенности.

Между тем запах горелого становился все сильнее, а низкий дом Главаса Ро был построен из смолистых пород дерева.

Мышонок выбросил из головы даже девичье лицо — лицо Иврианы, дочери герцога Джанарла, которая тайно училась у Главаса Ро, впитывая, если можно так выразиться, молоко белой магии бок о бок с Мышонком. Молодые люди называли друг друга в разговорах между собой Мышонком и Мышкой, но под туникой Мышонок хранил зеленую перчатку, похищенную им у Иврианы перед выходом в дальнюю дорогу, словно он был закованным в броню и вооруженным до зубов рыцарем, а не безоружным начинающим чародеем.

Когда Мышонок достиг поляны на вершине холма, у него перехватило дыхание, но вовсе не от усталости.

День едва занимался, но Мышонок смог различить истоптанный подковами сад с волшебными травами, опрокинутый соломенный улей и громадное пятно сажи на ровной поверхности гранитной глыбы, защищавшей утлое жилище волшебника.

Но даже не будь этого неверного света, Мышонок увидел бы обглоданные пламенем балки и опоры, среди которых кое-где еще тлели уголья да горели призрачным зеленоватым огнем какие-то строптивые волшебные снадобья. Он почуял бы драгоценные ароматы тлеющих зелий и бальзамов, смешанные с до ужаса аппетитным кухонным чадом обгорелого мяса.

Мышелов, на миг съежившись, всем телом рванулся к пепелищу, словно взявшая след гончая.

Чародей лежал сразу за искореженной дверью. Ему самому досталось не меньше, чем дому: скелет обуглился, бесценные соки и нежные субстанции его организма, вскипев, разрушились навсегда или струею брызнули в небо, в ледяной ад, скрытый за луною.

Отовсюду слышалось тихое печальное гудение, словно лишившиеся крова пчелы оплакивали своего хозяина.

Воспоминания нахлынули на объятого ужасом Мышонка: эти сморщенные губы еще недавно выводили нежные песнопения, эти обугленные пальцы указывали на звезды или гладили какого-нибудь лесного зверька.

Задрожав всем телом, Мышонок достал из кожаного кошеля, висевшего у пояса, плоский зеленый камень, на одной стороне которого были вырезаны загадочные иероглифы, а на другой — членистое чудовище в прочном панцире, что-то вроде громадного муравья, величественно ступавшего среди разбегавшихся человеческих фигурок. Этот камень и был целью поиска, в который отправил его Главас Ро. Ради этого камня Мышонок переправлялся на плоту через озера Молльбы, пересекал подножия Голодных гор, прячась от набегов рыжебородых пиратов, надувал тупоголовых рыбаков, льстил и строил куры пожилой, скверно пахнувшей ведьме, ограбил святыню племени и скрылся от гончих, пущенных по его следу. Мышонок добыл зеленый камень, не пролив при этом ни капли крови, а это означало, что он перешел в следующий класс. Он хмуро посмотрел на древний камень и, совладав с дрожью, осторожно положил его на почерневшую ладонь своего учителя. Наклоняясь, Мышонок вдруг обнаружил, что ступни его ног накалились, а башмаки начали тлеть по краям, однако

это не заставило его ускорить шаг, когда он двинулся прочь.

Стало немного светлее, и Мышонок уже мог различать такие мелочи, как небольшой муравейник у порога. Наставник изучал черных насекомых не менее внимательно, чем их родственниц пчел. В муравейнике глубоко отпечаталась подошва с полукружием гвоздиков, однако какое-то движение там все же было. Приглядевшись, Мышонок увидел крошечного обожженного муравья-воина, озабоченно тащившего куда-то песчинку. Он вспомнил изображенное на зеленом камне чудовище и пожал плечами: мысль эта ни к чему не вела.

Среди роя печально гудящих пчел Мышонок двинулся в ту сторону, где между деревьями был виден просвет, и вскоре уже стоял, опершись рукою о сучковатый пень, у самого косогора. В лесистой долине внизу змеился молочный туман, повторявший извивы реки. Воздух казался тяжелым от рассеивающейся тьмы. Восходящее солнце окрасило правый край горизонта в красный цвет. Мышонок знал, что дальше находится снова лес, а за ним — бесконечные нивы и болота Ланкмара, за которыми лежит сам древний центр мира, город Ланкмар, которого Мышонок никогда не видел, но сюзерен которого теоретически правил и в здешних местах.

А совсем рядом, на красном фоне утреннего неба вырисовывались иззубренные башни — это была крепость герцога Джанарла. На похожем на маску лице Мышонка появилось выражение настороженности. Он вспомнил об отпечатке подошвы с гвоздями, об истоптанной земле, о следах копыт, ведущих вниз по склону. Все указывало на то, что зверство учинил ненавидящий волшебников герцог Джанарл, если бы не одно обстоятельство: считая своего учителя непревзойденным чародеем, Мышонок никак не мог взять в толк, как герцогу удалось свести на нет колдовство, достаточно сильное, чтобы оглушить самого крепкого лесоруба — колдовство, много лет охранявшее жилище Главаса Ро.

Мышонок наклонил голову и увидел на пружинистой траве... зеленую перчатку. Он схватил ее, вытащил из-под туники другую — покрытую пятнами и

кое-где вылинявшую от пота — и сравнил их. Перчатки были из одной пары.

Мышонок оскалился и перевел взгляд на крепость вдали. Затем отковырнул от дерева, за которое держался, большой кусок корявой коры и по самое плечо запустил руку в открывшееся дупло. Пока он медленно, напряженно и машинально проделывал все эти манипуляции, в голове у него всплыли слова, которые однажды произнес с улыбкой Главас Ро за трапезой, состоявшей из сваренной на воде овсянки:

«Мышонок, — говорил маг, а на его короткой седой бороде плясали отсветы пламени, — когда ты уставишься на что-нибудь и примешься раздувать ноздри, ты становишься слишком похож на кота, чтобы я мог поверить, что ты когда-нибудь станешь сторожевым псом истины. Ты довольно прилежный ученик, но втайне предпочитаешь волшебной палочке меч. Тебя гораздо сильнее искушают жаркие губы черной магии, чем тонкие целомудренные пальцы белой, даже несмотря на то, что последняя привлекла к себе хорошенькую мышку — нет, не надо спорить! Тебя сильнее привлекают обманчивые извивы левого пути, чем прямизна правого. Боюсь, что в конце концов ты из мышонка превратишься в мышелова. И не в белого, а серого — впрочем, это все лучше, чем в черного. А теперь ступай, вымой миски и подыши с часок на молоденькую травку от лихорадки, сегодня ночью что-то прохладно, да не забудь поласковее поговорить с боярышником».

Пришедшие на память слова стали тише, но еще звучали, когда Мышонок извлек из дупла покрывшийся зеленым мхом кожаный пояс с болтающимися на нем заплесневелыми ножнами, из которых в свою очередь достал за обвитую кожаным ремешком рукоятку длинный и тонкий бронзовый меч, весь в налетах патины. Мышонок подставил зеленоватое лезвие с коричневыми кромками под красный луч восходящего солнца и широко раскрыл глаза с сузившимися зрачками.

Далеко в долине послышался высокий и чистый звук рога, созывающего людей на охоту.

Мышонок вскочил и побежал вниз по косогору, держась следов копыт; он бежал широко, но немного скованно, словно пьяный, застегивая на ходу замшелый пояс с мечом.

Черная четвероногая тень промелькнула через испещренную солнечными пятнами прогалину, подминая невысокие деревца своей мощной грудью и топча их узкими раздвоенными копытами. Позади слышались звуки рога и хриплые мужские голоса. Добежав до дальнего края прогалины, кабан обернулся. Он едва держался на ногах, дыхание со свистом вырывалось у него из ноздрей. Тусклые глазки животного остановились на выскочившем из леса всаднике. Он повернулся к нему, и по какой-то причуде освещения шкура его сделалась совсем черной. И тут зверь бросился в атаку. Но прежде чем его страшные загнутые кверху клыки встретились с живой плотью, копье с массивным наконечником ударилось ему в лопатку, согнулось, словно лук, и отскочило, разбрызгивая по траве кровь.

На прогалине появились одетые в зеленое и коричневое егеря: одни окружили упавшего кабана частоколом копий, другие поспешили к всаднику, одетому в богатый желто-коричневый наряд. Всадник рассмеялся, бросил одному из егерей копье с залитым кровью наконечником и взял у другого отделанную серебром кожаную флягу с вином.

На прогалине появился второй всадник, и маленькие желтоватые глазки герцога, спрятанные под кустистыми бровями, потемнели. Он отхлебнул вина и утер губы рукавом. Егеря осторожно смыкали стену из копий вокруг кабана, который лежал неподвижно, чуть приподняв голову над землей, и лишь глазки его бегали из стороны в сторону, да светло-алая кровь толчками брызгала из лопатки. Стена копий уже готова была сомкнуться, но тут Джанарл дал знак егерям остановиться.

— Иврианa! — хрипло обратился он к вновь прибывшей. — Тебе дважды предоставлялась возможность расправиться со зверем, но ты все увиливаешь. Твоя покойница-мать, будь она проклята, уже успела

бы разрезать на мелкие кусочки и отведать сырое кабанье сердце.

Дочь с несчастным видом уставилась на отца. Одета она была так же, как и егеря, и сидела в седле по-мужски; на боку у нее болтался меч, в руке было зажато копье, и от этого она казалась совсем девчонкой, узколицей и тонкорукой.

— Тряпка ты, заячья душонка, влюбленная в колдуна! — продолжал Джанарл. — Твоя омерзительная мамаша встретила бы кабана, стоя на земле, и смеялась бы, если б его кровь брызнула ей в лицо. Послушай, этому кабану уже крышка, поранить тебя он не может. Заколи его копьем, немедленно! Я тебе приказываю!

Разорвав стену из копий, егеря расступились, давая девушке подойти к зверю. Они хихикали ей прямо в лицо, а герцог лишь одобрительно ухмылялся. Прикусив нижнюю губу, девушка колебалась; со страхом и восторгом смотрела она на зверя, который, все так же чуть приподняв голову, уставился на нее.

— Всади в него копье! — повторил Джанарл и поспешно отхлебнул из фляги. — Давай, а не то я отстегаю тебя хлыстом прямо сейчас.

Девушка тронула каблуками бока лошади и, согнувшись и нацелив копье в кабана, легким галопом поскакала к нему. Однако в последний момент копье вильнуло и угодило острием в землю. Кабан не шелохнулся. Егеря сипло загоготали.

Джанарл побагровел от гнева и неожиданно схватил дочь за руку.

— Твоя окаянная мамаша перерезáла мужчинам глотки глазом не моргнув. Ты немедленно всадишь копье в эту тварь или попляшешь у меня снова — как прошлой ночью, когда я заставил тебя выдать заклятие колдуна и сказать, где отыскать его курятник. — Он нагнулся к ней и проговорил почти шепотом: — Знаешь, котеночек, я давно уже подозреваю, что твоя мать при всей ее лютости, как и ты, была влюблена в колдуна — правда, ее, наверно, приворожили — и что ты — отродье этого сгоревшего чародея.

Глаза девушки округлились, она попыталась вырваться, но отец притянул ее к себе.

— Не бойся, котеночек, дурь-то я из тебя вышибу, хоть так, хоть этак. А для начала заколи-ка этого кабанчика.

Девушка словно окаменела. Ее белое лицо напоминало маску ужаса.

Герцог замахнулся, однако ударить дочь не успел.

В том месте прогалины, где кабан повернулся, чтобы ринуться в последнюю атаку, появился худощавый юноша, одетый во все серое. Словно человек, находящийся под действием какого-то зелья или впавший в транс, он шел прямо на Джанарла. Трое егерей, стоявших рядом с герцогом, вытащили мечи и лениво двинулись ему навстречу.

Лицо юноши было бледным и напряженным, на лбу, под чуть сдвинутым назад клобуком, виднелись капли пота. Не спуская глаз с герцога, он прищурился, как будто смотрел на слепящее солнце.

Губы юноши широко раздвинулись, обнажив белые зубы.

— Убийца Главаса Ро! Погубитель волшебников!

В ту же секунду бронзовый меч вылетел из замшелых ножен. Два егеря бросились к парню, один из них, увидев зеленоватый клинок, закричал:

— Осторожно! Яд!

Держа меч, словно это был молот, юноша обрушил на него страшный удар, но егерь с легкостью его парировал, так что клинок просвистел у него над головой, а юноша потерял равновесие и чуть не упал. Шагнув вперед, егерь молниеносно ударил по клинку парня около рукоятки, желая обезоружить его, и бой, еще не начавшись, казалось уже завершился — но не совсем. Туман внезапно исчез из глаз у юноши, он ощерился, как кот, с новой силой сжав в руке меч, сделал быстрый выпад, крутанул кистью, и меч вылетел у изумленного егеря из руки. Юноша сделал еще один выпад, целясь в сердце его сотоварища, и тому удалось уклониться от удара, только упав на спину.

Джанарл напряженно привстал на стременах и пробормотал: «Щенок показывает клыки», но тут третий егерь, зайдя сзади, хватил юношу рукоятью меча по затылку. Тот выронил меч, покачнулся и стал оседать, но первый егерь, схватив его за ворот туники, толкнул на своих товарищей. Решив позабавиться, те

взяли его в толчки и принялись бить наотмашь по лицу и телу спрятанными в ножны кинжалами, а когда юноша рухнул на землю, продолжали пинать его ногами и терзать, словно свора собак.

Джанарл сидел неподвижно и наблюдал за дочерью. Когда юноша появился на поляне, от герцога не ускользнул испуг девушки — она явно знала парня. Теперь она сидела, подавшись вперед, губы ее подергивались. Дважды герцог хотел было заговорить с нею, но передумывал. Лошадь Иврианы неспокойно перебирала ногами и ржала. В конце концов девушка съежилась в седле, едва сдерживая рыдания. Джанарл удовлетворенно хмыкнул и приказал:

— Ну, пока хватит! Тащите его сюда.

Двое егерей подхватили едва живого парня, серая одежда которого была испещрена красными пятнами.

— Ты трус, — проговорил Джанарл. — От этой забавы ты не умрешь. Ребята просто немного обработали тебя перед другой забавой. Но я забыл, что ты — хитрый колдунишка, который бормочет свои заклинания и проклятия в темноте, за спинами у людей, трусливый негодяй, который гладит всяких зверушек и вообще разводит в лесах сладенькие сантименты. Тьфу, гадость! Меня тошнит от этого! А между тем ты пытаешься сбить с пути истинного мою дочь и... Да слушай же, колдунишка несчастный!

С этими словами герцог нагнулся и дернул за волосы болтающуюся голову юноши. Тот закатил глаза и судорожно дернулся: егеря от неожиданности не сумели его удержать, и Джанарл чуть было не выпал из седла.

Внезапно послышался громкий треск сучьев и топот копыт. Кто-то закричал:

— Осторожней, хозяин! О боги, да помогите кто-нибудь герцогу!

Поднявшийся на ноги раненый кабан летел к кучке людей во весь опор, целясь в лошадь Джанарла.

Схватившись за оружие, егеря бросились врассыпную.

Лошадь Джанарла попятилась и чуть не выбросила из седла своего всадника. Кабан пролетел мимо, словно черная ночь в красных сполохах. Еще немного, и Джанарл рухнул бы ему на спину. Кабан резко развернулся и снова бросился в атаку; три копья вонзи-

лись в землю рядом с ним. Джанарл попытался выпрямиться в седле, но зацепился ногой за стремя, и лошадь, дернув, повалила его.

Кабан приближался, но тут раздался топот копыт. Мимо Джанарла пролетела лошадь, и направленное уверенною рукою копье глубоко вонзилось зверю в лопатку. Черный кабан дернулся, попытался ударить клыком по копью, завалился на бок и замер.

Ивриана выпустила из рук древко копья. Ее пальцы дрожали крупной дрожью. Девушка тяжело осела в седле и другой рукой схватилась за луку.

Джанарл поднялся на ноги, посмотрел на дочь, на кабана, затем обвел взглядом всю прогалину.

Ученик Главаса Ро исчез.

— Север — в юг, а лево — в право, стань пустынею, дубрава, сон, повсюду ставь заставы, помогайте, лес и травы.

Опухшими губами Мышонок бормотал заклинание; казалось, он обращался к земле, на которой лежал. Сложив пальцы в кабалистический знак, он достал из крошечного мешочка щепоть зеленого порошка и бросил его в воздух движением кисти, которое заставило его поморщиться.

— Пес, от волка ты рожден, враг бичу и сворке он. Чти единорога, конь, он свободен, как огонь. Помогайте, ночь и сонь!

Договорив заклинание, Мышонок затих; боль в истерзанном теле стала не такой мучительной. Он лежал и прислушивался к чуть различимым звукам погони.

Прямо перед его лицом оказался пучок травы. Мышонок смотрел, как трудолюбивый муравей карабкается по стебельку, падает и снова лезет вверх. На какую-то секунду он почувствовал сродство между собой и крошечным насекомым. Потом вспомнил черного кабана, чья неожиданная атака дала ему возможность скрыться, и на миг почему-то связал его с муравьем.

Ему пришли на память пираты, угрожавшие его жизни, когда он странствовал по западу. Однако их веселая жестокость в корне отличалась от намеренного зверства герцогских егерей, которое явно доставляло им удовольствие.

Постепенно в Мышонке стали закипать гнев и ненависть. Перед его мысленным взором предстали боги Главаса Ро, их обычно бесстрастные лица стали белыми и насмешливыми. Он слышал слова древних заклинаний, но теперь они наполнились новым смыслом. Вскоре видения смешались в круговерть ухмыляющихся рож и жестоких рук. Где-то в глубине — бледное виноватое лицо девушки. Мечи, палки, бичи. Все кружится и кружится. А в центре, как ступица колеса, на котором людям ломают кости, мощная фигура герцога.

Разве могло справиться учение Главаса Ро с этим колесом? Оно прокатилось и раздавило его. Чем была белая магия для Джанарла и его егерей? Ничего не стоящим пергаментом, который легко можно загадить. Втоптать волшебные камни в грязь. Превратить в кашу мудрейшие мысли своими железными мозгами.

Но была и другая магия. Та, пользоваться которой запрещал Главас Ро — порой с улыбкой, но всегда твердо. Магия, о которой Мышонок узнал лишь из недомолвок и предостережений. Магия, возникшая из смерти и ненависти, боли и гниения, магия ядов и ночных вскриков, сочившаяся из черных межзвездных пространств и — как правильно сказал сам Джанарл — бросавшая из темноты проклятия в спину людям.

Мышелову казалось, что все приобретенные им прежде знания о крошечных существах, звездах, добром колдовстве и правилах обходительности природы — все это сгорело в каком-то внезапном огненном вихре. И черный пепел ожил, зашевелился, и из него потянулся сонм ночных теней, похожих на те, что сгорели, но изуродованных. Крадущихся, прячущихся, трусливо убегающих теней. Бессердечных, исполненных ненависти и ужаса, но красивых, словно черные пауки, раскачивающиеся в своих геометрически правильных тенетах.

Протрубить над ними в охотничий рог? Напустить их на Джанарла?

Глубоко в мозгу Мышонка злобный голос зашептал: «Герцог должен умереть. Герцог должен умереть». И Мышонок понял, что будет всегда слышать этот голос, пока не сбудется то, чего он требует.

Он с трудом поднялся на ноги, ощущая в сломанных ребрах пронизывающую боль и удивляясь, как ему удалось убежать так далеко. Стиснув зубы, он поплелся через поляну, а когда добрался до деревьев на другом краю, боль заставила его упасть на четвереньки. Он прополз еще немного и потерял сознание.

К вечеру третьего после охоты дня Ивриана, выскользнув из своей комнаты в башне, велела глупо ухмыляющемуся конюху привести ее лошадь и, миновав долину, перейдя через реку и взобравшись на противоположную сторону холма, оказалась у скалы, за которой когда-то был дом Главаса Ро. От представшего глазам девушки разора ее напряженное бледное лицо стало еще несчастнее. Спешившись, она подошла к пожарищу, трясясь при мысли о том, что наткнется на труп Главаса Ро. Но его нигде не было. Она обратила внимание, что пепел весь разворошен, словно кто-то искал в нем уцелевшие от огня предметы. Над пепелищем стояла тишина.

Внимание девушки привлек холмик на краю поляны, и она подошла к нему. Это была свежая могила, вместо надгробной плиты на ней лежал небольшой плоский зеленоватый камень с вырезанными на нем странными изображениями и обрамленный серыми голышами.

Внезапно донесшийся из леса шорох заставил Ивриану вздрогнуть: она поняла, что очень напугана, но до сих пор из-за сильного горя не ощущала страха. Она посмотрела в сторону леса и вскрикнула: из просвета между листьями на нее смотрело чье-то лицо. Дикое лицо, измазанное грязью и зеленью травы, в засохших кровоподтеках, с начавшейся пробиваться бородкой. И тут она узнала его.

— Мышонок! — неуверенно окликнула девушка.

Голос, который ей ответил, она узнала с трудом.

— Итак, ты вернулась, дабы насладиться разрушением, виною которому — твое предательство.

— Нет, Мышонок, да нет же! — воскликнула Ивриана. — Я этого не хотела, можешь мне поверить!

— Ты лжешь! Это ведь люди твоего отца убили его и сожгли дом.

— Но я не думала, что они осмелятся!

— Не думала, что осмелятся — словно это тебя извиняет. Ты так боишься своего отца, что готова выдать ему что угодно. Ты живешь одним страхом.

— Не всегда, Мышонок. В конце концов я же убила кабана.

— Тем хуже — ты убила зверя, посланного богами на погибель твоему отцу.

— Но на самом деле я не убивала кабана. Я только хвасталась, когда говорила об этом, думала, что тебе понравится моя смелость. Я не помню, как его убивала. Ум мой что-то затмило. Мне кажется, моя покойная мать вошла в меня и направила мою руку с копьем.

— Ты бросаешься из одной лжи в другую! Я скажу точнее: ты живешь только страхом, за исключением тех случаев, когда отец кнутом заставляет тебя быть смелой. Мне следовало подумать об этом раньше и предупредить Главаса Ро относительно тебя. Но я-то думал, что ты не такая.

— Ты ведь звал меня Мышкой, — чуть слышно проговорила девушка.

— Да, мы играли в мышей, забыв, что кошки существуют на самом деле. И вот, когда меня не было, тебя простым кнутом запугали до того, что ты выдала Главаса Ро своему отцу!

— Мышонок, не осуждай меня. — Иврианa уже плакала. — Я знаю, что в моей жизни не было ничего, кроме страха. С детских лет отец старался внушить мне, что жестокость и ненависть правят миром. Он истязал и мучил меня. Мне некуда было деться, пока я не встретила Главаса Ро и не узнала, что в мире есть законы сочувствия и любви, которым подчиняется даже смерть и кажущаяся ненависть. Но теперь Главас Ро мертв, и я напугана и одинока еще больше, чем раньше. Мне нужна твоя помощь, Мышонок. Ты учился у Главаса Ро. Ты не забыл его уроки. Помоги же мне.

Юноша язвительно рассмеялся:

— Помочь, а потом ты меня предашь? Они будут бить меня плетью, а ты станешь любоваться? Я должен слушать твой сладкий лживый голосок, а тем временем егеря твоего отца окружат меня? Нет, у меня другие замыслы.

— Замыслы? — переспросила девушка. В ее голосе слышалась тревога. — Мышонок, пока ты здесь бро-

дишь, твоя жизнь в опасности. Люди моего отца поклялись убить тебя, как только обнаружат. Поверь, я умру, если они тебя поймают. Уходи отсюда не медля. Только скажи прежде, что ты не питаешь ко мне ненависти.

Юноша снова ехидно рассмеялся.

— Ты недостойна моей ненависти, — прозвучали жгучие слова. — Я презираю тебя за твою трусость и слабость. Главас Ро слишком много говорил о любви. В мире существуют законы ненависти, которым подчиняется даже любовь, и теперь настало время заставить их поработать на меня. Не подходи! Я не собираюсь рассказывать тебе о своих замыслах и выдавать норы, в которых я прячусь. Но одно я тебе скажу, слушай меня внимательно. Через неделю начнутся мучения твоего отца.

— Мучения моего отца?.. Мышонок, Мышонок, послушай. Я хочу расспросить тебя об учении Главаса Ро. Я хочу расспросить тебя о самом Главасе Ро. Отец намекнул, что он знал мою мать и что она, возможно, родила меня от него.

На сей раз последовало молчание, и только потом язвительный смех зазвучал с удвоенной силой.

— Прекрасно! Чудесно! Я с радостью думаю, что Седобородый Старик взял кое-что от жизни, прежде чем стал таким мудрым-мудрым. Очень хочется верить, что он и впрямь завалил в каком-нибудь уголке твою мать. Тогда было бы понятно все его благородство. Там, где есть столько любви к любому существу, прежде должны были быть похоть и грех. Его белая магия была рождена этой встречей и всей злобой твоей матери. Точно! Грех и белая магия, рука об руку, — и боги никогда не лгут! И в результате дочь Главаса Ро обрекает своего истинного отца на смерть в дыму и копоти.

Лицо исчезло, осталась лишь черная дыра в обрамлении листьев. Девушка бросилась в лес, зовя Мышонка, пытаясь бежать на звук удаляющегося смеха. Но вскоре смех замер; стоя в какой-то сумрачной лощине, Ивриана думала, как злобно звучал смех ученика чародея — как будто он смеялся над смертью всей любви или даже над тем, что она так и не родилась. Паника охватила девушку, и она бросилась назад; колючие кусты цеплялись за ее одежду и ветви ца-

рапали ей лицо, пока она не добралась до поляны и не поскакала галопом сквозь сгущающиеся сумерки, преследуемая тысячью страхов и чувствуя боль в сердце оттого, что нет больше на земле человека, который не испытывал бы к ней ненависти и презрения.

Когда Ивриана подскакала к крепости, ей показалось, что та нависла над нею, словно какое-то жуткое чудовище с иззубренным хребтом, а когда она проезжала через большие ворота, ей почудилось, что чудовище навсегда проглотило ее.

На седьмой день вечером, сидя в просторной зале, где был накрыт обед и раздавались гул голосов и звяканье серебряной посуды, Джанарл внезапно тихо вскрикнул и прижал руку к сердцу.

— Ничего, — через несколько секунд успокоил он сидящего рядом узколицего оруженосца. — Налей-ка мне вина! Выпью, оно и полегчает.

Однако герцог оставался бледным и, явно чувствуя себя не в своей тарелке, почти не ел мяса, поданного большими дымящимися ломтями. Взгляд его, перебегая по лицам сотрапезников, наконец остановился на дочери.

— Перестань так угрюмо пялиться на меня! — воскликнул он. — Можно подумать, что ты отравила мне вино и теперь ждешь, пока я пойду зелеными пятнами. Или красными с черной каемочкой.

Взрыв хохота, казалось, порадовал герцога: он оторвал крылышко курицы и жадно впился в него зубами, однако тут же снова вскрикнул, уже громче, чем в первый раз, качаясь, встал, судорожно прижал руку к груди и опрокинулся на стол, рыча и корчась от боли.

— У герцога удар, — сообщил узколицый оруженосец, с важным видом наклонившись над хозяином, хотя это и так было ясно. — Отнесите его в постель. И расстегните кто-нибудь герцогу ворот, ему не хватает воздуха.

Над столом пролетел шепоток. Когда двери покоев герцога распахнулись, в столовую ворвался холодный воздух, от которого пламя факелов замигало и поголубело, а в залу вползли тени. Внезапно один из факелов вспыхнул яркой звездой и осветил лицо де-

вушки. Ивриана увидела, что люди стали отодвигаться от нее, бросая подозрительные взгляды и что-то бормоча, как будто шутка герцога была недалека от истины. Она продолжала сидеть, потупя взор. Через несколько минут к ней подошел человек и объявил, что герцог зовет ее к себе. Ивриана встала и молча пошла за ним.

Исказившееся от боли лицо герцога было серым, но он держал себя в руках, и только его пальцы с каждым вдохом судорожно сжимались на краю кровати, так что костяшки становились белыми. Он сидел, обложенный подушками и плотно завернутый в меховой плащ; вокруг постели стояли жаровни на высоких треножниках, но герцога несмотря на это бил озноб.

— Подойди сюда, дочь, — велел он тихим усталым голосом, со свистом вырывавшимся из горла вместе с дыханием. — Ты знаешь, что произошло. Сердце у меня горит, словно под ним разожгли костер, а тело будто сковано льдом. В суставах такая боль, точно в каждую кость воткнули по игле. Это работа колдуна.

— Работа колдуна, тут сомнений быть не может, — подтвердил Джискорл, узколицый оруженосец, стоявший подле кровати. — И нет нужды гадать, что это за колдун. Говорят, он бродит по окрестным лесам и ведет беседы с... кое с кем, — добавил он, пристально и подозрительно глядя на Ивриану.

Волна боли захлестнула герцога.

— Нужно было прибить звереныша на месте, — прохрипел он и взглянул на Ивриану. — Послушай, дочь, тебя видели в лесу недалеко от места, где был убит старый колдун. Люди считают, что ты разговаривала с этим молокососом.

Облизнув губы, Ивриана попыталась что-то сказать, но лишь отрицательно покачала головой. Она ощущала на себе испытующий взгляд отца. Внезапно он поднял руку и схватил девушку за волосы.

— Я уверен, что ты с ним в сговоре! — Его шепот прорезал тишину, как ржавый нож. — Ты помогла ему напустить на меня порчу. Признавайся! Признавайся немедленно! — Герцог сунул дочь щекой в ближайшую жаровню, так что у девушки задымились волосы и ее «Нет!» прозвучало дрожащим воплем. Жаровня покачнулась, но Джискорл поправил ее. Сквозь

крик Иврианы послышался рык герцога: — Твоя мать однажды держала в руке горячие уголья, чтобы доказать свою невиновность.

Призрачное голубое пламя побежало по волосам Иврианы. Герцог оттолкнул ее от жаровни и упал на подушки.

— Уберите ее отсюда, — в конце концов с усилием, едва слышно прошептал он. — Она трусиха и не осмелится причинить вред даже мне. А ты, Джискорл, пошли побольше людей на лесную охоту. Они должны отыскать его логовище до рассвета, или мое сердце разорвется, пока я терплю эту боль.

Джискорл грубо подтолкнул Ивриану к двери. Она съежилась и, едва сдерживая слезы, выскользнула из комнаты. Ее щека горела от боли. Она не заметила странной задумчивой улыбки, с которой наблюдал за ней узколицый оруженосец.

Ивриана стояла в своей комнате подле узкого окошка и наблюдала за снующими туда и сюда кучками всадников, факелы которых мерцали, как блуждающие огоньки в лесу. В замке царило таинственное оживление. Ожили, казалось, даже его камни, чтобы разделить страдания хозяина.

Ивриану неудержимо тянуло к одному месту, находящемуся где-то там, в темноте. Она снова и снова вспоминала, как однажды Главас Ро показал ей маленькую пещеру на круче холма и сказал, что когда-то там совершались запретные колдовские обряды. Она поглаживала то шрам на щеке, напоминающий серп, то выжженную прядь волос.

Наконец ее тревога и стремление убежать в ночь сделались нестерпимыми. Не зажигая огня, девушка оделась и приоткрыла дверь спальни. В коридоре, похоже, никого не было. Вжимаясь в стены, она добралась до лестницы и побежала вниз по взгорбленным каменным ступеням. Чьи-то шаги заставили ее спрятаться в нишу: мимо с угрюмыми лицами в спальню герцога прошли два егеря. Они были все в пыли и после долгой езды двигались неуверенно.

— В такой тьме его не найти, — пробормотал один из них. — Это все равно что охотиться в погребе на муравьев.

Второй кивнул.

— А колдуны умеют переставлять ориентиры и скручивать в кольцо лесные тропинки, так что погоня ходит по кругу.

Как только они прошли, Ивриана бросилась в большую залу, темную и пустую, а из нее — в кухню с высокими кирпичными печами и сверкающими в полумраке громадными медными котлами.

Во дворе повсюду горели факелы и царило оживление: конюхи приводили свежих лошадей и уводили уставших, однако Ивриана надеялась, что благодаря охотничьему костюму ее никто не узнает. Держась в тени, она стала пробираться к конюшням. Когда девушка вошла в стойло, ее лошадь тревожно заржала, но Ивриана тихим шепотом успокоила ее. Через несколько минут она уже вела оседланную лошадь к полям позади замка. Всадников вокруг видно не было, и девушка, вскочив в седло, понеслась в сторону леса.

В душе у нее бушевало смятение. Почему ей достало смелости зайти так далеко, она могла объяснить себе только волшебным и неумолимым притяжением заветного места в ночи — пещеры, относительно которой ее предостерегал Главас Ро.

Углубившись в лес, Ивриана внезапно осознала, что отдается на милость тьмы и навсегда оставляет мрачный замок и его обитателей. За густой листвой звезд почти не было видно. Она отпустила поводья, надеясь, что лошадь сама привезет ее куда нужно, и не ошиблась: через полчаса перед нею открылась неглубокая ложбина, которой можно было доехать до пещеры.

И тут ее лошадь впервые забеспокоилась. Она начала то и дело артачиться и всхрапывать от страха, не желая бежать по ложбине. Вскоре она сменила рысь на шаг, а еще через несколько минут остановилась как вкопанная. Прижав уши, животное дрожало всем телом.

Ивриана спешилась и пошла дальше. В лесу стояла торжественная тишина, как будто все животные, птицы и даже насекомые покинули его. Тьма впереди была почти осязаемой, казалось, протяни руку — и наткнешься на стену из черных кирпичей.

И тут Ивриана различила зеленоватый свет — слабый, едва заметный, как при рождении утренней зари. Постепенно он стал ярче и начал мерцать, по-

скольку завеса листьев перед ним становилась все реже. Внезапно девушка обнаружила, что смотрит прямо на источник света — широкие коптящие языки пламени, которое не плясало как обычно, а странно корчилось. Если бы зеленый ил сделался огнем, он выглядел бы точно так же. Пламя горело у входа в неглубокую пещеру.

Вскоре рядом с пламенем Ивриана увидела лицо ученика Главаса Ро, и в тот же миг ее пронзил ужас и сочувствие.

Лицо юноши казалось нечеловеческим — зеленая маска страдания без каких-либо признаков жизни. Впалые щеки, дико горящие глаза, бледная кожа вся в капельках ледяного пота, выступившего от неимоверного внутреннего напряжения. На лице было написано страдание и вместе с тем воля — воля повелевать извивающимися тенями, толпившимися вокруг зеленого пламени, и таившимися в них силами ненависти. Через определенные промежутки времени губы юноши приходили в движение, руки поднимались в одних и тех же жестах.

Ивриане почудилось, что она слышит бархатистый голос Главаса Ро, который повторяет слова, сказанные им когда-то Мышонку и ей. «Никто не может пользоваться черной магией без того, чтобы не истерзать свою душу и не запятнать ее сделкой. Никто не может заставить другого страдать, не страдая сам. Никто не может с помощью чар и заклинаний наслать на человека смерть и не оказаться при этом на краю смертной пропасти и не уронить в нее хотя бы несколько капель собственной крови. Силы, пробуждаемые черной магией, похожи на обоюдоострые отравленные мечи, рукояти которых утыканы жалами скорпионов. Только могучий человек с задубевшими ладонями, в котором прочно обосновались ненависть и злоба, может держать их в руках, да и то недолго».

В лице Мышонка Ивриана увидела подтверждение этих слов. Шаг за шагом она стала приближаться к нему, не в силах более управлять своим телом, как это бывает в кошмарном сне. Она начала ощущать присутствие теней, словно прокладывала себе путь сквозь сотканную ими паутину. Девушка так близко подошла к Мышонку, что могла дотронуться до него

рукой, но он не замечал ее, как будто его дух носился где-то среди звезд в стремлении обхватить собою мрак.

Под ногой Иврианы хрустнула ветка, и Мышонок вскочил с устрашающей быстротой, высвобождая энергию каждого напряженного мускула. Выхватив меч, он бросился на пришелицу, и лишь когда зеленое лезвие уже было на расстоянии ладони от горла девушки, молодой человек с трудом задержал его полет. Оскалившись, он свирепо смотрел на нее; хотя удар и не был нанесен, Мышонок, казалось, с трудом узнал девушку.

В этот миг на Иврианy налетел порыв ветра из пещеры, странного ветра, в котором кружились тени. Быстро перебегая по сучьям, зеленое пламя стало меньше, почти погасло.

Потом ветер стих, и все окружила липкая темнота, на смену которой уже шел тусклый серый свет, возвещавший о приходе зари. Пламя из зеленого стало желтым. Ученик чародея покачнулся, и меч выпал у него из руки.

— Зачем ты пришла сюда? — заплетающимся языком спросил он.

Девушка увидела, что лицо его исхудало от голода и ненависти, а на одежду легли следы многих ночей, проведенных под открытым небом в лесу. И тут она вдруг поняла, что знает, как ответить на его вопрос.

— Ах, Мышонок, — прошептала она, — давай уйдем отсюда. Здесь вокруг один ужас. — Он снова покачнулся, и она поддержала его. — Возьми меня с собой, — добавила она.

Нахмурившись, он смотрел ей прямо в глаза.

— Выходит, ты не испытываешь ко мне ненависти за то, что я сделал с твоим отцом? И за то, как я поступил с заветами Главаса Ро? — озадаченно спросил Мышонок. — Ты не боишься меня?

— Я всего боюсь, — прижавшись к нему, прошептала девушка. — И тебя, даже очень. Но от этого страха можно отвыкнуть. О, Мышонок, ты заберешь меня отсюда? В Ланкмар или даже на край земли?

Он обхватил ее за плечи и медленно произнес:

— Я давно мечтаю об этом. Но ты?..

— Ученик Главаса Ро? — вдруг загремел резкий торжествующий голос. — Именем герцога Джанарла ты арестован за то, что наслал на него порчу!

Из кустов выскочили четверо егерей с мечами наголо, за ними — Джискорл. Мышонок бросился к ним навстречу. На сей раз они быстро обнаружили, что имеют дело не с ослепшим от ярости юнцом, а холодным и расчетливым фехтовальщиком. Его старый клинок был словно заколдованным. Точным выпадом Мышонок распорол руку первого нападающего, неожиданным поворотом кисти обезоружил второго и стал хладнокровно отражать удары остальных, медленно отступая назад. Но тут набежали другие егеря и окружили сражающихся. Продолжая неистово отвечать ударом на удар, Мышонок все же уступил натиску превосходящих сил и упал на землю. Схватив его за руки, егеря подняли юношу на ноги. Из раны на щеке у него струилась кровь, но он высоко держал свою лохматую, как у зверя, голову. Налитыми кровью глазами он искал Ивриану.

— Мне следовало бы догадаться, — спокойно проговорил он, — что, предав Главаса Ро, ты не остановишься, пока не предашь и меня. Ты справилась отлично, любезнейшая. Надеюсь, моя смерть доставит тебе удовольствие.

Джискорл расхохотался. Слова Мышонка бичом ударили Ивриану. Она была не в силах встретиться с ним взглядом. Но тут за спиной у Джискорла она заметила всадника и, вглядевшись, узнала в нем своего отца. Он сидел в седле, скрючившись от боли, лицо его походило на смертную маску. Казалось чудом, что ему удается не упасть с лошади.

— Скорее, Джискорл! — прошипел он.

Но узколицый оруженосец уже что-то вынюхивал у входа в пещеру, словно хорошо натасканный хорек. Издав удовлетворенный возглас, он поднял маленькую фигурку, лежавшую на доске над огнем, и тут же затоптал костер. Фигурку он держал бережно, словно она была сделана из паутины. Когда он проходил мимо, Ивриана разглядела у него в руках глиняную куклу, очень толстую, одетую в коричневые и желтые листья и карикатурно похожую на ее отца. В нескольких местах из нее торчали длинные костяные иглы.

— Вот она, хозяин, — подняв куклу, проговорил Джискорл, но герцог лишь повторил:

— Скорее!

Оруженосец начал вытаскивать самую длинную иглу, торчащую на груди куклы, герцог охнул от боли и воскликнул:

— Не забудь бальзам!

Вытащив зубами пробку из пузатой склянки, Джискорл облил куклу тягучей жидкостью, и герцог немного перевел дух. Тогда Джискорл принялся одну за одной вытаскивать иглы, и всякий раз герцог начинал дышать чаще и прикладывал руку то к плечу, то к бедру, как будто иглы выходили из его тела. Когда все было кончено, он обвис в седле и долго сидел, не произнося ни звука. Когда же он наконец поднял голову, все увидели, как удивительно преобразился их хозяин: лицо порозовело, вызванные болью морщины исчезли, голос стал громким и звучным.

— Отведите пленника в замок — там он будет ждать нашего суда, — воскликнул он. — И пусть судьба его будет предостережением всем, кто захочет заниматься колдовством на наших землях. Джискорл, ты доказал свою преданность. — Взгляд герцога упал на Ивриану. — А ты слишком долго играла в ворожею, дочь, я сам займусь твоим воспитанием. Для начала ты будешь присутствовать при наказании этого мерзкого колдунишки.

— Да ведь это для нее награда, герцог! — воскликнул Мышонок. Его посадили в седло и связали ноги под брюхом у лошади. — Убери с моих глаз свою дочь, эту гнусную шпионку! И не позволяй ей видеть мои мучения.

— Эй, там, заткните-ка ему рот! — велел герцог. — А ты, Ивриана, поедешь сразу за ним, это приказ.

В разгорающемся свете дня небольшая кавалькада медленно двинулась к замку. Ивриане привели ее лошадь, и девушка, сломленная горем и поражением, заняла свое место, как ей велел отец. Ивриане казалось, что перед нею развернулась вся ее жизнь — прошлое, настоящее и будущее, — которая состояла из страха, одиночества и боли. Воспоминания о матери, умершей, когда она была совсем маленькой, от ужаса, до сих пор заставляли биться сердце Иврианы чаще: это была отважная, красивая женщина, всегда с бичом в руке, которую побаивался даже отец. Ивриана вспомнила, что когда слуга принес весть о том, что мать упала с лошади и сломала шею, ее единст-

венным чувством был страх: а вдруг ей солгали, вдруг это очередная уловка матери, чтобы усыпить ее бдительность, и вскоре последует какое-то новое наказание?

А после смерти матери она не видела от отца ничего, кроме извращенной жестокости. Возможно, из огорчения, что у него родилась дочь, а не сын, герцог обращался с нею, как с трусливым мальчиком, а не как с девочкой, и всячески поощрял самых подлых из своих слуг к тому, чтобы они третировали ее — от горничных, которые изображали привидений у ее постели, до кухонных девок, которые клали ей в молоко лягушек и жгучую крапиву в салат.

Порою же ей казалось, что злостью по поводу рождения дочери в полной мере объяснить жестокость отца нельзя, что он отыгрывается на ней за страх, который испытывал перед покойной женой, до сих пор оказывающей влияние на его поступки: герцог так и не женился вторично и даже не держал любовниц, по крайней мере в открытую. А вдруг то, что он сказал насчет ее матери и Главаса Ро — правда? Но нет, это дикие выдумки, порожденные его злобой. А может — как он сам порою ей признавался, — герцог хотел вырастить дочь по образу и подобию ее жестокой и кровожадной матери, пытаясь воссоздать свою ненавидимую и вместе с тем обожаемую жену в личности дочери и находя противоестественное удовольствие в преодолении неподатливого материала, с которым работал, и в нелепости всей затеи.

И вот Иврианa нашла спасение у Главаса Ро. Когда она, скитаясь в одиночестве по лесам, впервые натолкнулась на этого седобородого старика, он лечил олененку сломанную ногу и сразу тихим голосом стал рассказывать ей о доброте и братстве между всеми живыми существами, людьми и животными. И она изо дня в день стала приходить к нему, чтобы услышать истину, о которой сама смутно догадывалась, чтобы спрятаться за его неизменной добротой... и чтобы поддержать робкую дружбу с его маленьким, но сметливым учеником. Но теперь Главас Ро погиб, а Мышонок вступил на паучью дорогу, змеиный путь, кошачью тропу, как старый чародей называл порой эту гибельную магию.

Девушка подняла глаза и увидела Мышонка: со связанными за спиной руками, согнувшись, он ехал впереди, чуть сбоку от нее. Она почувствовала угрызения совести, потому что была виновной в поимке Мышонка. Но еще сильнее была боль из-за утраченной возможности: впереди ехал человек, который мог спасти Ивриану, вырвать ее из этой жизни, и этот человек был обречен.

Тропа сузилась, и девушка оказалась рядом с Мышонком. Торопливо, стыдясь самой себя, она проговорила:

— Если я могу сделать что-то, чтобы ты простил меня...

Юноша бросил на нее снизу вверх острый, одобрительный и на удивление живой взгляд.

— Вероятно, можешь, — тихо, чтобы не услышал ехавший впереди егерь, прошептал он. — Ты прекрасно понимаешь, что твой отец замучает меня до смерти. Ты будешь при этом присутствовать. Сделай вот что. Ни на секунду не спускай с меня глаз. Сядь рядом с отцом. Положи ладонь ему на руку и поцелуй его. Главное, не показывай, что тебе страшно или противно. Будь словно мраморная статуя. И просиди так до конца. Да, и еще одно: надень, если удастся, платье матери, или какую-нибудь другую ее вещь. — Мышонок слабо улыбнулся. — Сделай так, и я хоть немного утешусь, видя, как ты дрожишь, дрожишь, дрожишь!

— Эй, хватит там бормотать всякие заклятья! — закричал внезапно егерь и дернул лошадь Мышонка за повод.

Ивриана пошатнулась, как будто ее ударили по лицу. Ей казалось, что она так несчастна, что дальше некуда. Однако слова Мышонка довели ее до последней черты. В этот миг кавалькада выехала из леса, и вдали появился замок — черное зазубренное пятно на фоне восходящего солнца. Никогда еще замок не казался девушке столь чудовищным. Его высокие ворота были для Ивриана железными челюстями смерти.

Спускаясь в находящуюся глубоко в подземелье камеру для пыток, Джанарл испытывал ликование, какое всегда охватывало его, когда он со своими егерями затравливал зверя. Однако захлестнувшая его волна радости была покрыта пеной страха. Он чув-

ствовал себя, как изголодавшийся человек, приглашенный на роскошный ужин, но предупрежденный прорицателем, что яства могут быть отравлены. Герцога преследовало воспоминание об искаженном испугом лице егеря, раненного в руку позеленевшим мечом юного колдуна. Джанарл встретился взглядом с учеником Главаса Ро, чье полуобнаженное тело уже было растянуто на дыбе — к пытке, правда, еще не приступали, — и его страх усилился. Глаза Мышонка были такие испытующие, такие холодные и грозные, так явно чувствовалось в них колдовское могущество...

Герцог сердито оборвал поток этих мыслей и в душе сказал себе, что немного боли — и взгляд этих глаз станет затравленным, испуганным. Он подумал, что до сих пор не пришел в себя после вчерашних ужасов, когда его чуть было не вколотили в гроб с помощью мерзкого колдовства. Но в глубине сердца он знал, что страх всегда жил в нем — страх, что однажды кто-то или что-то окажется сильнее него и заставит его страдать, как он сам заставлял страдать других, страх перед мертвыми, которых он погубил и перед которыми теперь бессилен, страх перед своей покойной женой, которая была сильнее и бессердечнее, чем он, и унижала его тысячью способами, о чем помнил он один.

Но герцог знал и другое: скоро сюда придет его дочь, и он сможет переложить свой страх на нее, заставить ее бояться и тем самым вернуть себе мужество, как он уже делал бессчетное число раз.

Поэтому Джанарл уверенно занял свое место и велел приступать к пыткам.

Когда большое колесо заскрипело и кожаные браслеты на руках и ногах немного натянулись, Мышонок почувствовал, как его захлестывает волна беспомощности и паника. Она сконцентрировалась в его суставах — этих глубоко спрятанных сочленениях, обычно не подвергающихся опасности. Боли пока не было. Просто его тело немного напряглось, словно он зевнул и потянулся.

Прямо перед собой он видел низкий потолок. Неверное пламя факелов освещало швы между камнями и пыльную паутину. У своих ног Мышонок видел верхнюю часть колеса и две большие руки, которые легко и очень медленно проворачивали его, делая

остановки в двадцать ударов сердца. Повернув голову набок и скосив глаза, он видел внушительную фигуру герцога — не такую толстую, какой была кукла, но достаточно массивную, — который сидел в резном деревянном кресле, а за его спиной стояли два вооруженных воина. Унизанные сверкающими перстнями смуглые пальцы герцога крепко сжимали подлокотники кресла. Ноги его твердо упирались в пол. Лицо выражало упрямство. И только в его глазах проскальзывала не то тревога, не то чувство беззащитности. Они бегали из стороны в сторону, суетливо и непрестанно, словно подвешенные на шарнирах глазки куклы.

— Моя дочь должна быть здесь, — глухо и отрывисто проговорил герцог. — Поторопите ее. Нечего ей там копаться.

Один из стражников немедленно вышел.

И тут появилась боль: она вспыхивала то в предплечье, то в спине, то в колене. Усилием воли Мышонок сделал бесстрастное лицо. Он сосредоточил все свое внимание на окружавших его физиономиях, подробно рассматривал их, словно перед ним была картина, отмечая блики света на щеках и глазах, созерцая колеблющиеся в свете факелов тени на низких стенах.

И вскоре эти низкие стены стали медленно таять, и перед Мышонком открылись невиданные им доселе просторы, словно расстояния вовсе перестали существовать: он увидел громадные леса, залитые светом янтарные пустыни и бирюзовые моря, увидел озеро Чудовищ, город Упырей, великолепный Ланкмар, Землю Восьми Городов, горы Пляшущих Троллей, сказочные Стылые Пустоши и там — спешащего куда-то рыжеволосого и высокого юнца с открытым лицом, которого он приметил когда-то среди пиратов и с которым потом разговаривал — увидел чужие места и чужих людей, но так ясно, словно перед ним была гравюра, сделанная художником-миниатюристом.

Боль вернулась внезапно и сделалась ощутимее. Коварная длинная игла зашевелилась у него внутри, сильные пальцы поползли по рукам и ногам к позвоночнику, словно пытаясь раздвинуть бедра. Мышонок отчаянно напряг все свои мускулы.

И тут послышался голос герцога:

— Не так быстро. Погодите немного.

Мышонку показалось, что он уловил в голосе герцога панику. Несмотря на острую боль, он повернул голову и посмотрел на беспокойные глаза Джанарла. Они продолжали бегать туда и сюда, словно крошечные маятники.

Внезапно, словно время перестало существовать, Мышонок увидел сцену, происходившую в этом подземелье когда-то раньше. Герцог так же сидел в своем кресле, глазки у него бегали, как и сейчас, но выглядел он моложе, и на лице его была нескрываемая паника и ужас. Рядом с ним сидела вызывающе красивая женщина в темно-красном платье с низким вырезом и вставками из желтого шелка. На месте Мышонка, на дыбе лежала здоровая и привлекательная, но жалобно стонущая девушка, которую женщина в красном невозмутимо и подробно расспрашивала относительно любовных свиданий с герцогом и попытки отравить ее, супругу герцога.

Зазвучали шаги, и сцена исчезла — как будто в воду с отражающимся в ней пейзажем бросили камень, прошлое уступило место настоящему. Послышался чей-то голос:

— Твоя дочь, о герцог.

Мышонок собрал в кулак все свое мужество. Только сейчас, несмотря даже на боль, он понял, как боится этой встречи. С горькой уверенностью он осознал, что Ивриана не выполнит его просьбу. Она не злая, он знал это, и не хотела его предать, но была начисто лишена мужества. Она начнет хныкать, своими страданиями лишит его остатков самообладания и развеет по ветру его последний невероятный замысел.

Послышались легкие шаги — шаги Иврианы. Звучали они с несвойственной им размеренностью.

Повернуть голову так, чтобы увидеть дверь, означало для Мышонка новую боль, но он пошел на это и стал ждать, когда девушка вступит в полосу красноватого света факелов.

И тут он увидел ее глаза. Они были широко раскрыты и пристально смотрели прямо на него. И не убегали в сторону. Лицо девушки было бледным, но совершенно спокойным.

Мышонок увидел, что она одета в темно-красное платье с низким вырезом и вставками из желтого шелка.

Душа Мышонка возликовала: Иврианa все-таки выполнила его просьбу. Однажды Главас Ро сказал: «Жертва может перекинуть боль назад на своего мучителя, если того удастся обманом заставить открыть канал для ненависти». И теперь такой канал был открыт и вел к самой сути Джанарла.

Мышонок жадно вперил взгляд в немигающие глаза Иврианы, словно это были заводи черной магии, мерцавшие в холодном свете луны. Он знал: эти глаза вберут в себя то, что он им пошлет.

Мышонок смотрел, как девушка села подле герцога, как тот искоса взглянул на дочь и подскочил, как будто увидел привидение. Однако Иврианa, не глядя на отца, сжала пальцами его запястье, и он дрожа рухнул в свое кресло.

— Продолжайте! — велел герцог палачам, и Мышонок по его голосу понял, что паника Джанарла вот-вот прорвется наружу.

Колесо повернулось еще немного. Мышонок услышал свой жалобный стон. Но теперь в нем самом пробудилось нечто, что было выше боли и не имело отношения к стону. Он почувствовал, что между его глазами и глазами Иврианы пролегла связующая нить — канал со стенами из камня, по которому силы человеческого духа и даже другие, более могущественные силы могут нестись, словно сокрушительный горящий поток. И между тем Иврианa не отводила взгляда. Когда он застонал, на ее лице не дрогнул ни один мускул, и только глаза стали темнее, и сама она побледнела. Мышонок почувствовал, как преобразуются ощущения в его теле. Из кипящих пучин боли на поверхность стала всплывать ненависть. Он толкнул ее вдоль по каналу с каменными стенами и увидел, что она достигла Иврианы: лицо девушки стало еще сильнее походить на смертную маску, пальцы сжались еще крепче на руке отца, который уже не мог побороть бившей его дрожи.

Колесо повернулось еще немного. Откуда-то издалека Мышонок услышал ровный, душераздирающий стон. Но теперь часть его существа находилась за пределами подземелья — высоко, в леденящей пустоте

над миром. Он увидел под собою ночную панораму лесистых холмов и долин. На вершине одного из холмов сгрудились крошечные каменные башенки. И, словно наделенный волшебным ястребиным зрением, Мышонок, глядя сквозь крыши и стены этих башенок, увидел в самом низу мрачную комнату, в которой, съежившись, копошились крохотные человечки. Кое-кто из них что-то делал с механизмом, причинявшим боль существу, похожему на белого корчащегося муравья. И боль этого существа, слабые крики которого едва проникали в сознание Мышонка, на этой высоте странно влияла на него: внутренние силы росли, а с глаз как бы спала пелена, скрывавшая до этих пор всю черноту вселенной.

Мышонок услышал вокруг громкий шепот. В бесплодной черноте раздавалось биение каменных крыл. Стальные лучи звезд, словно ножи, без боли врезались в его мозг. Он почувствовал, как мрачный смерч зла стаей мчащихся черных тигров обрушился на него из вышины, но юноша знал, что способен повелевать ими. Он подождал, пока смерч прокатится по телу, и затем швырнул его в две точки мрака, горевшие в маленькой комнатке, — в широко раскрытые глаза Иврианы, дочери герцога Джанарла. Он увидел, как черная сердцевина вихря чернильным пятном расползается по лицу девушки, вливается в ее руки, окрашивает пальцы. Он увидел, как они судорожно сжались на руке отца. Увидел, как она протягивает к герцогу руку и полуоткрытыми губами прикасается к его щеке.

И тогда, в тот миг, когда пламя факелов сделалось голубым и затрепетало в порыве самого настоящего ветра, обрушившегося на старые камни подземелья... в миг, когда палачи и стража побросали свои инструменты и оружие... в неизгладимый миг ненависти, которая нашла наконец выход, в миг свершившегося отмщения Мышонок увидел, как сильное, квадратное лицо герцога Джанарла исказилось от невыразимого ужаса, черты его сморщились, словно невидимые руки выжали его как тряпку, — и тут же обвисли: это было поражение, это была смерть.

Нить, которая поддерживала Мышонка, лопнула. Душа его камнем рухнула в подземелье.

Он почувствовал нестерпимую боль, но она предвещала не смерть, а жизнь. Над собою он снова увидел

низкий каменный потолок. Руки на колесе были белые и тонкие. И тут он понял: ему больно оттого, что дыба больше уже не растягивает его члены.

Очень медленно Ивриана отстегнула кожаные браслеты на руках и ногах юноши. Так же медленно она помогла ему встать на пол, изо всех сил поддерживая его, и они поковыляли через комнату, откуда все уже давно убежали, охваченные ужасом, не считая человека в драгоценных каменьях, съежившегося в резном кресле. Они немного постояли у кресла: Мышонок разглядывал мертвеца холодным, сытым и безразличным взглядом кота. А затем они двинулись прочь, Ивриана и Серый Мышонок, — двинулись по опустошенным паникой коридорам, прямо в ночную тьму.

4. Радушие по-ланкмарски

Беззвучно, как привидения, два вора, долговязый и толстый, проскользнув мимо задушенного удавкой сторожевого леопарда в отпертую отмычкой дверь лавки Дженгао, торговца драгоценными камнями, двинулись сквозь редкий ночной туман на восток по Чистоганной улице Ланкмара, Города Ста Сорока Тысяч Дымов.

И правильно сделали: немного западнее, на перекрестке Чистоганной и Серебряной постоянно дежурили неподкупные стражники в кирасах и шлемах из вороненой стали, непрерывно постукивающие по земле своими пиками, а дом Дженгао не имел черного хода и ни одного окна в стенах в три пяди толщиною и, кроме того, в его крыше и полу, почти таких же прочных, не было ни одного люка.

Но длинный, с плотно сжатыми губами Слевьяс, соискатель степени магистра в своей профессии, и быстроглазый Фиссиф, вор второго класса, которого ожидало за эту операцию присвоение первого класса и ранга «талантливый шильник», ни в коей мере не беспокоились. Все шло в соответствии с планом. У каждого в кошеле лежал перевязанный ремешком маленький мешочек с камнями только чистой воды, поскольку Дженгао, который валялся сейчас оглушенный у себя на полу и хрипло дышал, нужно было

позволить и даже помочь вновь развернуть свое дело, чтобы дать ему созреть для нового сбора урожая. Чуть ли не первой заповедью Цеха Воров было не убивать курочку, которая несет коричневые яички с рубинами вместо желтка или белые, но с алмазным белком.

Помимо удовлетворения от хорошо выполненной работы, воры испытывали радость, что идут прямо домой, причем не к женам — избави Аарт! — и не к родителям и детям — упаси от этого боги! — а в Дом Вора, штаб-квартиру и казарму всемогущего Цеха, который был им отцом и матерью в одном лице, хотя женщинам было запрещено входить во всегда открытые высокие ворота на Грошовой улице.

Несмотря на то, что вооружение каждого состояло лишь из предписанного правилами воровского ножа с серебряной рукояткой — это оружие использовалось лишь в междоусобных разборках и являлось скорее символом принадлежности к Цеху — оба вора чувствовали себя в безопасности: их сопровождали трое надежных профессиональных убийц, нанятых на вечер в Братстве Душегубов, причем один следовал далеко впереди в качестве головного дозора, а двое других двигались сзади, составляя арьергард и главную ударную силу; все трое перемещались, понятное дело, почти незаметно, ведь эскорт подобного рода не должен бросаться в глаза — так, по крайней мере, считал Кровас, великий магистр Цеха Воров.

И словно всего этого было недостаточно, чтобы Слевьяс и Фиссиф чувствовали себя в полной безопасности, рядом с ними, в тени у домов бесшумно скользило если и не вполне уродливое, то во всяком случае какое-то большеголовое существо, которое могло быть или крошечной собачонкой, или котом-недомерком, или гигантской крысой. Порою оно довольно бесцеремонно, словно желая ободрить воров, подбегало к их осторожным, обутым в войлочные туфли ногам, но тут же снова пряталось в самую густую тень.

Да и нельзя сказать, что спутники были в полном восторге от этого последнего стража. Отойдя шагов на сорок от лавки Дженгао, Фиссиф, продолжая идти на цыпочках, изогнул свои пухлые губы и тихонько шепнул в принадлежащее Слевьясу ухо с крупной мочкой:

— Будь я проклят, если мне нравится этот выкормыш Христомило, который болтается у нас под ногами, — неважно, охраняет он нас или нет. Плохо, что Кровас взял на работу или вынужден был взять чародея весьма сомнительной, если не сказать сильнее, репутации и внешности, но...

— Заткни хлебало! — еще тише прошипел Слевьяс.

Пожав плечами, Фиссиф умолк и стал с еще большей настороженностью озираться, особое внимание обращая на дорогу впереди.

В той стороне, куда они направлялись, у перекрестка с Золотой улицей, Чистоганную пересекала закрытая галерея, располагавшаяся на уровне второго этажа и соединявшая два дома, в которых помещались мастерские знаменитых каменотесов и скульпторов Роккермаса и Слаарга. Фронтоны обоих домов были украшены неглубокими портиками с непропорционально большими колоннами разнообразных ордеров, выполнявшими скорее рекламную, нежели конструктивную функцию.

Из-под галереи послышались два тихих коротких свистка, которыми шедший впереди наемник возвещал: засады или чего-либо подозрительного нет, на улице Желтого Дьявола тоже чисто.

Фиссиф вовсе не обрадовался этому сигналу. Сказать по правде, толстому вору нравилось чувство настороженности и даже страха, во всяком случае до известных пределов. С трудом сдерживаемая внутренняя паника заставляла его сердце биться чаще и ощущать всю полноту жизни даже острее, чем забавы с женщинами, которые он время от времени себе позволял. Поэтому он пристально уставился сквозь редкий, отдававший сажей смог, на фронтоны и галерею домов Роккермаса и Слаарга, приближаясь к ним вместе со Слевьясом с виду ленивым, но довольно быстрым шагом.

В стене закрытой галереи было прорезано четыре небольших оконца, а между ними в нишах стояли — тоже в качестве рекламы — три гипсовые статуи в натуральную величину, несколько изъеденные многолетней непогодой и окрашенные в различные оттенки серого цвета таким же многолетним смогом. Проходя перед ограблением мимо этих домов, Фиссиф успел рассмотреть статуи, бросив на них через плечо быст-

рый, но проницательный взгляд. И теперь ему показалось, что правая статуя претерпела какие-то неуловимые изменения. Она представляла человека среднего роста в плаще с капюшоном, который задумчиво стоял, скрестив руки на груди. Впрочем, нет, происшедшие изменения не были такими уж неуловимыми: теперь, как показалось Фиссифу, плащ, капюшон и лицо статуи приобрели более ровный темно-серый оттенок, черты ее лица стали более резкими, менее изъеденными временем, и — толстый вор готов был поклясться в этом — сама статуя сделалась ниже ростом!

Более того: прямо под нишей появилась груда серых и белых камней, которых прежде тут, вроде, не было. Фиссиф попытался припомнить: не слышал ли он среди суматохи налета, среди всего этого оживления, когда они душили леопарда, оглоушивали хозяина лавки, и всего прочего — не слышал ли он какого-нибудь отдаленного грохота, и теперь ему казалось, что так оно и было. Живое воображение помогло ему представить дыру или даже дверь позади статуи, откуда последняя могла получить сильный толчок и обрушиться на какого-нибудь прохожего, к примеру, на него или Слевьяса; он подумал, что правая статуя была разбита в процессе испытания ловушки и потом заменена ей подобной.

Когда они со Слевьясом будут проходить под галереей, нужно не спускать глаз со всех трех статуй. Если он увидит, что одна из них покачнулась, отпрыгнуть в сторону не составит никакого труда. Но если такое случится, следует ли ему столкнуть Слевьяса с опасного места? Это нужно хорошенько обмозговать.

Затем неуемное внимание Фиссифа переключилось на портики с колоннами. Колонны, очень толстые и ярда три высотой, были расставлены через неправильные интервалы и различались между собой формой и расположением каннелюр, поскольку Роккермас и Слааг слыли авангардистами и придавали большое значение впечатлению незаконченности, беспорядочности и неожиданности своих творений.

Однако Фиссифу, который был уже начеку, показалось, что элемент неожиданности усилился, поскольку под одним из портиков стало на одну колонну

больше, по сравнению с тем, что было недавно, когда он проходил здесь. Которая из колонн была новой, он с точностью сказать не мог, но был уверен, что таковая появилась.

Поделиться своими подозрениями со Слевьясом? Вот-вот, а тот снова зашипит на него, и в его тусклых глазках снова блеснет презрение.

Поперечная галерея была уже совсем близко. Фиссиф бросил взгляд на правую статую и заметил еще кое-какие ее отличия от той, которую запомнил. Несмотря на то, что она была ниже ростом, ее осанка сделалась более прямой, а в выражении темно-серого лица теперь присутствовало не столько философское раздумье, сколько презрительная ухмылка, пронырливость и явное самомнение.

Впрочем, когда они со Слевьясом оказались под галереей, ни одна из статуй на них не рухнула. С Фиссифом случилось в этот миг совсем иное.

Одна из колонн подмигнула ему.

Серый Мышелов — так он теперь называл себя в разговорах с Иврианой — повернулся в своей правой нише, подпрыгнув, ухватился за карниз, бесшумно взобрался на плоскую крышу и прошел на ее другой край как раз в тот миг, когда внизу показались оба вора.

Не раздумывая ни секунды, он прыгнул вперед и, держась прямо, как арбалетная стрела, полетел вниз, с соответствующим упреждением целясь подошвами башмаков из крысиной кожи в заплывшие жиром лопатки более приземистого вора.

Когда Серый Мышелов прыгнул, долговязый вор глянул через плечо наверх и выхватил нож, однако не пошевелил и пальцем, чтобы оттолкнуть или выдернуть Фиссифа из-под живого снаряда. Мышелов на лету пожал плечами. Просто ему придется побыстрее заняться долговязым вором, после того как он собьет с ног толстого.

Но тут Фиссиф гораздо быстрее, чем можно было подозревать, обернулся и пискнул:

— Сливикин!

Башмаки из крысиной кожи угодили ему прямо в брюхо. Мышелов словно приземлился на мягкую подушку. Уклонившись от первого выпада Слевьяса, он сделал сальто вперед и в тот миг, когда голова тол-

стого вора с глухим стуком пришла в соприкосновение с мостовой, приземлился на него с кинжалом в руке, готовый встретить долговязого.

Но нужды в этом уже не было. Слевьяс с остекленевшим взглядом лежал на земле.

А произошло вот что. Пока Мышелов делал сальто, одна из колонн прыгнула вперед, волоча за собой просторный плащ. Большой капюшон откинулся назад, открыв юное лицо, обрамленное длинными волосами. Из широченных рукавов, образовывавших верхнюю часть колонны, вынырнули мускулистые руки, и кулак, которым заканчивалась одна из них, хорошо рассчитанным ударом врезался в подбородок Слевьяса.

Фафхрд и Серый Мышелов уставились друг на друга, возвышаясь над поверженными врагами. Оба были готовы к атаке, но на время замерли.

Каждый из них увидел в облике соперника нечто неуловимо знакомое.

— Похоже, мы оба оказались здесь по одной и той же причине, — заметил Фафхрд.

— Похоже? Да так оно и есть, — коротко отозвался Мышелов, впившись взглядом в своего потенциального недруга, который был выше долговязого вора на голову.

— Как ты сказал?

— Я сказал: «Похоже? Да так оно и есть».

— До чего ж это цивилизованно, — с удовлетворением констатировал Фафхрд.

— Цивилизованно? — покрепче сжав кинжал, подозрительно переспросил Мышелов.

— Конечно — даже в пылу схватки следить за своей речью, — пояснил Фафхрд. Не выпуская Мышелова из поля зрения, он посмотрел вниз. Его взгляд скользнул по кошелю на поясе одного поверженного вора, потом другого. Он поднял глаза и улыбнулся Мышелову широкой, открытой улыбкой.

— Поровну — и шито-крыто, — предложил он.

Мышелов помолчал, спрятал кинжал в ножны и наконец бросил:

— Идет! — Быстро наклонившись, он принялся развязывать кошель Фиссифа и приказал: — Займись-ка Сливикином.

Было вполне естественно предположить, что толстый вор в минуту опасности позвал по имени своего подельца.

Фафхрд встал на колено и, не поднимая головы, осведомился:

— А этот... хорек, что с ними был — где он?

— Хорек? — переспросил Мышелов. — Это была мартышка!

— Мартышка, — задумчиво протянул Фафхрд. — Но ведь мартышка — это маленькая тропическая обезьянка, верно? Что же, может, это была и мартышка, но у меня сложилось странное впечатление, что...

Три клинка, устремившиеся из темноты на Фафхрда и Мышелова, отнюдь не застали их врасплох. Каждый ожидал чего-то в этом роде, и ожидание мгновенно сменилось готовностью к немедленным действиям.

Трое наемных убийц бросились на них одновременно — двое с запада и один с востока, все с мечами наизготовку, поскольку предполагали, что налетчики вооружены в лучшем случае ножами и, как это принято в воровских междоусобицах, не слишком-то охотно будут пользоваться своим оружием. Поэтому их охватило удивление и даже замешательство, когда с присущей юности молниеносной быстротой Мышелов и Фафхрд, вскочив на ноги, выхватили длинные грозные мечи и, встав спина к спине, приготовились отразить атаку.

Неуловимым движением Мышелов выполнил отбив квартой, так что клинок нападавшего с востока наемника просвистел на волосок от его бока, и тут же сам сделал выпад. Его противник в очаянном прыжке назад в свою очередь парировал удар из четвертой позиции. Почти не замедлив своего движения, кончик длинного и тонкого меча Мышелова с изяществом делающей реверанс принцессы подался вниз, уходя от отбива, после чего скользнул вперед и чуть вверх, и Мышелов в невообразимо длинном для такого невысокого человека, как он, выпаде пронзил соперника насквозь, словно сдобный бисквит, так что острие его меча, пройдя между двумя пластинками панциря бандита и его ребрами и проткнув сердце, вышло из спины.

Между тем Фафхрд, встречая наемников, нападавших с запада, отбил их выпады широкой секундой и довольно низкой примой, затем резко взмахнул вверх своим мечом, который был так же длинен, как у Мышелова, но тяжелее, и в результате рассек справа шею своего противника, чуть не обезглавив его вовсе. Отскочив назад, он тут же приготовился покончить и с другим.

Но в этом уже не было нужды. Узкая полоса окровавленной стали, направленная рукой в серой перчатке, просвистела из-за спины Фафхрда и поразила последнего наемника таким же манером, каким Мышелов прикончил первого.

Молодые люди вытерли мечи и спрятали их в ножны. Проведя по плащу правой ладонью, Фафхрд протянул ее Мышелову. Тот снял с правой руки серую перчатку и пожал лапищу новоиспеченного приятеля своими мускулистыми пальцами. Не говоря ни слова, они встали на колени и вытащили у лежавших без сознания воров мешочки с драгоценными камнями. Воспользовавшись сперва промасленным, а потом сухим полотенцем, Мышелов наскоро стер с лица смесь пепла с сажей, которой оно было намазано, затем проворно скатал полотенца и сунул их в небольшую сумку у пояса. Затем он вопросительно глянул на восток, и после кивка Фафхрда друзья быстро пошли в том же направлении, в котором двигались воры вместе с эскортом.

Оглядев улицу Желтого Дьявола, они пересекли ее и направились на восток по Чистоганной, как жестом предложил Фафхрд.

— Меня ждет женщина в «Золотой Миноге», — пояснил он.

— Давай заберем ее оттуда и пойдем домой, познакомлю с моей, — предложил Мышелов.

— Домой? — учтиво переспросил Фафхрд с едва заметным удивлением.

— Это в Тусклом переулке, — уточнил Мышелов.

— Ты имеешь в виду «Серебряный Угорь»?

— Нет, позади него. Посидим, выпьем чего-нибудь.

— Я захвачу еще кувшинчик. Слишком много выпивки никогда не бывает.

— Это точно. Возражений нет.

Пройдя несколько кварталов и бросив на нового приятеля несколько испытующих взглядов, Фафхрд убежденно заявил:

— А мы уже встречались.

Мышелов ухмыльнулся.

— На берегу у Голодных гор?

— Точно. Я тогда был юнгой у пиратов.

— А я — учеником чародея.

Фафхрд остановился, снова вытер ладонь об одежду и протянул ее Мышелову.

— Меня зовут Фафхрд. Эф, а, эф, ха, эр, де.

Мышелов снова пожал протянутую руку.

— Серый Мышелов, — проговорил он несколько вызывающе, словно приглашал посмеяться над своим прозвищем. — Извини, но как произносится твое имя? Фаф-хорд?

— Просто Фаф-хрд.

— Благодарю.

Друзья двинулись дальше.

— Серый Мышелов, да? — заметил Фафхрд. — Что же, сегодня ты прикончил пару крыс.

— Да, прикончил, — Мышелов гордо выпятил грудь и откинул назад голову. Затем забавно сморщил нос, чуть ухмыльнулся и признал: — Второго ты мог запросто уложить сам. Я украл его у тебя, чтобы показать свою скорость. Ну, и к тому же завелся.

Фафхрд хмыкнул.

— Он еще будет мне говорить! Думаешь, я не завелся?

Через несколько минут, когда они пересекли улицу Сводников, Фафхрд поинтересовался:

— И многому ты научился по части магии?

Мышелов опять откинул голову назад. Ноздри его начали раздуваться, уголки губ опустились: он приготовился держать хвастливую, полную недомолвок речь. Но тут же снова почувствовал, что нос его сморщился, а сам он ухмыляется. Что за чертовщина скрыта в этом дылде, что он, Мышелов, не может вести себя как обычно?

— Достаточно, чтобы понять, что это вещь опасная. Хотя до сих пор иногда занимаюсь ею шутки ради.

Фафхрд задавал себе похожий вопрос. Всю свою жизнь он не доверял низкорослым мужчинам, зная, что его рост мгновенно вызывает у них зависть. Но

этот смышленый парнишка был исключением из правила. Быстро соображает, и управляется с мечом будь здоров, тут спору нет. Мысленно Фафхрд молил Кроса, чтобы он понравился Влане.

На углу Чистоганной и Бардачной медленно горящий факел, защищенный от ветра широким золоченым цилиндром, бросал один сноп света вверх, в густеющий ночной смог, а другой вниз, на мостовую перед дверью в таверну. Из окружающего мрака в нижний конус света вступила Влана, очень эффектная в узком черном бархатном платье и красных чулках; единственными украшениями на ней были висевшие на черном поясе кинжал с серебряной ручкой и в серебряных ножнах и шитый серебром черный кошелек.

Фафхрд представил ей Серого Мышелова, который тут же повел себя чуть ли не с раболепной галантностью. Несколько секунд Влана пристально рассматривала его, после чего в качестве пробы одарила улыбкой.

Под факелом Фафхрд развязал мешочек, взятый им у долговязого вора. Влана заглянула в него, крепко обняла Фафхрда и звонко расцеловала, а затем ссыпала камни себе в кошелек.

Покончив с этим, Фафхрд заявил:

— Послушай, я схожу куплю кувшинчик-другой. А ты, Мышелов, расскажи ей пока, что произошло.

Когда Фафхрд вышел из «Золотой Миноги», то левой рукой он обнимал четыре кувшина, а тыльной стороной правой утирал губы. Влана стояла насупившись. Он улыбнулся ей. При виде кувшинов Мышелов аж причмокнул. Компания двинулась на восток по Чистоганной. Фафхрд понял, что за хмуростью Влана кроется нечто большее, нежели неудовольствие по поводу кувшинов и предстоящей лихой мужской попойки. Мышелов тактично обогнал их, якобы показывая дорогу.

Когда его фигура стала походить в густеющем смоге на кляксу, Влана хрипло зашептала:

— Значит, ты оглоушил двоих из Цеха Воров и не перерезал им глотки?

— Мы прикончили трех наемных убийц, — принялся извиняться Фафхрд.

— Но я-то на ножах не с Братством Душегубов, а с этим мерзким Цехом. Ты же сам поклялся, что при любой возможности...

— Влана! Я не хотел, чтобы Мышелов подумал, что я — напавший на воров любитель, охваченный истерикой и жаждой крови.

— Он для тебя уже царь и бог, не правда ли?

— Сегодня он, похоже, спас мне жизнь.

— А он сказал мне, что перерезал бы им глотки не раздумывая ни секунды, если б знал, что я этого хочу.

— Он просто был с тобою любезен.

— Может, и так, а может, и нет. Но ты-то ведь знал и не...

— Влана, замолчи!

Хмурый взгляд девушки превратился в яростный, она вдруг дико расхохоталась, на губах у нее появилась кривая улыбка, словно она собиралась заплакать, но вскоре Влана взяла себя в руки и улыбнулась уже нежнее.

— Прости меня, милый, — сказала она. — Временами тебе, должно быть, кажется, что я сошла с ума, да и мне тоже.

— Ну, не надо, — коротко отозвался Фафхрд. — Подумай лучше о камешках, которые мы добыли. И веди себя с нашим новым другом пристойно. Выпей чуть-чуть вина и расслабься. Сегодня вечером мне хочется поразвлечься, я это заслужил.

Влана кивнула и вцепилась ему в руку — в знак согласия, а также для собственного удобства и спокойствия. Они поспешили следом за едва различимой фигурой впереди.

Свернув налево, Мышелов прошел с полквартала на север по Грошовой улице, где от нее отходил на восток узенький переулок. Стоявший в нем черный туман казался твердым.

— Тусклый переулок, — объявил Мышелов.

Фафхрд кивнул — мол, знаю.

— Сегодня вечером название Тусклый слишком слабо для него, слишком прозрачно, — проговорила Влана с резким смешком, в котором еще слышалась истерика и который разрешился приступом сиплого кашля. Переведя дух, она воскликнула: — Будь про-

клят этот Ланкмар с его ночным смогом! Что за дерьмовый город!

— Здесь он ближе всего подходит к Великой Соленой Топи, — объяснил Фафхрд.

В этом-то и была вся суть. Расположенный в низине между Топью, Внутренним морем, рекою Хлал и равнинными пашнями на юге, орошаемыми посредством каналов, протянутых от Хлала, Ланкмар с его бессчетными дымами был жертвой туманов и смогов. Поэтому ничего удивительного, что в качестве официальной одежды горожане выбрали черную тогу. Кое-кто утверждал даже, что первоначально тога была белой или светло-коричневой, но так быстро покрывалась копотью, требуя бесчисленных стирок, что бережливый сюзерен утвердил и сделал официальным такой цвет одежды, которого требовали природа и цивилизация.

На полпути к Извозчицкой улице из темноты на северной стороне дороги показалась таверна. Ее вывеска представляла собою существо змееобразной формы с разинутой пастью, выполненное из светлого металла и довольно сильно закопченное. Внизу помещалась дверь, завешенная почерневшей кожей, из-за которой через щели выплескивались шум, мерцающий свет факелов и запах спиртного.

Сразу за «Серебряным Угрем» Мышелов завел своих спутников в темнеющий проход, тянувшийся вдоль восточной стены таверны. Им пришлось двигаться в затылок, держась рукой за склизкую от тумана кирпичную стену.

— Осторожно, здесь лужа, — предупредил Мышелов. — Глубокая, как Крайнее море.

Вскоре проход расширился. В отраженном свете факелов, просачивавшемся сквозь густой туман, можно было разглядеть лишь контуры окружающих зданий. Справа тянулась высокая стена без окон. Слева, у задов «Серебряного Угря», поднималось к небу зловещее покосившееся строение из темного кирпича и старого почерневшего дерева. Фафхрду и Влане оно показалось заброшенным, но, задрав головы, они увидели над третьим этажом мансарду под крышей с изъеденными ржавчиной водосточными трубами. Сквозь плотно закрытые ставни мансарды тут и там

пробивались желтые лучи. Неподалеку задний двор выходил на узкий переулок.

— Переулок Скелетов, — с некоторою торжественностью объявил Мышелов. — Я называю его Навозным бульваром.

— Да, ароматы тут подходящие, — подтвердила Влана.

Теперь они с Фафхрдом могли разглядеть снаружи дома длинную и узкую деревянную лестницу: из дерева, крутая, без перил и с виду шаткая, она вела в освещенную мансарду. Отобрав у Фафхрда кувшины, Мышелов принялся проворно взбираться по лестнице

— Пойдешь, когда я буду наверху, — крикнул он Фафхрду. — Думаю, она тебя выдержит, но лучше поднимайтесь по очереди.

Фафхрд легонько подтолкнул Влану к лестнице. Снова несколько истерично рассмеявшись и остановившись на полпути, чтобы унять приступ кашля, она поднялась к Мышелову, стоявшему перед открытой дверью, из которой струился желтый свет, быстро меркнувший в ночном смоге. Он слегка опирался рукой о большой кованый крюк для фонаря, вделанный снаружи в стену. Мышелов посторонился, и Влана вошла внутрь.

Теперь пришла очередь Фафхрда; он полез по лестнице, ставя ноги как можно ближе к стене и готовый в любую минуту за что-нибудь схватиться. Лестница угрожающе трещала, каждая ступенька прогибалась под его весом. У самого верха раздался хруст полусгнившего дерева. Осторожно, как только мог, Фафхрд лег всем телом на ступеньки и витиевато выругался.

— Не беспокойся, кувшины уже в безопасности, — весело прокричал сверху Мышелов.

Остальную часть пути Фафхрд с довольно кислым видом проделал на четвереньках и встал на ноги, только когда преодолел порог. И тут от удивления у него занялся дух.

Ощущение было таким, словно он стер паутину с дешевенького латунного колечка и обнаружил, что в него вправлен сверкающий бриллиант самой чистой воды. Богатые драпировки, кое-где расшитые серебром и золотом, закрывали все стены за исключением оконных проемов, причем ставни на окнах были позолоче-

ны. Низкий потолок был затянут похожими, но более темными тканями, образовавшими роскошный полог, на котором словно звезды, просверкивали крупинки серебра и золота. Повсюду были разбросаны мягкие подушки, тут и там виднелись низкие столики, уставленные горящими свечами. На стенных полках, как маленькие бревнышки, во множестве лежали запасные свечи, стояли разнообразные манускрипты, кувшины, бутылочки и эмалевые коробки. Небольшой туалетный столик с зеркалом полированного серебра был заставлен баночками с косметикой и шкатулками с драгоценностями. В обширном камине помещалась аккуратно выкрашенная черной краской небольшая металлическая печь с ажурной топочной дверцей. Рядом с печкой находилась пирамида, составленная из тонких длинных щепок с разлохмаченными концами, настругганных из какого-то смолистого дерева — для разжигания огня, и еще одна пирамида из метел с короткими ручками, небольших поленьев и блестящих кусков угля.

У камина на невысоком помосте стояла широкая кушетка с короткими ножками и удобной спинкой, обитая золотой материей. На ней сидела изящная красивая девушка с бледным лицом, одетая в платье из плотного лилового шелка, украшенного серебряной нитью; вместо пояса у девушки вокруг талии была повязана серебряная цепь. На ее ножках изящно сидели туфельки из белого меха снежной змеи. Черные волосы, уложенные в высокую прическу, были заколоты серебряными булавками с головками из аметистов, на плечах лежала накидка из белого горностая. Грациозно, но несколько напряженно она протянула узкую, белую, чуть дрожащую руку, а Влана, уже стоявшая перед нею на одном колене, склонила голову, отчего ее прямые, блестящие темно-каштановые волосы почти закрыли ей лицо, осторожно взяла протянутую руку и приложила ее к своим губам.

Фафхрд порадовался, увидев, что его дама ведет себя вполне достойно в этой явно необычной, хотя и очаровательной ситуации. Затем, взглянув на высунувшуюся из-под платья длинную ногу Влана в красном чулке, он заметил, что пол повсюду устлан — кое-где в два, а кое-где в три и даже четыре слоя — плотными циновками, которые привозились в город из

восточных земель. Не успев опомниться, он указал пальцем на Серого Мышелова и провозгласил:

— Ты — похититель циновок! Ковровый вор! И еще — свечной корсар! — добавил он, имея в виду две серии нераскрытых краж, о которых судачил весь Ланкмар, когда месяц назад они с Вланой появились в городе.

Мышелов невозмутимо пожал плечами, потом вдруг усмехнулся, его узкие глаза заблестели, и он, закружившись по комнате в импровизированном танце, подскочил сзади к Фафхрду, ловко сорвал с его плеч просторный балахон с капюшоном и длинными рукавами, встряхнул его, аккуратно свернул и положил на подушку.

После долгой и чуть неловкой паузы девушка в лиловом нервно похлопала ладонью по кушетке рядом с собою, Влана уселась, но не слишком близко, и дамы повели тихую беседу, исподволь направляемую Вланой.

Мышелов снял свой серый плащ с капюшоном, коекак свернул его и положил рядом с плащом Фафхрда. Затем молодые люди отстегнули мечи, и Мышелов положил их на свернутую одежду.

Без оружия и неуклюжей одежды оба они сделались вдруг совсем юными: у обоих были чистые, гладко выбритые лица, оба были изящны, даже Фафхрд, несмотря на свои мускулистые руки и ноги; длинные золотисто-рыжие волосы рассыпались у него по спине и плечам, у Мышелова оказались темные кудри с челкой надо лбом; на одном была коричневая кожаная туника, украшенная медной проволокой, на другом — короткая куртка из груботканого серого шелка.

Молодые люди улыбнулись друг другу. Из-за ощущения, что они внезапно превратились в мальчишек, в их улыбках поначалу сквозило смущение. Мышелов откашлялся, отвесил, не спуская глаз с Фафхрда, легкий поклон и, плавно вытянув в сторону золоченой кушетки руку, проговорил, немного запинаясь, но в общем вполне гладко:

— Добрый мой друг Фафхрд, позволь представить тебя моей принцессе. Ивриана, дорогая, будь любезна проявить к Фафхрду благосклонность, потому что сегодня вечером мы бились с ним спина к спине с тремя врагами и победили.

Чуть ссутулившись, Фафхрд шагнул к сверкающей кушетке и, встав на колено, как это чуть раньше сделала Влана, свесил перед Иврианой свои золотисто-рыжие волосы. Нежная ручка, протянутая к нему с виду вполне уверенно, все же чуть дрожала, как обнаружил Фафхрд, едва коснувшись тонких пальцев. Он взял ее осторожно, словно она была соткана белым пауком из шелковой паутинки, едва притронулся к ней губами и пробормотал какие-то любезности, все еще чувствуя себя не в своей тарелке.

До него пока еще не дошло, что Мышелов нервничает не меньше, чем он и, может, даже больше, и молится в душе, чтобы Ивриана не перегнула палку, играя роль принцессы, не унизила чем-либо гостей; и в самом деле: она могла внезапно задрожать, или разрыдаться, или броситься к нему либо в другую комнату, поскольку Фафхрд и Влана были буквально первыми живыми существами из всех зверей и людей — благородных, свободных или рабов, — которых Мышелов допустил в роскошное гнездышко, свитое им для своей аристократической возлюбленной, не считая, правда, двух попугайчиков, щебетавших в серебряной клетке, которая висела по другую сторону камина.

Несмотря на врожденную проницательность и благоприобретенный цинизм, Мышелову и в голову не приходило, что отважная и вполне практичная девушка, четыре луны назад сбежавшая с ним из пыточной камеры своего отца, стала похожа на куклу только из-за того, что он так очаровательно, но нелепо с нею нянчился.

Но наконец Ивриана улыбнулась, Фафхрд, осторожно отпустив ее руку, попятился, и Мышелов, переведя дух, принес два серебряных кубка и две серебряных кружки, шелковым полотенцем смахнул с них несуществующие пылинки, вдумчиво выбрал бутылку лилового вина, и вдруг, подмигнув Северянину, откупорил один из принесенных им кувшинов и налил до краев все четыре сосуда.

Откашлявшись, он на сей раз без запинки произнес тост.

— За мою самую крупную добычу в Ланкмаре, которую я, хочешь не хочешь, обязан разделить, — с

этим вот здоровым, длинноволосым, неотесанным варваром!

Досказав тост, он осушил четверть кружки приятно обжигающего вина — крепленного бренди.

Отпив залпом половину своей кружки, Фафхрд произнес ответный тост:

— За самого хвастливого, маленького и манерного из всех цивилизованных типов, с которыми мне приходилось делить добычу!

Он одним глотком допил вино и, оскалившись в широченной улыбке, протянул кружку Мышелову.

Тот налил ему еще, осушил свою кружку и, отставив ее, подошел к Ивриане и высыпал ей на колени драгоценные камни, забранные им у Фиссифа. Заняв новое и столь завидное место, они засверкали, словно лужица ртути всех цветов радуги.

Ивриана отпрянула, чуть было не просыпав камни, однако Влана нежно, но твердо взяла ее за руку и, сдержав готовый вырваться крик удивления и восхищения, наклонилась к побледневшей девушке и принялась настойчиво, но с улыбкой что-то ей нашептывать. Фафхрд понял, что Влана играет роль, причем делает это удачно: вскоре Ивриана энергично закивала и принялась, тоже шепотом, что-то отвечать. По ее просьбе Влана принесла шкатулку из голубой эмали, инкрустированную серебром, и девушки переложили камни в ее голубое бархатное чрево. Ивриана поставила шкатулку рядом с собой, и они продолжили беседу.

Потягивая вино, Фафхрд расслабился и стал осматриваться уже более осмысленно. У него прошло первое изумление, которое он испытал при виде этой, открывшейся ему среди трущоб тронной залы, яркая пышность которой только усиливалась, благодаря темноте и грязи, осклизлым стенам и полусгнившей лестнице, равно как близости Навозного бульвара; за роскошью комнаты Северянин стал замечать признаки разрухи и запустения.

Тут и там из-под драпировок выглядывало темное, гнилое или сухое, растрескавшееся дерево, от которого тянуло тоскливым запахом старья. Покрытый циновками пол прогибался, посередине комнаты даже на целую пядь. По золототканой драпировке карабкался крупный таракан, другой полз в сторону кушетки.

Ночной туман, сочившийся сквозь щели в ставнях, заволакивал черные арабески на золотом фоне. Камни камина были выскоблены и покрыты лаком, но раствора между ними почти не осталось и некоторые из них покосились, кое-где их не было вовсе.

Мышелов разжигал печку. Сунув внутрь горящую лучину, он захлопнул дверцу и отошел. Словно читая мысли Фафхрда, он взял несколько конусообразных столбиков благовоний, поджег их концы и расставил по комнате в блестящие неглубокие чаши из красной меди, причем наступил на ходу на одного таракана и ненароком поймал и раздавил в кулаке другого. Затем он заткнул самые широкие щели в ставнях шелковыми тряпками и, подхватив свою серебряную кружку, послал Фафхрду весьма суровый взгляд, словно предупреждая, чтобы тот не вздумал сказать что-нибудь не то насчет восхитительного, но немного смешного кукольного домика, который он устроил для своей принцессы.

Однако через мгновение он улыбнулся Фафхрду и поднял кружку; тот последовал его примеру. Друзья подошли к кувшину, и Мышелов, едва шевеля губами, объяснил sotto voce[1]:

— Отец Иврианы был герцогом. Я убил его, кажется, с помощью черной магии, когда он пытал меня на дыбе. Это был страшно жестокий человек, к своей дочери тоже, но все же герцог, поэтому Ивриана совершенно не привыкла заботиться о себе. Я горжусь тем, что окружил ее таким великолепием, какого она не видела даже у отца со всей его челядью.

Подавив чувство протеста, которое появилось у него по поводу занятой Мышеловом позиции, Фафхрд кивнул и любезно проговорил:

— Да, вы уворовали себе очаровательное гнездышко, вполне достойное ланкмарского сюзерена Карстака Овартомортеса или Царя Царей Тизилинилита.

Тут с кушетки раздалось сипловатое контральто Вланы:

— Серый Мышелов, твоя принцесса хотела бы послушать рассказ о вашем сегодняшнем приключении. И можно еще вина?

---

[1] Вполголоса (*итал.*).

— Да, Мышонок, пожалуйста, — поддержала ее Ивриана.

Чуть поморщившись, когда прозвучало его прежнее прозвище, Мышелов взглядом спросил у Фафхрда разрешения, и после одобрительного кивка своего друга приступил к рассказу. Однако, не успев толком начать, он тут же осекся: сначала нужно было налить девушкам вина. Но вина в кувшине оставалось уже немного, поэтому Мышелов откупорил еще один, а по минутном размышлении — и все остальные: первый кувшин он поставил у кушетки, другой — рядом с растянувшимся на ковре Фафхрдом, а третий оставил себе. Увидев, что зреет серьезная попойка, Ивриана широко раскрыла глаза, в которых читалась тревога, взгляд Вланы стал циничным и несколько сердитым, однако обе они промолчали.

Мышелов не без блеска рассказал историю об ограблении воров, частично даже представив ее в лицах, причем приукрасил ее только один раз, но зато весьма артистически: перед тем как убежать, полухорек-полумартышка якобы забрался ему на плечи и чуть не выцарапал глаза. Прерван рассказ Мышелова был лишь трижды.

Когда он сказал: «И тут я со свистом обнажил свой Скальпель», — Фафхрд заметил:

— Так, значит, ты дал прозвище не только себе, но и своему мечу?

Мышелов взвился:

— Да, а кинжал называется у меня Кошачий Коготь. Есть возражения? Может, скажешь, что это ребячество?

— Вовсе нет. Я назвал свой меч Серым Прутиком. Оружие — вещь в каком-то смысле живая, цивилизованная и достойная носить имя. Продолжай, прошу тебя.

Когда же Мышелов упомянул о неизвестном звере, бежавшем рядом с ворами (и чуть не выцарапавшем ему глаза), Ивриана побледнела и, вздрогнув, проговорила:

— Мышонок! Сдается мне, это выкормыш какой-нибудь ведьмы!

— Не ведьмы, а колдуна, — поправила Влана. — Эти мерзавцы из Цеха избегают иметь дело с женщинами за исключением случаев, когда те за деньги

или по принуждению удовлетворяют их похоть. Но их теперешний принципал Кровас — человек суеверный и славится тем, что старается обезопасить себя со всех сторон. Поэтому он запросто мог взять к себе на службу какого-нибудь чародея.

— Это очень похоже на правду и вселяет в меня ужас, — испуганно оглянувшись по сторонам, зловеще проговорил Мышелов. На самом деле он ничего такого не думал и не чувствовал и был наполнен ужасом не больше, чем порожний кувшин вином, однако умел тонко улавливать любые колебания атмосферы в процессе повествования.

Когда оно подошло к концу, девушки, сверкая влюбленными очами, провозгласили тост за их с Фафхрдом ловкость и отвагу. Мышелов раскланялся, расточая улыбки, потом с тяжким вздохом растянулся на ковре, утер шелковой тряпкой пот со лба и сделал внушительный глоток из кружки.

Спросив у Вланы разрешения, Фафхрд начал рассказывать о том, с какими приключениями они покинули Мерзлый Стан — он, убегая от своего клана, она — от актерской труппы — и добрались до Ланкмара, где сейчас нанимали комнатку в доме для артистов близ площади Тайных Восторгов. Обняв Влану, Ивриана с широко открытыми глазами вздрагивала всякий раз, когда речь заходила о ведьмах — как от восторга, так и от испуга, вызванного рассказом, как показалось Фафхрду. Он решил, что для такой куколки, как она, вполне естественно любить всякие истории с привидениями, однако не был уверен, что ее удовольствие было бы так же велико, узнай она, что его истории — самые что ни на есть правдивые. Она, казалось, жила в мире грез — по крайней мере наполовину благодаря усилиям Мышелова, снова подумал Фафхрд.

Единственное, что он опустил в своем рассказе — это упрямое желание Вланы устроить Цеху Воров страшную месть, за то что Цех умертвил ее сообщников и выгнал ее саму из Ланкмара, когда она пыталась по собственному почину заниматься воровством, а в качестве прикрытия выступала с мимическими сценами. Не упомянул он, естественно, и о своем обещании — дурацком, как ему казалось теперь — помочь девушке в ее кровавом начинании.

Закончив рассказ и собрав заслуженные аплодисменты, Фафхрд почувствовал, что несмотря на скальдовский навык у него пересохло в горле, однако с горечью обнаружил, что его кружка и кувшин пусты, хотя никакого опьянения он не ощущал: похоже, он выговорил из себя все спиртное, которое, казалось, покидало его тело с каждым произнесенным им великолепным словом.

В таком же состоянии пребывал и Мышелов — несмотря даже на то, что время от времени, прежде чем ответить на вопрос или сделать какое-нибудь замечание, он таинственно замолкал и взгляд его устремлялся в бесконечность. После очередного, особенно долгого созерцания запредельных миров, он вдруг предложил Фафхрду вместе с ним сходить в «Угорь» за добавкой.

— Но в нашем кувшине еще много вина, — возразила Ивриана и, проверив, тут же поправилась: — Во всяком случае, еще чуть-чуть есть. К тому же у нас тут сколько угодно всяких вин.

— Но только не этого сорта, дорогая, а первая заповедь, когда вышиваешь — это не смешивать, — пояснил Мышелов. — В противном случае тебя ждут болезни — да-да — и безумие.

— Послушай, милочка, — приязненно сказала Влана, похлопав Ивриану по руке, — на любой вечеринке наступает момент, когда истинным мужчинам просто хочется куда-нибудь выйти. Это страшно глупо, но такова их природа, тут уже ничего не попишешь, поверь мне.

— Но, Мышелов, мне страшно. Рассказ Фафхрда напугал меня. И твой тоже: я уверена, что когда вы уйдете, мне будет слышаться, как эта большеголовая черная не то крыса, не то не знаю что, скребется в наши ставни.

Фафхрду показалось, что девушка нисколечки не боится, а просто пугает себя для собственного развлечения и хочет показать свою власть над возлюбленным.

— Дражайшая моя, — чуть слышно икнув, ответил Мышелов, — все Внутреннее море, вся Земля Восьми Городов, все горы Пляшущих Троллей, достигающие вершинами неба, лежат между тобой и заиндевелыми призраками Фафхрда, которые, быть мо-

жет, — прости меня, друг мой, но это не исключено — не что иное, как галлюцинации или просто результат стечения обстоятельств. Что же до всяких прирученных зверей, то это тьфу! Всегда, во все времена это были лишь безобидные и самые обычные домашние твари, которых держали при себе вонючие старухи да обабившиеся старики.

— «Угорь» в двух шагах отсюда, леди Ивриана, — вмешался Фафхрд, — и к тому же с вами будет моя милая Влана, убившая моего самого заклятого врага одним броском кинжала, что висит сейчас у нее на поясе.

Метнув на Фафхрда короткий взгляд, словно говоря: «Ничего себе успокоил испуганную девушку!», Влана весело воскликнула:

— Да пусть эти балбесы идут, милочка. У нас хоть будет возможность поболтать наедине и разобрать их по косточкам, от их хмельных голов до неугомонных ног.

Словом, Ивриана дала себя убедить, и Мышелов с Фафхрдом, быстренько выскользнув за дверь, поскорее притворили ее за собой, чтобы не впустить в комнату ночной смог. Их стремительные шаги простучали по лестнице, старое дерево легонько поскрипывало и постанывало, однако никакие зловещие звуки не возвещали об очередной сломанной ступеньке или еще о чем-нибудь в том же роде.

В ожидании пока из подвала будут принесены четыре кувшина, приятели заказали по кружке такого же или почти такого же крепленого вина и уселись в тихий уголок за длинной стойкой шумной таверны. По пути Мышелов ловко пришиб черную крысу, которая имела неосторожность высунуться из норы.

После того, как друзья обменялись восторженными комплиментами относительно возлюбленных, Фафхрд неуверенно спросил:

— Как ты думаешь — между нами, разумеется, — может, твоя прелестная Ивриана не так уж неправа, когда говорит, что эта маленькая черная тварь, бежавшая рядом со Сливикином и другим вором, какой-то домашний дух чародея или его хитрый прирученный зверек, натасканный в качестве связного и

сообщающий о неприятностях своему хозяину, или Кровасу, или им обоим?

Мышелов усмехнулся:

— Ты придумываешь себе головную боль на пустом месте, в твоих рассуждениях нет никакой логики, брат мой варвар, если позволишь мне так выразиться. Imprimis[1], мы даже не знаем, имел ли этот зверь какое-либо отношение к ворам. Это мог быть бездомный котяра или большая наглая крыса, вот вроде этой! — Он снова пнул ногой выглянувшего из норы грызуна. — А secundus[2], если это и была какая-то обученная колдуном Кроваса тварь, то как она может что-либо сообщить? Я не верю, что животные могут разговаривать, если не считать попугаев и подобных им птиц, которые умеют лишь нести всякую чушь, не верю в животных, изъясняющихся знаками, доступными пониманию человека. Или ты можешь себе представить зверя, который макает свою лапу в горшок с чернилами и пишет свое сообщение на расстеленном на полу пергаменте? Эй, ты там, за стойкой! — обратился он к подавальщику. — Где мои кувшины? Парнишка ушел за ними несколько дней назад — его что, сожрали крысы? Или он просто помер с голоду, пока бродил там в погребе? Поторопи-ка его, а нам покамест налей еще!.. Нет, Фафхрд, даже если считать, что та зверюга имела какое-то отношение к Кровасу и вернулась в Дом Вора после нашего налета, то что она могла сообщить? Только что с ограблением лавки Дженгао вышло что-то не то. Так они и без этого догадались бы, увидев, что воры и охрана задерживаются.

Фафхрд нахмурился и упрямо возразил:

— Этот волосатый заморыш мог, однако, как-то передать наши приметы в Цех, а они выследят и нападут на нас дома. То же самое могли сделать Сливикин и его жирный приятель, придя в себя после нашей взбучки.

— Мой почтенный друг, — с жалостью в голосе отвечал Мышелов, — боюсь, что крепкое вино, извини, ударило тебе в башку. Если бы в Цехе знали, как мы выглядим и где живем, они достали бы нас

---

[1] Во-первых (*лат.*).

[2] Во-вторых (*лат.*).

несколько дней, недель, даже месяцев назад. Похоже, ты не знаешь, что за сделанную на свой страх и риск или несогласованную с ними кражу у них одно наказание — смерть, причем по возможности после пыток.

— Да все я знаю, а мое положение еще хуже твоего, — ответил Фафхрд и, попросив Мышелова держать язык за зубами, поведал ему историю о том, что Влана задумала вендетту и имеет весьма серьезные намерения отомстить.

Тем временем из погреба появились кувшины, но Мышелов лишь велел еще раз наполнить глиняные кружки.

— И вот, — закончил Фафхрд, — в результате обещания, данного влюбленным до безумия и невежественным юнцом на самом юге Стылых Пустошей, я теперь оказался в положении вполне трезвомыслящего — когда не пью, понятное дело, — человека, которого постоянно просят вступить в войну против силы, не менее могущественной, чем сам Карстак Овартомортес, поскольку, как ты, наверно, знаешь, у Цеха есть филиалы во всех более или менее крупных городах страны, не говоря уж о соглашениях с воровскими и бандитскими организациями других стран о выдаче нарушителей закона. Я искренне люблю Влану, уж будь уверен, она сама опытная воровка и без ее советов я вряд ли уцелел бы в свою первую неделю в Ланкмаре, но на этом вопросе она немного сдвинулась, у нее случился бзик, который не вышибить из нее ни логикой, ни убеждениями. И через месяц пребывания здесь я понял: единственный способ выжить в этой цивилизации — это придерживаться ее неписанных законов — они гораздо важнее, чем вырубленные на камне ее скрижали — и нарушать их только когда тебе угрожает опасность, причем делать это в глубокой тайне и со всеми возможными предосторожностями. Как я сегодня и поступил — это, кстати, не первый мой налет.

— Воистину, выступать против Цеха в открытую — это безумие, тут ты совершенно прав, — заметил Мышелов. — Если ты не можешь силой или уговорами заставить свою очаровательную девушку отказаться от этой дикой затеи, а я вижу, что Влана бесстрашна

и своенравна, значит, ты должен твердо отказывать ей всякий раз, когда она лишь заикнется об этом.

— Воистину, должен, — согласился Фафхрд и с легким упреком в голосе добавил, — хотя, как я понимаю, ты заявил ей, что охотно перерезал бы глотки типам, которых мы уложили.

— Да это ж простая любезность, приятель! Неужто я должен был вести себя неучтиво с твоей девушкой? Просто я хотел подчеркнуть и твое и мое рвение. Но не соглашаться с женщиной имеет право только ее мужчина. И в этом случае ты должен быть тверд.

— Воистину, должен, — с чувством повторил Фафхрд. — Я был бы болваном, если б выступил против Цеха. Конечно, попадись я им в руки, они убили бы меня за самоуправство и бандитизм. Но без всякой нужды открыто нападать на Цех, бессмысленно убивать его воров или даже стремиться к этому — чистейшей воды сумасшествие!

— Ты был бы не только пьяным болваном с длинным языком, ты самое большее через три дня уже вонял бы после посещения королевы болезней — Смерти. За злоумышления против него, за удары, нанесенные организации, Цех карает вдесятеро строже, чем за нарушение других правил. Все запланированные ограбления и прочие акции были бы отменены, и Цех всею своею мощью и мощью своих союзников обрушился бы на тебя одного. Ты с бóльшими шансами на успех мог бы схватиться в одиночку с воинством Царя Царей, чем с самыми захудалыми клевретами Цеха Воров. Благодаря своему росту, силе и уму ты стóишь, быть может, военного отряда, но не армии. Так что не поддавайся Влане.

— Не буду! — провозгласил Фафхрд, сжимая в сокрушительном рукопожатии жилистую ладонь Мышелова.

— А теперь пора возвращаться к нашим дамам, — сказал Мышелов.

— Пора.

Мышелов полез за кошельком, чтобы расплатиться, но Фафхрд бурно запротестовал. В результате им пришлось бросить монетку, и Фафхрд, выиграв, зазвенел серебряными смердуками по измызганной и замусоленной стойке, которая благодаря бесчисленным мокрым следам от донышек кружек напоминала чертеж-

ную доску безумного геометра. Наконец друзья встали и двинулись к выходу, причем Мышелов и тут не преминул сделать выпад ногою в сторону крысиной норы — на счастье.

Тут мысли Фафхрда повернулись вспять, и он проговорил:

— Даже если предположить, что эта зверюга не умеет писать лапой и говорить с помощью языка или еще чего-нибудь, она могла выследить нас, запомнить, где ты живешь и, вернувшись в Дом Вора, словно гончая, навести своих хозяев на наш след.

— Дело говоришь, — похвалил Мышелов. — Эй, парень, тащи-ка сюда ведро пива! Да пошевеливайся! — Заметив недоуменный взгляд Фафхрда, он пояснил: — Разолью его вокруг «Угря» и в проходе, чтобы отбить наш запах. И стены обрызгаю тоже.

Фафхрд понимающе кивнул.

— А я уж думал, что ты надрался до зеленого змия.

Оживленно беседовавшие Влана и Ивриана вдруг подскочили: на лестнице загрохотали шаги. Большего шума не сумело бы произвести даже стадо несущихся во весь опор бегемотов. Деревянная лестница скрипела и стонала вовсю, но тяжелые шаги приближались. Дверь распахнулась, и молодые люди, влетев в комнату под громадным черным грибом ночного смога, ловко перерезали его ножку дверной створкой.

— Я ж говорил, что мы обернемся в один миг, — радостно закричал Мышелов Ивриане, тогда как Фафхрд, не обращая внимания на жалобно скрипевший под ним пол, протопал к Влане и воскликнул:

— Сердце мое, я так по тебе соскучился!

С этими словами, несмотря на протесты и сопротивление своей возлюбленной, он схватил ее в охапку и поцеловал, после чего снова водрузил на кушетку.

Странное дело: на Северянина рассердилась Ивриана, а не Влана, которая лишь нежно и отчасти мечтательно улыбалась.

— Господин Фафхрд, — с вызовом проговорила хрупкая девушка, уперев кулачки в узкие бедра, высоко задрав точеный подбородок и сверкая черными глазами, — любезнейшая Влана рассказала мне о том, насколько жестоко поступил Цех Воров с нею и ее близкими друзьями. Прошу извинить, что я, не

успев как следует с вами познакомиться, высказываюсь столь откровенно, но мне кажется, что с вашей стороны просто недостойно отказывать ей в справедливой и столь желанной ею мести. Это относится и к тебе, Мышонок, тоже — ты ведь хвастался Влане относительно того, что сделал бы с ворами, если б знал ее историю, ведь ты без малейших угрызений совести убил моего отца — или предполагаемого отца — за его зверства!

Фафхрду было совершенно ясно: пока они с Серым Мышеловом преспокойно бражничали себе в «Угре», Влана, не жалея красок, расписала свои обиды на Цех и безжалостно воспользовалась книжными представлениями наивной девушки о рыцарской чести. Ясно было и другое: Ивриана была уже немного на взводе, поскольку на низком столике рядом с дамами стояла на три четверти опорожненная бутылка с фиолетовым вином из далекого Кираая.

Под суровым взглядом Иврианы, которой теперь пришла на помощь и Влана, великан лишь беспомощно развел длинными руками и склонил голову даже ниже, чем вынуждал его к этому низкий потолок. В конце концов девушки были правы. Он дал обещание.

Поэтому первым попробовал отразить атаку Мышелов.

— Да успокойся ты, крошка, — непринужденно воскликнул он, не прекращая вихрем летать по комнате, затыкать шелком щели от ночного смога, шуровать в печке и подбрасывать в нее дрова, — и вы тоже, прекраснейшая леди Влана. За последний месяц Фафхрд не раз попадал Цеху в самое больное место — болтающиеся у них между ног кошельки. То, что он отнимал у воров награбленное, можно сравнить с жестокими ударами в пах. Поверьте, это гораздо больнее, чем отнять у них жизнь с помощью меча — быстро и безболезненно. А сегодня и я помог ему в этом ценном начинании и с радостью буду помогать и впредь. Давайте-ка лучше выпьем.

Он схватил один из кувшинов, мигом вышиб из него пробку и наполнил серебряные кубки и кружки.

— Месть торгаша! — презрительно отозвалась Ивриана, которую слова Мышелова не утешили, а разозлили еще сильнее. — Я знаю, что в сущности вы оба — верные и благородные рыцари, несмотря на то,

что порою оступаетесь. Самое малое, что от вас требуется — это принести Влане голову Кроваса!

— И что она с ней станет делать? Какой в ней прок? Только ковры перепачкает! — жалобно заметил Мышелов. Фафхрд же наконец собрался немного с мыслями, встал на колено и медленно заговорил:

— Почтеннейшая леди Ивриана! Я и впрямь торжественно пообещал моей возлюбленной Влане, что помогу ей отомстить. Но ведь это произошло, когда я находился в далеком и варварском Мерзлом Стане, где кровная месть дело обычное, освященное традициями и практикуемое всеми кланами, племенами и братствами диких северян Стылых Пустошей. В своей наивности я полагал, что и месть Вланы будет того же рода. Но, оказавшись в самом средоточии цивилизации, я обнаружил, что правила и обычаи перевернуты здесь с ног на голову. Однако же и в Ланкмаре, и в Мерзлом Стане, чтобы выжить, следует соблюдать правила и обычаи. Здесь самый могущественный, самый почитаемый идол — деньги, и люди ради них готовы горбатиться, воровать или притеснять других. Кровная месть здесь не входит ни в какие правила и наказывается суровее, чем буйное помешательство. Подумайте, леди Ивриана: принеси мы с Мышеловом голову Кроваса, нам с Вланой в тот же миг пришлось бы бежать из Ланкмара, поскольку все ополчились бы против нас, а вы неминуемо потеряли бы этот сказочный уголок, созданный для вас любящим Мышонком, и были бы вынуждены весь остаток жизни нищенствовать и находиться в бегах.

Речь была изящно аргументирована и построена, но... не оказала ни малейшего воздействия. Пока Фафхрд ораторствовал, Ивриана успела осушить свой кубок. Когда же он умолк, она вскочила с горящим лицом, встала прямо, словно солдатик, и уничтожающе-едко бросила стоящему перед нею на одном колене Фафхрду:

— Вы говорите мне о цене! Говорите о вещах, — она обвела руками окружающее их разноцветное великолепие, — о каком-то имуществе, пусть даже дорогом, когда на карту поставлена честь. Вы ведь дали Влане слово. О, неужели рыцарство погибло окончательно? И к тебе, Мышонок, это тоже относится —

разве ты не поклялся перерезать глотки двумя отвратительным ворам из Цеха?

— Я не клялся, — слабо возразил Мышелов после внушительного глотка, — я просто сказал, что мог бы перерезать...

Фафхрд лишь пожал плечами и, корчась внутри от стыда, принялся искать утешения в серебряной кружке. Дело в том, что Ивриана говорила тем же не терпящим возражений тоном и использовала те же не совсем честные, но раздирающие сердце женские доводы, что и его мать Мора, или же Мара, возлюбленная Фафхрда из брошенного им Снежного клана, супруга, брюхатая его ребенком.

Завершила разгром приятелей мастерским ударом Влана, которая мягко потянув Ивриану обратно на золотую кушетку, с мольбою в голосе проговорила:

— Да полно тебе, моя милая. С каким благородством ты встала на мою сторону! Поверь, я крайне тебе признательна. Твои слова возродили во мне чудные, прекрасные чувства, которые уже много лет были мертвы. Но из всех нас только ты подлинная аристократка, приверженная высоким идеалам. А мы трое — просто воры. Так что же удивительного в том, что кое-кто из нас ставит собственную безопасность выше чести и способности держать данное слово и весьма благоразумно не желает рисковать жизнью? Да, мы трое воры, и я оказалась в меньшинстве. Так что прошу тебя не упоминать больше о чести, душевных порывах и безрассудной отваге. Лучше сядь рядом и...

— Ты хочешь сказать, что они просто боятся бросить вызов Цеху Воров, не так ли? — широко раскрыв глаза, сказала Ивриана, и лицо ее исказилось от отвращения. — Я всегда полагала, что мой Мышонок — в первую очередь благородный человек, а потом уже вор. Воровство это чепуха. Мой отец жил за счет того, что жестоко грабил богатых путников и более слабых соседей и притом оставался аристократом. Выходит, оба вы — малодушные ничтожества! Трусы! — закончила она, переводя гневный взор с Мышелова на Фафхрда.

Такого Северянин вытерпеть не мог. Лицо его вспыхнуло, руки сжались в кулаки, и он вскочил, не

обращая внимания, что его кружка громко стукнула о стол, а прогнувшиеся половицы громко затрещали.

— Я не трус! — вскричал он. — Я нападу на Дом Вора, принесу сюда голову Кроваса и брошу ее, окровавленную, к ногам Влаиы. Клянусь Косом, богом судьбы, клянусь почерневшими костями моего отца Нальгрона, клянусь висящим у меня на поясе его мечом, Серым Прутиком!

Он хлопнул себя ладонью по левому бедру и, не обнаружив там ничего, кроме туники, довольствовался тем, что указал дрожащей рукой на лежащие поверх аккуратно сложенного балахона пояс и меч в ножнах, после чего схватил свою кружку, плеснул в нее вина и залпом выпил.

Тут Серый Мышелов звонко и заливисто расхохотался. Все удивленно уставились на него. Танцующей походкой он приблизился к Фафхрду и, не переставая улыбаться, спросил:

— А почему бы и нет? Кто тут говорит о страхе перед ворами Цеха? Кто может тревожиться в предвидении этого до смешного простого дела — ведь нам всем известно, что Кровас и вся его правящая клика — пигмеи по уму и искусству по сравнению со мной или Фафхрдом? Мне как раз пришел в голову на удивление простой и безотказный план, с помощью которого мы можем добраться до самой потаенной щели этого Дома Вора. Мы с храбрецом Фафхрдом приведем его в исполнение тотчас же. Северянин, ты готов?

— Конечно, готов, — хрипло ответил Фафхрд, лихорадочно пытаясь сообразить, что еще намерен учудить его маленький приятель.

— За несколько ударов сердца я соберу все что нужно и идем! — воскликнул тот.

Схватив с полки внушительных размеров мешок, он принялся бегать по комнате и швырять в него мотки веревки и матерчатой ленты, тряпки, склянки с благовониями и мазями и прочие мелочи.

— Но вы не можете идти прямо сейчас, — неуверенно запротестовала Ивриана, которая вдруг сделалась очень бледной. — Вы оба... ну, не в состоянии.

— Вы оба пьяны, — хрипло поддержала ее Влана. — Пьяны до безобразия, и ничего, кроме гибели, в Доме Вора не найдете. Фафхрд, где твой холодный

рассудок, благодаря которому ты убил несколько могущественных соперников, так что у остальных кровь застыла в жилах, и добыл меня — там, в Мерзлом Стане и в ледяных, опутанных колдовством глубинах каньона Пляшущих Троллей? Пусть он вернется к тебе! И вдохни его в своего непоседливого серого друга.

— Ну нет, — ответил Фафхрд, надевая пояс с мечом. — Ты хотела, чтобы у тебя перед ногами лежала голова Кроваса в луже крови, и ты ее получишь, нравится тебе это или нет!

— Полегче, Фафхрд, — остановил его Мышелов, который наконец перестал носиться по комнате и теперь завязывал мешок. — И вы, леди Влана и моя дорогая принцесса, тоже полегче. Сегодня я собираюсь только на разведку. Никакого риска, я лишь добуду сведения, необходимые для подготовки смертельного удара, который мы нанесем завтра или послезавтра. Так что сегодня никаких отрубленных голов — слышишь, Фафхрд? Что бы ни случилось. И облачись в свой балахон с клобуком.

Фафхрд пожал плечами, кивнул и стал одеваться.

Ивриана немного успокоилась. Влана тоже, хотя и не преминула заметить:

— Все равно вы оба на хорошем взводе.

— Оно и к лучшему! — с шальной улыбкой заверил ее Мышелов. — Хмель может замедлить руку с мечом и немного ослабить удары, зато заставляет шевелиться мозги и распаляет воображение, а это как раз то, что нам понадобится сегодня ночью. К тому же, — поспешно добавил он, чтобы Ивриана не успела ничего возразить, — подвыпившие люди невероятно осторожны. Разве не доводилось вам наблюдать, как какой-нибудь гуляка, у которого ноги заплетаются, при виде стражи берет себя в руки и осторожненько идет мимо?

— Доводилось, — подтвердила Влана, — особенно, как он падает мордой в грязь, едва поравнявшись со стражниками.

— Вот еще! — отозвался Мышелов и, откинув голову, торжественно двинулся в сторону девушки, пытаясь придерживаться воображаемой прямой линии.

Внезапно, зацепившись за собственную ногу, он начал было падать вперед, но тут же выполнил невообразимое переднее сальто и четко приземлился на

чуть согнутые для смягчения удара ноги прямо перед девушками. Пол даже не скрипнул.

— Видели? — осведомился он, но вдруг качнулся назад, наступил на подушку, где лежали его плащ и меч, однако, ловко изогнувшись вбок, устоял на ногах и принялся поспешно одеваться.

Тем временем Фафхрд под шумок проворно налил еще по одной себе и Мышелову, но Влана, заметив это, одарила его таким взглядом, что он поставил кружки и откупоренный кувшин на место столь поспешно, что даже чуть не запутался в своем балахоне, и отошел от столика, покорно пожав плечами и состроив Влане рожу.

Мышелов закинул мешок за спину и отворил дверь. Молча помахав девушкам рукой, Фафхрд вышел на крошечную площадку. Смог стал таким густым, что Северянин почти пропал из виду. Мышелов махнул Ивриане и, тихо проговорив: «Пока, Мышка!», последовал за Фафхрдом.

— Да сопутствует вам удача! — от всего сердца воскликнула Влана.

— Будь осторожен, Мышонок, — пискнула Иврианa.

Мышелов, казавшийся маленьким на фоне смутных очертаний фигуры Фафхрда, прикрыл за собой дверь.

Машинально обняв друг дружку, девушки стали ждать неизбежного скрипа и стона лестницы, однако все вокруг было тихо. Уже рассеялись клубы смога, проникшего через дверь, а старые ступени так ни разу и не скрипнули.

— Что они там делают? — шепнула Иврианa. — Прокладывают курс?

Влана нахмурилась, сердито покачала головой, потом встала с кушетки, подошла на цыпочках к двери и, отворив ее, спустилась на несколько ступенек, которые жалобно застонали под ее тяжестью, после чего вернулась в комнату и закрыла дверь.

— Они ушли, — широко раскрыв от изумления глаза, проговорила она и развела руками.

— Я боюсь! — выдохнула Иврианa и бросилась через всю комнату к своей рослой подруге.

Влана крепко прижала ее к себе, потом высвободила руку, чтобы запереть дверь на три массивных засова.

Стоя в переулке Скелетов, Мышелов засунул назад в мешок веревку с узлами, по которой друзья спустились вниз, зацепив ее за фонарный крюк, и предложил:

— В «Серебряный Угорь» зайдем?

— Ты имеешь в виду, что мы просто скажем им, будто побывали в Доме Вора? — без особого возмущения осведомился Фафхрд.

— Ну что ты, — возразил Мышелов. — Но ведь наверху ты не сумел выпить стременную, и я тоже.

При слове «стременная» Мышелов взглянул на свои башмаки из крысиной кожи, чуть присел и принялся подскакивать на одном месте, мягко шлепая подошвами по камням. Тряхнув воображаемыми поводьями, он крикнул: «Вперед!» и ускорил галоп, потом резко откинулся назад с возгласом: «Стоп!», но тут Фафхрд с коварной улыбкой извлек из складок своего балахона два кувшина.

— Захватил, когда ставил на стол кружки. Влана видит многое, но далеко не все.

— Ты предусмотрительный и дальновидный тип, не говоря уж о том, что неплохо научился махать мечом, — с восхищением промолвил Мышелов. — Я горжусь таким другом.

Приятели откупорили кувшины и от души глотнули. Потом Мышелов направился в сторону запада; приятели почти не пошатывались и не спотыкались. Не доходя до Грошовой улицы, они свернули на север и оказались в еще более узком и вонючем переулке.

— Чумное Подворье, — заметил Мышелов. Фафхрд кивнул.

Предварительно заглянув за угол, они быстро пересекли Ремесленническую и снова нырнули в Чумное Подворье. Почему-то стало немного светлее. Взглянув наверх, приятели увидели звезды. Но северного ветра не было. Воздух был совершенно неподвижен.

В пьянственной озабоченности предстоящей задачей, да и просто перемещением в пространстве друзья шли не оглядываясь. А смог за их спинами все густел. Какой-нибудь круживший в вышине козодой увидел бы, как черный туман стекается из всех частей Ланкмара, с севера, востока, юга и запада, с Внутреннего моря, Великой Соленой Топи, прорезанных оросительными каналами полей и реки Хлал, соединяется в

быстрые черные реки и ручьи, разливается, клубится и кружится, как вбирает в себя темный и копотный дух Ланкмара, испускаемый его железами для клеймения, жаровнями, кострами праздничными и погребальными, кухонными очагами, печами для обжига, кузнями, пивоварнями, винокурнями, бесчисленным горящим мусором, коптящими тиглями алхимиков и чародеев, крематориями, дымящими грудами древесного угля и многим, многим другим — и весь этот дым стекается к Тусклому переулку, точнее, к «Серебряному Угрю» и в особенности к покосившемуся дому за ним, дому нежилому, если не считать мансарды. Чем ближе к этому месту, тем плотнее становился смог, полосы и клубы которого прилипали, словно черная паутина, к кирпичным стенам и шершавым камням на углах.

Но Мышелов и Фафхрд лишь тихонько вскрикнули от удивления, увидев звезды, вполголоса обсудили, насколько их свет увеличит риск, связанный с вылазкой, и, осторожно перейдя улицу Мыслителей, которую моралисты прозвали проспектом Безбожников, дошли до развилки Чумного Подворья.

Мышелов выбрал левую дорогу, ведущую на северо-запад.

— Гибельный переулок.

Фафхрд кивнул.

Друзья попетляли по нему немного и вскоре шагах в тридцати узрели Грошовую улицу. Остановившись как вкопанный, Мышелов положил ладонь Фафхрду на грудь.

На той стороне Грошовой виднелись широкие, распахнутые настежь двери, обрамленные закопченной каменной кладкой. К дверям вели две ступени, наполовину истертые за долгие века. Факелы, укрепленные по бокам дверного проема, струили оранжево-желтый свет. Что делалось в глубине проема, друзья не видели, поскольку Гибельный переулок выходил на Грошовую несколько под углом. Однако, насколько они могли разглядеть, нигде не было ни привратников, ни стражи — вообще никого, даже пса на цепи. Выглядело это зловеще.

— Ну и как мы проберемся внутрь? — хриплым шепотом поинтересовался Фафхрд. — Поищем сзади, в Убийственном проулке, какое-нибудь запертое окно?

У тебя в мешке, я полагаю, найдется медвежья лапа? А может, попробуем через крышку? Я уже знаю, ты в этом деле мастер. Научи меня! Я умею лазать по деревьям и горам — заснеженным, обледенелым и по голому камню. Видишь стену?

Фафхрд отступил, готовясь с разбега взлететь на нее.

— Угомонись, Фафхрд, — сказал Мышелов, снова положив ладонь на широкую грудь Северянина. — Крышу мы оставим про запас. И стены тоже. Я готов принять на веру, что ты отлично лазаешь по горам. А внутрь мы просто войдем через дверь. — Он нахмурился. — Постукивая палочками и прихрамывая. Пошли, я по дороге все приготовлю.

Он потащил скептически скривившегося Фафхрда назад по Гибельному переулку, и когда Грошовая скрылась из виду, объяснил:

— Мы прикинемся попрошайками, членами Цеха Нищих, который входит в Цех Воров и, кажется, размещается в том же доме — во всяком случае попрошайки приходят с докладом в Дом Вора к нищмейстерам. Сделаем вид, что мы новенькие, ушли на промысел днем, поэтому ночной нищмейстер или стража не обязаны знать нас в лицо.

— Но мы вовсе не похожи на попрошаек, — возразил Фафхрд. — У них всегда жуткие язвы, или скрюченные конечности, а то и вовсе нет рук или ног.

— Вот этим-то я сейчас и займусь, — хмыкнул Мышелов, вытаскивая свой Скальпель.

Фафхрд насторожился и попятился, однако Мышелов, не обращая на него внимания, задумчиво уставился на длинный узкий клинок, потом, радостно закивав, отстегнул от пояса ножны из крысиной кожи, вложил в них меч и проворно обмотал все это широкой матерчатой лентой, извлеченной из мешка.

— Ну вот! — проговорил он, завязывая концы ленты узлом. — Теперь у меня есть клюка.

— Что это? — удивился Фафхрд. — И зачем?

— Затем, что я буду изображать слепого. — Шаркающей походкой он сделал несколько шагов, постукивая перед собой обернутым в ленту мечом, который держал за крестовину, так что вся рукоятка с навершием оказалась скрытой у него в рукаве, и выставив вперед другую руку. — Ну как, похоже? —

спросил он Фафхрда. — По-моему, неплохо. Слепой как крот, ведь верно? Не волнуйся, Фафхрд, повязка на глазах у меня будет из реденькой ткани, я прекрасно все увижу. К тому же в Доме Вора мне не придется никого убеждать, что я действительно слепой. Сам знаешь, большинство попрошаек только прикидываются незрячими. Так, а что же мы будем делать с тобой? Изображать слепого тебе нельзя — это может вызвать подозрения.

Мышелов откупорил свой кувшин и для вдохновения глотнул. Фафхрд из принципа последовал его примеру. Мышелов причмокнул и заявил:

— Есть! Ну-ка, Фафхрд, встань на правую ногу, а левую согни в колене назад. Держись! Не падай! Да легче ты, держись за мое плечо! Вот так. Подтяни левую ногу повыше. А из твоего меча мы сделаем костыль — по размерам он вполне годится. Будешь себе прыгать, держась за мое плечо, — хромой ведет слепого, очень трогательно, театр, да и только! Да подтяни же повыше левую ногу! Нет, так не пойдет, придется ее привязать. Но сперва сними меч.

Вскоре Серый Прутик стал похож на Скальпель, и Мышелов принялся привязывать левую лодыжку Фафхрда к бедру, причем затянул веревку страшно туго, однако Фафхрд, благодаря анестезирующему действию вина, этого не заметил. Опершись на свой костыль со стальной сердцевиной, он, пока Мышелов работал, хлебнул из кувшина и задумался. Когда он познакомился с Вланой, его очень заинтересовал театр, а сам дух актерского дома разжег этот интерес еще сильнее, так что теперь Северянин радовался случаю сыграть роль. Однако как ни блестящ был замысел Мышелова, в нем были и изъяны. Фафхрд попытался их сформулировать:

— Мышелов, мне не слишком-то по душе, что наши мечи обмотаны лентой — в случае чего мы не сможем вытащить их из ножен.

— Будем пользоваться ими как дубинками, — отозвался Мышелов, затягивая изо всех сил последний узел и тяжело дыша. — Кроме того, у нас ведь есть кинжалы. Да, поверни пояс так, чтобы твой кинжал оказался за спиной и его не было бы видно под балахоном. А я спрячу Кошачий Коготь. Нищие не носят оружие, по крайней мере открыто, а мы в

каждой подробности нашего представления должны сохранять правдоподобие. И хватит пить, тебе уже довольно. Я сам сделаю лишь пару глотков, чтобы окончательно войти в форму.

— Уж и не знаю, как я поковыляю в этот притон головорезов. Я скачу на одной ноге удивительно быстро, но бегаю все же быстрее. Думаешь, мы поступаем разумно?

— Можешь отвязать ногу хоть сейчас, — раздраженно и немного злобно прошипел Мышелов. — Неужто ты не можешь пожертвовать хоть чем-нибудь ради искусства?

— Ну ладно, ладно, — проговорил Фафхрд, допив кувшин и отшвырнув его в сторону. — Разумеется, могу.

— Что-то уж больно здоровый у тебя цвет лица, — критически оглядев товарища, заметил Мышелов, после чего тронул ему щеки и руки серым гримом и навел морщины. — И одет ты слишком опрятно. — Наковыряв между камнями грязи, он измазал балахон Фафхрда, потом попробовал немного разорвать его, однако материя оказалась слишком прочной. Он пожал плечами и засунул похудевший мешок за пояс.

— Ты тоже, — заметил Фафхрд и, нагнувшись, зачерпнул полную пригоршню грязи, основным компонентом которой, судя по запаху, были испражнения. С усилием разогнувшись, он размазал жижу по плащу Мышелова и его серой шелковой куртке.

Коротышка учуял вонь и выругался, однако Фафхрд напомнил ему о правдоподобии спектакля.

— Это хорошо, что от нас воняет, — добавил он. — От попрошаек всегда смердит, потому-то люди им и подают — чтобы поскорей отвязаться. Вот и в Доме Вора никому не захочется нас обнюхивать. Ну, пошли, пока мы еще в форме. — Он вцепился Мышелову в плечо и гигантскими прыжками поскакал в сторону Грошовой, ставя далеко перед собой обернутый материей меч.

— Да не спеши ты, остолоп, — вполголоса воскликнул Мышелов, которому приходилось трусить рядом со скоростью конькобежца и выбивать бешеную дробь по камням своею тростью, сделанной из меча. — Калека всегда немощен, этим-то и вызывает сочувствие.

Глубокомысленно кивнув, Фафхрд поскакал чуть медленнее. Из-за угла снова показался зияющий пустотой жуткий дверной проем. Запрокинув кувшин над головой, Мышелов принялся допивать вино, но вдруг шумно закашлялся. Фафхрд выхватил у него кувшин, допил содержимое и отшвырнул сосуд через плечо: тот с грохотом покатился по булыжнику.

Едва — один подпрыгивая, другой семеня — они вышли на Грошовую, как им пришлось остановиться, чтобы пропустить шикарную парочку. Мужчина был одет богато, но не вызывающе, выглядел пожилым и несколько грузным, лицо его казалось весьма суровым. Без сомнения, купец, причем вложивший деньги в Цех Воров — по крайней мере, для защиты, — раз может в столь поздний час ходить этой дорогой.

Ярко, но не кричаще одетая женщина была красива и довольно молода, а выглядела еще моложе своего возраста. Почти наверняка, опытная куртизанка.

Отведя взгляд, мужчина начал огибать зловонную и чумазую пару, но тут девушка бросилась к Мышелову: в ее глазах быстро, словно цветок в теплице, росла озабоченность.

— Бедный мальчик! Слепой! Что за трагедия! — воскликнула она. — Подай ему что-нибудь, любимый.

— Отойди от этих вонючек, Мизра, и пойдем скорее, — отозвался тот, произнеся последние слова крайне неразборчиво, поскольку зажал себе пальцами нос.

Не удостоив спутника ответом, девушка запустила руку в его отделанный горностаем кошель, сунула монетку в ладонь Мышелова и согнула его пальцы в кулак, после чего взяла его ладонями за виски и успела нежно поцеловать, прежде чем мужчина оттащил ее прочь.

— Хорошенько следи за своим маленьким приятелем, старина, — ласково крикнула она Фафхрду, в то время как ее спутник что-то там такое брюзжал; приятели сумели различить лишь слова «извращенная курва».

Мышелов глянул на монетку, лежавшую у него на ладони, и долго смотрел вслед своей благодетельнице. Мечтательно и задумчиво он шепнул Фафхрду:

— Смотри: золото. Золотая монета и сочувствие красивой женщины. Как ты думаешь, может, нам бросить свои дикие затеи и пойти в побирушки?

— Тогда уж скорее в поблядушки! — злобно прошипел Фафхрд. Он взбеленился, когда девица назвала его стариной. — Ну, вперед, не дрейфь!

Поднявшись по истертым ступеням, друзья вошли в дверь, обратив внимание на исключительную толщину стен. Перед ними тянулся длинный прямой коридор с высоким потолком, заканчивавшийся лестницей; из дверей по обе его стороны лился слабый свет, который сливался с сиянием укрепленных на стенах факелов. Коридор был пуст.

Едва они перешагнули через порог, как оба почувствовали на шее холодок стали и укол в плечо. Откуда-то сверху два голоса в унисон скомандовали:

— Стой!

Несмотря на горячительное и опьяняющее воздействие крепленого вина, друзьям хватило разума замереть на месте и осторожно посмотреть наверх.

Из глубокой ниши над дверью — потому-то она и была такая низкая — на друзей смотрели две мрачных, изборожденных шрамами и неописуемо мерзких рожи, увенчанные кричащими платками, стягивающими волосы. В кривых и узловатых руках было зажато по мечу, каждый из которых упирался острием новоявленному нищему в плечо.

— Из дневной смены попрошаек, а? — заметил один из стражей. — Имейте в виду: если выручка у вас плевая, вам придется попотеть, чтобы объяснить такое позднее возвращение. Ночной нищмейстер отпросился сбегать на Бардачную, так что доложитесь Кровасу. Боги милостивые, ну и воняет от вас! Лучше почиститесь, а не то Кровас велит обдать вас парком. Ступайте!

Мышелов зашаркал ногами, Фафхрд поскакал — оба очень похоже. Один из стражников крикнул им вслед:

— Хватит, ребята! Здесь вам прикидываться ни к чему.

— Практика и еще раз практика! — не без дрожи в голосе отозвался Мышелов. Фафхрд в качестве предостережения впился пальцами ему в плечо. Дальше

они пошли более естественно, насколько это позволяла подвязанная нога Фафхрда.

— Тьфу пропасть, у этих нищих не жизнь, а малина! — заметил второй страж своему напарнику. — Никакой дисциплины, квалификация из рук вон! Практика, разрази меня гром! Да их выведет на чистую воду даже ребенок!

— Некоторые дети и выводят, — отозвался второй. — Но их мамочки и папочки уронят слезинку и подадут, на худой конец пнут ногой. Взрослые слепы, погружены в свои заботы или мечты, если только не имеют профессии вроде воровства, которая заставляет их держать ушки на макушке.

Подавив в себе желание поразмыслить над столь философическими умозаключениями и радуясь, что им не придется предстать пред проницательные очи ночного нищмейстера — ей-же-ей, подумал Фафхрд, сам Кос, бог судьбы, ведет их прямо к Кровасу, и очень возможно, что сегодня ночью им все же не обойтись без отрубленной головы, — друзья медленно и осторожно двинулись дальше. До них уже стали доноситься приглушенные обрывки разговоров и другие звуки.

Они шли мимо дверей и у некоторых с удовольствием задержались бы, чтобы посмотреть, что делается внутри, однако из осмотрительности только кое-где замедляли шаг. По счастью, большинство дверей были распахнуты настежь и позволяли составить мнение о происходящей за ними деятельности.

А деятельность эта была весьма любопытна. В одной из комнат мальчиков учили залезать в карманы и срезать кошельки. Школяр приближался сзади к учителю, и если тот слышал шарканье босой подошвы или чувствовал прикосновение пальцев, не говоря уж о звоне учебных свинцовых монет, мальчика ждала порка. Другие постигали практику группового воровства: надавить спереди, выхватить сзади и мгновенно передать похищенное собрату.

В другой комнате, откуда тянуло нагретым металлом и маслом, старшеклассники делали лабораторную работу по взламыванию замков. Одна группа занималась с седобородым старцем, который грязнющими руками разбирал по частям сложнейший замок. Другие тренировались в умении работать сноровисто, быстро

и беззвучно — тонкими отмычками они ковырялись в замках полудюжины дверей, прорезанных в специальной переборке, а рядом с ними стоял с песочными часами наставник и внимательно наблюдал.

В третьей комнате воры ели, сидя за длинными столами. Ароматы оттуда неслись весьма соблазнительные, даже для накачавшихся вином людей. Цех неплохо кормил своих членов.

В четвертой комнате часть пола была устлана матами: там ученики тренировались выскальзывать из рук, увертываться, уклоняться, делать на бегу кувырок, ставить подножки и иным способом уходить от погони. Здесь тоже занимались старшеклассники. Человек с голосом унтера скрипел:

— Нет, нет, нет! Так ты не убежишь даже от своей парализованной бабушки. Я сказал тебе сделать нырок, а не встать на колени перед святым Аартом. Ну-ка еще раз...

— Гриф намазался жиром, — крикнул кто-то из учителей.

— Ах, вот как? Выйди вперед, Гриф! — послышался скрипучий голос; Мышелов и Фафхрд не без сожаления уже отошли от двери, хотя понимали, что могли бы научиться тут многому, а кое-какие уловки пригодились бы им даже этой ночью. — Все слушайте меня внимательно! — продолжал скрипучий голос, на удивление далеко разносившийся по коридору. — Жир очень неплох для ночной работы, но днем блестит так, что всему Невону ясно, кто им намазался. Но в любом случае жир делает человека слишком уверенным в себе. Человек слишком уж полагается на него, а попади он в переплет, и жира под рукой может не оказаться. К тому же его может выдать запах. Мы здесь все работаем всухую — о поте я не говорю — о чем вам было сообщено с самого начала. Наклонись, Гриф. Возьмись руками за щиколотки. Выпрями колени.

Свист розги и крики позвучали приглушенно: Мышелов и Фафхрд уже дошли до середины лестницы, причем последний с усилием прыгал со ступеньки на ступеньку, держась за перила и опираясь на свой посох-меч.

Второй этаж представлял собою копию первого, но если коридор на первом этаже был гол, то во втором

сверкал великолепием. Свисавшие с потолка лампы и филигранные кадильницы распространяли мягкий свет и терпкие ароматы. На стенах висели богатые драпировки, пол был устлан пушистым ковром. Но и в этом коридоре было пусто и к тому же совершенно тихо. Друзья переглянулись и отважно двинулись вперед.

За распахнутой первой дверью открывалась комната, уставленная вешалками с одеждой — роскошной и бедной, чистой и измызганной; были там и болванки с надетыми на них париками, полки с накладными бородами и усами, равно как несколько висевших на стенах зеркал, перед которыми стояли столики со всяческой косметикой и небольшие табуретки. Без сомнения, комната для переодеваний.

Прислушавшись и бросив взгляд в обе стороны коридора, Мышелов нырнул в комнату и тут же вернулся с большим зеленым флаконом, прихваченным с ближайшего стола. Он открыл пробку и понюхал: сладковатый, чуть отдающий гнилью аромат гардении и острый запах спирта. Недолго думая Мышелов плеснул этими подозрительными духами на себя и Фафхрда.

— Чтобы перебить вонь, — затыкая флакон пробкой, объяснил он торжественным тоном врача. — Не желаю, чтобы Кровас обварил нас паром. Только не это.

В дальнем конце коридора появились два человека и направились к ним. Мышелов сунул флакон под мышку, и они с Фафхрдом двинулись дальше — повернуть назад означало бы вызвать подозрение, решили хмельные друзья.

Следующие три двери были плотно закрыты. Подходя к пятой, друзья уже смогли разглядеть приближающихся к ним двух мужчин, которые шли под руку, но при этом довольно быстро. Одеты они были как люди благородные, но лица выдавали в них мошенников. Не спуская глаз с Фафхрда и Мышелова, они подозрительно и негодующе хмурили брови.

Внезапно из какой-то комнаты, находящейся между двумя сближающимися парами, послышался голос, который пел что-то на незнакомом языке быстрым речитативом — так отбарабанивают каждодневную

службу жрецы и произносят заклинания некоторые чародеи.

Два богато одетых вора замедлили у седьмой двери шаг и, заглянув в нее, остановились как вкопанные. Их шеи напряглись, глаза расширились. Оба явно побледнели. Через мгновение они вдруг рванули вперед чуть ли не бегом и пролетели мимо Фафхрда и Мышелова, словно те были шкафами или стульями. Голос все так же продолжал выводить заклинания.

Пятая дверь оказалась запертой, но шестая была отворена. Мышелов, приплюснув нос к косяку, заглянул. Затем, как завороженный, он шагнул вперед и уставился на комнату, сдвинув свою черную повязку на лоб, чтобы лучше видеть. Фафхрд последовал его примеру.

Комната оказалась просторная и пустая — в ней не было людей или животных, но зато было множество интересных вещей. Почти всю дальнюю стену от пола до потолка занимала карта Ланкмара и его ближайших окрестностей. На ней были изображены каждая улица, каждый дом, до самого убогого дворика и самой захудалой лачуги. Во многих местах виднелись следы недавних подтирок и новые линии, кое-где стояли разноцветные значки непонятного смысла.

Пол в комнате был мраморный, потолок — лазурно-голубой, на боковых стенах в запертых на замки кольцах висели самые разнообразные предметы. На одной были представлены воровские инструменты всех видов — от громадного лома, которым, казалось, можно сдвинуть с места вселенную или по крайней мере взломать сокровищницу сюзерена, до столь тонкого прутика, что он мог бы служить волшебной палочкой королеве эльфов и явно был предназначен для того, чтобы подцеплять издалека драгоценные безделушки, лежавшие на тонконогом, инкрустированном слоновой костью туалете какой-нибудь дамы; на другой стене сверкали золотом и драгоценными камнями всякие причудливые вещи, явно отобранные на память из добычи, взятой при наиболее выдающихся ограблениях, — от женской маски из тонкого листового золота, такой прекрасной, что дух захватывало, но при этом густо усеянной рубинами, долженствующими изображать гнойники, выступающие на человеческом теле при второй стадии сифилиса, до кинжала, чей клинок

был сделан из скрепленных друг с другом алмазов клинообразной формы и казался острым как бритва.

В комнате повсюду стояли столы с подробнейшими макетами жилых домов и прочих зданий; на них не были упущены даже такие мелочи, как трещины в стенах или отдушины под сточным желобом на крыше либо под низом водосточной трубы. Многие макеты были сделаны частично или полностью в разрезе, чтобы было видно расположение комнат, стенных шкафов, сейфов, дверей, коридоров, потайных проходов, дымоходов и вентиляционных шахт.

Посреди комнаты располагался голый круглый стол, выложенный черным деревом и слоновой костью. Вокруг него стояли семь мягких кресел с прямыми спинками; одно из них, развернутое к карте и находившееся дальше других от Фафхрда и Мышелова, было шире прочих и имело более высокую спинку — кресло какого-то главаря, быть может, даже Кроваса.

Не в силах удержаться, Мышелов вошел было на цыпочках в комнату, однако левая рука Фафхрда стиснула его плечо не хуже железной рукавицы мингольского латника и оттащила назад.

Грозно взглянув на приятеля, Северянин сдвинул ему на глаза повязку и указал костылем вперед, после чего запрыгал хорошо рассчитанными бесшумными скачками. Разочарованно пожав плечами, Мышелов засеменил следом.

Они еще не отошли от двери, когда из-за спинки самого большого кресла выползла, словно змея, чернобородая и коротко остриженная голова, которая уставилась своими глубоко запавшими, но сверкающими глазами в спины приятелям. Длинная, по-змеиному гибкая рука последовала за головой, змеевидный палец прикоснулся к тонким губам, призывая к молчанию, а затем поманил две пары людей в черных туниках, стоявших по обе стороны двери спиной к стене, выходившей в коридор; каждый из стражников сжимал в одной руке кривой нож, в другой — обшитую темной кожей дубинку, залитую свинцом.

Когда Фафхрд был на полпути к седьмой двери, за которой продолжали раздаваться мрачные монотонные песнопения, оттуда выскочил тощий юнец с позеленевшим лицом; узкими ладонями он зажимал рот, словно пытаясь сдержать вопли или рвоту, а под

мышкой у него была зажата метла, в результате чего он немного напоминал чародея, отправляющегося в полет. Он промчался мимо Фафхрда и Мышелова и скрылся из виду; его шаги, глухо простучав по ковру и гулко прогремев по лестнице, замерли вдалеке.

Скроив рожу и пожав плечами, Фафхрд взглянул на Мышелова, затем присел, так что колено его подвязанной ноги коснулось пола, и осторожно выглянул из-за дверного косяка. Через несколько секунд, не меняя положения, он подозвал к себе Мышелова. Тот тоже осторожно заглянул за угол.

Перед друзьями предстала комната несколько меньше той, в которой находилась карта; она освещалась свисающими с потолка лампами, горевшими не желтым, как обычно, а голубовато-белым светом. На темном мраморном полу виднелся сложнейший узор из завитков. Темные стены были увешаны астрологическими и антропомантическими картами, всяческими колдовскими приспособлениями, а также полками, на которых стояли фарфоровые банки с загадочными надписями, стеклянные флаконы и лежали прозрачные трубки самых причудливых форм: одни были заполнены разноцветными жидкостями, другие — пустые и блестящие. У стен, где тень была самая глубокая, грудами валялась всякая поломанная дрянь, словно ее вымели с прохода и забыли; тут и там зияли большие крысиные норы.

Посреди комнаты стоял ярко освещенный — по сравнению с углами — длинный стол с массивной столешницей на множестве толстых ножек. У Мышелова промелькнула мысль сперва о сороконожке, потом — о стойке в «Угре», поскольку крышка стола была испещрена пятнами от пролитых снадобий и во многих местах прожжена огнем или кислотой, а может, и тем и другим.

Посреди стола работал перегонный куб. Пламя горелки — на сей раз темно-синее — вовсю полыхало под пузатой хрустальной ретортой, в которой кипела какая-то вязкая жидкость, то и дело посверкивающая алмазными искорками. Темный пар, испускаемый бурлящим зельем, устремлялся через узкое горло реторты в прозрачную шарообразную головку, окрашивая ее почему-то в ярко-алый цвет, и оттуда черным потоком струился через узкую трубку в хрустальный резерву-

ар, размерами превосходящий саму реторту, где извивался и клубился, напоминая не то петли черного живого шнура, не то бесконечную тонкую змею.

У левого конца стола, сильно сутуля спину, стоял высокий человек в черной мантии с капюшоном, бросавшим тень на его лицо, наиболее выдающейся чертою которого был длинный, мясистый, заостренный на конце нос, нависавший над скошенным назад подбородком. Кожа его своим желтовато-серым цветом напоминала глину, широкие щеки сплошь заросли короткой с проседью щетиной. Широко посаженные глаза внимательно смотрели из-под покатого лба и кустистых бровей на пожелтевший от времени пергамент, который мужчина беспрестанно то разворачивал то сворачивал своими отвратительно маленькими, поросшими седым волосом пальцами с узловатыми костяшками. Глаза его все время скользили по строчкам, которые он читал вслух, изредка бросая косой взгляд на реторту.

На другом конце стола, переводя глаза-бусинки с реторты на колдуна и обратно, примостилась маленькая черная тварь, при виде которой Фафхрд впился пальцами в плечо Мышелова, а у того занялся дух, причем вовсе не от боли. Более всего тварь походила на крысу, только лоб у нее был выше, а глаза поставлены ближе, ее передние лапки, которыми она, словно чему-то радуясь, беспрестанно потирала друг о дружку, удивительно напоминали ладони самого колдуна в миниатюре.

Фафхрд и Мышелов не сговариваясь поняли, что это и была та самая тварь, которая сопровождала издали Сливикина и его приятеля, а потом сбежала; оба припомнили слова Иврианы о питомце чародея и предположение Вланы, что Кровас нанял на работу колдуна.

Уродливый человек со скрюченными руками, мерзкая тварь и между ними реторта с шаром наверху, в котором извивались тягучие черные испарения, напоминавшие кольца пуповины — все это представляло жуткое зрелище. А от сходства между двумя живыми существами волосы вставали дыбом.

Заклинания зазвучали быстрее, голубовато-белое пламя сделалось ярче и зашипело, жидкость в реторте стала густой, как лава, в ней появились большие

пузыри, лопавшиеся с громким чавканьем, черные кольца в резервуаре зашевелились, словно потревоженный змеюшник; Фафхрд с Мышеловом, все сильнее ощущая чье-то невидимое присутствие, уже едва выдерживали невыносимое напряжение: им с огромным трудом удавалось бесшумно дышать через открытые рты и казалось, что биение их сердец слышно за много локтей.

Внезапно заклинания барабанной дробью зарокотали на высокой ноте и тут же оборвались, когда чародей вытянул руку с растопыренными пальцами над головкой реторты. Внутри ее что-то вспыхнуло, раздался приглушенный взрыв, хрустальные стенки покрылись множеством трещин и сделались матово-белыми, но сама реторта не рассыпалась. Ее головка чуть приподнялась, повисела в воздухе и упала на место. В хрустальном резервуаре среди клубов дыма появились две черных петли, которые в мгновение ока сузились и превратились в большие узлы.

Усмехнувшись, чародей отпустил конец пергамента, так что тот свернулся в трубку, и перевел взгляд с резервуара на своего питомца, который что-то пронзительно чирикал и подпрыгивал от восторга.

— Тише, Сливикин! Пора тебе бежать и выполнить тяжкую работу! — воскликнул колдун на ломаном ланкмарском, но так быстро и визгливо, что Фафхрд и Мышелов с трудом его поняли. Зато они сразу поняли другое: Сливикин был вовсе не тот, на кого они думали. В тяжкую минуту пузатый вор позвал на помощь не сотоварища, а чародейского выкормыша.

— Слушаюсь, хозяин, — отчетливо пропищал Сливикин, и Мышелову тут же пришлось пересмотреть свое мнение относительно говорящих животных. Голосом флейты на высоких тонах тварь льстиво добавила: — Слушаю и повинуюсь, Христомило.

Теперь друзья знали, как зовут и колдуна.

Пронзительно-высоким голосом Христомило отрывисто бросил:

— Приступай к делу! И чтобы сотрапезники были отделаны как надо! Тела должны быть обглоданы до костей, дабы не осталось кровоподтеков от зачарованного смога и других признаков удушения. И не забудь про добычу! А теперь за дело — ступай!

Сливикин, который при каждом распоряжении подпрыгивал и тряс головой, проскрипел:

— Будет исполнено!

Серой молнией он спрыгнул на пол и скрылся в чернильно-черной крысиной норе.

Потирая свои мерзкие скрюченные ручки, как это только что делал Сливикин, Христомило ухмыльнулся и воскликнул:

— То что потерял Слевьяс, вернет моя магия!

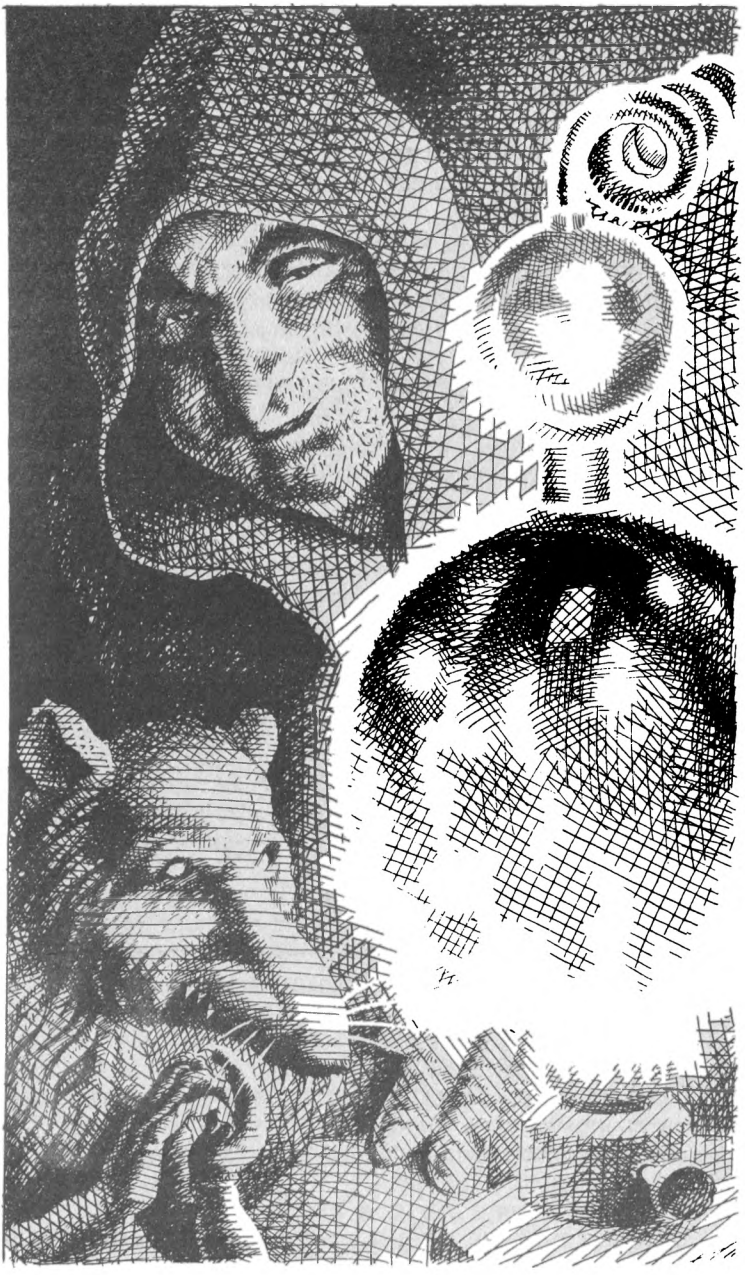
Фафхрд и Мышелов тихонько отползли от двери: во-первых, они решили, что теперь, когда внимание Христомило не занято ни заклинаниями, ни ретортой, ни мерзкой тварью, он легко может их заметить; а во-вторых, от всего увиденного и услышанного их охватило отвращение и жгучая, но бессильная жалость к Слевьясу, кто бы там он ни был, а также к другим безвестным жертвам гибельных заклинаний этого крысоподобного чародея, к несчастным мертвецам, чьим костям суждено быть обглоданными.

Фафхрд выхватил у Мышелова зеленый флакон и, давясь от тухлого цветочного запаха, сделал внушительный глоток. Мышелов не смог заставить себя последовать его примеру и довольствовался парами спирта, которые ему удалось при этом вдохнуть.

И тут позади Фафхрда он увидел стоявшего у дверей комнаты с картой богато одетого человека, на боку которого висел кинжал с золотой рукояткой, усеянной драгоценными камнями. Его лицо с глубоко запавшими глазами, обрамленное аккуратно подстриженными черными волосами и бородкой, было изборождено преждевременными морщинами, что явно свидетельствовало о бремени ответственности, тяжкой работы и власти. Улыбнувшись он подозвал друзей.

Приближаясь к незнакомцу, Фафхрд вернул зеленый флакон Мышелову, который заткнул его пробкой и с хорошо скрываемым раздражением сунул себе под мышку.

Друзья догадались, что перед ним стоял Кровас, великий магистр Цеха. Отрыгиваясь и пошатываясь, Фафхрд прыгал на одной ноге и снова думал, что сам Кос, бог судьбы, ведет их сегодня к цели. Более настороженный и сметливый Мышелов напомнил себе, что стражи велели им доложиться Кровасу, так что их затея если и не идет в соответствии с его туман-

ными планами, то по крайней мере еще не рухнула окончательно.

Однако ни осторожность Мышелова, ни первобытные инстинкты Фафхрда ни о чем не предупредили друзей, когда те входили в комнату с картой.

Не успели они пройти и несколько шагов, как четыре головореза с заткнутыми за пояс ножами скрутили им руки и занесли над головами дубинки.

Приятели сочли за лучшее не сопротивляться, дабы хоть этим подтвердить справедливость слов Мышелова о крайней осторожности подвыпивших людей.

— Все в порядке, великий магистр, — рявкнул один из головорезов.

Кровас повернул самое большое кресло и уселся, испытующе и холодно глядя на друзей.

— Что привело двух вонючих и пьяных нищих в место, куда вход дозволен только магистрам? — спокойно осведомился он.

Мышелов почувствовал, как от облегчения на лбу у него выступил пот. Его блистательная маскировка все еще работает, на нее клюнул сам принципал, хотя и заметил, что Фафхрд под мухой. Продолжая прикидываться слепцом, он заговорил дрожащим голосом:

— Страж, что дежурит над дверью, выходящей на Грошовую, велел нам доложиться тебе лично, о великий Кровас, поскольку ночной нищмейстер отпросился с целью соблюдения половой гигиены. Сегодня мы поживились очень недурно! — Порывшись в кошеле и по возможности не обращая внимания на пальцы, сжимавшие его плечи, Мышелов извлек золотой, который дала ему чувствительная куртизанка и на дрожащей ладони протянул его Кровасу.

— Избавь меня от своего неумелого лицедейства, — резко сказал Кровас.

Мышелов послушно выпрямился, насколько позволяли ему руки державших его головорезов, и, чувствуя растущую неуверенность, беззаботно улыбнулся. Похоже, он играет все же не так блистательно, как ему казалось.

Наклонившись вперед, Кровас спокойно, но с нажимом спросил:

— Даже если вам так велели — и напрасно, страж еще поплатится за свою глупость! — то почему

я застал вас за тем, как вы что-то вынюхивали в соседней комнате?

— Мы увидели, как из нее сбежали отважные воры, — ловко вывернулся Мышелов. — Опасаясь, что Цеху грозит опасность, мы с товарищем решили выяснить, в чем дело, и, если надо, защитить Цех.

— Но увиденное привело нас в смущение, господин, — к месту ввернул Фафхрд.

— А тебя я не спрашивал, болван! Будешь говорить, когда к тебе обратятся, — оборвал его Кровас и повернулся к Мышелову: — А ты — бесцеремонный жулик, слишком самоуверенный для своего положения.

Мышелов мгновенно сообразил, что теперь требуется не раболепство, а побольше наглости.

— Так оно и есть, господин, — самодовольно отозвался он. — У меня, к примеру, есть гениальный план, благодаря которому ты и твой Цех за три месяца обретут больше богатства и власти, нежели твои предшественники скопили за три тысячелетия.

Лицо Кровасa потемнело, и он окликнул:

— Мальчик!

Мгновенно из-за шторы, закрывающей внутреннюю дверь, выскочил темнокожий парнишка-клешит, одетый лишь в черную набедренную повязку и стал на колени перед Кровасом.

— Позови моего чародея, потом воров Слевьяса и Фиссифа, — приказал тот, и мальчик бросился в коридор. Кровас, к которому вернулась его обычная бледность, откинулся на спинку кресла, положил жилистые руки на мягкие подлокотники и с улыбкой предложил Мышелову: — Ну, говори. Расскажи о своем гениальном плане.

Заставляя себя не удивляться тому, что Слевьяс оказался не жертвой, а вором, причем не убитым, а живым и невредимым — зачем же он все же понадобился Кровасу? — Мышелов откинул голову и, изобразив на губах легкую насмешливую улыбочку, начал:

— Можешь смеяться надо мною сколько тебе угодно, о великий магистр, но я ручаюсь, что не успеет твое сердце отстучать два десятка ударов, как ты перестанешь улыбаться и будешь внимательно вслушиваться в мои слова. Истинный разум способен, слов-

но молния, осветить любой предмет, а даже вы, лучшие люди Ланкмара, не замечаете у себя под носом освященных веками белых пятен, которые нам, пришельцам из иных краев, очевидны. Мой гениальный план заключается в следующем: Цех Воров под твоим твердым руководством должен захватить высшую власть сначала в городе Ланкмаре, потом во всей ланкмарской земле, потом по всему Невону, после чего... кто знает, какие недосягаемые области узнают сладость твоего правления?

В одном Мышелов оказался прав: Кровас больше не улыбался. Он опять немного подался вперед, его лицо снова потемнело, но от любопытства или от гнева, сказать пока было трудно. Мышелов тем временем продолжал:

— В течение веков у Цеха было вполне достаточно власти и ума, чтобы совершить почти наверняка удачный coup d'état[1], сегодня же шансов на провал переворота ровно столько же, сколько волос на абсолютно лысом черепе. Воры должны править людьми, это совершенно очевидно. Природа просто вопиет об этом. И вовсе незачем лишать жизни старого Карстака Оварто-мортеса, его нужно прибрать к рукам, подчинить и управлять страною через его посредство. У тебя уже есть платные осведомители в каждом благородном и зажиточном доме. Твое положение прочнее, чем у самого Царя Царей. При нужде ты в любой момент можешь взять сколько угодно наемников в Братстве Душегубов. Мы, члены Цеха Нищих, твои лазутчики. О великий Кровас, массы знают, что именно воровство правит Невоном — да что там Невоном, всей вселенной, даже обиталищем высших богов! И массы согласны с этим, им не по душе лицемерие нынешнего строя, столпы коего утверждают, что дело обстоит иначе. Удовлетвори же справедливое желание масс, великий Кровас! Сделай так, чтобы все было честно и открыто, чтобы воры правили не только фактически, но и официально!

Речь Мышелова звучала страстно, он сам верил во все, что говорил, даже не замечая явных противоречий. Четыре головореза пожирали его глазами с вос-

---

[1] Государственный переворот *(франц.)*.

хищением и не без страха. Руки их непроизвольно немного разжались.

Однако Кровас, откинувшись в кресле и улыбаясь тонко и зловеще, холодно произнес:

— В нашем Цехе опьянение является не извинением глупости, а лишь поводом для более сурового наказания. Но мне прекрасно известно, что у вас, нищих, дисциплина хромает. Поэтому я снизойду до того, чтобы объяснить тебе, ничтожный фантазер, следующее: мы, воры, очень хорошо понимаем, что, находясь за кулисами, держим в своих руках Ланкмар, Невон, да и вообще всю жизнь — ведь что она такое, если не алчность в действии? Однако, если мы признáем это в открытую, нам придется взять на себя тысячу скучных обязанностей, которые сейчас выполняют за нас другие, и, кроме того, будет нарушен еще один глубинный закон жизни — закон иллюзии. Разве уличный торговец сластями показывает тебе свою кухню! Разве блудница позволяет обычному клиенту смотреть, как она штукатурит свои морщины и подтягивает отвисшие груди с помощью хитроумных приспособлений из прозрачной ткани? Разве фокусник выворачивает перед тобой свои потайные карманы? Природа действует тонко и незаметно для глаза, у нее на вооружении и крошечное мужское семя, и укус паука, и мельчайшие споры безумства и смерти, и камни, рожденные в неведомых недрах земли, и молчаливые звезды на небесах — а мы, воры, следуем ее примеру.

— Это все весьма поэтично, сударь, — перебил Фафхрд со скрытой злой насмешкой: гениальный план Мышелова произвел на него очень сильное впечатление, и теперь ему было больно, что Кровас так легко отмахнулся от него и тем самым оскорбил его друга. — Теневое правление имеет свои положительные стороны, но, — тут Фафхрд сделал хорошо рассчитанную паузу, — удержится ли оно, когда Цех Воров встанет перед лицом врага, намеренного расправиться с ним, перед лицом заговора, имеющего целью смести Цех с лица земли?

— Это еще что за пьяное блекотание? — выпрямившись, осведомился Кровас. — Какой заговор?

— Самый что ни на есть тайный, — ухмыльнувшись, ответил Фафхрд, очень довольный тем, что мо-

жет отплатить этому спесивцу его же монетой, и решивший, что будет вполне справедливо, если король воров попотеет немного, прежде чем Влана получит его голову. — Мне ничего о нем не известно, кроме того, что многих магистров Цеха ждет нож, а тебе не сносить головы в первую очередь!

Фафхрд ощерился и сложил руки на груди, поскольку стражники едва держали его; в одной из ладоней он легко сжимал свой длинный костыль (он же меч), который свободно висел вдоль тела. Однако Северянин тут же помрачнел: острая боль пронзила его подвязанную ногу — она затекла и теперь напоминала о себе.

Подняв кулак, Кровас привстал с кресла, словно собираясь отдать какую-то жуткую команду — к примеру, растянуть Фафхрда на дыбе. Мышелов тут же затараторил:

— Невидимая Семерка — так называют их главарей. Никто из рядовых заговорщиков не знает, как их зовут, однако поговаривают, что в Семерку входит по одному предателю из отделений Цеха Уул-Хруспе, Кварч-Наре, Илтхмаре, Горбориксе, Тизилинилите, далеком Кираае и самом Ланкмаре. Их вроде бы снабжают деньгами восточные купцы, жрецы Вана, степные волшебники и половина мингольских главарей, легендарный Квармалл, Ааартские Убийцы из Сархеенмара и ни больше ни меньше, как сам Царь Царей.

Несмотря на презрительные, а чуть позже злобные замечания Кроваса, головорезы, стоявшие рядом с Мышеловом, прислушивались к словам своего пленника с любопытством и уважением и по-прежнему лишь слегка придерживали его. Красочные разоблачения и мелодраматическая манера Мышелова приковали все их внимание, тогда как сухие, циничные, философские слова Кроваса пролетали мимо ушей.

Тут в комнату влетел Христомило; по всей вероятности он двигался быстрыми мелкими шажками, так как его мантия совершенно не колыхалась.

При его появлении находившиеся в комнате воры в той или иной степени испытали потрясение. Все, затаив дыхание, не сводили с него глаз, а Мышелов и Фафхрд почувствовали, как задрожали державшие их грубые руки. Даже выражение самоуверенности и вселенской скуки на лице Кроваса сменилось с трудом

сдерживаемой тревогой. Цехового колдуна явно скорее боялись, чем любили — как его работодатель, так и те, кто извлекал выгоду из его искусства.

Не обращая ни малейшего внимания на реакцию, вызванную его появлением, Христомило, изобразив на своих тонких губах улыбку, остановился у кресла Кроваса и склонил затененное клобуком крысиное лицо в едва заметном приветствии.

Кровас протянул руку к Мышелову, призывая его к молчанию.

Потом, нервно облизнув губы, резко спросил у Христомило:

— Ты знаешь этих двоих?

Тот решительно кивнул.

— Они только что исподтишка таращились на меня, пока я занимался делом, о котором мы говорили. Я бы их шуганул и сказал бы кому надо об их появлении, но не мог прервать заклинания, пока кипела реторта. Один из них северянин, другой, судя по лицу, откуда-то с юга — из Товилийса или его окрестностей, скорее всего. Оба моложе, чем сейчас выглядят. По-моему, это внештатные наемные убийцы, из тех, что нанимает Братство, когда у них наваливается много работы по охране и сопровождению. Очень неуклюже изображают из себя попрошаек.

Фафхрд зевнул, Мышелов с сожалением покачал головой, стараясь убедить присутствующих, что чародей попал пальцем в небо.

— Это все, что я могу о них сказать, не прочтя их мыслей, — заключил Христомило. — Может, принести лампы и зеркала?

— Пока не надо. — Кровас ткнул указательным пальцем в сторону Мышелова. — Откуда тебе стало известно все, о чем ты тут трепался — о Невидимой Семерке и прочем? Отвечать быстро, прямо и без словоблудия!

Мышелов бойко затараторил:

— На Бардачной поселилась новая куртизанка, зовут Тьярья — высокая, хороша собой, но горбатая, что как ни странно, нравится многим клиентам. Недавно она ко мне воспылала — то ли потому, что мы оба увечные, то ли из жалости, что я такой молодой, а уже слепой — она-то в это верит! — а может, это сочетание заводит красотку, точно так же, как ее

кривая спина возбуждает некоторых клиентов. Ну вот, а один из ее покровителей, торговец по имени Мурф, недавно приехавший из Клелг-Нара, обратил внимание на мой ум, смелость и тактичность, а также на те же качества моего приятеля. Он принялся нас прощупывать и в конце концов заявил, что мы, должно быть, ненавидим Цех Воров за то, что он держит в руках Цех Нищих. Чувствуя, что у нас появился шанс помочь вам, мы ему подыграли, и неделю назад он записал нас в ячейку из трех человек, которая находится на периферии заговорщицкой сети, сплетенной Семеркой.

— И вы намеревались действовать на свой страх и риск? — ледяным тоном спросил Кровас, выпрямившись и крепко сжав подлокотники.

— Ну, нет, — без тени коварства возразил Мышелов. — Мы сообщали о каждом нашем шаге дневному нищмейстеру, он нас хвалил, велел вылезти вон из кожи, но собрать как можно больше сведений и слухов о заговоре Семерки.

— А мне он не сказал ни слова! — возмутился Кровас. — Если вы говорите правду, Баннат поплатится головой! Но вы ведь лжете, не так ли?

Мышелов с обиженным видом уставился на Кровáса, готовя в уме возражение подостойнее, но тут, опираясь на золоченый посох, в дверном проеме показался осанистый мужчина, шедший по коридору. Несмотря на хромоту, двигался он бесшумно и уверенно, однако Кровас сразу же его заметил.

— Ночной нищмейстер! — резко окликнул он. Хромой остановился, развернулся и величественно переступил через порог. Указав пальцем сначала на Мышелова, затем на Фафхрда, Кровас спросил: — Флим, ты знаешь эту парочку?

Ночной нищмейстер не спеша оглядел обоих и отрицательно покачал головой, увенчанной тюрбаном из золотой материи.

— Не встречал. Кто они? Стукачи из нищих?

— Но Флим и не может нас знать, — принялся оправдываться Мышелов, в отчаянии чувствуя, что им с Фафхрдом пришел конец. — Мы держали связь только с Баннатом.

Флим безмятежно произнес:

— Последние десять дней Баннат валяется в приступе болотной лихорадки. Все это время обязанности дневного нищмейстера выполнял я.

В этот миг в комнату влетели Слевьяс и Фиссиф. На подбородке у долговязого вора голубела шишка. Голова толстяка была перевязана. Он тут же указал на Фафхрда и Мышелова и завопил:

— Это они напали на нас, забрали добычу из лавки Дженгао и перебили охрану.

Мышелов чуть приподнял локоть, и зеленый флакон разбился вдребезги о мраморный пол. В воздухе тошнотворно запахло гарденией

Мгновенно вырвавшись из рук изумленного головореза, Мышелов бросился к Кровасу, занеся над головой обернутый тряпками меч, словно дубинку. Если ему удастся захватить главного вора врасплох и приставить ему к горлу Кошачий Коготь, появится возможность выторговать жизнь себе и Фафхрду. Разве что воры сами хотят, чтобы их главаря прикончили, чему Мышелов не удивился бы.

С поразительным проворством Флим выставил вперед свой золоченый посох, и Мышелов полетел кверх тормашками, успев, впрочем превратить в полете вынужденное сальто в умышленное.

Тем временем Фафхрд, отшвырнув стоявшего слева стражника, заехал ручкой Серого Прутика прямехонько в челюсть второму головорезу. Мощным усилием удержавшись на одной ноге, он поскакал к стенке, на которой висели образчики воровской добычи.

Слевьяс кинулся к стене с инструментами и, напрягшись, так что хрустнули мускулы, вырвал из запертых на висячий замок колец чудовищных размеров лом.

Вскочив на ноги после не слишком удачного приземления перед Кровасом, Мышелов обнаружил, что царь воров присел за креслом, сжимая в руке кинжал с золоченой рукояткой и яростно сверкая ледяными глазами. Мышелов обернулся и увидел, что один из стражей Фафхрда лежит бездыханный на полу, другой начинает потихоньку приподниматься, а сам могучий Северянин, прислонившись спиной к стене с причудливыми драгоценностями, размахивает Серым Прутиком и длинным кинжалом, который он уже успел выхватить из-за спины.

Вытащив Кошачий Коготь, Мышелов зычным, как боевая труба, голосом возопил:

— Все назад! Он сошел с ума! Я сейчас подрежу ему сухожилия на здоровой ноге!

Бросившись между двумя своими стражами, которые до сих пор поглядывали на него с известной опаской, Мышелов со сверкающим кинжалом в руке оказался перед Фафхрдом, молясь в душе, чтобы тот, несмотря на опьянение битвой, равно как вином и ядовитыми духами, узнал его и разгадал только что придуманную уловку.

Мышелов пригнулся, и Серый Прутик просвистел у него над головой. Новый друг не только все понял, но и подыгрывал — Мышелов надеялся, что промазал он не случайно. Низко склонившись, он разрезал веревку, которой была притянута к бедру левая лодыжка Фафхрда. Серый Прутик и длинный нож Северянина продолжали мелькать перед ним. Вскочив, Мышелов бросился в коридор и крикнул через плечо Фафхрду:

— Смываемся!

Христомило стоял поодаль, невозмутимо наблюдая за происходящим. Фиссиф трусливо удрал в безопасный уголок. Кровас сидел на корточках за креслом и вопил:

— Догнать их! Схватить!

Три еще не выведенных из строя головореза, к которым наконец вернулся боевой дух, двинулись на Мышелова. Но он, ловко размахивая кинжалом, остановил стражей, проскочил между ними и в мгновение ока сшиб с ног мощным боковым ударом Скальпеля. Между тем Флим снова попытался зацепить его своим золоченым посохом.

Подоспевший тем временем Слевьяс замахнулся на Мышелова сорванным со стены страшным ломом. Но не успел он нанести удар, как вылетевший из-за плеча Мышелова длиннющий меч, зажатый в не менее длинной руке, шарахнул Слевьяса прямо в грудь; тот отлетел назад, и лом в его руках лишь слегка дернулся, не нанеся никому вреда.

Мышелов выскочил в коридор, Фафхрд бросился за ним, по какой-то таинственной причине все еще прыгая на одной ноге. Мышелов ткнул пальцем в сторону лестницы. Фафхрд кивнул, но задержался на секунду,

чтобы сорвать со стены с десяток локтей тяжелой драпировки и бросить ее под ноги преследователям.

Добежав до лестницы, они бросились вверх. Мышелов несся впереди. За спинами друзей слышались приглушенные крики.

— Хватит тебе скакать, Фафхрд! — сварливо приказал Мышелов. — У тебя снова две ноги.

— Да, и одна из них одеревенела, — жалобно ответил Фафхрд. — Бр-р! Вроде бы начинает отходить.

Между ними просвистел нож, глухо ударился острием в стену и выбил облачко каменной пыли. Приятели нырнули за поворот лестницы.

Еще два пустынных коридора, еще два пролета — и они увидели на верхней площадке прочную лестницу, приставленную к черной квадратной дыре в крыше. Какой-то вор с убранными под яркий платок волосами — похоже, это был опознавательный знак ночной стражи — выхватил меч и попытался преградить Мышелову путь, но, увидев, что на него наступают двое со сверкающими кинжалами и странного вида то ли палками, то ли дубинками в руках, бросился наутек в последний пустынный коридор.

Мышелов, преследуемый по пятам Фафхрдом, проворно вскарабкался по лестнице и, не замедляя темпа, выскочил через люк в звездную ночь.

Он оказался на неогражденном краю шиферной крыши, достаточно покатой, чтобы внушить страх новичку, но для человека бывалого совершенно безопасной.

На коньке крыши Мышелов увидел еще одного вора в платке, державшего потайной фонарь. Он быстро закрывал и снова открывал окошко фонаря, сигнализируя слабым зеленым лучом кому-то в северной стороне, где в ответ мигала еле заметная красная точка — то ли на дамбе, то ли на верхушке мачты корабля, стоящего на рейде во Внутреннем море. Контрабанда?

Завидя Мышелова, вор выхватил меч и, чуть покачивая фонарем, стал приближаться с угрожающим видом. Мышелов не спускал с него глаз: потайной фонарь с пламенем внутри и резервуаром горючего мог при необходимости стать опасным оружием.

Но тут из люка выкарабкался Фафхрд и встал рядом с Мышеловом, наконец-то на двух ногах. Противник начал медленно отступать к северному концу конька. У Мышелова промелькнула мысль, что там, вероятно, есть еще один люк.

Услышав стук, он обернулся: осмотрительный Фафхрд вытаскивал из люка лестницу. Едва он поднял ее, как из люка вылетел нож. Следя за его полетом, Мышелов нахмурился, невольно восхищаясь ловкостью, которая требовалась для того, чтобы метнуть нож вверх более или менее точно.

Нож упал рядом с ними и заскользил вниз по шиферу. Мышелов большими скачками понесся к южному концу крыши; когда он был на полпути к находившемуся там люку, слабый звон возвестил о том, что нож приземлился на камни Убийственного проулка.

Фафхрд едва поспевал за товарищем: у него не было опыта в лазании по крышам, его левая нога еще не совсем отошла, и к тому же он нес на правом плече тяжелую лестницу.

— Не нужна она нам, — крикнул через плечо Мышелов.

Не долго думая, Фафхрд с удовольствием скинул лестницу с крыши. К тому моменту, когда она достигла Убийственного проулка, Мышелов уже успел пролететь два ярда, отделявшие его от соседней крыши — менее покатой и с наклоном в другую сторону. Фафхрд приземлился рядом с ним.

Почти бегом Мышелов повел его сквозь прокопченный лес труб с колпаками и без оных, вентиляционных раструбов, которые благодаря хвостовому оперению всегда были повернуты в сторону ветра, водяных баков на черных ножках, крышек люков, голубятен и ловушек на птиц. Так они проскочили через пять крыш, четыре из которых опускали их все ниже и ниже, а пятая снова подняла на фут; расстояния между крышами были невелики, не больше трех ярдов, так что прыгать было нетрудно, друзья легко обошлись без лестницы-мостика, и только одна крыша оказалась более покатой, чем на Доме Вора. Таким манером Мышелов и Фафхрд добрались до улицы Мыслителей и оказались как раз в том месте, где над

нею проходила крытая галерея, похожая на ту, что связывала дома мастерской Роккермаса и Слаарга.

Когда друзья, пригнувшись, бежали по ней, мимо них просвистела какая-то штука и упала впереди. Друзья спрыгнули с крыши галереи, и тут над их головами просвистели еще три таких же штуки, одна из которых отскочила от трубы и упала к ногам Мышелова. Он поднял ее, думая, что это камень, и очень удивился, когда увидел в руке тяжелый свинцовый шарик, размером почти с куриное яйцо.

— Быстро они выгнали своих пращников на крышу, — заметил он, указывая большим пальцем себе за спину. — Ребята работают неплохо, стоит их только поднять по тревоге.

И снова друзья побежали сквозь черный лес труб в сторону Грошовой, в то место, где верхние этажи почти смыкались над улицей и перепрыгнуть разделяющий их промежуток было проще простого. И тут волна ночного смога, да такого густого, что друзья принялись кашлять и отплевываться, накатила на них; Мышелову пришлось сбавить темп и двигаться чуть ли не ощупью, а Фафхрд шел сзади, положив ему руку на плечо. У самой Грошовой улицы туман внезапно кончился, и друзья вновь увидели звезды, а черная волна покатилась дальше на север.

— Что за дьявольщина? — спросил Фафхрд, но Мышелов лишь пожал плечами.

А козодой увидел бы сверху, как толстое кольцо черного ночного смога расползается из точки где-то неподалеку от «Серебряного Угря», становясь все шире и шире.

Немного восточнее Грошовой друзья наконец спустились на землю — это было на Чумном Подворье, за узким домиком портного по имени Джох-Ловкие Пальцы.

И тут они наконец посмотрели друг на друга, увидели свои спеленутые мечи, чумазые лица, выпачканную сажей одежду и принялись неудержимо хохотать; не переставая ржать, Фафхрд стал массировать себе левую ногу от голени до бедра. Друзья продолжали давиться от смеха и подтрунивать друг над другом и когда освобождали от ленты мечи — Мышелов делал это с видом, словно держал в руках сверток с сюрпризом, — и когда пристегивали их на место. На-

пряжение последних часов до последней капельки выжгло из них хмель от крепкого вина и еще более крепкие вонючие духи, но пить им больше не хотелось: друзья чувствовали настоятельную потребность оказаться дома, поесть в три горла, запивая пищу горьким обжигающим «вздрогом», и рассказать возлюбленным о своем невероятном приключении.

Они быстро шли рядом, время от времени переглядываясь, ухмыляясь и посматривая, нет ли погони или засады, хотя были почти уверены, что ничего такого быть не должно.

Теперь, когда ночной смог исчез и все вокруг было залито светом звезд, узкие улочки казались им не такими зловонными и мрачными, как по пути к Дому Вора. Даже Навозный бульвар дышал какой-то свежестью.

И только на несколько секунд разговор их принял серьезное направление.

Фафхрд сказал:

— Сегодня ты был пьяным гением, но все же и идиотом тоже, а я — просто пьяным пентюхом. Это же надо — подвязать мне ногу! Обмотать тряпками мечи, так что мы могли пользоваться ими лишь как дубинками!

Мышелов пожал плечами:

— Но в противном случае мы порешили бы сегодня не одного человека.

Не без некоторой горячности Фафхрд возразил:

— Когда лишаешь человека жизни в бою — это не убийство.

Мышелов снова пожал плечами:

— Убийство есть убийство, как его ни назови. Точно так же, как еда есть еда, а пьянство есть пьянство. О всемогущие боги, как я устал, как я хочу жрать и пить! Ничего мне не нужно — только мягкие подушки, еда и дымящийся «вздрог»!

Друзья беззаботно взбежали по скрипучей лестнице со сломанными ступеньками, и Мышелов резко толкнул дверь, чтобы та распахнулась быстро и неожиданно.

Но дверь не шелохнулась.

— Заперто, — лаконично сообщил Мышелов. В щели под дверью и за ставнями было заметно лишь какое-то оранжево-красное мерцание. С нежной улыб-

кой Мышелов ласково проговорил, хотя в его голосе сквозила тревога: — Наши девицы безмятежно спят! — Он трижды постучал в дверь и, приложив ладони рупором к щелке, тихонько позвал: — Эй, Ивриана! Я уже дома. Влана! Ты должна гордиться своим мужчиной — он поразил бесчисленное множество воров Цеха, стоя на одной ноге!

За дверью не раздалось ни звука — если не считать шороха, столь слабого, что друзья не были уверены, что он им не померещился.

Фафхрд наморщил нос:

— Откуда-то тянет дымом.

Мышелов снова ударил кулаком в дверь. Безрезультатно.

Фафхрд отодвинул приятеля в сторону, намереваясь вышибить дверь своим могучим плечом.

Но Мышелов покачал головой и несколькими ловкими движениями вытащил кирпич, который, казалось, весьма прочно сидел в стене рядом с дверью. Затем он просунул в отверстие руку, послышался скрежет одной задвижки, потом второй, потом третьей. Мышелов вытащил руку назад, и дверь распахнулась от легкого толчка.

Но они с Фафхрдом не бросились внутрь, как только что намеревались: вместе с дымом, чуть тошнотворным ароматом чего-то женского, но только не духов, и прокисшим звериным запахом из комнаты потянуло чем-то неизвестным и крайне опасным.

Комната была освещена лишь оранжевым мерцанием, исходящим из приоткрытой дверцы печки, однако дверца была неестественно перекошена: печку явно кто-то опрокинул к задней стенке камина.

Одна маленькая деталь несла в себе весь ужас перевернутой вверх дном вселенной.

В оранжевом мерцании виднелись странно вздыбившиеся ковры с черными кругами с ладонь величиной, разбросанные под полками свечи, кувшинчики и шкатулки и прежде всего — две непонятные черные бесформенные груды, одна у камина, вторая частью на кушетке, частью на полу.

Из каждой груды на Мышелова и Фафхрда смотрело множество пар крошечных, широко посаженных красных глазок.

На ковре по другую сторону камина серебряной паутинкой блестела клетка, но попугайчики в ней больше не чирикали.

Внезапно послышался тихий металлический скрежет: Фафхрд проверял, свободно ли выходит из ножен Серый Прутик.

И словно этот тихий звук был условным сигналом к атаке, друзья одновременно выхватили мечи и, осторожно пробуя перед собою пол, вошли в комнату.

При звуке вынимаемых мечей горевшие красным огнем глазки замигали, забегали, а когда друзья начали приближаться, рассыпались на пары, каждая из которых находилась в передней части небольшого, длинного безволосого туловища с длинным хвостом, — и скрылись в черных дырах, зиявших в коврах.

Дыры эти были без сомнения крысиными норами, прогрызенными совсем недавно, а красноглазые существа — черными крысами.

Рыча и сыпля проклятиями, Фафхрд с Мышеловом бросились вперед и принялись рубить и колоть направо и налево.

Но атака оказалась почти бесплодной. Крысы разбегались со сверхъестественной быстротой, и большинству из них удалось юркнуть в норы у стен перед камином.

К тому же после первого яростного удара Фафхрда пол проломился под его мечом, а на третьем шагу он и сам с оглушительным треском провалился чуть ли не по пояс. Мышелов хладнокровно пролетел мимо него.

Не обращая внимания на царапины, Фафхрд вытащил застрявшую в полу ногу; он тоже не замечал, что половицы продолжают потрескивать. Крысы исчезли. Северянин подошел к товарищу, который бросал в печь растопку, чтобы в комнате стало хоть немного светлее.

Самое ужасное было то, что хотя крысы и разбежались, две продолговатые груды остались лежать, став, впрочем, гораздо меньше. В желтом свете пламени, прыгавшего за перекошенной черной дверцей, груды эти изменили свой цвет: они не были больше черными и усеянными огненными точками, а представляли собою смесь множества цветов — блестящего черного, темно-коричневого, тошнотворного пурпурно-

синего, фиолетового, бархатисто-черного и белоснежного — груды окровавленной плоти и костей, алевшие пятнами крови и красных чулок.

Руки и ноги девушек были обглоданы до костей, тела прогрызены до сердец, но лица остались нетронутыми. И это было страшное зрелище: сине-фиолетовые трупные пятна, зубы оскалены, глаза вылезли из орбит, все черты искажены дикой болью. Только все так же сияли черные и каштановые волосы, да зубы, ослепительно белые зубы.

Не в силах отвести глаз от возлюбленных, друзья, несмотря на вздымающиеся в них волны ужаса, горя и ярости, заметили вокруг горла каждой из девушек черную петлю, конец которой, редея, скрывался в распахнутой двери — две петли ночного смога.

Внезапно пол посреди комнаты с треском просел еще пяди на три, однако тут же вновь на какое-то время обрел устойчивость.

В воспаленном мозгу каждого из друзей запечатлевались отмеченные краем глаза подробности: кинжал Вланы с серебряной рукояткой, пригвоздивший к полу крысу — хищник, очевидно, подошел слишком близко, прежде чем черный туман сделал свое страшное дело. Кошелек и пояс Вланы исчезли. Шкатулки из голубой эмали, инкрустированной серебром, куда Ивриана положила причитающуюся Мышелову долю похищенных драгоценностей, тоже не было.

Мышелов и Фафхрд подняли друг на друга белые перекошенные лица: кроме дикой ярости, на них были написаны понимание происшедшего и решимость. Не было нужды обсуждать с другом, что произошло, когда в резервуаре Христомило затянулись две черных дымных петли, или почему Сливикин подскакивал от радости, или что означали слова: «...чтобы сотрапезники были отделаны как надо», «не забудь про добычу» и «дело, о котором мы говорили». Фафхрду не было нужды объяснять, зачем он снял с себя балахон с клобуком или зачем выдернул из пола кинжал Вланы, стряхнул с него крысу и сунул его за пояс. Мышелову не было нужды говорить, зачем он отыскал с полдюжины горшочков с лампадным маслом, разбил три из них перед пылающей печью, потом подумал и засунул остальные в мешок у пояса вместе с остав-

шейся растопкой и горшком с плотно завязанным горлом и полным тлеющих угольев.

Затем, все так же молча, Мышелов обернул руку тряпкой и, сунув ее в камин, опрокинул печурку вперед, так что та упала дверцей прямо на пропитанный маслом ковер. Перед камином тут же запрыгали желтые языки пламени.

Друзья повернулись и бросились к двери. И тут с оглушительным треском под ними стал проваливаться пол. Отчаянно карабкаясь по вздыбившимся и заскользившим вниз коврам, друзья добрались до двери, и тут вся комната — с печью, пылающими циновками, дровами, свечами, золоченой кушеткой, со всеми столиками, шкатулками и баночками, с немыслимо изуродованными телами их первых возлюбленных — все это рухнуло в пыльную и затканную путиной комнату этажом ниже, и пламя не то очистительного, не то погребального костра взметнулось к небесам.

Друзья кинулись вниз по лестнице, которая оторвалась от стены и разлетелась в темноте на кусочки, как только они оказались на земле. В переулок Скелетов им пришлось пробираться через обломки.

Теперь уже узкие, как у ящерицы, языки пламени лизали тьму, вырываясь из-за ставен мансарды и через забитые окна нижнего этажа. Когда друзья, несясь во весь дух, добежали до Чумного Подворья, в «Серебряном Угре» уже вовсю били пожарную тревогу.

Как пули друзья влетели в Гибельный переулок, и тут Мышелов схватил Фафхрда за руку и силой заставил остановиться. Бранясь на чем свет стоит, бледный гигант с озверевшим лицом уступил только тогда, когда Мышелов задыхаясь крикнул:

— Ударов на десять сердца — только чтобы приготовить оружие!

Он выхватил из-за пояса мешок и, крепко держа его за горловину, изо всех сил ахнул о булыжник мостовой, так что разбились не только бутылки с маслом, но и горшок с угольями, и через несколько секунд в самом низу мешка показалось пламя.

Выхватив Скальпель и Серый Прутик, Мышелов с Фафхрдом понеслись дальше, при этом человечек в сером крутил мешком над головой, чтобы получше раздуть пламя. Когда друзья перебежали Грошовую и ворвались в Дом Вора, мешок уже успел превратиться

в огненный шар, и Мышелов, высоко подпрыгнув, зашвырнул его в нишу над дверью.

Находившиеся там стражи заверещали от испуга и боли, оказавись жертвами этого столь пламенного вторжения, и никак не сумели помешать двум нежданным посетителям.

Из дверей в коридор высыпали воры-ученики, которые услышали визг и топот, но тут же всыпались назад, завидя полыхающее пламя и двух незнакомцев с лицами демонов, размахивающих длинными блестящими мечами.

Но один тощий подмастерье — лет десяти от роду, не больше — замешкался. Не знающий жалости Серый Прутик пронзил его насквозь, и парнишка так и остался лежать с выпученными глазами и ртом, раскрывшимся в немом крике ужаса и мольбы.

Где-то вдалеке раздался гулкий вой, заунывный и таинственный, от которого волосы у друзей встали дыбом, и мгновенно все двери в коридоре захлопнулись, хотя Фафхрд и Мышелов страстно желали, чтобы из них выбежали стражники, коих они могли бы пощекотать своими мечами. Несмотря на новые длинные факелы на стенах, которыми были заменены догоревшие, в коридоре царил полумрак.

Друзья поняли, в чем тут дело, когда бросились вверх по лестнице. Возникая не то из пустоты, не то из воздуха, по ней ползли струи ночного смога.

С каждой секундой они становились длиннее, многочисленнее и плотнее и прилипали к телу, вызывая мерзкое ощущение. В коридоре наверху из них образовалось нечто вроде гигантской паутины — от стены до стены и от пола до потолка, — и Фафхрду и Мышелову приходилось буквально полосовать ее на куски, чтобы продвигаться вперед, что, впрочем, могло быть и плодом их больного воображения. Черная паутина немного приглушила раздавшийся снова жуткий, заунывный вой, который доносился из седьмой по счету двери и на сей раз завершился ликующим кудахтаньем, таким же безумным, как и охватившая друзей ярость.

И здесь двери стали захлопываться одна за другой. В один из мимолетных проблесков рассудка Мышелову пришло в голову, что воры боятся не его и Фафхрда —

они их еще даже не видели, — а Христомило и его магии, хотя волшебник и защищал Дом Вора.

Даже комната с картой, откуда вероятнее всего можно было ожидать контратаки, была плотно закрыта громадной дубовой дверью, обитой железом.

Теперь, чтобы сделать хоть шаг, друзьям приходилось прорубаться сквозь черную липкую паутину, словно сотканную из веревок. Между комнатой с картой и лабораторией, посреди чернильного цвета паутины стал вырисовываться паук размером с матерого волка, который с каждой секундой становился все плотнее и плотнее.

Мышелов рассек висевшую перед ним паутину, отступил на два шага и в мощном прыжке бросился на паука. Скальпель вонзился точно посередине между восемью только что появившимися злобными черными глазками, и тело паука, испуская мерзкую вонь, скукожилось, словно проткнутый ножом рыбий пузырь.

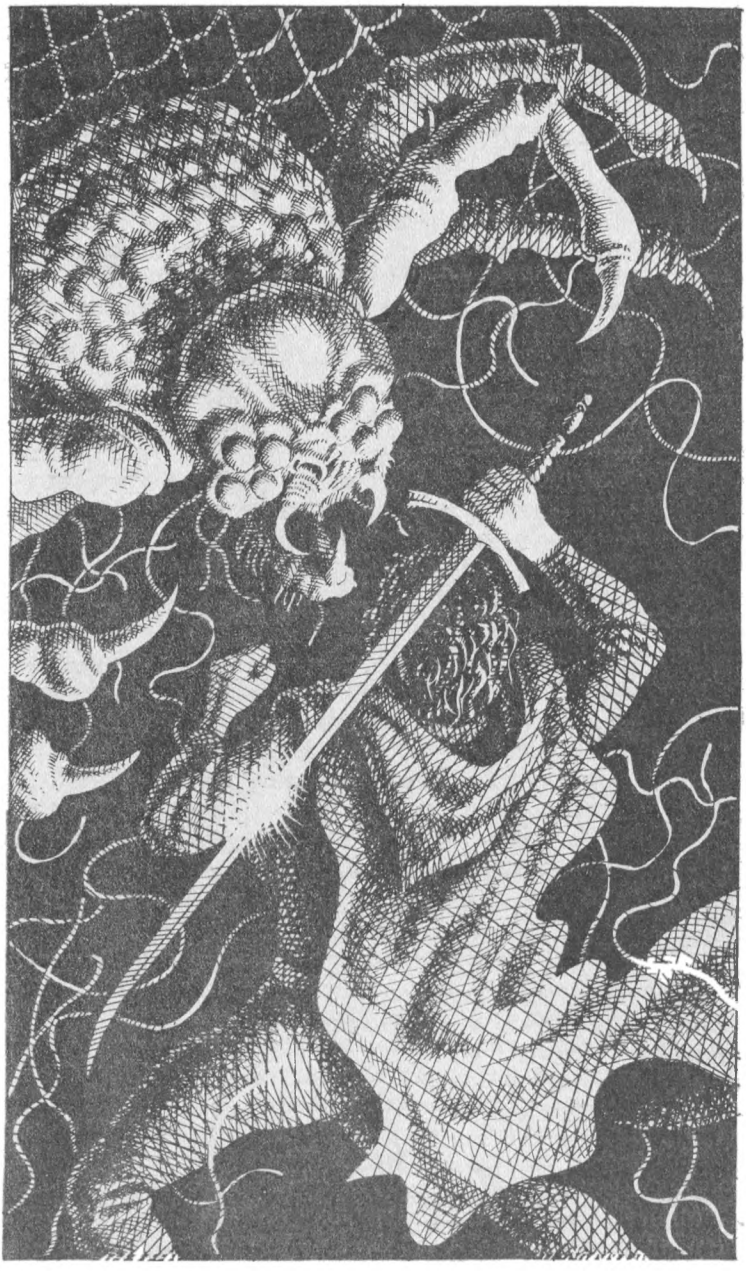
Мышелов и Фафхрд осторожно заглянули в лабораторию алхимика. Там практически ничего не изменилось, если не считать того, что некоторые вещи удвоились, если не удесятерились в числе.

На длинном столе бурлили уже две реторты, выпуская из себя жесткую, извивающуюся веревку гораздо быстрее, чем умеет ползать черная болотная кобра, которая, как известно, может догнать человека, причем веревка эта выползала не в резервуары, а прямо на воздух (если, конечно, субстанцию, заполнявшую Дом Вора, можно было назвать воздухом) и сплеталась в преграду между мечами друзей и Христомило. Чародей, как и в тот раз, стоял сгорбившись над своим желтым колдовским пергаментом, глядя, правда, не столько в текст заклинания, который он монотонно бубнил, сколько на Фафхрда и Мышелова.

На другом конце стола, где не было и следов паутины, подпрыгивал не только Сливикин, но еще и громадная крыса, похожая на него во всем, кроме головы.

Из нор у подножия стен, светились и мерцали пары красных глазок.

С гневным рыком Фафхрд принялся крушить черную сеть, но веревка выползала из реторт даже быстрее, чем он ее кромсал, а обрезанные концы не повисали безжизненно, а тянулись теперь к нему,

словно боа-констрикторы или побеги какого-то ползучего растения.

Внезапно перекинув Серый Прутик в левую руку, он выхватил свой длинный кинжал и метнул его в чародея. Сверкнув в воздухе, кинжал рассек три пряди, слегка замедлил свой полет на четвертой и пятой, почти остановился на шестой и бессильно повис в обвившем его кольце седьмой.

Христомило захихикал, обнажив свои длиннющие верхние резцы, а Сливикин в восторге заверещал и стал подпрыгивать еще выше.

Мышелов метнул Кошачий Коготь не более успешно — даже менее, поскольку тем временем две струи дыма обвились вокруг его правой руки и шеи, грозя скорым удушьем. Черные крысы повыскакивали из своих многочисленных нор.

Тем временем другие пряди черного дыма стиснули лодыжки, колени и левую руку Фафхрда и чуть не опрокинули его на пол. Пытаясь удержать равновесие, тот выхватил из-за пояса кинжал Вланы и замахнулся клинком с серебряной рукояткой, покрытым пятнами засохшей крысиной крови.

Улыбка Христомило тут же увяла. Издав странный скрипучий возглас, чародей отскочил от лежавшего на столе пергамента и поднял свои скрюченные ручонки, словно желая заслониться от рока.

Кинжал Вланы легко прошил черную паутину — казалось, она даже расступилась, пропуская его, — и, пройдя меж пальцами чародея, вонзился ему в правый глаз по самую рукоятку.

От страшной боли колдун тихо взвизгнул и схватился руками за лицо.

Черная паутина начала извиваться, как будто в смертной агонии.

Обе реторты с треском раскололись, лава из них хлынула на изрезанный стол и залила голубой огонь, а у ее кромки дерево стола начало чуть дымиться. Капли лавы застучали о темный мрамор пола.

С последним тихим всхлипом Христомило рухнул ничком, продолжая прижимать к лицу ладони, из-под которых торчал его длинный нос, а чуть выше — серебряная рукоятка кинжала.

Паутина поредела, словно в чернила плеснули воды.

Мышелов бросился вперед и одним ударом Скальпеля покончил со Сливикином и огромной крысой — те так и не успели сообразить, что с ними произошло. Тихо пискнув, обе твари околели, а другие крысы черными молниями метнулись в свои норы.

Наконец остатки ночного, вернее колдовского тумана рассеялись, и Фафхрд с Мышеловом обнаружили, что стоят среди трех трупов в полной тишине, которая, казалось, наполняла не только комнату, но и весь дом. Даже лава из реторт начала застывать, а стол перестал дымиться.

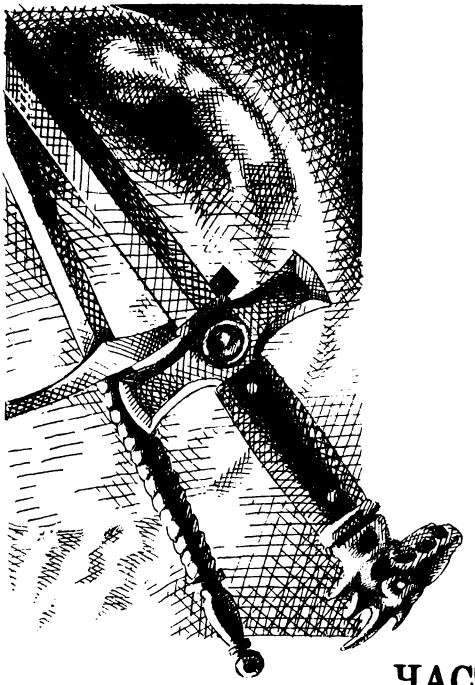
Их безумие и ярость исчезли — испарились до последней красной искорки в глазах, насытившись даже сверх меры. Убивать Кроваса или кого-нибудь еще из воров им уже хотелось не больше, чем прихлопнуть муху. Внутренне ужаснувшись, Фафхрд вспомнил жалкое личико мальчугана, которого он убил в приступе неистовой ярости.

Души друзей переполняло горе, которое не только не утихло, но стало даже глубже, — горе, да еще растущее отвращение ко всему, что их окружало — к мертвецам, перевернутой вверх дном лаборатории мага, к Дому Вора, ко всему Ланкмару до последнего зловонного закоулка и окутанной туманом верхушки крыши.

Зашипев от гадливости, Мышелов выдернул Скальпель из трупов обоих грызунов, вытер его о первую попавшуюся тряпку и вложил в ножны. Фафхрд тоже наскоро обтер Серый Прутик и последовал примеру Мышелова. Затем друзья подобрали свои кинжалы, когда рассеялась паутина, но лишь мельком взглянули в место, откуда торчал нож Вланы. Однако на столе они увидели ее отделанный серебром кошелек из черного бархата и пояс, наполовину залитый лавой, а также принадлежавшую Ивриане шкатулку из голубой эмали, инкрустированной серебром. Друзья высыпали из них камни Дженгао и забрали их с собой.

Не проронив ни звука, как и в те минуты, когда огонь пожирал уютное гнездышко Мышелова позади «Угря», но чувствуя еще большее родство душ, еще более сильную привязанность друг к другу, друзья понурившись, медленными, усталыми, чуть ускоряющимися шагами вышли из лаборатории мага и двинулись по устланному толстыми коврами коридору,

мимо дубовой, обитой железом двери комнаты с картой, мимо других запертых молчавших дверей — весь Цех явно находился в ужасе от Христомило, его заклинаний и крыс, — еще немного быстрее спустились по гулкой лестнице, прошли по нижнему коридору с голым полом мимо закрытых, мирных дверей, стараясь ступать помягче, но все равно почему-то громко топоча, затем под опустевшей, выжженной нишей над дверью и, оказавшись на Грошовой, повернули налево, к северу, поскольку так было ближе всего до улицы Богов, а там свернули направо, к востоку — не встретив на широкой улице ни живой души, кроме тощего, сутулого мальчишки, который уныло мел землю перед винным подвальчиком в тусклом розоватом свете зари, неспешно сочившемся с востока, да нескольких храпящих и сопящих фигур, валявшихся в канавах и под темными портиками — да, они свернули по улице Богов направо, к востоку, потому что путь этот вел к Болотной заставе, откуда начиналась Насыпная дорога через Великую Соленую Топь, и, значит, через Болотную заставу друзья могли быстрее всего уйти из великого и славного города, который стал им теперь настолько отвратителен, что они не могли оставаться в нем ни на один пронзительный, свинцовый удар сердца дольше, чем нужно — города их возлюбленных призраков, с которыми им уже не суждено было свидеться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕЧИ И ЧЕРНАЯ МАГИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Мечи против Смерти

1. КРУГОВОЕ ЗАКЛЯТИЕ

Почему жизнь — это вечная игра со смертью. Что делают герои, когда теряют своих первых и единственных возлюбленных — в данном случае изысканную Ивриану и стойкую Влану. О долгих странствиях по Невону и первой встрече несравненных мастеров меча Фафхрда и Серого Мышелова с несравненными волшебниками Шильбой Безглазоликим и Нингоблем Семиоким.

2. ДРАГОЦЕННОСТИ В ЛЕСУ

Об удивительных и волнующих поисках сокровищ на юге Ланкмара. О долговязой девочке лет четырнадцати и четырехсотлетнем мужчине. О черепах, самоцветах, коже, камнях и металле. Здесь же ответ на загадку: как может быть так, что внутри большого каменного здания нет ничего опасного, ничто никому не угрожает снаружи и все же страшная опасность налицо? Где она?

3. ДОМ ВОРА

Вновь о самоцветах, золоте и черепах, даже целых скелетах. Повествуется о третьем посеще-

нии Фафхрдом и Серым Мышеловом главного вертепа беззакония в Невоне, да и в других местах тоже, расположенного на западной стороне Грошовой улицы между улицами Богов и Мыслителей (называемой богословами проспектом Безбожников) и выходящего задами на Убийственный проулок — громадного здания безупречно организованного Цеха Воров Ланкмара, объединяющего несравненных домушников, искуснейших карманников, бесподобных скокарей, замечательных взломщиков, изумительных медвежатников и при необходимости опытнейших убийц, которые, впрочем, предпочитают нанимать для такого рода работы людей из Братства Душегубов (еще одной организации, ненавидимой Фафхрдом и Мышеловом). О рыжеволосой прелестнице по имени Ивлис и ее служанке. О прахе и смерти.

4. ЧЕРНЫЙ БЕРЕГ

Об опасности скуки, дерзком вызове и очень долгом странствии. Добавить к рассказу Урфа Мингола об этом приключении больше нечего.

5. ВОЮЩАЯ БАШНЯ

Приключение на дальнем западе Невона или, иными словами, на дальневосточном побережье его восточной части. Кто его знает. Рассказывается, как мало-помалу страх может превратить мягчайшего человека в грязного убийцу.

6. ЗАТОНУВШАЯ ЗЕМЛЯ

О невонской Атлантиде — Симоргии. Сказка неприютного Крайнего моря. Об уженни рыбы и драгоценностей. О светловолосом воплощении истинного безумия. Громадные волны. С некоторыми

подробностями относительно того, как неудобные толстые плащи могут прийтись впору рослым и крепким воинам.

7. СЕМЬ ЧЕРНЫХ ЖРЕЦОВ

Снова о тьме и ночи, а также о том, как Серый Мышелов (воплощение равновесия между черным и белым) и рыжеволосый Фафхрд с ним сражались. Известные опасности, неизбежно подстерегающие при похищении глаза у идола, будь он размером с куклу или гору. Лед, снега, вулканы, лава — и семь чрезвычайно грозных убийц.

8. КОГТИ ИЗ ТЬМЫ

Еще одна старая тема: угроза, исходящая от пернатых, то бишь птиц. Ланкмар вверх тормашками: соколы на свободе, а самые прекрасные женщины прячут лица в золотые или серебряные клетки. Странная расстановка — и перестановка — сил в семействе жирного купца Муулша и его невыносимой молодой жены Атьи, а также об их служанке.

9. ЦЕНА ЗАБВЕНИЯ

Каким образом Фафхрд и Серый Мышелов окончательно и крайне неудачно избавились от призраков Иврианы и Влану и попали в вечное услужение, правда, до некоторой степени и на неполный рабочий день, к Шильбе Безглазоликому и Нингоблю Семиокому. О совершеннейшем безумце и его совершенно блистательных планах. О скверно расположенном жилище близ Тусклого переулка, стране теней и ее мрачной владычице. Опять о прахе и смерти. Но также и о возрождении или по крайней мере о возжелании.

10. СКЛАД СТРАННЫХ УСЛАД

Об одной из самых первых услуг, оказанных Фафхрдом и Мышеловом их колдунам-работодателям Нингоблю и Шильбе. О паразитировании на жизни. О самой броской и прихотливой лавке во многих вселенных. Об ужасных Пожирателях, их гнусной тактике и о том, как Серому Мышелову и Фафхрду по чистой случайности удалось в конце концов одержать над ними верх. О том, что восхитительные девушки вполне резонно остаются на десерт. Но, к сожалению, и пауки тоже.

1. Круговое заклятие

Два воина, высокий и низкорослый, миновали Болотную заставу Ланкмара и двинулись на восток по Насыпной дороге. Свежая кожа и гибкие упругие тела выдавали в них юнцов, однако на лицах спутников была написана чисто мужская горечь и железная решимость.

Сонные охранники в вороненых кирасах не стали приставать к ним с расспросами. Только сумасшедшие, да недоумки по своей воле покидают величайший город Невона, тем более пешком и на заре. К тому же эти двое выглядели весьма устрашающе.

Небесный свод стал уже бледно-розовым, словно шапка пены на хрустальном кубке, наполненном на радость богам искрометным красным вином, и это сияние, продвигаясь к западу, гасило звезды одну за другой. Но не успело солнце окрасить горизонт в алый цвет, как с севера на Внутреннее море налетела черная буря и покатилась в сторону суши. Стало почти так же темно, как ночью, и только молнии пронзали небо, да гром потрясал своим железным щитом. Штормовой ветер нес с моря запах соли, который смешивался с гнилостной вонью болот. Ураган гнул до земли лезвия морской травы и потом бросался в объятия корявых ветвей терновника и ястребиных деревьев. Нагнанная им болотная вода поднялась на целый ярд с северной стороны узкого, извилистого и сверху плоского гребня Насыпной дороги. Вскоре полил проливной дождь.

Воины продолжали идти, не проронив ни слова, лишь расправили плечи и обратили к северу лица,

словно приветствуя очистительные ожоги шторма, которые позволяли им хоть немного отвлечься от мучительной боли, терзавшей их мысли и сердца.

— Эй, Фафхрд! — проскрежетал чей-то низкий голос сквозь грохот грома, завывание ветра и стук дождя.

Высокий воин резко повернул голову к югу.

— Эгей, Серый Мышелов!

Низкорослый воин последовал примеру своего спутника.

Подле южного откоса дороги на пяти тонких столбиках стояла довольно большая хижина округлой формы. По всей видимости столбики эти были довольно длинные, поскольку дорога в этом месте проходила высоко над уровнем воды, а между тем низ полукруглой двери хижины приходился как раз вровень с головой рослого воина.

Ничего странного во всем этом не было, кроме одного: всем на свете известно, что среди отравленных испарений Великой Соленой Топи могут жить лишь гигантские черви, ядовитые угри, водяные кобры, бледные длинноногие болотные крысы и тому подобная нечисть.

Яркая голубая молния на мгновение осветила фигуру в капюшоне, скрючившуюся в низком дверном проеме. Каждая складочка ее облачения вырисовывалась четко, словно на рассматриваемой с близкого расстояния гравюре.

Однако даже при свете молнии внутри капюшона не было видно ничего, кроме плотной черноты.

Снова загрохотал гром.

Вслед за ним из капюшона раздался скрипучий голос, хрипло и без тени юмора чеканивший следующие строки, в результате чего пустячный стишок прозвучал как зловещее и роковое заклинание:

«Ты, Фафхрд, здоров?
Ты в себе, Мышелов?
Ах, зачем дивный город
Покидать, братцы, вам?
Ведь сердца свои скоро
Вы истреплете в хлам
И на пятках мозоли набьете,
Пройдя сто дорог
Средь бурь и тревог,
А в Ланкмар непременно придете.
Возвращайтесь сейчас же назад!»

Когда отзвучали уже три четверти этой печальной песенки, воины обнаружили, что хоть и продолжают мерно вышагивать по дороге, но тем не менее с хижиной еще даже не поравнялись. Получалось, что она тоже шла на своих столбиках, а вернее, ногах. Сообразив это, друзья сразу разглядели, как тонкие деревянные ножки хижины машут туда-сюда, сгибаясь в коленях.

Когда скрипучий голос проговорил последнее громкое «назад!», Фафхрд остановился.

Остановился и Мышелов.

И хижина тоже.

Оба воина, повернувшись к ней, уставились прямо в низкую дверь.

И немедленно совсем рядом с ними ударила чудовищной величины молния, сопровождаемая оглушительным громовым раскатом. Воинов тряхануло, проняло до самых костей, хижину с ее обитателем стало видно лучше, чем днем, и все равно внутри капюшона ничего не было.

Но если б капюшон был просто пуст, то можно было бы разглядеть хотя бы складки у него внутри. Но нет, все тот же черный овал, непроницаемый даже для вспышки молнии.

Не обращая внимания ни на это чудо, ни на удар грома, Фафхрд, стараясь перекричать бурю, завопил прямо в дверь, и собственный голос показался ему очень тихим, потому что он уже почти оглох от грома:

— Эй ты, колдун, чародей, ведьмак или кто ты там есть, слушай! Никогда в жизни не войду я больше в этот проклятый город, отнявший у меня мою единственную любовь, несравненную и неповторимую Влану, которую я буду оплакивать всегда и вина за страшную смерть которой пребудет во мне навек. Цех Воров убил ее за то, что она была воровка-одиночка, и мы расправились с ее убийцами, хотя ничего от этого и не выиграли.

— И моей ноги никогда больше не будет в Ланкмаре, — трубным голосом гневно подхватил стоявший рядом Серый Мышелов, — в этой отвратительной столице, лишившей меня моей возлюбленной Иврианы и, так же как и Фафхрда, придавившей меня гнетом печали и стыда, терпеть который я осужден навек, даже после смерти. — Подхваченный шквалом, у са-

мого уха Мышелова пролетел соляной паук размером с блюдо и, дрыгая толстыми, трупного оттенка ногами, скрылся за хижиной, но низкорослый воин, ничуть не испугавшись, продолжал: — Знай же, исчадие черноты, сумеречный призрак, что мы умерщвили гнусного колдуна, погубившего наших возлюбленных, прикончили его двух ручных грызунов и задали хорошую трепку его нанимателям в Доме Вора. Но месть бесплодна. Она не может оживить умерших. Ни на йоту не способна она смягчить горе и загладить вину, которые навек поселились в наших сердцах.

— Воистину не способна, — громогласно поддержал Фафхрд, — потому что когда наши возлюбленные погибали, мы были пьяны, и нет этому прощения. Мы отобрали кое-какие драгоценные камни у воров Цеха, но потеряли два несравненных и бесценных сокровища. И мы никогда не вернемся в Ланкмар!

Рядом с хижиной вспыхнула молния, грохнул гром. Буря продвигалась к суше, на юг от дороги.

Наполненный чернотой капюшон чуть сдвинулся назад и несколько раз качнулся из стороны в сторону. Сквозь канонаду удалявшейся грозы оглушенные Фафхрд и Мышелов расслышали хриплый голос:

«„Никогда“ и „навек“ — не мужские два слова. Возвращаться вы будете снова и снова».

И хижина тоже двинулась к суше. Отвернувшись от друзей, она припустила почти бегом, проворно, как таракан, перебирая ножками, и вскоре скрылась в зарослях терновника и ястребиных деревьев.

Так завершилась первая встреча Мышелова и его друга Фафхрда с Шильбой Безглазоликим.

В тот же день, ближе к вечеру, два воина, напав из засады на купца, который ехал в Ланкмар, не позаботившись о надлежащей охране, отобрали у него двух лучших из четырех запряженных в повозку лошадей — воровство было второй натурой приятелей — и на этих неуклюжих скакунах поехали через Великую Соленую Топь и Зыбучие земли до мрачного большого города Илтхмара, известного своими небезопасными постоялыми дворами, а также бесчисленными статуями, барельефами и другими изображениями крысоподобного божества. Сменив там своих кобыл на

верблюдов, они вскоре уже медленно двигались через пустыню на юг, следуя вдоль берега бирюзового Восточного моря. Переправившись через сильно обмелевшую в это время года реку Тилт, они продолжили свой путь по пескам, направляясь в Восточные земли, где ни один из них раньше не бывал. Желая хоть немного отвлечься от горестных дум в новых для себя местах, молодые люди намеревались прежде всего посетить Горборикс, цитадель Царя Царей и второй после Ланкмара город по величине, древности и причудливому великолепию.

В течение трех следующих лет, а это были год Левиафана, год Птицы Рух и год Дракона, они изъездили весь Невон вдоль и поперек, тщетно ища забвения своей первой большой любви и первого серьезного греха. Они отважились даже забраться на восток от таинственного Тизилинилита, чьи стройные, переливчатые шпили, казалось, только что выкристаллизовались из влажного, жемчужного неба, — в земли, о которых ходили легенды не только в Ланкмаре, но даже в Горбориксе. Среди прочих, они побывали и в почти исчезнувшей Ивамаренсийской империи, стране столь развращенной и так далеко вросшей в будущее, что не только все мужчины и крысы в ней были лысыми, но даже у собак и кошек не росла шерсть.

Возвращаясь оттуда северным путем, через Великую степь, друзья едва не попали в плен и рабство к безжалостным минголам. В Стылых Пустошах, пытаясь отыскать Снежный клан Фафхрда, они узнали, что год назад туда, словно громадная стая леммингов, нахлынули ледовые гномы и по слухам перебили весь клан до последнего человека, а значит, погибли и мать Фафхрда Мора, и брошенная им невеста Мара, и его наследник, если, конечно, таковой появился на свет.

Какое-то время друзья служили у Литкила, полоумного герцога Уул-Хруспа, где инсценировали для него поединки, убийства и тому подобные развлечения. Затем, сев на сархеенмарское торговое судно, они добрались вдоль берега Крайнего моря на юг, в тропический Клеш и побродили некоторое время в поисках приключений по джунглям, впрочем, далеко в них не углубляясь. Потом вновь направились на север, обойдя стороной в высшей степени загадочный Квармалл, это

царство теней, и оказались у озер Молльбы, где берет истоки река Хлал, а потом и в городе попрошаек Товилийсе — Серый Мышелов полагал, что родился именно там, но не был в этом уверен, и когда друзья покидали сей непритязательный городок, уверенности у Мышелова не прибавилось. Затем, перейдя Восточное море на зерновой барже, друзья принялись искать золото в горах Предков, поскольку уже давно продали и продули последние драгоценные камни, похищенные у воров. Не добившись успеха, они снова направили стопы на запад — к Внутреннему морю и Илтхмару.

Чтобы заработать на жизнь, друзья воровали, грабили, выступали в качестве телохранителей, гонцов, курьеров и посредников — поручения они всегда или почти всегда выполняли с неукоснительной точностью, — а также лицедействовали: Мышелов выступал в роли фокусника, жонглера и клоуна, а Фафхрд, имевший способности к языкам и обучавшийся на поющего скальда, — в роли менестреля, исполняя баллады своей суровой родины на многих языках. Ни разу не унизились они до работы поваров, чиновников, плотников, лесорубов или обычных слуг и никогда — повторяем, никогда — не нанимались в солдаты (их служба у Литкила носила более специфический характер).

Они приобрели новые шрамы и новые знания, стали более рассудительными и сострадательными, более циничными и сдержанными, слегка высмеивая и, благодаря выдержке, храня глубоко внутри свои горести; почти никогда в Фафхрде не пробуждался варвар, а в Мышелове — дитя трущоб. Со стороны они выглядели веселыми, беззаботными и спокойными, но печаль и чувство вины не оставляли их ни на миг, призраки Иврианы и Вланы преследовали их во сне и наяву, поэтому друзья очень редко проводили время с девушками, а когда такое случалось, то ощущали скорее неловкость, чем радость. Их дружба стала тверже камня, прочнее стали, остальные же человеческие чувства были мимолетны. Обычным их настроением была грусть, которую они, как правило, скрывали даже друг от друга.

Это случилось в год Дракона, месяц Льва и день Мыши. Друзья отдыхали в прохладной пещере неподалеку от Илтхмара. Полуденное солнце немилосердно

припекало выжженную землю и чахлую пожелтевшую траву, но внутри было хорошо. Их лошади, серая кобыла и гнедой мерин, укрылись от солнца у входа в пещеру. Фафхрд в поисках змей наскоро осмотрел пещеру, но ничего опасного не обнаружил. Он не выносил холодных, чешуйчатых южных гадов, которые не шли ни в какое сравнение с теплокровными, покрытыми мехом змеями Стылых Пустошей. Пройдя немного по узкому скалистому коридору, который вел в глубь горы, он вскоре вернулся: в проходе стало совершенно темно, и отыскать его конец или разглядеть пресмыкающихся было невозможно.

Друзья развернули одеяла и с удобством расположились на них. Сон не шел, поэтому они лениво беседовали. Постепенно беседа приняла вполне серьезное направление. В конце концов Мышелов решил подытожить последние три года.

— Мы прошли весь мир вдоль и поперек, но забвения так и не обрели.

— Не согласен, — возразил Фафхрд. — Но не с последней частью твоего утверждения — призрак терзает меня не меньше твоего, а с первой: мы ведь еще не пересекли Крайнее море и не побывали на громадном континенте, который согласно легенде существует на западе.

— По-моему, это не так, — не согласился Мышелов. — То есть, насчет призрака ты сказал все верно, и какой смысл искать что-либо в море? Но когда мы добрались до самой восточной точки и стояли на берегу огромного океана, оглушенные его могучим прибоем, мне казалось, что мы находимся на западном побережье Крайнего моря и нас отделяет от Ланкмара лишь вода.

— Какого огромного океана? — осведомился Фафхрд. — Что за могучий прибой? Это же было просто озеро, небольшая лужица с легкой рябью. Я даже видел противоположный берег.

— В таком случае это был мираж, друг мой, ты изнывал от тоски — такой тоски, когда весь Невон кажется лишь мыльным пузырем, который лопается от легкого прикосновения.

— Возможно, — согласился Фафхрд. — О, как я устал от этой жизни!

В темноте позади них послышалось легкое покашливание, как будто кто-то прочищал горло. Друзья застыли, и только волосы зашевелились у них на головах; звук раздался совсем рядом и явно исходил не от животного, а какого-то разумного существа, которое, казалось, хотело ненавязчиво привлечь к себе внимание.

Друзья разом обернулись и посмотрели в сторону черневшего позади них скального прохода. Через несколько мгновений каждому из них показалось, что он различает в темноте семь крошечных зеленоватых огоньков: словно светляки, они медленно плавали в воздухе, но в отличие от этих насекомых, свет их не мерцал и казался более рассеянным, словно каждый светляк был одет в плащ из нескольких слоев кисеи.

И тут между тусклыми огоньками зазвучал голос — елейный, старческий, но несколько язвительный, похожий на дрожащий звук флейты:

— О, мои сыновья, оставляя в стороне вопрос о гипотетическом западном континенте, рассматривать который не входит в мои намерения, я хочу заметить, что есть в Невоне еще одно место, где вы не искали забвения после жестокой гибели своих возлюбленных.

— И что же это за место? — после долгой паузы, тихо и чуть заикаясь, спросил Мышелов.

— Город Ланкмар, сыновья мои. А кто я такой — если не считать того, что я ваш духовный отец — это уже частности.

— Мы поклялись страшной клятвой никогда больше не возвращаться в Ланкмар, — помолчав, проворчал Фафхрд, но негромко, покорно и словно в чем-то оправдываясь.

— Клятвы следует держать лишь до тех пор, пока цель их не будет достигнута, — отозвался голосок-флейта. — Любой зарок в конце концов берется назад, от любого установленного для себя правила человек в конце концов отказывается. В противном случае подчинение законам начинает ограничивать развитие, дисциплина превращается в оковы, целостность — в путы и зло. В смысле знаний вы взяли от мира все, что могли. Вы закончили школу, объехав громадную часть Невона. Теперь вам остается лишь продолжить обучение в Ланкмаре, этом университете цивилизованной жизни.

Семь огоньков немного потускнели и приблизились друг к другу, словно удаляясь по коридору.

— Нет, мы не вернемся в Ланкмар, — в один голос ответили Фафхрд и Серый Мышелов.

Семь огоньков померкли окончательно. Так тихо, что друзья едва расслышали, однако все же расслышали, они в этом не сомневались, голосок-флейта спросил:

— Боитесь?

Затем они услышали скрежет камня о камень, едва различимый, но вместе с тем почему-то внушительный.

Так закончилась первая встреча Фафхрда и его друга с Нингоблем Семиоким.

Через дюжину ударов сердца Серый Мышелов выхватил свой тонкий, в полторы руки величиной, меч Скальпель, которым он привык с хирургической точностью отворять людям кровь, и устремился вслед за его посверкивающим кончиком в скальный проход. Ступал он неторопливо, но решительно. Фафхрд двинулся следом, но не без колебаний и еще более осторожно, держа свой Серый Прутик почти у самой земли и, несмотря на его увесистость, легко поводя им из стороны в сторону. Семь лениво покачивающихся огоньков очень напоминали ему головы громадных кобр, изготовившихся к прыжку. Он решил, что пещерные кобры, если таковые существуют, могут фосфоресцировать точно так же, как глубоководные угри.

Они продвинулись в глубь прохода немного дальше, чем сумел Фафхрд в первый раз — благодаря медленному шагу глаза их лучше приспосабливались к полутьме, — когда кончик Скальпеля вдруг тонко взвизгнул, упершись в скалу. Молча выждав, пока их глаза еще лучше освоятся с полумраком, друзья убедились, не прибегая к помощи меча, что коридор тут и кончается; в гладкой стене не было ни одной дыры, в которую могла бы проскользнуть говорящая змея, не говоря уж о существах, действительно наделенных даром речи. Мышелов в нескольких местах нажал на каменную стену, а Фафхрд раз и другой бросился на нее всем телом, но она даже не шелохнулась, как и подобает скале в недрах горы. На обратном пути друзья осматривались с удвоенным вниманием, пытаясь обнаружить какой-нибудь боковой ход, пусть да-

же самый узкий, колодец или отверстие в потолке, но не нашли ничего подобного.

Убедившись, что их лошади продолжают мирно пощипывать жухлую травку у входа в пещеру, друзья вновь растянулись на одеялах, и Фафхрд внезапно заявил:

— Это мы слышали эхо.

— Откуда возьмется эхо без голоса? — раздраженно поинтересовался Мышелов. — Это все равно, что хвост без кошки. Живой хвост.

— Маленькая снежная змея очень напоминает оживший хвост белой домашней кошки, — невозмутимо ответил Фафхрд. — И она тоже кричит тонким дрожащим голосом.

— Ты хочешь сказать?..

— Разумеется, нет. Так же, как, по-моему, и ты, я полагаю, что в скале есть дверь, пригнанная так плотно, что мы не смогли отыскать ни одной щели. Мы же слышали, как она закрывалась. А значит он, или она, или оно воспользовалось ею.

— Тогда к чему эта болтовня насчет эха и снежных змей?

— Следует рассмотреть все возможности.

— Он, или она — и так далее — назвало нас сыновьями, — задумчиво проговорил Мышелов.

— Некоторые считают змея самым мудрым и древним созданием, даже отцом всего сущего, — рассудительно заметил Фафхрд.

— Опять ты о пресмыкающихся! Ну ладно, ясно только одно: слушаться советов змеи, не говоря уже о семи змеях, — чистой воды безумие.

— И тем не менее он — считай, что остальные местоимения я тоже сказал — был в чем-то прав. За исключением этого непонятного западного континента мы объездили весь Невон вдоль и поперек. Что же остается, если не Ланкмар?

— Пропади ты пропадом со своими местоимениями! Мы поклялись туда не возвращаться — или ты забыл, Фафхрд?

— Не забыл, но я умираю от скуки. А сколько раз я клялся больше не пить вина!

— Но Ланкмар меня задушит! Его дым, ночной смог, крысы, грязь!

— Сейчас, Мышелов, мне плевать, жив я или умер, и где, и когда, и как.

— А, в ход уже пошли глаголы и союзы! Слушай, тебе надо выпить!

— Мы ищем полного забвения. Говорят, чтобы утихомирить призрака, нужно отправиться на место его смерти.

— Вот-вот, и он станет являться к тебе еще чаще.

— Чаще, чем сейчас, уже невозможно.

— Какой стыд! Позволить змее спросить, не боимся ли мы!

— А может, так оно и есть?

Спор продолжался недолго и закончился — это нетрудно было предвидеть — тем, что Фафхрд и Мышелов, минуя Илтхмар, доскакали до каменистого берега, который заканчивался причудливо истертым невысоким обрывом. Там они прождали сутки, пока из вод, соединяющих Восточное и Внутреннее моря, взволновав их, не показались Зыбучие Земли. Друзья быстро, но осторожно пересекли их кремнистую дымящуюся — стоял жаркий солнечный день — поверхность и снова поехали по Насыпной дороге, но на сей раз в сторону Ланкмара.

На севере, над Внутренним морем, и на юге, над Великой Соленой Топью, бушевали далекие грозы, когда Фафхрд и Серый Мышелов приближались к этому чудовищному городу и перед ними начали вырисовываться из громадной шапки смога его башни, шпили, храмы и высокие зубчатые стены, чуть освещаемые лучами заходящего солнца, которое из-за дыма и тумана превратилось в тусклый серебряный диск.

В какой-то момент Мышелову и Фафхрду почудилось, что среди ястребиных деревьев они видят закругленный сверху и плоский снизу предмет на длинных невидимых ногах и слышат хриплый голос: «Говорил я вам! Говорил! Говорил!» — но волшебная хижина Шильбы и его голос, если это были и впрямь они, оставались вдалеке, как и обе грозы.

Вот так Фафхрд и Серый Мышелов, вопреки данной клятве, снова очутились в городе, который презирали и по которому тосковали. Забвения они там не нашли, призраки Иврианы и Вланы не успокоились, однако поскольку какое-то время все же прошло, уже меньше докучали обоим героям. Их ненависть к

Цеху Воров не разгорелась с новой силой, а скорее поутихла. В любом случае Ланкмар показался им не хуже других мест Невона и значительно интереснее, чем большинство из них. Поэтому, осев там на какое-то время, они снова сделали его штаб-квартирой своих похождений.

2. Драгоценности в лесу

Был год Бегемота, месяц Дикобраза, день Жабы. Горячее солнце шедшего на убыль лета клонилось к закату над унылыми и обильными нивами Ланкмара. Трудившиеся на бескрайних полях крестьяне подняли от земли перепачканные лица и отметили, что пора приниматься за подсобные работы на фермах. Пасшийся на стерне скот начал понемногу тянуться к дому. Потные купцы и лавочники решили подождать еще чуть-чуть, прежде чем предаться прелестям ванны. Воры и астрологи беспокойно заворочались во сне, чувствуя приближение вечера, а значит, и работы.

У южной границы страны Ланкмар, в сутках езды от деревушки Сорив, там, где пашни уступали место буйным кленовым и дубовым лесам, по узкой пыльной дороге лениво ехали два всадника. Они были совершенно непохожи друг на друга. Более дородный был одет в тунику из небеленого полотна, туго перепоясанную широким кожаным поясом. От солнца его голову защищал полотняный клобук. На боку у него болтался длинный меч с золоченым навершием в форме граната. На правом плече висел колчан со стрелами, из седельной сумки торчал мощный тисовый лук со спущенной тетивой. По сильным удлиненным мускулам, белой коже, медно-рыжим волосам, зеленым глазам и, прежде всего, по приятному, но диковатому крупному лицу в нем можно было признать уроженца страны более холодной, суровой и варварской, нежели Ланкмар.

Если весь облик здоровяка напоминал о девственной природе, то вид его менее рослого спутника, а он был значительно ниже, наводил на мысль о городе. Его смуглое лицо невольно напоминало лицо шута: пронзительные черные глаза, вздернутый нос, пальцы

фокусника, у рта — иронические складки. Ладная жилистая фигура свидетельствовала о том, что ее обладатель весьма опытен в уличных потасовках и кабацких драках. Он был с головы до ног одет в мягкий редкотканый серый шелк. Тонкий меч, покоившийся в ножнах из мышиных шкурок, на конце чуть-чуть загибался. У пояса висела праща и мешочек со снарядами для нее.

Несмотря на столь многочисленные различия, было очевидно, что всадники — добрые друзья, что их объединяют узы тонкого взаимопонимания, сплетенные из грусти, чувства юмора и многих других нитей. Коротышка ехал верхом на серой в яблоках кобыле, верзила — на гнедом мерине.

Они приближались к месту, где подъем узкой дороги заканчивался и она, после небольшого поворота, сбегала в следующую долину. С обеих сторон дорогу обступали стены зеленой листвы. Жара была доволно сильной, но не чрезмерной. Она наводила на мысль о дремлющих на укромных полянах сатирах и кентаврах.

Внезапно серая кобыла, которая шла чуть впереди, заржала. Натянув поводья, коротышка быстро и встревоженно оглядел лес по обе стороны дороги. Послышался тихий скрип, словно дерево терлось о дерево.

Не сговариваясь, всадники пригнулись и, мгновенно съехав с седел набок, вцепились в подпруги. И тут же, словно прелюдия к какому-то лесному концерту, мелодично зазвенели спущенные тетивы, и несколько стрел сердито прожужжали там, где секунду назад были тела всадников. А еще через секунду кобыла и мерин, обогнув поворот, уже неслись как ветер, вздымая копытами клубы пыли.

Позади послышались возбужденные возгласы: началась погоня. В засаде оказалось человек семь-восемь приземистых, крепко сбитых головорезов, одетых в кольчуги и железные шишаки. Не успели кобыла и мерин оторваться от них на полет камня, как те уже неслись следом; возглавлял их человек на вороной лошади, за ним летел чернобородый всадник.

Однако преследуемые не теряли времени зря. Привстав в стременах, великан выхватил из сумки тисовый лук. Уперев его в стремя левой рукой, правой он

накинул петлю тетивы на место. Затем его левая рука сжала лук посередине, а правая потянулась за спину, к колчану. Продолжая управлять лошадью с помощью колен, он привстал еще выше, обернулся и выпустил назад стрелу с оперением из орлиных перьев. Тем временем его приятель вложил в пращу небольшой свинцовый шарик, раскрутил ее над головой, так что она пронзительно зажужжала, и выпустил снаряд.

Стрела и шарик поразили свои цели одновременно. Стрела пронзила плечо первого из всадников, а шарик, угодив второму прямо по шишаку, выбил его из седла. Задние лошади налетели на пятящихся передних, и погоня остановилась. Вызвавшая это замешательство парочка друзей тоже остановилась у следующего поворота дороги и оглянулась назад.

— Клянусь Дикобразом, — мерзко ухмыльнувшись, проговорил коротышка, — что теперь они хорошенько подумают, прежде чем снова станут играть в засаду.

— Неуклюжие полудурки, — отозвался великан. — Неужто они никогда не научатся стрелять на скаку? Говорю тебе, Серый Мышелов: только варвары умеют как следует воевать верхом.

— Если не считать меня, да еще кое-кого, — отозвался его приятель, носивший кошачье прозвище Серый Мышелов. — Гляди-ка, Фафхрд, эти мошенники уходят и забирают с собою раненых, а один ускакал уже далеко вперед. Ха! Неплохо я залепил чернобородому по кумполу! Болтается на своей кляче, словно куль соломы. Знай он, кто мы такие, так лихо в погоню он не помчался бы.

В этом хвастовстве была и доля истины. Имена Серого Мышелова и Северянина Фафхрда были довольно известны в окрестностях Ланкмара, да и в самом высокомерном Ланкмаре. Их пристрастие к необычайным приключениям, таинственные исчезновения и возвращения, а также своеобразное чувство юмора ставили в тупик многих.

Фафхрд ловко спустил с лука тетиву и повернулся.

— Должно быть, это и есть долина, которую мы ищем, — заявил он. — Смотри, вон два двугорбых холма, все, как там сказано. Давай-ка прочтем еще раз, чтобы проверить.

Серый Мышелов сунул руку в свой объемистый кожаный мешок и извлек оттуда лист толстого пер-

гамента, причудливо позеленевшего от времени. Три края листа были сильно обтрепаны, четвертый край свидетельствовал о том, что лист этот совсем недавно вырезала откуда-то чья-то твердая рука. Он был испещрен замысловатыми ланкмарскими иероглифами, написанными чернильной жидкостью каракатицы. Однако Мышелов начал читать не их, а несколько выцветших строчек, написанных на полях крошечными буквами:

«Пусть короли набивают свои сокровищницы до потолка, пусть сундуки купца ломятся от накопленных денег, и пусть глупцы завидуют им. Мое сокровище намного ценнее всего, чем они владеют. Это бриллиант величиною с человеческий череп. Двенадцать рубинов размером с кошачий череп. Семнадцать изумрудов величиною с череп крота. А также множество кристаллов хрусталя и слитков желтой меди. Пусть правители расхаживают с головы до ног в драгоценностях, пусть королевы увешивают себя самоцветами, и пусть глупцы восхищаются ими. Мое сокровище будет долговечнее, чем все их драгоценности. Я построил для него надежное хранилище в далеком южном лесу, где, словно спящие верблюды, горбятся два холма, в сутках пути от деревни Сорив.

Эта громадная сокровищница с высокой башней достойна быть обиталищем королей, однако ни один король не будет в ней жить. Прямо под замковым камнем главного купола спрятано мое сокровище, вечное, как сверкающие на небесах звезды. Оно переживет меня и мое имя, имя Ургаана Ангарнджийского. В нем моя власть над будущим. Пусть глупцы ищут его. Но они его не получат. Пусть кажется башня моя пустою, и нет рядом будки с пантерой цепною, ни грозного стража под каждой стеною, пусть нет в башне люков с кипящей смолою, ловушек с пружиною нет потайною, не пляшут в ней трупы зловонной гурьбою, не скалится череп улыбкою злою, не брызжет змея ядовитой слюною, — все ж башню я стражей снабдил колдовскою. Пусть мудрый поймет: в башне скрыто такое, что лучше оставить ее в покое».

— Этого типа, похоже, заклинило на черепах, — пробормотал Мышелов. — Должно быть, он был гробовщиком или некромантом.

— А может, архитектором, — задумчиво добавил Фафхрд. — В давние времена храмы украшались резными изображениями человеческих и звериных черепов.

— Может быть, — согласился Мышелов. — Во всяком случае начертание букв и чернила достаточно древние. Надпись сделана по крайней мере во времена Столетней войны с Востоком, это пять человеческих поколений.

Мышелов был крупным специалистом в подделывании — как почерков, так и предметов искусства. Он знал, что говорит.

Довольные, что цель их поисков уже близка, друзья принялись рассматривать долину через просвет в листве. Формой она напоминала раскрытый гороховый стручок — неглубокая, длинная и узкая. Друзья стояли в одном из ее концов. По бокам долины возвышались два холма причудливой формы, а вся она была сплошь зеленой от буйной листвы дубов и кленов, если не считать небольшой прогалины посредине. Должно быть, там стоит лачуга какого-нибудь крестьянина, а вокруг расчищено немного места под огороды, подумал Мышелов.

Позади прогалины над верхушками деревьев виднелось что-то квадратное и темное. Мышелов обратил внимание спутника на это пятно, но они так и не смогли решить, действительно ли это упомянутая в документе башня или просто странная тень, а может, и вовсе гигантский ствол высохшего и лишенного ветвей дуба. Было слишком уж далеко.

— Прошло уже достаточно времени, — сказал после паузы Фафхрд, — чтобы один из этих поганцев сумел подкрасться к нам по лесу снова. Скоро вечер.

Друзья шепнули что-то своим лошадям и не спеша тронулись в путь. Они старались не упустить из виду похожее на башню темное пятно, однако едва дорога пошла под гору, как оно тут же скрылось за верхушками деревьев. Теперь, чтобы увидеть его снова, нужно было подъехать к нему совсем близко.

Мышелов чувствовал, как его понемногу охватывает легкое возбуждение. Скоро они выяснят, есть там какие-то сокровища или нет. Бриллиант величиною с человеческий череп... рубины... изумруды... Он наслаждался предвкушением, ему хотелось продлить эту по-

следнюю и неторопливую стадию их поисков. А недавняя засада послужила лишь острой приправой к приключению.

Мышелов ехал и вспоминал о том, как ему удалось вырезать заинтересовавшую его страницу из древней книги по архитектуре, которая находилась в библиотеке алчного и властного лорда Раннарша. О том, как он отыскал и расспросил полушутя нескольких мелких торговцев с юга, как нашел одного, который недавно проезжал через деревушку Сорив. О том, как тот рассказал ему о каменном строении в лесу к югу от Сорива, которое крестьяне называют домом Ангарнджи и считают, что он давным-давно заброшен. Торговец сам видел высокую башню, торчащую над верхушками деревьев. Мышелов вспомнил хитрое морщинистое лицо торговца и усмехнулся. Всплывшее затем у него перед глазами желтовато-бледное, дышавшее жадностью лицо лорда Раннарша навело Мышелова на новую мысль.

— Фафхрд, — обратился он к приятелю, — как ты думаешь, кто эти головорезы, с которыми мы только что столкнулись?

Насмешливо и презрительно Северянин проворчал:

— Оголодавшие разбойники из тех, что нападают в лесу на толстомясых купцов. Мелкой руки убийцы на подножном корму. Деревенщина.

— А между тем все они были хорошо вооружены, причем одинаково — как будто находятся на службе у какого-нибудь богатея. И еще меня тревожит тот тип, что сразу ускакал. Может, он спешил сообщить о неудаче своему хозяину?

— Что ты имеешь в виду?

Мышелов помолчал, потом заговорил снова:

— Я подумал, что лорд Раннарш человек богатый и алчный, у которого при одной мысли о драгоценностях слюнки текут. И еще я подумал, что он, быть может, когда-то прочел эти написанные красными чернилами выцветшие строчки и переписал их, а кража оригинала лишь подогрела его интерес.

Северянин покачал головой.

— Сомневаюсь. Ты, похоже, перемудрил. Но если все обстоит так, как ты сказал, и он наш соперник в поиске этих сокровищ, тогда я бы на его месте был

крайне осторожен и выбрал бы слуг, которые умеют драться верхом.

Друзья ехали так медленно, что кобыла и мерин почти не поднимали пыли. Нападения сзади они не боялись. Их могла застать врасплох хорошо устроенная засада, но уж никак не человек, движущийся пешком или на коне. Узкая дорога все петляла и петляла. Порой они задевали лицами за листву, иногда им приходилось уклоняться от какой-нибудь вылезшей прямо на дорогу ветки. Внизу, в долине, запахи позднего лета стали ощутимее. К ним примешивались ароматы лесных кустов и ягод. Тени постепенно становились длиннее.

— Девять шансов из десяти, — сонно пробормотал Мышелов, — что сокровищницу Ургаана Ангарнджийского ограбили несколько сот лет назад, и воры давно уже превратились в прах.

— Может быть и так, — не стал возражать Фафхрд. — В отличие от людей рубинам и изумрудам в могилах не лежится.

Такую возможность они обсуждали уже не первый раз, и теперь она их не тревожила и не раздражала, а скорее вносила в их поиски приятную грусть по утраченной надежде. Друзья с наслаждением вдыхали живительный воздух и не сердились на лошадей, когда те принимались пощипывать листья. Над их головами пронзительно прокричала сойка, в лесу засвистал дрозд; их резкие голоса нарушили мерное гудение насекомых. Приближалась ночь. Солнечные лучи скользили по верхушкам деревьев. И тут чуткое ухо Фафхрда уловило далекое мычание коровы.

Еще несколько поворотов, и друзья оказались на поляне, которую углядели сверху. Как они и предполагали, здесь оказалось жилище крестьянина — аккуратный домик из посеревших от непогоды бревен и с низко свисающей крышей, стоящий посреди акра пашни. По одну его сторону был небольшой участок, на котором росли бобы, по другую — поленница дров чуть ли не выше самого домика. У входа стоял жилистый старик, чье обветренное лицо цветом могло соперничать с его домотканой туникой. По-видимому, он только что услышал стук подков и обернулся.

— Добрый вечер, отец, — поздоровался Мышелов. — Хороший денек для путешествий, и домик у тебя тоже хороший.

Немного поразмыслив над сказанным, крестьянин утвердительно кивнул.

— А мы — два усталых путешественника, — продолжал Мышелов.

Крестьянин опять важно кивнул.

— Ты позволишь нам переночевать у тебя за пару серебряных монет?

Крестьянин потер подбородок и поднял вверх три пальца.

— Ладно, получишь три монеты, — согласился Мышелов, спрыгивая с лошади. Фафхрд тоже спешился.

Выдав крестьянину монету для закрепления сделки, Мышелов как бы ненароком осведомился:

— Говорят, тут у вас неподалеку есть старое заброшенное место, которое называют домом Ангарнджи?

Крестьянин кивнул.

— И что оно собой представляет?

Крестьянин пожал плечами.

— Не знаешь?

Крестьянин отрицательно покачал головой.

— Но ты хоть видел его когда-нибудь? — В голосе Мышелова звучало удивление, которое он даже и не пытался скрыть.

Снова отрицательный жест.

— Но отец, туда ведь всего несколько минут ходьбы, верно?

Крестьянин спокойно кивнул, словно удивляться тут было нечему.

Тут в разговор вмешался мускулистый парень, вышедший из-за дома, чтобы заняться лошадьми путников:

— Башню видно с той стороны дома. Могу показать.

Тут старик решил продемонстрировать, что он не лишен начисто дара речи, и проговорил сухим, равнодушным тоном:

— Пожалуйста. Смотрите на нее, сколько вам угодно.

С этими словами он вошел в дом. Через открытую дверь Фафхрд и Мышелов успели заметить любопыт-

ное личико ребенка, старуху, что-то мешавшую в горшке, и еще одного человека, который, ссутулившись, сидел в кресле перед небольшим очагом.

Через просвет между деревьями верхняя часть башни была хорошо видна. Последние лучи солнца окрасили ее в темно-красный цвет. На глаз до нее было несколько полетов стрелы. Пока друзья рассматривали башню, солнце закатилось, и она превратилась просто в прямоугольный кусок черного камня.

— Она очень старая, — нерешительно проговорил парень. — Я подходил к ней. А отец — тот даже не удосужился хоть раз посмотреть.

— А внутри ты был? — осведомился Мышелов.

Парень поскреб в затылке.

— Не-а. Это ж просто старая развалина. На что она мне?

— Сумерки обещают быть довольно долгими, — заметил Фафхрд; башня, словно магнит, притягивала взгляд его больших зеленых глаз. — Мы успели бы взглянуть на нее поближе.

— Я могу показать дорогу, — предложил парень, — да только мне надо прежде наносить воды.

— Не нужно, мы сами, — ответил Фафхрд. — Ужин скоро?

— Когда взойдут первые звезды.

Оставив на парня лошадей, друзья углубились в лес. Сразу стало гораздо темнее, как будто сумерки уже кончились. Лес оказался несколько гуще, чем они предполагали. Друзьям пришлось обходить заросли дикого винограда и терновника. Над головой то появлялись, то снова исчезали лоскуты бледного неба.

Мышелов позволил Фафхрду идти первым, поскольку его самого начали одолевать всякие странные мысли насчет крестьян. Его воображение никак не могло смириться с тем, что они, поколение за поколением, равнодушно жили своей многотрудной жизнью всего в нескольких шагах от места, которое могло оказаться богатейшей сокровищницей на земле. Это было невероятно. Как могут люди спать рядом с драгоценностями и не мечтать о них? Похоже, они вообще никогда не мечтают.

Словом, двигаясь через лес, Мышелов внезапно и ясно осознал кое-что — и среди прочего, что Фафхрд как-то не слишком торопится; это казалось странным,

поскольку варвар обычно чувствовал себя в лесу как дома.

Но наконец за деревьями показалась более плотная тень, и вскоре друзья уже стояли на краю небольшой, усеянной валунами поляны, большую часть которой занимала неуклюжая постройка, так волновавшая их умы. И сразу, даже прежде чем Мышелов успел подробно рассмотреть башню, в голове у него один за другим замелькали вроде бы мелкие, но неприятные вопросы. Не совершили ли они ошибку, оставив лошадей у этих странных крестьян? А вдруг напавшие на них бандиты выследили их и здесь? И не опасно ли входить в заброшенные дома в день Жабы? Может, нужно было взять с собой короткое копье — на случай, если им повстречается леопард? И как знать, возможно козодой, что прокричал где-то слева, предвещает беду?

Сокровищница Ургаана Ангарнджийского выглядела весьма необычно. Главенствовал над нею громадный, немного сплюснутый свод, покоившийся на стенах, образующих восьмигранник. Спереди к ним примыкали два ризолита с куполами поменьше. Между ними темнела высокая прямоугольная дверь. Сама башня как бы росла из задней части главного купола, но не посредине, а несколько сбоку. Стоя в сгущавшихся сумерках, Мышелов лихорадочно пытался сообразить, в чем же заключается необычность здания, и в конце концов решил, что виною всему — его крайняя простота. Никаких колонн, выступающих карнизов или фризов, — никаких архитектурных излишеств, ни украшенных черепами, ни без таковых. Если не считать двери да нескольких небольших окошек, прорезанных в самых неожиданных местах, дом Ангарнджи представлял собой махину из плотно сбитых темно-серых камней.

Но Фафхрд уже направился вверх по ступенькам, ведущим к двери, и Мышелову ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, хотя на самом деле хотелось получше осмотреться вокруг. Он шел неохотно, и каждый шаг давался ему все с большим трудом. Его прежнее чувство приятного предвкушения исчезло, словно он вдруг провалился в зыбучий песок. Ему показалось, что черный дверной проем раззявился, как громадный беззубый рот. Внезапно Мышелов вздрог-

нул, увидев, что один зуб во рту все же есть — торчащий из пола кусок чего-то призрачно-белого. Фафхрд наклонился к озадачившему Мышелова предмету.

— Интересно, чей это череп? — безмятежно осведомился Северянин.

Мышелов взглянул на череп, на разбросанные вокруг кости, на их обломки. Его тревога стремительно росла, внутри появилось неприятное ощущение, что когда она достигнет кульминации, что-то произойдет. Как он мог ответить на вопрос Фафхрда? Какою смертью погиб пришедший сюда когда-то человек? Внутри сокровищницы было очень темно. Кажется, в рукописи говорится что-то насчет стражи? Представить трехсотлетнего стражника из плоти и крови было трудновато, однако существуют же на свете вещи бессмертные или почти бессмертные. Мышелов видел, что Фафхрд ни в коей мере не чувствовал предвестий беды и был готов приступить к поискам сокровищ немедленно. Этого следовало избежать любой ценой. Мышелов вспомнил, что Северянин терпеть не может змей.

— Камни здесь холодные, сырые, — невинно заметил он. — Самое место для всяких пресмыкающихся.

— Ничего подобного, — сердито огрызнулся Фафхрд. — Готов биться об заклад, что тут нет ни одной змеи. Ведь в записке Ургаана сказано: «Нет грозного стража под каждой стеною» и даже более того: «Не брызжет змея ядовитой слюною».

— Я вовсе не имел в виду, что Ургаан мог оставить здесь сторожевых змей, — пояснил Мышелов, — но заползти сюда какая-нибудь вполне могла. И череп у тебя в руках самый обычный, ведь Ургаан говорит: «Не скалится череп улыбкою злою». Простое вместилище мозгов какого-то путника, имевшего несчастье здесь погибнуть.

— А кто его знает, — разглядывая череп, спокойно проговорил Фафхрд.

— Впрочем, в полной темноте его челюсти вполне могут фосфоресцировать.

Не прошло и минуты, как Северянин согласился отложить поиски до рассвета, тем более, что сокровищница обнаружена. Череп он аккуратно положил на место.

На обратном пути Мышелов явственно услышал, как внутренний голос шепнул ему: «Очень вовремя. Очень». Ощущение тревоги покинуло его так же внезапно, как пришло, и Мышелов почувствовал себя немного неловко. В результате он запел непристойную балладу собственного сочинения, в которой демоны и прочие сверхъестественные силы высмеивались самым непотребным образом. Фафхрд добродушно подпевал.

Когда друзья добрались до дома, было еще не так темно, как они предполагали. Заглянув к лошадям и убедившись, что о них позаботились, приятели принялись за аппетитную смесь бобов, овсянки и зелени, которую жена крестьянина навалила им в дубовые миски. Запивали все это они молоком из резных, дубовых же кубков. Еда оказалась вполне приличной, домик внутри был чистым и опрятным, несмотря на земляной пол и низкие потолочные балки, под которые Фафхрду все время приходилось подныривать.

Семейство в общей сложности состояло из шести человек — отца, его такой же тощей и высохшей жены, двух сыновей, дочери и все время бормотавшего что-то деда, из-за крайне преклонных лет прикованного к креслу перед очагом. Наибольшее любопытство друзей вызвали двое последних.

Девочка была нескладная, как все подростки, однако в движениях ее голенастых ног и худеньких рук с острыми локтями чувствовалась какая-то дикая жеребячья грация. Она была очень застенчива и, казалось, в любую секунду может выскочить за дверь и кинуться в лес.

Чтобы немного развеселить девочку и завоевать ее доверие, Мышелов принялся показывать фокусы, доставая медяки из ушей изумленного крестьянина и костяные иглы из носа его хихикающей супруги. Он превратил бобы в пуговицы, а те — обратно в бобы, проглотил внушительных размеров вилку, заставил крошечного деревянного человечка отколоть джигу у себя на ладони и вконец смутил кошку, достав у нее изо рта нечто напоминающее мышь.

Старики смотрели во все глаза и улыбались. Маленький мальчуган прямо трясся от восторга. Его сестра тоже внимательно наблюдала за представлением и даже улыбнулась, когда Мышелов преподнес ей

добытый из воздуха отличный зеленый платок, однако говорить все еще стеснялась.

Затем Фафхрд проревел несколько матросских песен, чуть не снеся при этом крышу, после чего перешел к еще более соленому репертуару, и старик загукал от удовольствия. Тем временем Мышелов принес из седельной сумки небольшой бурдюк с вином, спрятал его под плащом, а потом волшебным образом наполнил дубовые кубки. Непривычные к столь крепким напиткам крестьяне быстро захмелели, и к тому времени, когда Фафхрд кончил рассказывать ужасающую историю из жизни крайнего севера, все уже клевали носами, за исключением девочки и дедули.

Последний посмотрел на веселых искателей приключений — в его по-стариковски водянистых глазах вспыхнул озорной огонек — и пробормотал:

— Вы ребята не промах. Может, и обхитрите зверя.

Но не успели друзья вытянуть из старика хоть какие-нибудь подробности, как взгляд его снова стал пустым, и он захрапел.

Вскоре весь дом уже спал. Фафхрд и Мышелов положили оружие рядом, однако тишину нарушали лишь разнообразные храпы да редкие пощелкивания догорающих углей.

В день Кошки рассвет выдался ясным и свежим. Мышелов сладко, по-кошачьи потянулся и вдохнул сладкий, напоенный росою воздух. Он чувствовал необычайный прилив радости и готовность действовать. Разве это не его день — день Серого Мышелова, когда ему во всем должна сопутствовать удача?

Его возня разбудила Фафхрда, и они бесшумно выскользнули из домика, стараясь не потревожить крестьян, которые из-за выпитого накануне немного проспали. Друзья освежили лица и руки росистой травой и навестили лошадей. Затем они пожевали хлеба, запили его холодной колодезной водой, имевшей привкус вина, и стали готовиться к вылазке в башню.

На этот раз они все тщательно продумали. Мышелов запасся молотком и массивным железным ломом — на случай, если придется иметь дело с каменной кладкой, а также проверил, лежат ли в мешке свечи, огниво, клинья, долота и прочие нужные мелочи. Фафхрд позаимствовал из хозяйских инструментов кирку и привесил к поясу свернутую в кольца тонкую

прочную веревку. Кроме того, он взял с собой лук со стрелами.

В этот ранний час лес был восхитителен. Над головами у друзей не умолкало птичье пение и щебет; на ветке мелькнул какой-то черный зверек, похожий на белку. Под кустом, усыпанным красными ягодами, суетилась пара бурундуков. То, что вечером казалось тенями, превратилось в прекрасную листву всех оттенков зелени. Приятели не спеша продвигались к цели.

Не успели они углубиться в лес и на полет стрелы, как позади раздался слабый шорох. Он быстро приближался, и вскоре друзья увидели дочь крестьянина. Тяжело дыша, она застыла, одной рукой касаясь ствола дерева, в другой сжимая несколько листочков, готовая убежать при первом же резком движении. Фафхрд и Мышелов стояли совершенно неподвижно, словно перед ними была лань или дриада. Наконец девочка справилась с застенчивостью.

— Вы идете туда? — спросила она, коротко кивнув в направлении сокровищницы. Темно-карие глаза смотрели серьезно.

— Да, туда, — улыбаясь, ответил Фафхрд.

— Не надо. — Девочка быстро покачала головой.

— Но почему, девочка? — голос Фафхрда звучал нежно и звучно, казался неотъемлемой частью шумов леса. Похоже, он задел какую-то пружинку внутри у его собеседницы, и она почувствовала себя свободнее.

— Потому что я часто наблюдаю за этим домом с опушки, но близко не подхожу. Никогда-никогда. Я говорю себе, что там есть магический круг, и я не должна через него переступать. И еще, что внутри дома сидит великан. Странный и страшный великан. — Слова девочки уже лились безудержным потоком. — Он весь серый, как камни, из которых построен дом. Весь серый — и глаза, и волосы, и ногти. И еще у него есть дубинка, большая, как дерево. — Девочка кивнула Фафхрду. — И он ей убивает, всех убивает. Но только если подойдешь близко. Почти каждый день я играю с ним в игру. Делаю вид, что собираюсь переступить через магический круг. А он следит за мной из двери, но так, что мне его не видно, и думает, что я вот-вот переступлю. А я танцую в лесу вокруг дома, и он смотрит на меня через окошки.

И я подхожу к кругу все ближе и ближе, все ближе и ближе. Но никогда не переступаю через него. А он страшно сердится и скрежещет зубами, словно камень трется о камень, и весь дом трясется. И тогда я убегаю, далеко-далеко. Но внутрь вы не должны заходить. Ни за что.

Девочка остановилась, словно испугавшись собственной смелости. Глаза ее тревожно устремились на Фафхрда. Казалось, ее тянет к нему. Северянин ответил серьезно, даже без тени насмешки.

— Но ты ведь ни разу не видела серого великана, правда?

— Нет. Он слишком хитрый. Но я говорю себе, что он там, внутри. Я знаю, что он там. Но это ведь неважно, верно? Дедушка тоже знает про него. Когда я была маленькая, мы разговаривали с ним о великане. Дедушка называет его зверем. Но остальные только смеются надо мной, и я молчу.

Еще один парадокс с этими крестьянами, — внутренне усмехнувшись, подумал Мышелов. Воображение для них такая редкость, что девочка не колеблясь принимает его за реальность.

— Не беспокойся за нас, девочка. Мы будем следить за твоим серым великаном, — заговорил он, однако голос его прозвучал не столь естественно, как у Фафхрда, а может, просто хуже вписывался в обстановку леса.

— Пожалуйста, не входите внутрь, — еще раз предупредила девочка и стрелой понеслась прочь.

Друзья переглянулись, и на лицах у них заиграли улыбки. Эта неожиданная сказка с непременным великаном-людоедом и очаровательно-наивная рассказчица придали росистому утру новую прелесть. Не проронив ни звука, друзья осторожно зашагали дальше. Оказалось, что они старались двигаться как можно тише не зря: подойдя к поляне на полет брошенного камня, они услышали приглушенные голоса, которые, казалось, о чем-то спорили. Мгновенно спрятав кирку, лом и молоток в кусты, приятели под прикрытием деревьев стали подкрадываться к поляне, всякий раз тщательно выбирая место, куда поставить ногу.

На самом краю поляны стояло с полдюжины коренастых молодцов в черных кольчугах, с луками за спиной и короткими мечами у пояса. В них нетрудно

было признать воинов из засады. Двое двинулись в сторону сокровищницы, но их тут же позвали назад. Спор вспыхнул с новой силой.

— Могу поклясться, — неспешно оглядев незнакомцев, зашептал Мышелов, — что вон того рыжего я видел в конюшнях лорда Раннарша. Словом, я угадал. У нас появился соперник.

— Почему они стоят и только показывают на дом? — шепнул Фафхрд. — Может, кто-то из них уже вовсю трудится внутри?

Мышелов покачал головой.

— Вряд ли. Видишь, их ломы, лопаты и прочий инструмент разбросан вокруг? Нет, скорее всего, они ждут кого-то, возможно, главаря. Одни хотят осмотреть дом до его появления, а другие их отговаривают. И я готов поставить собственную голову против кегельного шара, что их главарь — сам Раннарш. Слишком он алчен и подозрителен, чтобы поручить поиск сокровищ своим приспешникам.

— И что нам делать? — шепотом поинтересовался Фафхрд. — Мы не можем проникнуть в дом незаметно, даже если бы это было наилучшим решением. Но оно не из лучших: войдя в дом, мы окажемся в ловушке.

— Меня так и подмывает пустить в дело пращу прямо сейчас и поучить их искусству засады, — угрюмо прищурившись, ответил Мышелов. — Но только в этом случае оставшиеся в живых займут дом и будут сидеть там, пока не подоспеет Раннарш, причем, скорее всего, с подкреплением.

— Мы можем обойти поляну лесом, — немного подумав, проговорил Фафхрд. — Тогда нам удастся незаметно спрятаться за одним из меньших куполов. Таким образом мы сможем следить за дверью и помешаем им укрыться внутри. А потом я внезапно заговорю с ними и попытаюсь припугнуть, а ты, оставаясь в укрытии, наделаешь шуму, как будто тут с нами еще человек десять.

План показался обоим друзьям вполне приемлемым, и его первую часть они исполнили без запинки. Мышелов присел за малым куполом и разложил вокруг меч, пращу, кинжалы и несколько деревянных палок, приготовившись таким образом поднять шум или вступить в сражение. Затем Фафхрд внезапно вышел впе-

ред, беспечно помахивая луком со стрелой, уже лежавшей на тетиве. Сделал он это настолько непринужденно, что сподвижники Раннарша даже не сразу обратили на него внимание. А когда обратили, то сперва схватились за луки, но тут же передумали, увидев, что этот детина имеет перед ними явное преимущество. Они лишь стояли, бросая на него сердитые, раздраженные взгляды.

— Привет, паршивцы! — начал Фафхрд. — Мы даем вам время только на то, чтобы вы успели испугаться, не больше. Не вздумайте сопротивляться или пробовать скрыться в лесу. Вокруг поляны мои люди. Стоит мне дать знак, и они утыкают вас стрелами.

Тем временем Мышелов принялся артистически изображать тихий разговор нескольких человек, который становился все громче и громче. Мгновенно меняя высоту и тембр своего голоса и заставляя его отражаться эхом то от стены дома, то от леса, он создавал полную иллюзию, что неподалеку расположилась целая группа кровожадных лучников. Грозные возгласы: «Ну что, стреляем?» — «Ты берешь рыжего» — «Целься в живот, это самое верное» — и им подобные раздавались то из одного места, то из другого, и в результате Фафхрду с большим трудом удавалось сдержать смех, глядя на удрученных головорезов, которые лишь испуганно озирались. Ну тут всю его веселость как рукой сняло: только присмиревшие разбойники начали медленно отходить, как выпущенная из леса стрела просвистела у него над головой.

— Проклятая ветка! — гортанно воскликнул кто-то, и Мышелов узнал голос лорда Раннарша, который немедленно стал отдавать приказания: — Хватайте их, остолопы! Вас надули! Их только двое! Хватайте же!

Фафхрд проворно повернулся и выстрелил на голос, но не попал. Тогда он нырнул за купол, и они с Мышеловом бросились к лесу.

Шестеро головорезов, мудро рассудив, что атака с мечами наголо была бы проявлением чрезмерного героизма, последовали их примеру, на бегу доставая из-за спины луки. Один из них, не добежав до укрытия, обернулся и натянул тетиву. Это была ошибка. Шарик из пращи Мышелова угодил ему прямо в лоб, лучник рухнул на землю и больше уже не двигался.

После его падения на поляне долгое время слышались лишь крики птиц — порою настоящие, порою сымитированные Фафхрдом и Мышеловом, которые таким манером переговаривались друг с другом. Условия этого смертельного состязания были вполне очевидны. Как только оно началось, никто из его участников не мог осмелиться выйти на поляну, чтобы не стать превосходной мишенью, причем Мышелов был уверен, что ни один из оставшихся в живых пятерых разбойников не укрылся в доме. Кроме того, ни одна из противоборствующих сторон не хотела терять из виду дверь, чтобы не позволить противнику занять выгодное положение на верхушке башни, если внутри, разумеется, имелась хоть какая-то лестница. Поэтому все боевые действия свелись к тому, что и те и другие перемещались у края поляны, часто присаживаясь в подходящем местечке и выжидая, что враг обнаружит себя и в него можно будет выстрелить.

Покружив шагах в двадцати от места, где скрылись вражеские лучники, Фафхрд и Мышелов решили придерживаться выжидательной тактики. Оказалось, что терпением они превосходят своих противников. После десяти минут напряженнейшего ожидания, когда каждый стручок вдруг стал удивительно напоминать наконечник стрелы, Фафхрду удалось прострелить рыжеволосому негодяю горло — как раз в тот миг, когда тот уже натягивал лук, целясь в Мышелова. Теперь у Раннарша осталось четверо подручных. Двое друзей тут же изменили тактику и разделились: Мышелов стал поспешно обходить сокровищницу кругом, а Фафхрд подался глубже в лес, насколько позволяла обстановка.

Люди Раннарша, по-видимому, решили действовать так же, потому что вскоре Мышелов чуть ли не нос к носу столкнулся с бандитом со шрамом на лице, который передвигался тоже совершенно бесшумно. На таком близком расстоянии и лук и праща были бесполезны — если их применять по прямому назначению. Поэтому человек со шрамом не долго думая решил ткнуть зазубренной стрелой Мышелову в глаз. Тот уклонился и, перехватив пращу, оглушил противника ее роговой ручкой, так что тот свалился без чувств. Затем он отошел на несколько шагов и, воздав благодарность дню Кошки за то, что врагов оказалось

не двое, избрал деревья как более безопасный, хоть и медленный способ передвижения. Держась на средней высоте, он с уверенностью канатоходца побежал по ветвям, прыгая только когда это было необходимо, и выбирая дорогу таким образом, чтобы иметь несколько путей к отступлению.

Он уже на три четверти обошел таким манером поляну, как вдруг услышал впереди звон мечей. Поспешив на этот звук, он вскоре уже наблюдал сверху за разыгравшейся внизу весьма милой баталией. Прислонясь спиной к толстому дубу, Фафхрд размахивал своим громадным мечом, сдерживая натиск двух подручных Раннарша, мечи у которых были короче. Северянин попал в хороший переплет и понимал это. Он знал древние саги о героях, которые с помощью одного меча могли одолеть четверых противников, а то и больше. Знал он и то, что все это вранье, если противники героя умели сносно владеть оружием.

А люди Раннарша были опытными бойцами. Они нападали осторожно, но зато непрерывно, держа мечи перед собой и широко ими не размахивая. Дыхание уже со свистом вырывалось у них из глоток, но держались они уверенно, зная, что Северянин не решится броситься на одного из них, потому что подставит себя в таком случае под удар второго. Они маневрировали, чтобы напасть на него одновременно с двух сторон.

Фафхрду оставалось лишь молниеносно менять позицию и нападать на ближайшего соперника, пока второй не приблизился. Таким образом ему удавалось удерживать их друг подле друга и отражать атаки быстрыми ложными выпадами и широкими поперечными ударами. На лице у Северянина выступил пот, из царапины на левом бедре сочилась кровь. Из оскаленного в жуткой улыбке рта время от времени вырывались грязные ругательства.

Мгновенно оценив ситуацию, Мышелов быстро спустился на нижнюю ветку и застыл, целясь кинжалом в спину одного из противников Фафхрда. Стоял он, однако, очень близко к толстому стволу, из-за которого вдруг мелькнула мозолистая рука, вооруженная коротким мечом. Оказывается, одному из людей Раннарша тоже пришло в голову перемещаться вокруг поляны по деревьям. К счастью для Мышелова, его

противник не уперся как следует ногами в ветку, и поэтому его удар был хоть и точен, но недостаточно быстр. Человечку в сером удалось уйти от него, спрыгнув вниз.

И тут он удивил противника незамысловатым акробатическим трюком. До земли он не долетел, понимая, что, стоя на ней, окажется беззащитным перед человеком на дереве. Вместо этого он схватился руками за ветку, на которой за секунду до этого стоял, ловко взлетел на нее снова и схватился с противником врукопашную. Придерживаясь за дерево то одной рукой, то другой, враги пытались пронзить сопернику горло, одновременно нанося удары локтями и коленями, как только для этого представлялась малейшая возможность. При первой же ошибке они уронили и меч и кинжал, причем первый воткнулся в землю точно между двумя разбойниками, которые так удивились, что очередная атака Фафхрда чуть было не достигла цели.

Раскачиваясь почти на самом конце ветки, Мышелов и его противник почти не причиняли друг другу вреда, потому что главной их заботой было сохранить равновесие. В конце концов оба соскользнули с ветки и повисли, вцепившись в нее руками. Тяжело пыхтящий бандит яростно пнул Мышелова, однако тот увернулся и обеими ногами изо всех сил заехал ему под дых. Неудачливый вассал Раннарша рухнул на землю и от встряски окончательно лишился чувств.

Между тем один из противников Фафхрда прибегнул к уловке, которая вполне могла увенчаться успехом. Когда его сотоварищ стал в очередной раз яростно наступать на Фафхрда, он бросился к торчащему из земли мечу, намереваясь метнуть его в Северянина как дротик. Но Фафхрд, чья невероятная выносливость давала ему преимущество в скорости, разгадал маневр и провел блистательную контратаку на первого соперника. Молниеносно сделав ложный выпад в живот, он режущим ударом раскроил ему грудь от глотки до пупа. Затем, крутанувшись, он выбил оба меча из рук второго противника, который лишь изумленно взглянул на него, сел, задыхаясь, на землю, и выдавил лишь одно слово: «Пощади!».

И тут Мышелов легко спрыгнул вниз — словно с неба свалился. Фафхрд по инерции занес меч для

бокового удара, потом уставился на Мышелова и смотрел на него так долго, что сидящий на земле боец успел трижды глотнуть ртом воздух. Затем Северянин начал смеяться, и постепенно судорожное хихиканье превратилось в громовые раскаты хохота. Это был смех, в котором Фафхрд дал выход и яростному безумию битвы, и облегчению, что неминуемая гибель прошла стороной.

— Клянусь Глаггерком и Косом! — ревел Фафхрд. — Клянусь Бегемотом! Клянусь Стылыми Пустошами и кишками Красного божества! Ой, не могу! — И снова неистовый хохот огласил лес. — Клянусь Китом-Убийцей, Ледовой Женщиной и ее отродьем!

Но все же постепенно смех его стал стихать. Фафхрд потер ладонью лоб, и лицо его вдруг стало совершенно серьезным. Опустившись на колени перед только что убитым им человеком, он выпрямил ему руки и ноги, закрыл глаза и разрыдался с таким достоинством, что это выглядело бы нелепостью и лицемерием у кого угодно, но только не у варвара.

Реакция же Мышелова была далеко не такой однозначной. С некоторой иронией прислушавшись к себе, он ощутил тревогу; кроме того, его слегка подташнивало. Он понимал Фафхрда, но знал, что сам он прочувствует все до конца далеко не сразу, а пока его ощущения будут приглушенными, вроде как мертвыми. Мышелов с беспокойством оглянулся, опасаясь, что чья-нибудь атака, пусть даже слабая, застанет друга врасплох. Затем пересчитал противников. Да, с шестерыми соратниками Раннарша все ясно. Но где же сам Раннарш? Мышелов запустил руку в мешок, чтобы убедиться, что все его талисманы и амулеты при нем. Губы его быстро зашевелились: он решил прочесть несколько молитв и заговоров. Но праща тем не менее была у него наготове, а глаза зорко смотрели по сторонам.

Из густых зарослей кустарника послышалось тяжелое дыхание — это начал приходить в чувство человек, которого Мышелов столкнул с дерева. Обезоруженный Фафхрдом боец, пепельно-бледный, не столько от страха, сколько от усталости, сидя повернулся в сторону леса. Мышелов беспечно взглянул на него и мимоходом отметил, что железный шишак за-

бавно съехал парню на самый нос. Между тем человек в кустах задышал ровнее. Почти одновременно оба поднялись на ноги и заковыляли в глубь чащи.

Мышелов слушал, как они идут, оступаясь и натыкаясь на деревья. Он был уверен, что теперь их опасаться нечего. Эти — не вернутся. И тут лицо его озарилось легкой улыбкой: он услышал, что к уходящим присоединился третий. Это Раннарш, подумал Мышелов, человек с малодушным сердцем, неспособным выстоять в одиночку. Ему не пришло в голову, что третьим мог быть разбойник, которого он оглушил ручкой пращи.

Предпочитая, как правило, доделывать все до конца, Мышелов лениво прошел вслед за ними на два полета стрелы. Потерять их след было невозможно: тут сломанные кусты, там обрывки одежды на колючках терновника. След кратчайшим путем удалялся от поляны. Удовлетворившись увиденным, Мышелов вернулся, прихватив по пути молоток, кирку и лом.

Когда он подошел, Фафхрд перевязывал поцарапанное бедро. Исчерпав весь диапазон чувств, Северянин вновь стал самим собой. Покойник, которого он только что так трогательно оплакивал, теперь стал для него просто-напросто пищей для жуков и птиц. Для Мышелова же он продолжал оставаться чем-то пугающим и крайне неприятным.

— Ну что, вернемся к нашим прерванным занятиям? — осведомился Мышелов.

Фафхрд деловито кивнул и поднялся на ноги. Друзья вместе вступили на усеянную камнями поляну и удивились, как мало времени заняла схватка. Солнце, правда, поднялось немного выше, но в воздухе еще пахло утром. Роса до сих пор не высохла. Массивная, безликая сокровищница Ургаана Ангарнджийского выглядела нелепо, но внушительно.

— Дочь крестьянина, сама того не подозревая, дала нам правильные наставления, — с улыбкой заметил Мышелов. — Мы же играли в ее игру — ходили вокруг поляны, не заступая за магический круг, верно?

Сегодня сокровищница не страшила его. Он вспомнил свое вчерашнее смятение, но понять его причины был не в силах. Сама мысль о каком-то страже ка-

залась ему смешной. Присутствию в дверях скелета можно найти тысячу объяснений.

Поэтому теперь Мышелов проскользнул в сокровищницу перед Фафхрдом и разочарованно осмотрелся: никакой мебели, стены такие же голые и лишенные каких бы то ни было украшений, как и снаружи. Просто большая, низкая комната. Двери в боковых стенах вели под меньшие купола, впереди угадывался коридор и лестница в верхнюю часть главного свода.

Мельком взглянув на череп и обломки скелета, Мышелов направился к лестнице.

— Наш документ, — обратился он к Фафхрду, который уже успел его нагнать, — гласит, что сокровище лежит под замковым камнем главного купола. Стало быть, надо искать в комнате или комнатах второго этажа.

— Правильно, — оглядываясь по сторонам, согласился Фафхрд. — Но мне интересно, Мышелов, для чего первоначально служил весь этот дом? Странно, ведь выходит, что человек, построивший здание только для того, чтобы спрятать в нем сокровища, сам же трубит об этом на весь мир. Как ты полагаешь, может, здесь был храм?

Внезапно Мышелов, издав какой-то шипящий звук, отпрянул назад. На нижних ступеньках лестницы лежал еще один скелет, почти целый, только верхняя половина черепа была снесена и белела обломанными краями.

— Хозяева дома крайне стары и неприлично голы, — прошипел Мышелов, сердясь на себя за собственный испуг.

Взбежав по ступеням, он принялся рассматривать страшную находку. Своим острым взглядом он разглядел кое-что кроме костей: ржавый кинжал, потускневшее золотое кольцо на пальцевой кости, пригоршню роговых пуговиц и тонкий, позеленевший от времени медный цилиндр. Последняя находка заинтересовала его. Он вырвал цилиндр из скрюченных пальцев, и кости с сухим стуком посыпались на ступеньку. Подцепив крышку цилиндра кончиком кинжала, Мышелов вытряхнул из него свернутый в трубочку листок древнего пергамента, осторожно развернул его, и они с Фафхрдом, повернувшись к свету, проникавшему с

лестничной площадки, принялись читать написанные красными чернилами убористые строчки.

«Мне принадлежит тайное сокровище. Есть у меня и медь, и хрусталь, и кроваво-красный янтарь. Изумруды и рубины, за которые даже демоны затеяли бы между собой войну, и бриллиант величиною с человеческий череп. Но никто не видел их, кроме меня. Я, Ургаан Аргарнджийский, презираю лесть и зависть глупцов. Для своих драгоценностей построил я в укромном месте достойную сокровищницу. Там, спрятанные под замковым камнем, они могут мирно спать, пока не исчезнут и земля, и небо. В сутках езды от деревни Сорив, в долине с двумя двугорбыми холмами стоит этот дом, увенчанный тремя куполами и башней. Он пуст. Любой глупец может войти в него. Пусть попробует. Мне до него нет дела».

— Кое-какие различия в подробностях есть, — пробормотал Мышелов, — но текст звучит примерно так же, как и в нашем описании.

— Нет, это явно писал какой-то сумасшедший, — нахмурился Фафхрд. — А если нет, то почему же он надежно запрятал свои сокровища, а потом оставил подробные указания, где их найти?

— Мы с тобой думали, что наш документ оставлен на всякий случай или по оплошности, — задумчиво проговорил Мышелов. — Но откуда тогда появился второй?

Погруженный в размышления, он сделал шаг вверх по лестнице и увидел еще один череп, скалящийся из темного угла. На сей раз Мышелов не оторопел, но зато почувствовал себя, как муха, которая запуталась в паутине и видит вокруг высосанные до последней капельки качающиеся тела своих товарок. Он затараторил:

— Если бы мы были правы, то не было бы трех, четырех, а может, и дюжины подобных писем. Но, как мы видим, здесь побывали и другие искатели сокровищ, значит, и у них были какие-то письменные указания? Пусть Ургаан Ангарнджийский был сумасшедшим, но он намеренно заманивал сюда людей. Очевидно одно: в этом доме скрыта — или была скрыта — какая-то смертельная ловушка. Или какой-то страж, гигантский зверь, к примеру. Не исключено, что сами эти камни источают яд. А может, стоит задеть за

незаметную пружину, и из прорезей в стенах вылетят смертоносные мечи, а потом спрячутся назад.

— Вряд ли, — возразил Фафхрд. — Эти люди погибли от ударов чудовищной силы. Ребра и позвоночник первого буквально размозжены. Второму снесли полчерепа. А там лежит и третий. Смотри! У него раздроблены кости ног!

Мышелов хотел было что-то ответить, но неожиданно расплылся в улыбке. Он понял, к какому выводу непроизвольно вели умозаключения Фафхрда, и вывод этот был просто смехотворен. Кто может наносить удары чудовищной силы? Кто, если не серый великан, о котором рассказала им крестьянская девчушка? Серый великан, вдвое выше обычного человека, вооруженный громадной каменной дубинкой, великан, место которому лишь в сказках и фантазиях.

Фафхрд улыбнулся Мышелову в ответ. Похоже, они напридумывали черт те что на пустом месте. Конечно, скелеты наводят на размышления, но разве это не просто останки людей, умерших много-много лет и даже веков назад? Какой страж будет ждать три столетия? Да за такой срок даже демон выйдет из терпения! К тому же демонов не бывает вовсе. И нечего раньше времени перебирать всякие замшелые страхи и ужасы, которые давно превратились в прах. На самом деле, решил Фафхрд, все достаточно просто. Они пришли в заброшенный дом, чтобы выяснить, спрятаны в нем сокровища или нет.

Сойдясь на этом, друзья начали подниматься по лестнице, которая вела в менее освещенную часть дома Ангарнджи. Несмотря на уверенность, они двигались весьма осторожно, пристально вглядываясь в тени, темневшие впереди. И правильно.

Едва они встали на верхнюю ступеньку, как из мрака вылетела стальная молния. Она задела Мышелова по плечу, и он резко обернулся. Тут же раздался звон стали о каменный пол. Охваченный одновременно гневом и страхом, Мышелов пригнулся и бросился в дверь, откуда был брошен клинок, прямо навстречу опасности, от кого бы та ни исходила.

— Ах ты склизкопузый червяк! Так ты еще кидаешься в темноте кинжалами? — услышал Фафхрд гневный голос Мышелова и тоже бросился в дверь.

У стены, съежившись, стоял лорд Раннарш: его пышный охотничий наряд был растрепан и весь в пыли, черные волнистые волосы откинуты назад, жестокое, но красивое лицо превратилось в бледную маску ненависти и крайнего ужаса. На несколько мгновений его последнее чувство, похоже, взяло верх, но, как ни странно, направлено оно было не на людей, которых он только что пытался убить, а на что-то другое, невидимое.

— О боги! — вскричал он. — Дайте мне выйти отсюда! Сокровище ваше, только выпустите меня, иначе я обречен. Оно играет со мной, как кошка с мышью. Это невыносимо, невыносимо!

— Ах, теперь мы запели по-другому? — рявкнул Мышелов. — Сперва мечем кинжалы, потом в панике умоляем?

— Это все грязные трусливые увертки, — добавил Фафхрд. — Сам спрятался в безопасное местечко, а его вассалы храбро погибли.

— Безопасное? Ты говоришь, безопасное? О боги!

Реннарш уже почти визжал. И тут выражение его искаженного лица немного изменилось. Нет, ужаса в нем было не меньше, если даже не больше. Но сквозь этот ужас проступил стыд — стыд от того, что он так низко пал в глазах этих двух мошенников. Губы лорда скривились, обнажив стиснутые зубы. Левая рука вытянулась в жесте мольбы.

— О пощадите, пощадите меня! — жалобно воскликнул он, выхватил правой рукой из-за пояса второй кинжал и снизу метнул его в Фафхрда.

Северянин отбил клинок неуловимым движением ладони и решительно заявил:

— Он твой, Мышелов. Убей его.

Это было похоже на сцену, которая разыгрывается, когда кот загоняет мышь в угол. Лорд Раннарш выхватил из золоченых ножен сверкающий меч и кинулся вперед, размахивая им, как одержимый. Мышелов чуть отступил, и его тонкий клинок замелькал в контратаке, с виду не слишком решительной, но на самом деле смертоносной. Раннаршу пришлось сдержать свое рвение и остановиться. Меч Мышелова двигался столь стремительно, что, казалось, ткал вокруг противника паутину из стали. Затем Мышелов сделал три выпада подряд. От первого удара его меч согнулся

чуть ли не пополам, угодив в спрятанную под одеждой Раннарша кольчугу. Вторым ударом Мышелов пронзил ему живот, третьим — шею. Задыхаясь и давясь кровью, лорд Раннарш рухнул на пол, судорожно вцепился пальцами в горло и испустил дух.

— Бесславный конец, — мрачно заметил Фафхрд, — хотя с ним обошлись по чести, чего он не заслуживал; правда, мечом мерзавец владел неплохо. Мышелов, не нравится мне это убийство, хотя Раннарш бесспорно сам во всем виноват.

Вытирая свой меч о бедро поверженного противника, Мышелов догадался, что имел в виду Фафхрд. От победы он ощущал не радость, а лишь холодное, тошнотворное омерзение. Еще миг назад он был вне себя от ярости, но теперь гнев покинул его. Стянув с себя серую куртку, Мышелов осмотрел рану на плече. Из нее еще сочилась кровь, сбегая вниз по руке.

— Лорд Раннарш не был трусом, — медленно проговорил он. — Он убил себя, вернее, дал убить, потому что мы видели его испуг и слышали, как он вопил от страха.

Едва Мышелов произнес эти слова, как невероятный ужас ледяным панцирем сковал сердца обоих друзей. Казалось, страх перешел к ним в наследство от лорда Раннарша. И что-то сверхъестественное было в том, что у друзей не было и тени предчувствия, ни намека на его приближение. Страх не возник, как обычно это бывает, в виде слабых ростков, которые постепенно становились все больше и больше. Он нахлынул внезапно, мгновенно парализовал и ошеломил друзей. Хуже того, для него не было никакой видимой причины. Еще секунду назад друзья равнодушно смотрели на скрюченный труп лорда Раннарша, и вдруг ноги у них подкосились, внутри все похолодело, по спине побежали мурашки, зубы застучали, сердца неистово заколотились, а волосы поднялись дыбом.

Фафхрд чувствовал себя так, словно неожиданно попал в отверстую пасть гигантской змеи. Его разум варвара был потрясен до самых глубин. В голову ему пришли мысли о мрачном боге Косе, скитающемся среди ледяного молчания Стылых Пустошей, о тайном могуществе Судьбы и Случая и об их играх, ставка в которых — кровь человека и его разум. Он гнал от себя эти мысли, но леденящий ужас словно выкри-

сталлизовывал их, и они снежными хлопьями заносили его сознание.

Постепенно ему все же удалось справиться с дрожью в ногах и сведенными судорогой мышцами. Он медленно, словно в кошмарном сне, огляделся, внимательно рассматривая каждую подробность окружения. Комната, в которой они находились, имела полукруглую форму и занимала половинку главного купола. Свет в нее проникал через два маленьких окошка, прорезанных высоко в потолке.

Внутренний голос непрерывно твердил: «Не делай резких движений. Осторожно. И главное, не беги. Другие побежали, оттого-то их и настигла столь быстрая смерть. Не спеши. Не спеши».

И тут Фафхрд обратил внимание на лицо Мышелова. На нем был написан точно такой же ужас. Интересно, подумал Фафхрд, сколько это еще продлится, как долго он сумеет держать себя в руках, чтобы не убежать отсюда сломя голову, как долго он сумеет бороться с ощущением, что какая-то громадная невидимая лапа тянется к нему, неумолимо, пядь за пядью.

В нижней комнате послышался тихий звук шагов. Размеренных, неторопливых шагов. Вот кто-то прошел по коридору. Вот начал подниматься по лестнице. Вот миновал площадку и теперь двинулся дальше, вверх по ступеням.

Вошедший в комнату человек был высок, худощав, стар и тщедушен. На высокий лоб свисали редкие пряди иссиня-черных волос. Над впалыми щеками торчали высокие скулы, восковая кожа туго обтягивала короткий нос. В глубоко запавших глазах горел огонь фанатизма. Одет он был в простой монашеский балахон без рукавов. На веревке, которой он был перепоясан, висел кошель.

Устремив взор на Фафхрда и Серого Мышелова, человек проговорил замогильным голосом:

— Приветствую вас, жестокие люди.

Затем он с неудовольствием посмотрел на труп Раннарша.

— Здесь снова пролилась кровь. Это скверно.

С этими словами костлявым пальцем левой руки он нарисовал в воздухе причудливый тройной квадрат, священный знак Великого Божества.

— Молчите, — бесстрастно и монотонно продолжал он, — цель ваша мне известна. Вы явились, чтобы взять спрятанные в этом доме сокровища. Многие пытались сделать это. Но их постигла неудача. Постигнет она и вас. А мне никакие сокровища не нужны. Сорок лет я живу на черством хлебе и воде, посвятив свой дух Великому Божеству. — Старик опять начертал замысловатый знак. — Самоцветы и украшения этого мира, равно как драгоценности и безделушки мира демонов не способны ввести меня во искушение или совратить. А цель моего прихода сюда — уничтожение зла. Я, — тут он прикоснулся рукою к груди, — Арвлан Ангарнджийский, девятый прямой потомок Ургаана Ангарнджийского. Я всегда это знал и сокрушался об этом, ибо Ургаан Ангарнджийский был злой человек. Но лишь две недели назад, в день Паука, я обнаружил в древних документах, что Ургаан построил этот дом, дабы он вечно служил ловушкой для неблагоразумных и дерзких. Он оставил здесь стража, и страж этот до сих пор на посту. Хитроумен был мой проклятый предок Ургаан, хитроумен и злобен. Самым искусным архитектором во всем Ланкмаре был Ургаан, человек, умудренный в обработке камня и геометрических науках. Но он насмехался над Великим Божеством. Он стремился войти в сношение со злыми силами. Он совершил сделку с демонами и получил от них неслыханные сокровища. Но они оказались ни к чему. В стремлении к богатству, знаниям и могуществу он утратил способность к радости и даже вожделению. Поэтому он спрятал свои сокровища, однако сделал это таким образом, чтобы они непрестанно несли миру зло — точно так же, как, по его мнению, многие мужчины и одна гордая и высокомерная женщина, жестокая и бездушная, как этот храм, причинили зло ему самому. Моя цель и мое право — уничтожить зло, порожденное Ургааном. Не пытайтесь разубедить меня, иначе проклятие падет на ваши головы. А причинить вред мне не может никто. Великое Божество простерло надо мною свою длань, готовую отвести любую опасность, которая будет угрожать его преданному слуге. Молчите, жестокие люди! Я пришел, чтобы уничтожить сокровища Ургаана Ангарнджийского.

С этими словами изможденный монах размеренной поступью, словно привидение, двинулся вперед и скрылся за узкой дверью, которая вела в переднюю часть главного купола.

Фафхрд смотрел ему вслед своими широко раскрытыми зеленоватыми глазами, не испытывая ни малейшего желания пойти за ним или хоть как-то вмешаться. Ужас не оставил его, но принял несколько иное направление, Фафхрд по-прежнему ощущал страшную опасность, но казалось, теперь она угрожает не лично ему.

Тем временем в голову Мышелову пришла забавная мысль. Ему показалось, что только что он видел не почтенного старца святой жизни, а смутное отражение умершего столетия назад Ургаана Ангарнджийского. Несомненно, Ургаан имел такой же высокий лоб, отличался такой же затаенной гордостью и повелительными манерами. И эти пряди по-юношески черных волос, которые так плохо сочетались с изможденным лицом старца, тоже казались деталью портрета, всплывшего из прошлого. Портрета туманного и искаженного временем, однако сохранившего в себе кое-что от силы и индивидуальности оригинала.

Друзья услышали, как монах прошел по соседней комнате. Потом на дюжину ударов сердца наступила мертвая тишина. Затем пол у них под ногами слегка задрожал, как будто началось землетрясение или к дому подошел какой-то великан. В соседней комнате послышался прерывистый крик, оборвавшийся после сильнейшего удара, от которого друзья даже пошатнулись. И вновь наступила мертвая тишина.

Фафхрд и Мышелов в полнейшем изумлении переглянулись: их поразило не столько услышанное, сколько то обстоятельство, что сразу после удара весь их ужас как рукой сняло. Выхватив мечи, они бросились в соседнюю комнату.

Она представляла собой точную копию той, в которой они только что находились, только здесь в куполе было прорезано не два окошка, а три, одно у самого пола. И дверь в ней была лишь одна — та, через которую они вошли, а кроме нее лишь плотно подогнанные друг к другу камни — пол, стены и полукруглый потолок.

У центральной стены, разделявшей купол на две половинки, лежало тело монаха. Только вот слово «лежало» тут было не совсем уместно. Его левое плечо и грудь были превращены буквально в кашу. Мертвец плавал в луже крови.

Фафхрд и Мышелов принялись лихорадочно искать взглядом еще кого-нибудь, кто, кроме них самих и убитого, находился бы в комнате, — но тщетно: никого, даже мельчайшей мошки не было видно в облаке пыли, висевшей в узких солнечных лучах, проникавших через окна. Напрасно их разгулявшееся воображение пыталось нарисовать существо, нанесшее столь сокрушительный удар и скрывшееся через одно из крошечных окошек. Быть может, гигантская змея с головой из гранита?..

Рядом с покойником из стены чуть выдавался камень фута два в поперечнике. Древнеланкмарскими иероглифами на нем было ясно выгравировано: «Здесь лежит сокровище Ургаана Ангарнджийского».

Увидев этот камень, двое искателей приключений словно получили пощечину. В них вновь всколыхнулось их упрямство и безрассудная решимость. Рядом лежит размозженный труп старика? Ну и что? У них есть мечи! Они получили доказательство, что в сокровищнице таится какой-то безжалостный страж? Ну и что? Они могут за себя постоять! Убежать и оставить нетронутым этот камень со столь оскорбительно вызывающей надписью? Ну нет! Лучше они попадут прямиком в невонский ад — Кос и Бегемот тому свидетелями!

Фафхрд побежал за киркой и другими инструментами, брошенными на лестнице, когда лорд Раннарш в первый раз метнул кинжал. Мышелов тем временем принялся внимательно осматривать выступающий камень. Вокруг него виднелись довольно широкие щели, заполненные каким-то темным смолистым составом. Постучав по камню навершием меча, Мышелов услышал глухой звук. Он прикинул, что в этом месте стена имеет толщину футов шесть — вполне достаточно, чтобы устроить в ней тайник. Мышелов для пробы стал простукивать стену по обеим сторонам от камня, но глухой звук довольно скоро пропадал. Очевидно, полость была не такой уж большой. Он обратил внимание, что швы между другими камнями были совсем

тонкие, без каких-либо следов раствора. Он даже не был уверен, что они настоящие — может, просто канавки, выдолбленные в гладком камне. Но все же это казалось маловероятным. Мышелов слышал, что Фафхрд вернулся, однако продолжал осмотр.

Мышелов чувствовал себя странно. Непреклонная решимость добраться до сокровищ заглушала все другие чувства. Необъяснимое и столь внезапное исчезновение страха парализовало какую-то часть его рассудка, словно для того, чтобы не давать волю мыслям, пока он не увидит содержимого тайника с сокровищами. Он старался занять ум конкретными подробностями, но никаких выводов не делал.

Спокойствие создало иллюзию безопасности, по крайней мере кратковременной. Опыт смутно подсказывал ему, что страж, кем бы он ни был, который раздавил монаха и играл в кошки-мышки с Раннаршем и ними самими, не нанесет удар, предварительно не вселив ужас в свои жертвы.

Фафхрд ощущал примерно то же самое, только был настроен еще решительнее и хотел разгадать загадку камня с надписью во что бы то ни стало.

С помощью долота и молотка приятели набросились на широкие пазы, обрамляющие камень. Темное смолистое вещество извлекалось довольно легко — сперва твердыми кусками, потом слегка тягучими полосками. Когда они углубились на палец, Фафхрд вставил в трещину лом и чуть сдвинул камень с места. Это позволило Мышелову проковырять трещину с одной стороны поглубже. Затем Фафхрд сдвинул камень в другую сторону. Так они и трудились — то сдвигая камень ломом, то углубляя щель.

Работая, друзья старались сосредоточиться на каждой малейшей детали, гоня от себя призрак человека, умершего более двух веков назад. Человека с высоким лбом, запавшими щеками и коротким носом — если, конечно, погибший был типичным представителем рода Ангарнджи. Человека, добывшего несметные богатства, спрятавшего их от людей и не искавшего в них славы или выгоды. Того, кто заявил, что презирает завистливых глупцов, но тем не менее написал вызывающе убористые красные строчки, чтобы сообщить глупцам о сокровище и пробудить в них зависть. Того, кто, казалось, тянулся к ним из про-

пыленных веков, словно паук из потустороннего мира, ткущий паутину, чтобы поймать муху.

А между тем, как сказал монах, он был искусным архитектором. Был ли способен этот архитектор создать каменный автомат в два человеческих роста? Автомат из серого камня с громадной дубинкой? Мог ли он создать для него потайное укрытие, из которого тот выходил бы, убивал и возвращался назад? Нет, все это ребячество, нечего об этом и думать! Нужно сосредоточиться на работе. Посмотреть, что лежит за камнем с надписью. А раздумья оставить на потом.

Камень все лучше и лучше поддавался давлению лома. Скоро его можно будет зацепить как следует и вытащить из стены.

Между тем у Мышелова начало появляться новое чувство, и это был не страх, а чисто физическое отвращение. Воздух, которым он дышал, начал казаться ему густым и мерзким. Ему стала противна липкая смесь, извлекаемая из трещин и теперь напоминавшая чисто воображаемые вещества, такие как драконий навоз или застывшая рвота Бегемота. Он старался не прикасаться к ней пальцами и отшвыривал ногой падавшие на пол кусочки. Отвратительное, тошнотворное ощущение стало невыносимым.

Мышелов пытался ему сопротивляться, но с таким же успехом он мог бы пытаться подавить приступ морской болезни, на которую, кстати сказать, новое ощущение было чем-то похоже. У него появилась неприятная дурнота. Рот был полон слюны. На лбу выступили капельки пота, предшественника тошноты. Фафхрд, похоже, ничего не испытывал, и Мышелову не хотелось говорить ему о своих ощущениях — они были нелепы и неуместны, тем более, что не сопровождались страхом или испугом. В конце концов те же чувства стал вызывать в нем и камень, наполняя его, казалось, беспричинным, но тем не менее нестерпимым отвращением. Больше он вынести не мог. С извиняющимся видом слегка кивнув Фафхрду, Мышелов подошел к низкому окну глотнуть свежего воздуха.

Это мало чему помогло. Мышелов высунул голову из окошка и глубоко вдохнул. Из-за невероятной дурноты его разум воспринимал все отстраненно, окружающее казалось ему очень далеким. Поэтому, когда

Мышелов увидел стоящую посреди поляны крестьянскую девочку, до него далеко не сразу дошло, насколько это важно. А когда он осознал это, дурнота частично прошла, во всяком случае он сумел подавить ее и с растущим любопытством стал смотреть на девочку.

Лицо ее было белым, кулачки сжаты, руки висели вдоль тела. Даже с такого расстояния Мышелов смог различить ужас и вместе с тем решимость, с которыми она уставилась на дверь сокровищницы. Она явно заставляла себя приблизиться к ней, делая один судорожный шажок за другим, словно ей всякий раз приходилось собираться с духом. Внезапно Мышелов испугался, но не за себя, а за девчушку. Она явно испытывала невыразимый ужас и все же шла, бросая вызов ее «непонятному страшному серому великану» — и все это ради него и Фафхрда. Любой ценой, подумал Мышелов, ей нужно помешать приблизиться к сокровищнице. Нельзя, чтобы девочка еще хоть миг испытывала столь сильный страх.

От невероятной дурноты голова у Мышелова работала неважно, но он знал, что должен сделать. На трясущихся ногах он бросился к лестнице, махнув Фафхрду рукой. Покидая комнату, он случайно поднял взгляд и отметил, что с потолком происходит нечто необычное. Но что это такое, понял далеко не сразу.

Фафхрд не обращал внимания ни на перемещения Мышелова, ни тем более на его жесты. Камень постепенно поддавался его усилиям. Чуть раньше Фафхрд тоже почувствовал легкую дурноту, но, по-видимому, благодаря его сосредоточенности, она ему особенно не докучала. А теперь все свое внимание он сконцентрировал на камне. Непрестанно работая ломом, он уже вытащил его из стены на ширину ладони. Потом, сжав камень своими мощными руками, он принялся раскачивать его из стороны в сторону и одновременно тянуть на себя. Темное липкое вещество держало крепко, однако с каждым рывком камень немного подавался.

Борясь с головокружением, Мышелов бросился вниз по лестнице. На бегу задел ногой кости скелета, и они отлетели к стене. Что же все-таки он заметил на потолке? Похоже, это имеет какое-то значение. Но он

должен увести девочку с поляны. Ей нельзя подходить ближе. Нельзя входить в дом.

Фафхрд уже начал ощущать вес камня и понял, что дело движется к концу. Камень был страшно тяжелый — примерно в фут толщиной. Два осторожных движения довершили дело. Камень начал падать. Фафхрд проворно отскочил назад, и камень с грохотом рухнул на пол. Пустота за ним засверкала всеми цветами радуги. Фафхрд нетерпеливо сунул голову в отверстие.

Мышелов, пошатываясь, шел к входной двери. Он вспомнил: на потолке была кровавая полоса. И как раз над трупом монаха. Но почему? Старика ведь размозжило об пол, разве не так? Неужели кровь после удара брызнула на потолок? Но почему тогда полоса, а не капли? Неважно. Главное, девочка. Он должен добраться до девочки. Обязан. Вот она, уже почти у входа. Он ее уже видит. Мышелов почувствовал, что каменный пол чуть дрожит у него под ногами. Но это, должно быть, головокружение, что ж еще?

Фафхрд тоже ощутил, что пол подрагивает. Но все, что он мог бы по этому поводу подумать, растворилось в изумлении перед увиденным. Тайник почти вровень с краями был заполнен тяжелой, металлического вида жидкостью, напоминавшей ртуть, но только совершенно черной. А на поверхности жидкости покоились самые удивительные драгоценные камни, о каких Фафхрд мог только мечтать.

В центре лежал громадный бриллиант, сверкавший множеством граней причудливой формы. Его как бы опоясывали две неправильные окружности; внутренняя была выложена из двенадцати десятигранных рубинов, внешняя — из семнадцати изумрудов, каждый в форме неправильного восьмигранника. Между ними были беспорядочно разбросаны тонкие и хрупкие на вид брусочки хрусталя, янтаря, зеленоватого турмалина и желтой меди. Все они не плавали в металлической жидкости, а скорее лежали на ней, выдавливая своим весом углубления на гладкой поверхности — одни круглые, другие продолговатые. Брусочки слабо мерцали, а камни искрились светом, который Фафхрду почему-то показался похожим на отраженный свет звезд.

Переведя взгляд на тяжелую жидкость, вспучившуюся между драгоценностями, Фафхрд увидел искаженные отражения знакомых звезд и созвездий, которые, если бы не яркое солнце, были бы видны сейчас на небе. Его охватило трепетное изумление, и он снова взглянул на драгоценности. В их замысловатом расположении явно скрывался какой-то важный смысл, какие-то неведомые символы, выражающие ослепительную истину. Более того, казалось, что в них происходит внутреннее движение, что-то вроде неторопливого мыслительного процесса. С виду это напоминало картину, какую видишь, когда ночью закроешь глаза — не абсолютный мрак, а множество разноцветных движущихся точек. Чувствуя, что он совершает святотатство и вторгается в самую сердцевину мыслящего мозга, Фафхрд схватил правой рукой бриллиант величиною с человеческий череп.

Мышелов чуть ли не на ощупь отыскал дверь и вышел из дома.

Теперь никаких сомнений не оставалось. Плотно пригнанные камни дрожали. А кровавая полоса — это или потолок упал на старика и раздавил его, или пол подскочил вверх. Но совсем недалеко стоит девочка, ее широко раскрытые от ужаса глаза прикованы к нему, она хочет что-то крикнуть, но не может. Он должен утащить ее с поляны.

Но почему ему кажется, будто теперь страшная опасность нависла и над ним самим? Будто над его головой что-то угрожающе застыло? Еле двигаясь вниз по широким ступеням, Мышелов оглянулся через плечо наверх. Башня. Башня! Она явно падала. Падала прямо на него через купол. Однако на ней нет ни единой трещины! Она не сломалась! Башня просто наклонялась!

Фафхрд отдернул руку, сжимая необычно ограненный камень, такой тяжелый, что он чуть его не уронил. И сразу поверхность металлической жидкости с отраженными в ней звездами заволновалась. По ней пошла быстрая рябь. Несомненно, теперь уже трясется весь дом. Другие камни засновали по поверхности жидкости, словно жуки-плавунцы в пруду. Брусочки стали вращаться, касаясь концом то одного камня, то другого, словно те были магнитами, а сами бруски — железными стрелками. Теперь вся поверхность

жидкости волновалась и дергалась, напоминая поврежденный мозг, который сошел с ума из-за отсутствия главной управляющей всем доли.

Несколько мучительных мгновений Мышелов оторопело смотрел на похожую на дубинку верхушку башни, которая всей тяжестью надвигалась на него. Затем он нагнулся, бросился к девочке и, схватив ее в охапку, покатился вместе с нею по поляне. И тут, всего в длине меча от них, верхушка башни ухнула о землю с такой силой, что Мышелов с девочкой подлетели вверх. Затем башня выпрямилась, оставив в земле глубокую яму.

Фафхрд наконец оторвал взгляд от тайника с беспорядочно снующими в нем драгоценностями, который притягивал своей невыразимой, но чуждой красотой. Его правая рука горела. Бриллиант был раскаленный. Но нет, оказывается, он был невероятно холодный. А комната стремительно меняла форму — Кос тому свидетель! Потолок начал выпучиваться в сторону пола. Фафхрд бросился к двери, но тут же остановился как вкопанный. Словно каменная пасть, дверь медленно закрылась. Фафхрд повернулся и сделал несколько шагов к низкому окошку по трясущемуся полу. Окошко мгновенно захлопнулось, как будто приведенное в движение мышцей-сжимателем. Фафхрд попытался выбросить бриллиант, но тот словно прилип к ладони, причиняя страшную боль. Резким движением кисти Фафхрд все же скинул его. Он упал на пол и покатился, сверкая, словно ожившая звезда.

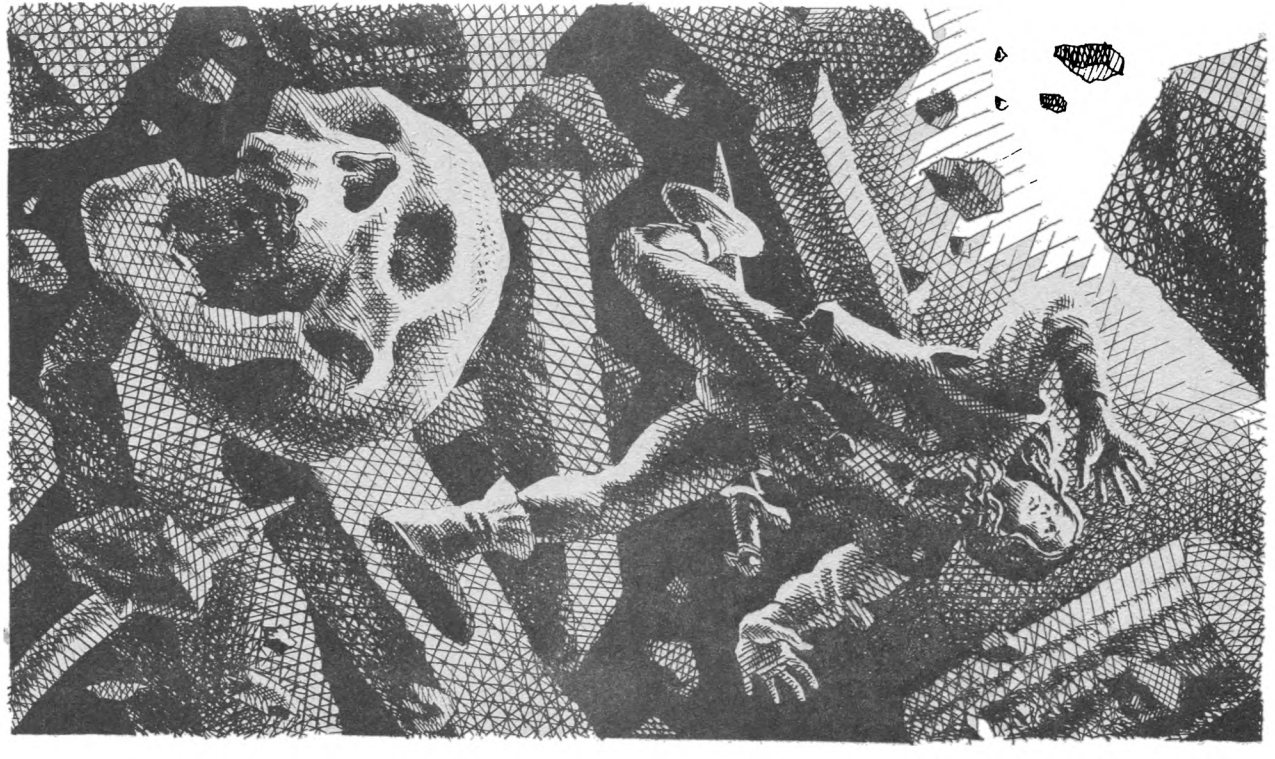
Мышелов с девочкой были уже у края поляны. Башня нанесла еще два сокрушительных удара, но они пришлись уже довольно далеко, словно бил какой-то полоумный слепец. Мышелов и девочка уже были вне ее досягаемости. Лежа на боку, Мышелов наблюдал за домом, который выгибал спину, будто дикий зверь, а башня, нанося удар за ударом, оставляла в земле ямы глубиной с добрую могилу. Вот она врезалась в кучу камней, и ее верхушка обломилась, однако зазубренный конец продолжал в бессмысленной ярости крушить валуны. Мышелов почувствовал непреодолимое желание выхватить кинжал и вонзить его себе в сердце. Человек, увидевший такое, должен умереть.

Фафхрду удавалось не сойти с ума только потому, что каждый миг перед ним вставала новая угроза; к тому же он все время твердил себе: «Я знаю, знаю. Дом — это зверь, а драгоценности — его мозг. Теперь этот мозг сошел с ума. Я это знаю, знаю». Стены, пол и потолок вздымались и оседали, но их движения не были направлены конкретно на Фафхрда. Грохот почти оглушил его. Он качался на каменных волнах, уклонялся от неожиданно появляющихся вздутий, но это не были полновесные удары, им не хватало скорости и точности, с какою башня в первый раз попыталась прибить Мышелова. Труп монаха, словно ожив, нелепо прыгал по комнате.

Казалось, только гигантский бриллиант знает о присутствии Фафхрда. Демонстрируя сообразительность и капризность, он яростно налетал на Северянина, порою поднимаясь до уровня его головы. Сам того не желая, он оставил Фафхрду дверь как последнюю надежду. А та то судорожно распахивалась, то снова захлопывалась. Улучив очередной момент, когда она начала открываться, Фафхрд бросился вперед и протиснулся наружу. Бриллиант не отставал, колотя его по ногам. На пути у Фафхрда оказался труп Раннарша. Он перескочил через него, поскользнулся, пытаясь удержаться на ногах, накренился вбок, но споткнулся и покатился вниз по трясущейся лестнице, на которой плясали высохшие кости. Зверь явно вот-вот умрет, дом обрушится и раздавит его. Бриллиант вновь подпрыгнул, метя Северянину в голову, но промазал и, на всей скорости врезавшись в стену, рассыпался радужной пылью.

И сразу же дом стало колотить все быстрее и быстрее. Пронесшись по разламывающемуся полу, Фафхрд в последний миг выскользнул из смертоносных объятий широкой двери, бросился через поляну — пробежав футов в двенадцати от места, где башня раскрошила кучу валунов, — и перепрыгнул через обе ямы. Лицо его было неподвижным и белым, взгляд остекленел. Словно бык налетел он на одно дерево, потом на другое и, врезавшись в третье, рухнул на землю.

Дом прекратил беспорядочно дергаться и теперь колыхался, как громадный кусок темного желе. Внезапно он как бы поднялся на дыбы, словно бегемот

в смертной агонии. Оба ризолита с куполами, будто две лапы, тяжело опустились на землю в дюжине футов от дома. Башня конвульсивно взметнулась вверх. Главный купол резко скукожился, словно огромное легкое, на миг застыл, и, с грохотом обрушившись вниз, превратился в груду каменных обломков. Вздрогнула земля. Лес отозвался эхом. Поток воздуха хлестнул по ветвям и листьям, и все успокоилось. Только из разломов в камне медленно сочилась смолистая черная жидкость, да тут и там вспыхивали облачка пыли, в которую превратились драгоценные камни.

У южной границы страны Ланкмар по узкой пыльной дороге ехали в сторону деревушки Сорив два всадника. Вид у них был весьма плачевный. На руках и ногах более высокого, сидевшего на гнедом мерине, виднелись кровоподтеки, а бедро и правая ладонь были перевязаны. Низкорослый всадник, ехавший на серой кобыле, тоже был изрядно потрепан.

— Ты знаешь, куда мы направляемся? — нарушил долгое молчание последний. — В город, вот куда. А в городе масса каменных домов, бесчисленное множество каменных башен, каменные мостовые, купола, арки, лестницы. Ха, если я и дальше буду чувствовать себя, как сейчас, то не подойду к стенам Ланкмара и на полет стрелы.

— Да что с тобой, малыш? — улыбнулся его рослый спутник. — Никак, ты стал бояться землетрясений?

3. Дом вора

— Ну для чего мне знать имя черепа? Случая поболтать с ним у меня все равно не будет, — громко заявил толстомясый вор. — Меня интересуют только рубины, которые у него вместо глаз.

— И все же тут написано, что его имя — Омфал, — авторитетно и спокойно отозвался вор с черной бородой.

— Дай-ка я посмотрю, — вмешалась наглая рыжая девица, выглядывая у него из-за плеча.

Она была вынуждена держаться нагло: с незапамятных времен Женщин в Дом Вора не пускали. Все трое принялись вместе разбирать затейливые иероглифы:

«*Предмет*: череп Омфал магистра воровских дел Омфала с глазами из крупных рубинов, а также пара рук, усеянных драгоценными камнями. История предмета: череп Омфал был похищен у Цеха Воров жрецами Вотишаля и укрыт в крипте их проклятого богами храма. *Инструкции*: череп Омфал при первой же возможности должен быть возвращен и с надлежащими почестями помещен в Усыпальницу Воров. *Трудности*: замóк, на который запирается дверь крипты, считается недоступным даже для самого умелого взломщика. *Предупреждение*: по слухам в крипте находится сторожевой зверь невероятной свирепости».

— Эти каракули дьявольски трудно читать, — нахмурилась рыжая девица.

— Ничего удивительного, они написаны несколько столетий назад, — заметил чернобородый.

Толстый вор заявил:

— Никогда не слышал ни о какой Усыпальнице Воров, если, конечно, речь не идет о свалке, печах для сжигания мусора или о Внутреннем море.

— Времена и обычаи меняются, — принялся философствовать чернобородый вор. — Вслед за поклонением идет период более реалистического отношения к жизни.

— Но почему его называют череп Омфал? — выразил недоумение толстяк. — Почему не череп Омфала?

Чернобородый только пожал плечами.

— Где ты раздобыл этот пергамент? — поинтересовалась рыжая.

— У нас в кладовке, в потайном отделении полуразвалившегося сундука, — ответил тот.

— Клянусь богами, которых нет, — продолжая рассматривать пергамент, умехнулся толстяк, — очень уж суеверным был Цех Воров в давние времена. Подумать только — тратить драгоценные камни для украшения какого-то черепа. Вот попадись магистр Омфал нам в руки, уж мы воздадим ему должные почести — вытащим рубиновые глаза и обратим их в денежки!

— Вот-вот, — согласился чернобородый вор. — Об этом-то я и хотел поговорить с тобой, Фиссиф — как нам раздобыть Омфал.

— Да, магистр Кровас, но вы же сами знаете, что тут есть известные трудности, — сразу испугался толстый вор. — Даже сегодня, по прошествии веков, люди содрогаются, когда упоминают о крипте Вотишаля с ее замком и чудовищем. В Цехе Воров никто...

— В Цехе Воров никто, это верно, — перебил чернобородый. — Однако, — тут он заговорил заметно тише, — вне Цеха есть люди, которые могут это сделать. Ты слышал, что в Ланкмар недавно вернулся один жулик и взломщик, известный под прозвищем Серый Мышелов? И с ним высоченный варвар по имени Фафхрд, которого иногда называют также Умерщвитель Чудовищ? Как тебе известно, нам нужно свести с ними обоими кое-какие счеты. Они прикончили нашего чародея Христомило. Эта парочка обычно работает только вдвоем, однако если бы ты попытался обратиться к ним с заманчивым предложением...

— Но магистр, — прервал дородный вор, — в этом случае они запросят самое малое две трети барыша.

— Вот именно! — подтвердил чернобородый с ледяным сарказмом. Рыжая девица поняла, что он имеет в виду, и громко рассмеялась. — Вот именно! Потому-то я и выбрал для этого дела тебя, пройдоху из пройдох.

После описанной выше встречи прошли десять оставшихся дней месяца Змеи, затем первые пятнадцать дней месяца Совы. И пятнадцатый день превратился в ночь. Темной пеленой холодный туман окутал древние камни города Ланкмара, главного города всей ланкмарской земли. Этой ночью туман появился раньше обычного и растекся по лабиринту улочек и переулков. И с каждой минутой он становился все гуще.

На одной из улиц, которая была у́же и безлюднее многих других и называлась Грошовой, из широкого дверного проема большого и неуклюжего каменного здания струился желтый свет факелов. Эта единственная на улице открытая дверь выглядела несколько зловеще, поскольку все остальные двери были плотно заперты, преграждая путь мраку и сырости. Ночью

по Грошовой улице люди старались не ходить, и причины для этого были — дом пользовался дурной славой. Люди говорили, что это притон, где ланкмарские воры строят новые козни, болтают и сводят личные счеты, штаб-квартира, из которой Кровас, по слухам — Великий Магистр Цеха Воров, отдает свои распоряжения — словом, это был дом могущественного ланкмарского Цеха Воров.

Но сейчас по улице торопливо шел человек, то и дело опасливо оглядываясь через плечо. Он был дороден и слегка прихрамывал, словно только что после долгого и трудного пути слез с лошади. В руках он держал потускневшую от времени медную шкатулку, в которую вполне могла поместиться человеческая голова. Остановившись у открытой двери, он сказал пароль — на первый взгляд в пустоту, поскольку длинный коридор перед ним был пуст. Однако голос, раздавшийся откуда-то сверху, проговорил:

— Проходи, Фиссиф. Кровас ждет тебя в своей комнате.

Толстяк ответил:

— Они идут за мной следом — ты знаешь, о ком я говорю.

И голос отозвался:

— Мы готовы их встретить.

Толстяк торопливо пошел по коридору.

Затем, в течение довольно долгого времени все вокруг было тихо, и только густел липкий туман. Но вот в конце улицы раздался условный свист. Он повторился уже ближе к дому, а потом и за открытой дверью.

И вскоре оттуда, где раздался первый свист, послышались приближающиеся шаги. Казалось, что идет только один человек, однако в освещенной дорожке у двери рядом с первым показался мягко ступавший коротышка — невысокого роста человек в серой плотно прилегающей одежде — тунике, куртке, шапочке из мышиных шкурок и плаще.

Его внушительной комплекции спутник был медноволос и внешностью напоминал варвара из далеких Стылых Пустошей. Туника на нем была ярко-коричневая, плащ — зеленый. Он явно был неравнодушен к изделиям из кожи — из нее были сделаны ремешки на его запястьях и голове, сапоги и широкий, туго

затянутый пояс. От тумана кожа намокла, а украшавшие ее медные детали запотели. Когда спутники вошли в прямоугольник света перед дверью, широкий лоб гиганта прорезали морщины, а зеленые глаза озабоченно забегали из стороны в сторону. Положив руку на плечо маленького человечка, он зашептал:

— Не нравится мне все это, Серый Мышелов!

— Ха! Сам знаешь, этот дом всегда так выглядит, — резко отозвался Серый Мышелов, кривя губы в ухмылке и сверкая темными глазами. — Нарочно, чтобы пугать людей. Пошли, Фафхрд! Не позволим же мы этому ублюдку и проходимцу Фиссифу уйти, после того как он надул нас.

— Это все понятно, горностай ты мой сердитый, — ответил варвар, тяня Мышелова назад. — И мысль о том, что Фиссиф может улизнуть, мне крайне неприятна. Но совать голову в ловушку мне нравится еще меньше. Не забудь, они подавали друг другу знаки условным свистом.

— Ха! Они всегда свистят. Им нравится всякая таинственность. Знаю я этих воров, Фафхрд. Прекрасно знаю. И тебе самому уже дважды удавалось сбежать из Дома Вора. Пошли!

— Но весь Дом Вора я не знаю, — продолжал возражать Фафхрд. — Некоторая опасность все же есть.

— Некоторая! Да они сами не знают как следует свой Дом Вора! Это же лабиринт неизведанного, лабиринт забытой истории. Пошли же!

— Подожди... Он пробуждает во мне недобрые воспоминания, связанные с моею утраченной навек Вланой.

— А у меня — с Иврианой! Что ж, поэтому мы должны позволить им одержать верх?

Гигант пожал плечами и шагнул вперед.

— Впрочем, если хорошенько все взвесить, — шепнул Мышелов, — в том, что ты сказал, что-то есть.

С этими словами он вытащил из-за пояса кинжал.

Продемонстрировав белозубую улыбку, Фафхрд медленно вытащил из хорошо смазанных ножен длинный меч с массивным навершием.

— Никудышное оружие, когда приходится драться в помещении, — шепотом по-дружески заметил Мышелов.

Теперь уже осторожно, плотно вжимаясь в стены, друзья приблизились с двух сторон к двери. Держа меч в опущенной руке острием вверх, Фафхрд вошел в дверь, готовый нанести удар в любом направлении. Мышелов был чуть впереди. Краем глаза Фафхрд заметил, как нечто змееподобное падает сверху прямо Мышелову на голову, и мгновенно вскинул меч. Змея на лету качнулась в его сторону и он поймал ее свободной рукой. Это была удавка. Фафхрд резко и сильно рванул, и человек, державший другой конец, вывалился из ниши над дверью. На какой-то миг он словно повис в воздухе: смуглокожий головорез с длинными черными волосами и в засаленной тунике из красной кожи, расшитой золотом. Занеся над ним меч, Фафхрд вдруг увидел, что Мышелов с кинжалом в руке бросился на него самого. У Северянина мелькнула мысль, что его друг спятил. Но рука Мышелова с зажатым в ней кинжалом пролетела на волосок от Фафхрда, и какой-то другой клинок зазвенел у него за спиной.

Оказывается, Мышелов заметил, как в полу за Фафхрдом открылся люк и оттуда выскочил лысый вор с мечом наготове. Отразив направленный в друга удар, Мышелов ногой пнул крышку люка и с удовлетворением увидел, что она прищемила клинок и два пальца левой руки прыгнувшего вниз вора. И клинок, и пальцы сломались, и сдавленный вой из-под пола прозвучал весьма впечатляюще. Насаженный на меч противник Фафхрда был уже мертв.

На улице раздался свист и топот ног.

— Они нас отрезали! — бросил Мышелов. — Теперь только вперед! Доберемся до комнаты Кроваса. Фиссиф должен быть там. За мной!

И он припустил по коридору, потом вверх по лестнице; Фафхрд не отставал. Добравшись до второго этажа, друзья устремились к двери, из которой струился желтоватый свет.

Мышелова озадачило то обстоятельство, что им никто не пытался помешать. Его острый слух не улавливал ни малейших звуков погони. На пороге он так резко остановился, что Фафхрд по инерции налетел на него.

Перед ними была просторная комната с несколькими альковами. Как и во всем здании, пол и стены

в ней были выложены гладким темным камнем без каких бы то ни было украшений. Освещалась она четырьмя глиняными светильниками, расставленными как попало на массивном кипарисовом столе. За столом сидел богато одетый чернобородый человек, который, вцепившись пальцами в край стола, с выражением крайнего изумления на лице смотрел на медную шкатулку и разбросанные вокруг нее какие-то мелкие предметы. Но друзья не успели заметить его странную неподвижность и еще более странный цвет лица, поскольку сразу же уставились на рыжеволосую девицу, стоявшую рядом со столом.

Она отпрыгнула в сторону, как перепуганная кошка, и Фафхрд, указывая на предмет, зажатый у нее под мышкой, воскликнул:

— Смотри, Мышелов, череп! Череп и руки!

А девица и впрямь прижимала к себе коричневатый, очень древний на вид череп, причудливо стянутый золотыми обручами; в его глазницах сверкали рубины, а вместо зубов мерцали бриллианты и черные жемчужины. А в побелевших пальцах девица стискивала две аккуратные связки коричневых костей, искрящихся золотыми и красными брызгами. Когда Фафхрд заговорил, она бросилась к самому широкому алькову; ее стройные ноги на бегу четко вырисовывались под шелком. Фафхрд и Мышелов кинулись за нею и увидели, что она направляется к неширокой низкой двери. Вбежав в альков, девица схватилась свободной рукой за свисавший с потолка шнур и, не останавливаясь, а только слегка присев, дернула за него. И сразу толстая портьера из тяжелого бархата скрыла ее от преследователей. Мышелов и Фафхрд налетели на портьеру и мгновенно в ней запутались. Первым освободился Мышелов, который прополз под складками бархата. Он увидел сужающуюся полоску слабого света, бросился туда и схватился за каменную глыбу, которая медленно вдвигалась в дверной проем, но тут же с проклятием отдернул руку и принялся слизывать кровь с исцарапанных пальцев. С легким скрежетом каменная панель встала на место.

Фафхрд распрямился, все еще держа на плечах тяжелый бархат, словно это был просторный плащ. В свете, который проникал в альков из комнаты, была видна лишь гладкая каменная стена. Мышелов попы-

тался вставить острие кинжала в чуть заметную щель, но быстро отказался от своего намерения.

— Тьфу, дьявол! Знаю я эти двери! Они открываются или с той стороны, или на расстоянии, с помощью специальных рычагов. Словом, она смылась и унесла череп с собой.

Продолжая посасывать пальцы, которые чуть было не оказались раздавленными, Мышелов суеверно подумал: а вдруг сломанные крышкой люка пальцы вора — это дурной знак?

— Мы совсем забыли о Кровасе, — внезапно сказал Фафхрд, приподняв штору и оглянувшись.

Но чернобородый человек не обращал на суматоху ни малейшего внимания. Медленно приблизившись к нему, друзья увидели, что его лицо из смуглого сделалось фиолетовым, а глаза были выпучены не от изумления, а от того, что он был задушен. Приподняв его умащенную, аккуратно расчесанную бороду, Фафхрд увидел у него на горле страшные метины, оставленные, казалось, не пальцами, а скорее когтями. Мышелов тем временем рассматривал разбросанные по столу предметы. Это были преимущественно ювелирные инструменты, их ручки слоновой кости от долгого употребления пожелтели. Между делом он сгреб кое-что из лежавшего на столе.

— Кровас успел вытащить драгоценности из трех пальцев, а также выломать несколько зубов, — заметил он, протягивая Фафхрду ладонь, на которой сверкали три рубина и несколько жемчужин и бриллиантов.

Фафхрд кивнул и, снова приподняв бороду Кровaса, хмуро уставился на отметины, которые уже начали темнеть.

— Интересно, кто эта девица? — заметил Мышелов. — Ворам под страхом смерти запрещено приводить сюда женщин. Но магистр облечен особой властью и, наверное, может рискнуть.

— На этот раз риск оказался слишком велик, — пробормотал Фафхрд.

Наконец Мышелов вспомнил о положении, в котором они оказались. Он рассчитывал выбраться из Дома Вора, взяв Кровaса в плен и пустив в ход кое-какие угрозы. Но брать в плен мертвеца особого смысла не имело. Только они с Фафхрдом начали обсуждать

это, как невдалеке послышались голоса и приближающиеся шаги. Без долгих размышлений друзья спрятались в алькове, предварительно прорезав в шторе щелки для глаз.

Кто-то проговорил:

— Да, этим двоим удалось скрыться, дьявол их раздери! Боковая дверь была открыта.

Первым в комнату вошел толстобрюхий, белолицый и явно напуганный вор. Серый Мышелов и Фафхрд сразу же узнали в нем Фиссифа. Довольно грубо подталкивая его в спину, за ним шел долговязый, безо всякого выражения на лице тип с могучими руками и крупными ладонями. Мышелов знал и его: это был Слевьяс-Молчун, недавно назначенный первым заместителем Кроваса. За ними в комнату вошли еще около дюжины воров и встали у стен. Все они были ветераны, густо покрытые шрамами, оспинами и щеголявшие многими другими увечьями, включая по вытекшему глазу, закрытому черной повязкой у двоих из них. Держались все настороженно и чувствовали себя явно не в своей тарелке, сжимая в руках кинжалы и короткие мечи и пристально глядя на задушенного.

— Значит, Кровас и впрямь мертв, — проговорил Слевьяс, выталкивая Фиссифа на середину комнаты. — По крайней мере в этом ты нас не обманул.

— Мертвее не бывает, — отозвался один из воров, подошедший к столу. — Теперь у нас будет хороший магистр. Хватит с нас чернобородого и его рыжей девки.

— Заткни пасть, крыса, или я вобью зубы тебе в глотку! — ледяным тоном бросил Слевьяс.

— Но ты же теперь наш магистр! — удивленно воскликнул вор.

— Да, теперь я ваш магистр, ваш хозяин, и вот вам мой первый совет: не надо порочить умершего вора — это, если не дерзость, то во всяком случае пустая трата времени. А теперь, Фиссиф, скажи: где украшенный самоцветами череп? Всем нам известно, что он один ценнее всего, что можно накопить за целый год воровства, а Цеху нужно золото. Так что без глупостей!

Осторожно прильнувши к щелке, Мышелов усмехнулся, увидев страх на заплывшем жиром лице Фиссифа.

— Череп, о магистр? — переспросил он похоронным дрожащим голосом. — Как где? Улетел назад в могилу, из которой мы его похитили. Раз уж эти костлявые пальцы сумели задушить Кроваса — а это я видел собственными глазами, — то почему бы черепу не уметь летать?

Слевьяс отвесил Фиссифу увесистую пощечину.

— Лжешь, толстобрюхий трус! Я сейчас расскажу тебе, что произошло. Ты вступил в сговор с этими негодяями Фафхрдом и Серым Мышеловом. Ты решил, что никому и в голову не придет подозревать тебя в чем-то, поскольку ты, согласно указаниям, оставил их с носом. Но на самом деле ты замыслил двойное мошенничество. Ты помог им избежать подстроенной нами ловушки, позволил этим мерзавцам убить Кроваса и обеспечил им бегство, подняв панику своей сказочкой о мертвых пальцах, которые якобы задушили Кроваса. Рано ты решил, что тебе удастся выйти сухим из воды.

— Но магистр, — взмолился Фиссиф, — я своими глазами видел, как эти кости вцепились ему в глотку. Они разозлились на него, потому что он начал отковыривать драгоценные камни, которые были у них вместо ногтей и...

Очередная пощечина превратила его речь в неразборчивый писк.

— Дурацкая выдумка, — ощерился сухопарый вор. — Как могли эти кости держаться вместе?

— Они были связаны медной проволочкой, — кротко пояснил Фиссиф.

— Вот как? И, задушив Кроваса, руки взяли череп и унесли его с собой? — предположил другой вор. Кое-кто захихикал. Взглядом велев всем замолчать, Слевьяс указал большим пальцем на Фиссифа.

— Взять его, — приказал он.

Два вора подскочили к толстяку и заломили ему руки за спину. Тот не сопротивлялся.

— Мы поступим по-честному, — заявил Слевьяс, усаживаясь прямо на стол. — Воровской суд. Все по правилам. На рассмотрение воровского суда присяжных выносится следующее дело. Фиссифу, вору первого

разряда, было поручено обчистить священную гробницу в храме Вотишаля и забрать оттуда один череп и две руки. В связи с возникшими сложностями Фиссифу было приказано объединиться для этой цели с двумя посторонними специалистами, а именно варваром с севера Фафхрдом и печально известным Серым Мышеловом.

Стоя за портьерой, Мышелов изобразил учтивый церемонный поклон и снова прилип глазом к прорези.

— После похищения Фиссиф должен был украсть добычу у этих двоих, и как можно раньше, дабы помешать им сделать то же самое.

Мышелову показалось, что Фафхрд тихо выругался и заскрипел зубами.

— По возможности, Фиссиф должен был также умертвить их, — продолжал Слевьяс. — В любом случае он был обязан доставить добычу непосредственно Кровасу. Таково было задание Фиссифа, как изложил его мне сам Кровас. А теперь расскажи свою версию, Фиссиф, но никаких бабушкиных сказок, имей в виду.

— Братья воры, — угрюмо и сурово начал тот. Слова его были встречены ироническими возгласами. Слевьяс небрежно призвал судей к порядку. — Я в точности следовал данным мне инструкциям, — продолжал Фиссиф. — Я разыскал Фафхрда и Серого Мышелова и заинтересовал их этим замыслом. Добычу мы согласились разделить на три части, по трети на каждого.

Недружелюбно разглядывая Фиссифа через щелку в шторе, Фафхрд торжественно кивнул. Затем Фиссиф сделал несколько не слишком лестных замечаний относительно Фафхрда и Мышелова, видимо надеясь тем самым убедить слушателей, что не вступал с ними в сговор. Воры лишь мрачно ухмылялись.

— И когда дело дошло до похищения добычи из храма, — продолжал Фиссиф, постепенно обретая уверенность от звуков собственного голоса, — оказалось, что я действительно немного нуждаюсь в их помощи.

Фафхрд снова потихоньку чертыхнулся. Ему было невмоготу молча слушать такую возмутительную ложь. Однако Мышелова это даже как-то развлекало.

— Для хвастовства сейчас не время, — перебил Слевьяс. — Тебе прекрасно известно, что для того, чтобы взломать большой тройной замок, потребовалось все умение Мышелова, а без Северянина тебе бы ни в жизнь не справиться с чудовищем.

Фафхрд немного смягчился. Фиссиф снова присмирел и покорно склонил голову. Воры начали медленно приближаться к нему.

— И вот, — чуть ли не в панике закончил он рассказ, — я забрал добычу, когда они спали, и поспешил в Ланкмар. Убить я их не решился из боязни, что пока буду расправляться с одним, второй проснется. Добычу я вручил лично Кровасу, который поблагодарил меня и сразу начал выковыривать камни. Вот медная шкатулка, в которой лежали череп и руки. — Он указал на стол. — А насчет того, что случилось потом... — Он умолк, облизал губы, с испугом огляделся вокруг и проговорил тихо, с отчаянием в голосе: — Все произошло так, как я рассказал.

Недоверчиво ворча, воры сгрудились вокруг Фиссифа, но Слевьяс остановил их, властно постучав по столу. Казалось, он что-то обдумывал.

Тут в комнату ворвался еще один вор, поклонился Слевьясу и задыхаясь проговорил:

— Мулш, дежуривший на крыше напротив боковой двери, только что сообщил, о магистр, что через нее никто не входил и не выходил, хотя она все время была открыта. Двое чужаков должны быть еще здесь!

Если Слевьяс и удивился этой новости, то виду почти не показал. Окинув вестника долгим взлядом, он медленно, как будто движимый инстинктом, повернул бесстрастное лицо в сторону алькова и уставился маленькими глазками на тяжелую штору. Он уже собрался было отдать какой-то приказ, как вдруг штора надулась, словно от сильного порыва ветра. Потом она подлетела почти до потолка, и два человека ринулись в комнату. Меч высокого медноволосого варвара был направлен на Слевьяса.

С гибкостью, которой было трудно ожидать от его крупного тела, Слевьяс, пригнувшись, бросился на пол, и длинный меч глубоко вонзился в стол, у которого только что стоял новоиспеченный магистр. С пола он увидел, как его подчиненные в замешательстве отпрянули назад, а один покачнулся от удара. Фиссиф,

оказавшийся быстрее других, поскольку знал, что его жизнь подвергается двойной опасности, выхватил кинжал из-за пояса и метнул его в Фафхрда. Бросок вышел неудачный — кинжал полетел рукояткой вперед, — но зато точный. Слевьяс видел, как кинжал угодил бросившемуся к двери гиганту прямо в висок и слегка ошеломил его. Слевьяс тут же вскочил на ноги, выхватил меч и крикнул ворам, чтобы они догнали беглецов. Через несколько мгновений комната опустела, и только мертвый Кровас с каким-то издевательским удивлением продолжал смотреть на пустую шкатулку.

Мышелов знал планировку Дома Вора — конечно, хуже, чем свои пять пальцев, но все же неплохо — и теперь бежал впереди Фафхрда по запутанным переходам. Они огибали каменные углы, взбегали вверх или спускались на сколько-то ступенек вниз и вскоре уже не знали толком, на каком этаже находятся. Только сейчас Мышелов обнажил свой тонкий меч Скальпель и пользовался им, чтобы на ходу сшибать свечи и укрепленные на стенах факелы, надеясь тем самым сбить со следа погоню, пересвисты которой резко звучали где-то сзади. Фафхрд дважды споткнулся, но удержал равновесие и не упал.

Два полуодетых ученика воровской школы высунули головы из двери. Шарахнув дверью по их недоуменным физиономиям, Мышелов ринулся вниз по винтовой лестнице. Он хотел попасть к еще одному выходу, который по его расчетам охранялся неважно.

— Если придется разделиться, встретимся в «Серебряном Угре», — бросил он Фафхрду, имея в виду таверну, в которую они частенько захаживали.

Северянин кивнул. Голова у него кружилась уже меньше, хотя еще болела. Однако, находясь уже где-то внизу, он, не разглядев толком низкую арку, в которую нырнул Мышелов, и треснувшись об нее головой, ощутил звон в ушах, такой же сильный, что и после того, как Фиссиф запустил в него кинжалом. В глазах у него все закружилось и потемнело. Он услышал, как Мышелов сказал: «Теперь сюда! Держись левой стороны!», и, собрав все силы, чтобы не потерять сознание, вбежал в узкий коридор, на который указывал его приятель. Фафхрд был в полной уверенности, что тот последует за ним.

Однако Мышелов замешкался чуть дольше, чем следовало. Погоня, правда, была еще далеко, но страж, охранявший этот проход, услышал свист и оторвался от мирной игры в кости. Мышелов увильнул от мастерски брошенной удавки, однако недостаточно проворно. Вместо шеи, петля сильно сдавила ему ухо, щеку и челюсть, и Мышелов упал. В следующий миг Скальпель рассек веревку, но стражник успел тем временем обнажить меч. В течение нескольких страшных секунд Мышелов сражался лежа на полу, отбивая сверкающий клинок почти у самого носа и рискуя при этом заработать косоглазие. Улучив подходящий момент, он все же вскочил на ноги и обрушил на противника ураганную атаку: Скальпель, казалось, троился и четверился у него в руке и в конце концов заставил стража замолчать, вонзившись сбоку ему в горло.

Задержка оказалась непозволительно долгой. Освободившись от петли, которая чуть не задушила его во время схватки, Мышелов увидел, что под аркой уже показались люди Слевьяса. Он резко повернулся и бросился в главный коридор, уводя погоню от Фафхрда. В голове у него один за другим мелькали планы бегства. Послышались радостные крики — приспешники Слевьяса заметили его, а откуда-то спереди их соратники ответили свистом. Мышелов решил, что лучше всего попытаться выбраться на крышу, и свернул в поперечный коридор. Он надеялся, что Фафхрду уже удалось скрыться, хотя состояние друга и внушало известные опасения. Сам же Серый Мышелов ничуть не сомневался, что сумеет уйти от погони даже в десять раз более многочисленной, чем та, что мчалась сейчас по запутанным переходам Дома Вора. Он понесся громадными скачками, едва касаясь мягкими подошвами истоптанного каменного пола.

Фафхрд, уже неизвестно сколько времени двигавшийся в кромешной тьме, наконец остановился, наткнувшись на что-то вроде стола, и попытался сообразить, каким образом он так позорно заблудился. Но голова его пульсировала от боли, эпизоды бегства перепутались и не были связаны друг с другом. Он помнил, как растянулся на какой-то лестнице, как толкнул резную каменную стену и она вдруг бесшумно подалась вперед, отчего он буквально ввалился в об-

разовавшийся проем. В какой-то момент его охватил дикий приступ дурноты, в другой — он явно потерял сознание, потому что теперь в памяти у него всплыло, как он лежит, потом становится на четвереньки и пробирается между какими-то бочонками и тюками с полусгнившей одеждой. Кроме того, он по меньшей мере еще один раз ударился головой, потому что теперь нащупал в своих спутанных потных волосах целых три шишки. Главным ощущением Фафхрда в этот миг была мрачная и стойкая злоба на окружающие его бесконечные камни. Его примитивное воображение уже готово было обвинить их в том, что они сознательно оказывают ему сопротивление и преграждают путь, куда бы он ни повернул. Фафхрд понимал, что почему-то перепутал такие простые указания Мышелова. Какой стороны велел ему держаться человечек в сером? И где он сам? Наверняка попал в какую-нибудь ужасную передрягу.

Не будь воздух таким сухим и горячим, Фафхрд соображал бы много лучше. А так концы с концами не сходились. У него было впечатление, что он почти все время спускался вниз, в какой-то глубокий подвал. Однако тогда здесь должно бы быть холодно и сыро, а было сухо и тепло. Фафхрд провел ладонью по деревянной поверхности, на которой сидел, и почувствовал под пальцами мягкую пыль. Пыль, кромешная тьма и полная тишина вроде указывали на то, что эта часть дома давно не посещается. Фафхрду припомнилась каменная крипта, из которой они с Мышеловом и Фиссифом похитили украшенный драгоценностями череп. Надышавшись поднявшейся пылью, Северянин чихнул и двинулся дальше. Вскоре рука его уткнулась в стену. Фафхрд попытался вспомнить, с какой стороны он подошел к столу, но не смог, и тогда решил идти наугад. Двигался он медленно, нащупывая дорогу то ногой, то рукой.

Эта осторожность и спасла его. Один из камней чуть подался под ступней Фафхрда, и он мгновенно отдернул ее. Послышался скрежет, затем лязг и два глухих удара. Воздух перед ним слегка колыхнулся. Фафхрд подождал немного, потом принялся осторожно шарить перед собой. На уровне плеча его рука наткнулась на полосу ржавого металла. Осторожно проведя вдоль нее ладонью, Северянин обнаружил, что

она начинается из трещины в стене и заканчивается острием в нескольких дюймах от противоположной стенки. Вскоре Фафхрд нащупал немного ниже еще одно также же лезвие. Теперь он догадался, что глухой стук издали противовесы: когда он нажал ногой на камень, они автоматически вытолкнули клинки из трещины. Еще один шаг вперед, и он оказался бы насаженным на мечи. Северянин потянулся за своим мечом и, обнаружив, что в ножнах его нет, взял ножны и обломал ими оба лезвия у самой стены. Затем повернулся и медленно прошел назад к пыльному столу.

Однако, неторопливо двигаясь вдоль стены позади стола, он снова оказался в коридоре с мечами. Фафхрд потряс головой и злобно выругался: зажечь огонь ему было нечем. Что же получается? Выходит, он попал сюда через тот же самый коридор и по чистому везению не наступил на смертоносный камень? Это было единственным разумным объяснением. Ворча, Фафхрд снова стал медленно и осторожно продвигаться по злополучному коридору, касаясь руками сразу обеих стен, чтобы не пропустить поперечный проход. Немного спустя ему пришло в голову, что в комнату со столом он мог ввалиться через какой-нибудь коридор, расположенный выше уровня пола, однако он продолжал упрямо идти вперед, решив вторично не возвращаться.

Вскоре, в очередной раз со всей осторожностью опустив на пол ногу, Фафхрд ощутил под ней пустоту, которая оказалась всего лишь началом ведущей вниз лестницы. Тут Северянин окончательно отказался от попыток вспомнить, как он сюда попал. Пройдя ступенек двадцать, он уловил идущий снизу сухой запах плесени. Еще двадцать ступенек, и у него возникли ассоциации с запахом, стоящим в некоторых древних гробницах, в которых он бывал, странствуя по пустынным Восточным землям. Запах этот казался чуть пряным, но только мертвенно-пряным. Фафхрду вдруг сделалось жарко. Он вытащил из-за пояса длинный кинжал и бесшумно, осторожно двинулся дальше.

На пятьдесят третьей ступеньке лестница закончилась, а стены словно раздвинулись в стороны. По общему ощущению Фафхрд решил, что находится в довольно просторном помещении. Он осторожно прошел немного вперед, ступая по толстому слою пыли.

Внезапно у него над головой послышалось сухое хлопанье крыльев и легкое бренчание. Дважды что-то маленькое и твердое коснулось его щеки. Фафхрд вспомнил о кишащих летучими мышами пещерах, в которых он бывал прежде, но эти слабые звуки чем-то отличались от тех, что издавали летучие мыши. Короткие волосы на его затылке встали дыбом. Он изо всех сил вглядывался во тьму, однако не видел ничего, кроме бессмысленных цветных точек и узоров, какие бывают всегда, когда закроешь глаза.

Опять что-то твердое задело его по лицу, но на сей раз Фафхрд был к этому готов. Он молниеносно вскинул руки — и чуть было не выпустил то, что схватили его пальцы — нечто сухое и почти невесомое, маленький скелетик, хрустнувший у него в руках. Его большой и указательный пальцы сомкнулись на крошечном черепе какого-то зверька.

Почти сразу Фафхрд отверг мысль о том, что в этой большой, напоминавшей гробницу, комнате летают скелеты летучих мышей. Скорее всего, это существо давно скончалось, вися где-то под потолком, а когда он вошел, движением воздуха его сорвало с места. Однако тихого бренчания он больше не слышал.

Зато вскоре он начал различать другие звуки — едва уловимое попискивание, почти неразличимое для человеческого уха. Было ли оно на самом деле или ему только померещилось, Фафхрд не знал, но его вдруг охватила паника, и он сам не заметил как заорал:

— Скажите же что-нибудь! Что вы там все пищите и повизгиваете! Где вы?

Его слова отразились далеким эхом, и теперь он знал уже наверняка, что находится в очень большом помещении. Затем наступила тишина, не было слышно ни единого звука. А ударов через двадцать бешено стучавшего сердца Фафхрда тишина нарушилась, причем весьма неприятным образом.

Где-то впереди тоненький и скучный голосок пропищал:

— Братья мои, это Северянин, длинноволосый и неотесанный варвар из Стылых Пустошей.

Другой голосок откуда-то сбоку ответил:

— В свое время в порту мы часто встречали людей из их племени. Помнится, накачивали их до потери

сознания, а потом высыпали золотой песок у них из кошелей. Мы были тогда великие воры, непревзойденные по ловкости и хитрости.

Третий голосок ответил:

— Смотрите-ка, братья, он потерял свой меч и держит в руке раздавленную летучую мышь.

Фафхрд хотел было крикнуть, что все это чушь и фиглярство, но слова замерли у него на губах, поскольку его вдруг охватило невероятное удивление: откуда эти существа знают, как он выглядит и что у него в руке, ведь вокруг темно, хоть глаз выколи? Он прекрасно знал, что в такой кромешной тьме ничего не видят даже кошки и совы. В сердце его начал вползать ужас.

— Но череп летучей мыши — это не человеческий череп, — продолжал, кажется, первый голосок. — Этот Северянин — один из тех, кто забрал череп нашего брата из храма Вотишаля. Однако сюда он почему-то его не принес.

— Долгие века украшенный драгоценностями череп нашего брата чах в одиночестве в проклятом храме Вотишаля, — подал голос четвертый. — А теперь эти люди там, наверху, похитили его и вовсе не желают возвращать нам. Они предпочитают вырвать его сверкающие глаза и обменять их на грязные монеты. Они все ничтожества, безбожные и алчные воры. Они забыли нас, своих древних братьев, и зло насквозь пропитало их.

Голоса казались мертвыми и страшно далекими, словно их издавала сама пустота. Они звучали бесстрастно, но вместе с тем удивительно печально и даже грозно — не то слабые, безнадежные вздохи, не то чуть слышный леденящий смех. Фафхрд непроизвольно сжал кулаки, и от хрупкого скелетика остались одни мелкие косточки, которые он с отвращением отбросил в сторону. Ему очень хотелось собраться с духом и шагнуть вперед, но он не мог.

— Не дело, чтобы нашего брата постигла столь постыдная участь, — снова раздался первый голосок, в котором чувствовалось едва заметное превосходство. — Слушай, Северянин, что мы тебе скажем, и слушай внимательно.

— Смотрите, братья, — вмешался второй, — Северянин напуган, он утирает губы своей широкой ла-

донью и покусывает костяшки пальцев от неуверенности и страха.

Фафхрд задрожал, услышав столь точное описание своих унизительных действий. В душе зашевелились, казалось, давно забытые страхи. Он вспомнил свои первые мысли о смерти, вспомнил, как еще мальчиком он в первый раз присутствовал на жутком похоронном обряде в Стылых Пустошах и тихо молился вместе с другими Косу и безымянному богу рока. Внезапно ему показалось, что он начинает что-то различать в окружающей его тьме. Конечно, это могло быть просто причудливое сочетание каких-то тусклых огоньков, но он видел на уровне своего лица множество мерцающих точек, которые размещались попарно, на расстоянии примерно в палец одна от другой. Одни были темно-красными, другие зелеными, а кое-какие — светло-голубыми, как сапфиры. Фафхрду живо припомнились рубиновые глаза черепа, похищенного в Вотишале, который, по утверждению Фиссифа, задушил своими костлявыми руками магистра Кроваса. Точки постепенно сближались и как будто очень медленно начали двигаться в его сторону.

— Северянин, — продолжал первый голосок, — знай, что мы — бывшие магистры ланкмарского Цеха Воров, и нам непременно нужен утраченный мозг, то есть череп нашего брата Омфала. Ты должен принести его нам, прежде чем полуночные звезды вновь засверкают на небе. В противном случае ты будешь найден и лишен жизни.

Пары разноцветных огоньков все приближались, и теперь Фафхрду почудилось, что он слышит сухое шарканье ног, ступающих по пыли. Он вспомнил о фиолетовых отметинах на шее Кроваса.

— Ты обязательно должен принести череп, — повторил второй голос.

— Завтра, до полуночи, — вставил третий.

— Все драгоценные камни должны быть на месте, не вздумай утаить хоть один.

— Брат наш Омфал должен вернуться.

— Если ты нас обманешь, — прошептал первый голос, — мы сами придем за черепом — и за тобою тоже.

И тут они словно окружили Фафхрда, выкрикивая: «Омфал! Омфал!» своими гнусными голосами, которые,

однако, не стали ни на йоту громче или ближе. Фафхрд судорожно вытянул вперед руки, и они коснулись чего-то твердого, гладкого и сухого. Словно испуганный конь, Северянин встрепенулся, со всех ног бросился назад, больно ударился ногой о первую ступеньку и понесся вверх огромными скачками, спотыкаясь и обдирая локти о шершавые стены.

Толстый вор Фиссиф безутешно бродил по большому низкому подвалу, слабо освещенному и заваленному пустыми бочонками, ворохами истрепанной одежды и прочей дрянью. Он жевал орех, слегка дурманящий сок которого окрасил его губы в голубой цвет и стекал по дряблому подбородку; через равные промежутки времени Фиссиф тяжело вздыхал от жалости к самому себе. Он понимал, что его перспективы в Цехе Воров весьма и весьма сомнительны — даже несмотря на то, что Слевьяс даровал ему отсрочку в исполнении приговора. Вспомнив тусклый взгляд глаз Слевьяса, он вздрогнул. Ему было тошно в одиночестве сидеть в подвале, но это все же лучше, чем выдерживать презрительные и грозные взоры братьев-воров.

Шарканье ног по каменному полу заставило его проглотить очередной унылый вздох, вместе с ним жвачку и спрятаться за стол. Из мрака показалось потрясающее видение. Фиссиф сразу узнал в видении Северянина, Фафхрда — но в каком же плачевном виде он был! Лицо бледное и перепачканное, одежда и волосы растерзаны и покрыты слоем сероватой пыли. Двигался он, как сбитый с толку или глубоко погруженный в мысли человек. Сообразив, что ему представилась редкая возможность, Фиссиф схватил лежавший неподалеку увесистый груз для оттяжки гобеленов и стал подкрадываться к задумавшемуся Фафхрду.

А тот уже почти убедил себя в том, что странные голоса, от которых он убежал — лишь плод его воображения, растревоженного жаром и головной болью. В конце концов, рассуждал он, после удара по голове человек часто видит разноцветные круги и слышит звон в ушах; должно быть, он совсем одурел, раз с такой легкостью заблудился в потемках — ведь обратную дорогу он нашел безо всяких усилий. Теперь

нужно собраться как следует, чтобы вырваться из этого заплесневелого притона. Хватит мечтать. Дом полон воров, которые его ищут, и он может натолкнуться на одного из них за любым поворотом.

Едва Фафхрд, тряхнув головой, начал бдительно осматриваться по сторонам, как на его прочный череп обрушился четвертый удар за эту ночь. Он оказался посильнее предыдущих.

На сообщение, что Фафхрд схвачен, Слевьяс отреагировал не совсем так, как ожидал Фиссиф. Он не расплылся в улыбке и даже не поднял голову от блюда с холодным мясом, стоявшего перед ним. Он просто сделал еще глоточек бледно-желтого вина и продолжал есть.

— Что с черепом? — осведомился он, проглотив один кусок и принимаясь за следующий.

Фиссиф объяснил, что по его мнению Северянин либо спрятал его, либо потерял где-то внизу, в подвалах. Тщательные поиски прояснят этот вопрос.

— А может, его унес Серый Мышелов... — добавил он.

— Ты убил Северянина? — помолчав, поинтересовался Слевьяс.

— Не совсем, — гордо ответил Фиссиф. — Но я хорошенько встряхнул ему мозги.

Фиссиф ожидал благодарности, или хотя бы дружелюбного кивка, однако вместо этого был вознагражден холодным оценивающим взглядом, смысл которого понять было непросто. Слевьяс тщательно прожевал большой кусок мяса, проглотил его и неторопливо запил вином. Все это время он пристально смотрел на Фиссифа.

Наконец он сказал:

— Если бы ты его убил, тебя сию же секунду подвергли бы пытке. Запомни, толстопузый: я тебе не верю. Слишком многое указывает на то, что ты их сообщник. Если бы ты был с ними в сговоре, то мог бы убить Фафхрда, чтобы твое предательство осталось в тайне. Кто знает, быть может, ты и попытался убить его. К счастью для тебя его череп оказался слишком прочным.

Бесстрастный тон, которым все это было сказано, отбил у Фиссифа охоту возражать. Слевьяс допил

вино, откинулся на спинку кресла и сделал знак подмастерьям убрать со стола.

— Северянин уже оклемался? — коротко спросил он.

Фиссиф кивнул и добавил:

— Похоже, его лихорадит. Пытается вырваться и все время бормочет. Что-то вроде: «Завтра в полночь». Он повторил это трижды. Остальное он говорил на каком-то непонятном языке.

В комнату вошел сухопарый вор с ушами, как у крысы.

— Магистр, — раболепно поклонившись, объявил он, — мы отыскали Серого Мышелова. Он сидит в таверне «Серебряный Угорь». За ним наблюдают несколько человек. Схватить его или лучше убить?

— Череп у него с собой? Или, скажем, подходящая по размерам коробка?

— Нет, магистр, — скорбно ответил вор, склоняясь еще ниже.

Несколько мгновений Слевьяс сидел, погруженный в раздумья, потом велел подмастерью принести пергамент и чернильную жидкость каракатицы. Написав несколько строк, он коротко осведомился у Фиссифа:

— Какие слова бормотал Северянин?

— «Завтра в полночь», магистр, — ответил Фиссиф, тоже не без раболепия.

— Годится, — сказал Слевьяс, тонко улыбнувшись с понятной одному ему иронией. Его перо снова забегало по жесткому пергаменту.

Прислонившись спиной к стене, Серый Мышелов сидел в «Серебряном Угре» за столом, залитым вином и покрытым разводами от донышек кружек, и нервно катал между пальцами один из рубинов, взятых им у мертвого Кроваса. В его небольшом кубке с вином, приправленным горькими травами, оставалась еще добрая половина. Мышелов то беспокойно осматривал полупустую комнату, то бросал взгляд на прорезанные высоко в стене четыре маленьких оконца, через которые внутрь тянуло холодным туманом. Несколько мгновений он пристально рассматривал толстого хозяина таверны в кожаном фартуке, уныло похрапывающего на табурете подле нескольких ступенек, ведших на улицу. Потом послушал вполуха бессвязное сонное бормотание двух солдат, сидевших у противо-

положной стены: вцепившись в объемистые кружки и чуть не упираясь друг в друга лбами, они в приступе хмельной откровенности толковали о разных древних военных хитростях и знаменитых походах.

Куда подевался Фафхрд? Верзила не должен был так опаздывать, да и с приходом Мышелова в «Серебряный Угорь» свечи сгорели уже на полдюйма. Мышелов уже не веселился, припоминая наиболее опасные эпизоды своего бегства из Дома Вора — как он ринулся вверх по лестнице, как прыгал с крыши на крышу, как выиграл короткую схватку среди дымовых труб. Боги передряг! Неужто ему придется снова отправляться в этот притон, где теперь полно ножей и открытых глаз, чтобы выручать своего товарища? Он прищелкнул пальцами, и зажатый между ними камень, высоко взлетев к прокопченному потолку, описал красную дугу, а Мышелов, словно ящерица муху, схватил его другой рукой. После этого он снова подозрительно уставился на расплывшуюся тушу трактирщика, спавшего с открытым ртом.

И тут краем глаза Мышелов увидел, что из туманного окошка к нему стремительно летит маленький стальной посланец. Он инстинктивно отскочил, но в этом не было нужды. Кинжал вонзился в стол в локте от Мышелова с другой стороны. Несколько долгих мгновений Мышелов стоял, готовый отпрыгнуть снова. Глухой стук воткнувшегося в стол кинжала не разбудил трактирщика и не потревожил солдат, один из которых тоже уже храпел. Протянув левую руку к кинжалу, Мышелов вытащил его из стола. Продолжая поглядывать на окна, он снял насаженную на клинок пергаментную трубочку и в несколько приемов прочитал корявые ланкмарские иероглифы. Послание гласило:

«Если завтра до полуночи ты не принесешь украшенный драгоценностями череп в комнату, которая принадлежала Кровасу, а теперь принадлежит Слевьясу, мы начнем убивать Северянина».

И снова ночной туман вполз в Ланкмар. Все звуки стали приглушенными, вокруг горящих факелов появились дымные ореолы. Хотя полночь приближалась, город еще не спал: по улицам спешили домой лавоч-

ники и ремесленники, пьяницы радовались первому кубку, только что сошедшие на берег матросы строили глазки барышням у прилавков.

На улице, параллельной той, на которой стоял Дом Вора, и носившей название улицы Торговцев Шелком, толпа понемногу редела. Купцы уже закрывали свои лавки. Время от времени они обменивались шумными приветствиями, достойными деловых соперников, и задавали друг другу заковыристые вопросы относительно состояния дел. Некоторые с любопытством поглядывали на узкое каменное здание, над которым темной махиной нависал Дом Вора и из удлиненных верхних окон которого лился теплый свет. В этом доме жила со своею челядью и наемной охраной некая Ивлис, красивая рыжеволосая девица, иногда танцевавшая для сюзерена и пользующаяся всеобщим уважением, но вовсе не поэтому, а потому, что в городе поговаривали, будто она — любовница магистра Цеха Воров, которому торговцы шелком платили положенную дань. Однако в этот день пронесся слух, что прежний магистр умер, и его место уже занял другой. Вот торговцы шелком и предполагали: не вышла ли Ивлис из фавора и не заперлась ли от страха у себя дома.

На улице появилась крошечная старушонка и медленно заковыляла от дома к дому, ощупывая кривой клюкой выбоины между склизкими булыжниками. Поскольку одета она была в черный плащ с капюшоном и почти сливалась с темным туманом, один из купцов чуть было не налетел на нее в потемках. Он помог ей обойти зловонную лужу и сочувственно заулыбался, когда она дрожащим голосом принялась сетовать на состояние улиц и на многочисленные опасности, подстерегающие старую женщину. Распрощавшись с купцом, она двинулась дальше, глуповато приговаривая: «Ну, пошли дальше, осталось уже немного, совсем немного. Но осторожно. Хрупки старые косточки, ой хрупки!»

Какой-то неотесанный подмастерье красильщика, проходя мимо, грубо толкнул старушку и, даже не взглянув, упала она или нет, пошел дальше. Но не успел он сделать и двух шагов, как получил прицельный и увесистый пинок пониже спины. Подмастерье неуклюже обернулся, но увидел лишь сгорбленную фи-

гурку, которая семенила прочь, неуверенно постукивая палочкой по мостовой. С выпученными глазами и отвисшей челюстью подмастерье попятился, в замешательстве и не без суеверного изумления скребя в затылке. Позже, этим же вечером, он отдал половину жалованья своей престарелой матушке.

А старушка, остановившись у дома Ивлис, несколько раз глянула на освещенные окна, словно пребывая в сомнении и не доверяя слабому зрению, затем с трудом вскарабкалась по ступенькам к двери и тихонько поскреблась в нее клюкой. Подождав немного, она постучалась снова и крикнула капризным фальцетом:

— Впустите меня! Впустите же! Я принесла весть от богов обитательнице этого дома. Эй, вы там, впустите меня!

В конце концов в двери отворилось окошечко, и грубый низкий голос отозвался:

— Ступай своей дорогой, старая ведьма. Сегодня сюда не пускают.

Но старушка, не обращая на эти слова никакого внимания, упрямо твердила:

— Впустите меня, слышите? Я предсказываю будущее. На улице холодно, моя старая глотка вконец простыла от этого тумана. Впустите меня. Сегодня в полдень ко мне прилетела летучая мышь и поведала о том, что ждет обитательницу этого дома. Мои старые глаза видят тени еще не свершившегося. Впустите меня, слышите?

В окне над дверью показалась стройная женская фигурка и через несколько мгновений исчезла.

Перебранка между старушкой и стражником продолжалась. Внезапно с верхней площадки лестницы раздался мягкий хрипловатый голос:

— Можешь впустить вещунью в дом. Она ведь одна, да? Я поговорю с ней.

Дверь отворилась, хотя и не слишком широко, и фигурка в черном плаще проковыляла внутрь. Дверь была немедленно закрыта и заперта на засов.

Серый Мышелов оглядел стоявших в полумраке передней трех телохранителей — дюжих лбов, каждый из которых был вооружен двумя короткими мечами. Они явно не принадлежали к Цеху Воров и чувствовали себя не в своей тарелке. Держась за левый бок

и не забывая изображать астматическое дыхание с присвистом, Мышелов с глупой косой ухмылкой поблагодарил стража, открывшего ему дверь.

Тот с плохо скрываемым отвращением отошел. Мышелов и впрямь представлял собою премерзкое зрелище: лицо его было покрыто удачно подобранной смесью жира с пеплом, усеяно чудовищными восковыми бородавками, а из-под капюшона свисали серые космы волос с напяленного на макушку высушенного скальпа настоящей ведьмы — так, по крайней мере, утверждал Лаавьян, торговец париками.

Мышелов начал медленно подниматься по лестнице, тяжело опираясь на клюку и через каждые несколько ступенек останавливаясь, чтобы перевести дух. Ему было нелегко двигаться таким черепашьим шагом — ведь полночь приближалась. Но три его попытки проникнуть в этот хорошо охраняемый дом уже провалились, и он знал, что любой, даже самый незначительный промах может его выдать. Не успел он добраться до середины лестницы, как снова послышался хрипловатый голос, отдавший какое-то распоряжение, и к Мышелову, неслышно ступая босыми ногами, сбежала темноволосая служанка в черной шелковой тунике.

— Ты очень добра к старухе, — просипел он, похлопывая по гладкой ручке, подхватившей его под локоть.

Вдвоем дело пошло немного быстрее. Мысли Мышелова сосредоточились на украшенном драгоценностями черепе. Он буквально маячил у него перед глазами: светло-коричневый овал в полумраке лестницы. Череп был ключом к Дому Вора и спасению Фафхрда. Маловероятно, что Слевьяс отпустит Северянина, получив череп. Но добыв его, Мышелов сможет поторговаться. А без черепа ему придется брать штурмом логово Слевьяса, где каждый вор уже ждет — не дождется его. Прошлой ночью обстоятельства и удача оказались на его стороне. Но вряд ли это повторится. Размышляя таким образом, Мышелов не забывал ворчать и сетовать на высоту лестницы и негнущиеся старые ноги.

Служанка ввела его в комнату, устланную толстыми коврами и увешанную шелковыми гобеленами. С потолка на толстых бронзовых цепях свисала незажженная большая медная лампа, покрытая затейливы-

ми узорами. Комната была наполнена мягким светом и нежным ароматом — это горели бледно-зеленые свечи на низких столиках, расставленные среди склянок с духами, пузатых баночек с благовонными притираниями и тому подобным.

Посреди комнаты стояла рыжеволосая девица, унесшая череп из Дома Вора. На ней было белое шелковое платье, в ярко-рыжих волосах, собранных в высокую прическу, торчали булавки с золотыми головками. Рассмотрев как следует ее лицо, Мышелов обратил внимание на жесткое выражение желто-зеленых глаз и плотно сжатые челюсти, как-то не сочетавшиеся с мягкими полными губами и кремовой кожей. В позе девицы угадывалась напряженность.

— Ты предсказываешь будущее, ведьма? — вопрос прозвучал почти как приказ.

— По руке и волосам, — ответил Мышелов, придав своему фальцету жутковатое звучание. — По ладони, сердцу и глазам. — Он проковылял поближе. — Да-да, крошечные существа разговаривают со мною и рассказывают всякие секреты.

С этими словами он внезапно выхватил из-под плаща маленького черного котенка и сунул его под нос девице. Та от неожиданности попятилась и вскрикнула, однако этот маневр еще прочнее утвердил ее в уверенности, что перед нею самая настоящая колдунья.

Ивлис отпустила служанку, и Мышелов поспешил воспользоваться созданным впечатлением, пока у девицы не прошел страх. Он заговорил о судьбе и роке, о знаках и предзнаменованиях, о деньгах, любви и путешествиях по воде. Он играл на суевериях, которые, как ему было известно, бытуют в среде ланкмарских танцовщиц. На девицу сильно подействовали его слова о «темном чернобородом человеке, который недавно умер или находится на пороге смерти», хотя имени Кроваса он не упоминал, опасаясь вызвать подозрение. Перед Ивлис сплеталась хитроумная паутина из фактов, догадок и впечатляющих общих мест.

Девица вся предалась болезненному очарованию, которым веяло от запретного будущего, она наклонилась к Мышелову, сплела тонкие пальцы и прикусила нижнюю губу, дыхание участилось. Ее торопливые вопросы касались в основном «жестокого, бесстрастного,

рослого мужчины», в котором Мышелов узнал Слевьяса, а также того, следует ли ей уехать из Ланкмара.

Мышелов продолжал безостановочно говорить, делая время от времени паузы лишь затем, чтобы для пущего правдоподобия откашляться, перевести дыхание или фыркнуть. Временами ему казалось, что он и в самом деле колдун и его пророчества — грязная, нечестивая правда.

Однако на первом плане были все же мысли о черепе и Фафхрде — Мышелов не забывал, что полночь приближается. Он успел узнать об Ивлис многое и в первую очередь то, что она ненавидит Слевьяса даже сильнее, чем боится. Однако заполучить самые нужные сведения никак не удавалось.

И тут Мышелов заметил нечто, придавшее ему новые силы. За спиной у Ивлис, в просвете между шелковыми драпировками виднелся кусок стены, и Мышелов обратил внимание, что один из камней облицовки вроде немного сдвинут с места. Внезапно его осенило: по размеру, форме и отделке этот камень — точное подобие другого, находящегося в комнате Кроваса. Стало быть, здесь, радостно подумал Мышелов, и заканчивается потайной ход, которым сбежала Ивлис. Он решил, что воспользуется им, чтобы проникнуть в Дом Вора — хоть с черепом, хоть без оного.

Не желая тратить больше времени, Мышелов решил ускорить события. Оборвав речь на полуслове, он прищемил котенку хвост, чтобы тот мяукнул, затем несколько раз повел носом, сделал ужасное лицо и заявил:

— Кости! Чую кости мертвеца!

Ивлис затаила дыхание и быстро взглянула на большую незажженную лампу, свисавшую с потолка. Мышелов понял, что его трюк удался.

Однако то ли он чем-то выдал свое удовлетворение, то ли Ивлис сама догадалась, что невольно попалась в ловушку: она пристально посмотрела на него, ее суеверного возбуждения как не бывало, а глаза снова сделались жесткими.

— Ты — мужчина! — внезапно бросила она. — Тебя подослал Слевьяс!

С этими словами Ивлис выдернула из волос длинную булавку и, метя ею в глаз Мышелову, бросилась на него. Он левой рукой схватил ее за кисть, а

правой зажал рот. Схватка оказалась краткой и практически бесшумной, благодаря толстому ковру, по которому катались соперники. Тщательно связав девицу длинными лоскутами шелковых драпировок и вставив ей в рот кляп, Мышелов притворил дверь на лестницу и открыл каменную панель, за которой, как он и ожидал, оказался узкий проход. Ивлис в неописуемой злобе сверкала глазами, тщетно пытаясь освободиться. Но пускаться в объяснения Мышелову было некогда. Подоткнув свои нелепые одежды, он подпрыгнул и схватился за верхний край лампы. Цепи выдержали. Мышелов подтянулся и заглянул внутрь лампы. В ней лежали светло-коричневый, усеянный самоцветами череп и косточки с драгоценными камнями на концах.

Верхняя чаша хрустальных водяных часов была уже почти пуста. Фафхрд флегматично наблюдал за сверкающими каплями, которые, наливаясь, падали в нижнюю чашу. Он сидел на полу спиной к стене. Его ноги были обмотаны веревкой от колен до щиколоток, руки связаны за спиной с такой же излишней тщательностью, так что все тело у него онемело. С обеих сторон Северянина сторожили сидевшие на корточках вооруженные воры.

Когда верхняя чаша часов опустеет, наступит полночь.

Время от времени он бросал взгляд на темные, смутно различимые лица, окружавшие стол, на котором стояли часы и были разбросаны замысловатые инструменты для пыток. Это были лица аристократов Цеха Воров, людей с лукавыми глазами и впалыми щеками, которые соперничали друг с другом в богатстве и замусоленности своих нарядов. Мерцающий свет факелов выхватывал из темноты грязновато-красные и лиловые пятна, потускневшее серебро и позолоту. Однако за этими бесстрастными масками Фафхрд ощущал неуверенность. Только Слевьяс, сидевший в кресле покойного Кроваса, казался действительно спокойным и владеющим собой. Небрежным тоном он расспрашивал какого-то мелкого воришку, униженно стоявшего перед ним на коленях.

— Неужто ты и в самом деле такой трус, каким пытаешься казаться? — осведомился он. — Ты хочешь, чтобы мы поверили, что ты испугался пустого подвала?

— Магистр, я не трус, — с мольбой в голосе ответил вор. — Я прошел по следам, которые оставил в пыли Северянин, по узкому коридору и спустился по старой, давно забытой лестнице. Но никто не может слышать без ужаса эти странные, тонкие голоса, этот перестук костей. У меня перехватило дыхание от сухого воздуха, порыв ветра загасил мой факел. Они начали хихикать мне в лицо. Магистр, я скорее попытаюсь украсть драгоценный камень, бдительно охраняемый коброй, если ты прикажешь. Но снова спускаться в эту тьму я не в силах.

Фафхрд увидел, как сжались губы Слевьяса, и уже готов был услышать приговор, вынесенный несчастному воришке, но тут зашумела сидевшая вокруг стола знать.

— Быть может, в этом что-то и есть, — проговорил один. — В конце концов, кто знает, что может быть в этих подвалах, которые случайно обнаружил Северянин?

— До прошлой ночи мы и не ведали об их существовании, — поддержал другой. — В девственной вековой пыли могут таиться странные вещи.

— Прошлой ночью, — добавил третий, — мы лишь посмеялись над рассказом Фиссифа. Однако на шее у Кроваса были следы не то когтей, не то костей.

Казалось, из подвала далеко внизу поднимаются миазмы ужаса. Голоса аристократов звучали угрюмо. Рядовые воры, стоявшие у стен с факелами и оружием, были явно охвачены суеверным страхом. И опять Слевьяс заколебался, хотя в отличие от остальных он казался скорее смущенным, чем испуганным. В наступившем молчании гулко звенели падающие капли. Фафхрд решил половить немного рыбку в мутной воде.

— Я могу поведать вам о том, что обнаружил в подвале, — низким голосом проговорил он. — Но сначала скажите: где вы хороните своих покойников?

Сидевшие в комнате уставились на него оценивающими взглядами. Это были первые слова варвара после того, как он пришел в чувство. Его вопрос остался без ответа, но говорить ему разрешили. Даже

Слевьяс, который, вертя в руках тиски для расплющивания больших пальцев, нахмурился при словах Фафхрда, не возражал. А послушать Фафхрда стоило. Речь его звучала глухо, напоминая о севере и Стылых Пустошах, со свойственными скальдам драматическими акцентами. Он подробно рассказал о том, как побывал в глубоких темных подвалах. Конечно, он кое-что приукрасил для пущего эффекта, отчего все приключение приобрело оттенок мрачной эпопеи. Рядовые воры, непривычные к такой манере изложения, смотрели на него открыв рот. Люди вокруг стола сидели совершенно неподвижно. Чтобы выиграть время, Фафхрд старался рассказывать как можно дольше.

Во время пауз стука капель в водяных часах уже не было слышно. Но зато чуткий слух Фафхрда уловил скрежет, словно терся камень о камень. Его слушатели, похоже, этого не заметили, но Фафхрд понял, что это открывается каменная панель в алькове, все еще закрытом черными шторами.

Его рассказ как раз достиг апогея.

— Там, в этих забытых подвалах, — тоном ниже зазвучал его голос, — обитают живые скелеты древних ланкмарских воров. Давным-давно лежат они там, источая ненависть за то, что вы о них забыли. Украшенный драгоценностями череп принадлежал их брату Омфалу. Разве Кровас не говорил вам, что план его похищения был передан из туманного прошлого? Омфал должен был вернуться к своим братьям. Вместо этого Кровас осквернил его, выломав несколько драгоценных камней. Из-за этого оскорбления кости, которые когда-то были руками, приобрели сверхъестественную силу и умертвили его. Где сейчас череп, мне неизвестно. Но если он еще не возвращен на место, те, что внизу, явятся за ним этой же ночью. И тогда уж пощады не ждите.

И тут слова застряли у Фафхрда в горле. Его решающий довод, который по мысли Фафхрда должен был привести его к освобождению, так и остался невысказанным. Дело в том, что перед черной шторой алькова прямо в воздухе повис череп Омфала, сверкая своими самоцветными глазами, причем свет в них был явно не только отраженный. Воры проследили за взглядом Фафхрда, и тишину прорезал сип втягива-

емого в легкие воздуха — это был вздох страха, страха столь всеобъемлющего и цепенящего, что паника стихла, так и не успев разразиться. Он был сродни страху, который они испытывали к своему магистру, только усиленный во много раз.

И затем из черепа раздался высокий жалобный голос:

— Не двигайтесь, о нынешние малодушные воры! Трепещите и молчите! С вами говорит ваш древний магистр. Смотрите на меня, перед вами Омфал!

Эффект получился поразительный. Большинство воров съежились, скрипя зубами и сжимая пальцы в кулаки, чтобы унять дрожь. Однако на лбу у Фафхрда от облегчения выступил пот: он узнал Мышелова. Жирное лицо Фиссифа выражало оторопь вперемешку со страхом.

— Прежде всего, — продолжал голос из черепа, — в назидание вам я задушу Северянина. Разрежьте ему путы и подведите ко мне. И поскорее, а не то я и мои братья убьем вас всех!

Дрожащими руками стражи Фафхрда перерезали веревки у него на руках и ногах. Он напряг свои могучие мышцы, чтобы побыстрее разогнать кровь по онемевшим членам. Стражи подняли его на ноги и толкнули в сторону черепа, так что Северянин чуть не упал.

Внезапно черная штора заколыхалась: за ней началась какая-то возня. Раздался пронзительный, почти звериный крик ярости. Соскользнув с черного бархата, череп Омфала покатился по комнате; воры с визгом отскакивали у него с пути, словно боялись, что он станет цапать их за лодыжки отравленными зубами. Из отверстия в самом низу черепа вылетела свеча и погасла. Штора сдвинулась к стене, и в комнату вкатились две сцепившиеся фигуры. На какой-то миг Фафхрду показалось, что он сходит с ума, когда он увидел столь неожиданное зрелище: схватку между старой ведьмой в черной юбке, подоткнутой так, что были видны крепкие ляжки, и рыжеволосой девицей с кинжалом в руке. Но тут капюшон и парик слетели у ведьмы с головы, и Фафхрд под слоем жира и золы узнал лицо Мышелова. Мимо Северянина пронесся Фиссиф, сжимая в руке кинжал. Но Фафхрд наконец пришел в себя и, схватив его за плечо, швырнул о

стену, после чего выхватил меч из вялых пальцев ближайшего вора и пошатываясь ринулся вперед, преодолевая боль в онемевших мускулах.

Между тем Ивлис, обнаружив, что она находится среди воров, внезапно оставила попытки продырявить Мышелова. Фафхрд и Мышелов бросились к спасительному алькову, но их чуть не сбили с ног выскочившие из прохода телохранители Ивлис, подоспевшие хозяйке на помощь. Они первым делом налетели на Фафхрда с Мышеловом, поскольку те находились ближе остальных, и погнали их через всю комнату, попутно колотя воров своими короткими мечами.

Это вторжение еще сильнее озадачило воров, однако позволило им чуть-чуть опомниться от сверхъестественного страха. Слевьяс, уловив суть происходящего, велел кучке соратников преградить доступ в альков и принялся поднимать в них боевой дух, тузя плашмя своим мечом. Начался всеобщий хаос и столпотворение. Звенели и скрежетали мечи. Сверкали кинжалы. Головы гудели, обливаясь кровью. Многие пользовались факелами в качестве дубинок, те падали на пол, и уже поверженные бойцы вскрикивали от ожогов. В суматохе порой вор схватывался с вором, сидевшие за столом аристократы сформировали отряд самообороны. Слевьяс собрал небольшую штурмовую группу и бросил ее на Фафхрда. Мышелов поставил Слевьясу подножку, но тот, крутанувшсь на коленях, ткнул мечом в его черный плащ, чуть было не пронзив своего невысокого соперника. Фафхрд вполне удачно отбивался стулом, потом опрокинул на бок стол и разбил при этом водяные часы.

Постепенно Слевьясу удалось хоть как-то организовать своих приспешников. Он понимал, что в этой сумятице они теряют преимущество, поэтому собрал их вместе и разделил на две группы, одну из которых поставил в алькове, наконец-то окончательно лишившемся штор, а другую к двери. Фафхрд и Мышелов скрючились за перевернутым столом в противоположном углу комнаты, пользуясь его толстой столешницей как щитом. Мышелов несколько удивился, когда увидел, что рядом с ним сидит на корточках Ивлис.

— Я видела, как ты пытался убить Слевьяса, — угрюмо шепнула она. — В любом случае нам следует действовать заодно.

Рядом с Ивлис находился один из ее телохранителей. Два другие лежали мертвые или без сознания где-то среди дюжины распростертых воров и упавших факелов, своим жутковатым мерцанием освещавших снизу всю сцену. Раненые воры стонали и отползали в коридор; кое-кого туда оттаскивали их товарищи. Слевьяс крикнул, чтобы принесли еще факелов и сети.

— Придется прорываться, — шепнул Фафхрд сквозь стиснутые зубы, с помощью которых он затягивал повязку на глубокой ране, зиявшей на его руке. Внезапно он поднял голову и принюхался. Несмотря на всеобщее замешательство и слабый сладковатый аромат крови, он учуял запах, от которого его тело покрылось мурашками, — запах чуждый и вместе с тем знакомый; слабый, горячий, сухой и пыльный запах. На мгновение воры умолкли, и Фафхрду почудилось, что он слышит далекие шаги, стук костлявых ног.

И вдруг какой-то вор воскликнул:

— Магистр! Магистр! Череп движется! Он щелкает зубами!

Послышался топот расступившихся людей, затем проклятие Слевьяса. Выглянув из-за столешницы, Мышелов увидел, как Слевьяс пнул сверкающий самоцветами череп к середине комнаты.

— Идиоты! — закричал он своим съежившимся от ужаса приспешникам. — Вы что, все еще верите в это вранье, в эти бабушкины сказки? Неужто вы думаете, что кости умеют ходить? Ваш хозяин я и никто другой! И пусть все мертвые воры будут прокляты навечно!

С этими словами он со свистом выхватил из ножен меч. Череп Омфала разлетелся, как яичная скорлупа. Воры взвыли от ужаса. В комнате стало темнее, словно она наполнилась пылью.

— За мной! — заорал Слевьяс. — Смерть чужакам!

Но воры снова попятились и стали похожи в полумраке на смутные тени. Фафхрд, чувствуя, что нельзя упускать такой случай и стараясь совладать с собственным страхом, бросился на Слевьяса. Он надеялся прикончить соперника с третьего удара. Сперва боковым отбить меч Слевьяса, затем ложный выпад в сторону и наконец наотмашь в голову.

Но Слевьяс оказался слишком умелым фехтовальщиком, чтобы с ним можно было так просто справиться. Отразив третий удар Фафхрда, так что меч Северянина пронесся у него над головой, он сам сделал внезапный выпад, целясь сопернику в горло. Этот выпад наконец окончательно вернул к жизни гибкие мышцы Фафхрда: клинок Слевьяса, правда, оцарапал ему шею, но зато, парируя выпад, Северянин ударил по мечу противника у самой рукояти, так что кисть магистра мгновенно онемела. Теперь Фафхрд знал, что победа за ним: Слевьяс отступал под его безжалостным и стремительным натиском. Северянин не заметил, что в комнате делалось все темнее. Он не удивлялся, почему призывы Слевьяса о помощи остались без ответа, почему воры столпились в алькове и почему раненые ползли из коридора обратно в комнату. Он заставил Слевьяса отступить к самой двери, и тот стал четко виден на фоне освещенного проема. Когда магистр был уже в дверном проеме, Фафхрд одним ударом выбил у него клинок и приставил острие своего меча ему к горлу.

— Сдавайся! — завопил Фафхрд.

И только тогда он обнаружил, что ноздри ему щиплет от густой пыли, комната погружена в полнейшее молчание, а из коридора дует горячий ветер и слышатся шаги скелетов, бренчащих костями о камни. Он увидел, как Слевьяс оглянулся и на лице у него отразился смертельный ужас. Внезапно сильно потемнело, словно в комнату кто-то вдунул черный дым. Но Фафхрд все же успел заметить, как костлявые пальцы вцепились Слевьясу в глотку, а когда Мышелов уже тянул приятеля назад, Северянин увидел в дверях толпу скелетов с глазами, сверкающими рубиновыми, изумрудными и сапфировыми огоньками. И тут наступила кромешная тьма, в которой слышались крики воров, старавшихся как можно скорее проникнуть из алькова в узкий проход. А поверх этих криков верещали тонкие голоса, похожие на голоса летучих мышей, стужи и вечности. Фафхрду удалось расслышать один из возгласов:

— Убийца Омфала, тебе мстят его братья!

Фафхрд почувствовал, что Мышелов снова тащит его, на этот раз к двери в коридор. Когда он окончательно пришел в себя, то обнаружил, что они бегут

по опустевшему Дому Вора — он сам, Мышелов, Ивлис и ее теперь единственный телохранитель.

Служанка Ивлис, услышав приближающийся шум, в ужасе забаррикадировала выход в потайной коридор, съежилась рядом на ковре и, дрожа от непреодолимого страха, не в силах убежать, внимала приглушенным воплям и звенящим стонам, в которых слышалась жутковатая триумфальная нотка. Маленький черный котенок выгибал спину со вздыбившейся шерстью, фыркал и шипел. Через какое-то время все стихло.

Впоследствии многие жители Ланкмара обратили внимание, что воров в городе стало меньше. Кроме того, поползли слухи, что Цех Воров проводит каждое полнолуние странные обряды, спускаясь в подвалы и поклоняясь каким-то древним божествам. Поговаривали даже, что воры отдавали этим божествам, кто бы они там ни были, одну треть своей добычи.

Но Фафхрд, бражничая с Мышеловом, Ивлис и еще одной девицей из Товилийса в верхней комнатке «Серебряного Угря», жаловался на несправедливость судьбы.

— Столько неприятностей, и все напрасно! Похоже, боги держат на нас зуб.

Улыбнувшись, Мышелов сунул руку в кошель и выложил на стол три рубина.

— Ногти Омфала, — коротко пояснил он.

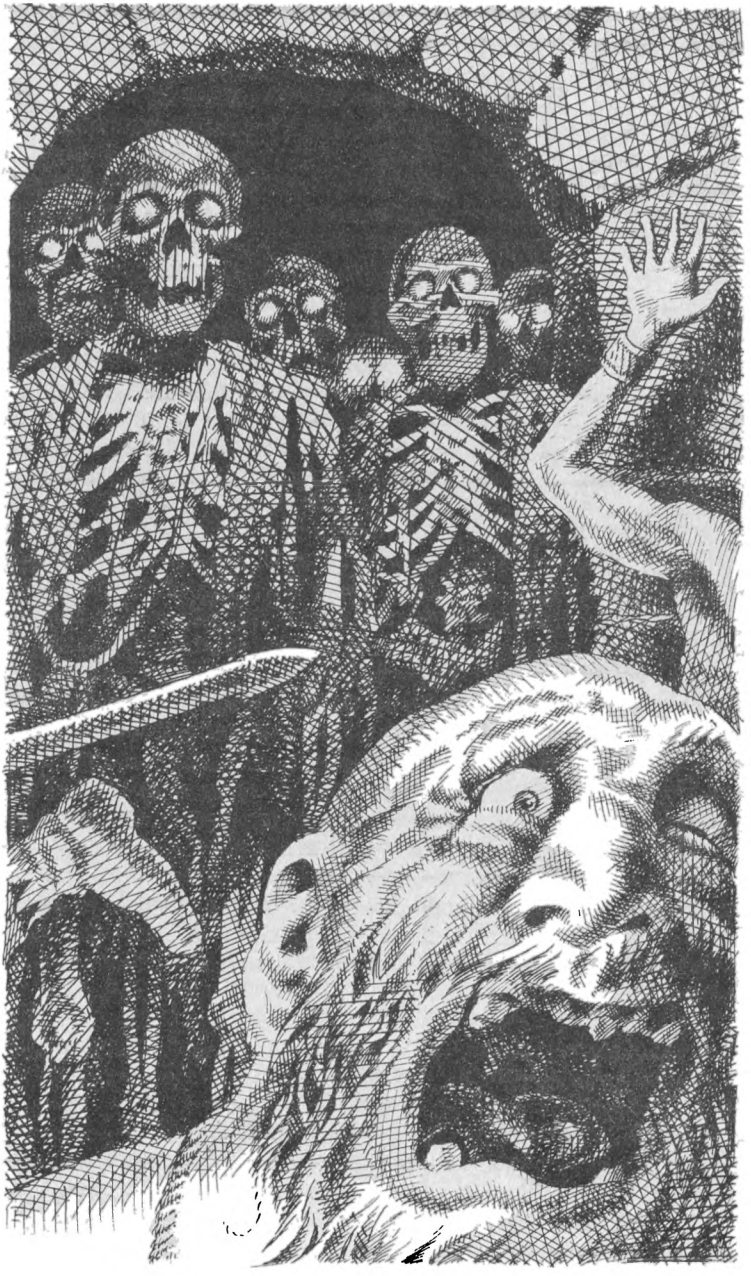
— Как ты осмелился их взять? — удивилась Ивлис. — Разве ты не боишься коричневых полуночных скелетов? — Она пожала плечами и озабоченно уставилась на Мышелова.

Он выдержал ее взгляд и ответил, чувствуя в душе упрек со стороны призрака Иврианы:

— Я предпочитаю розовенькие скелеты, причем отнюдь не голые.

4. Черный берег

— Значит, ты полагаешь, что человек может обмануть смерть и перехитрить рок? — спросил бледный коротышка в низко надвинутом на выпуклый лоб черном капюшоне.

Серый Мышелов, держащий наготове стаканчик с игральными костями, замер и искоса взглянул на собеседника.

— Я сказал, что ловкий человек может водить за нос смерть довольно долго.

В «Серебряном Угре» царило приятное и шумное оживление. Большинство посетителей были людьми военными, и визгливый женский смех то и дело взмывал над стуком кружек и лязганьем доспехов. Разряженные стражники бражничали бок о бок с наглыми телохранителями молодых лордов. Проворно сновали ухмыляющиеся рабы с откупоренными кувшинами вина. В одном углу танцевала девушка-рабыня: ее ноги были украшены браслетами с колокольчиками, но их бренчания среди всеобщего гама не было слышно. На улице, за плотно закрытыми ставнями, пронизывающий южный ветер вздымал с земли пыль, которая кружилась между камнями мостовой и, клубясь, то и дело скрывала звезды. Но в самой таверне стояла радостная суматоха.

Серый Мышелов сидел за игорным столом среди дюжины других посетителей. Одет он был во все серое — куртку, шелковую сорочку и шапочку из мышиных шкурок — однако, благодаря сверкающим темным глазам и загадочной улыбке выглядел оживленнее многих других, если не считать сидевшего рядом с ним громадного медноволосого варвара, который непрерывно хохотал во все горло и пил кислое ланкмарское вино кружками, словно пиво.

— Поговаривают, что ты ловко владеешь мечом и не раз глядел в лицо смерти, — едва шевеля губами, продолжал бледный коротышка в черном балахоне.

Но Мышелов уже бросил необычные ланкмарские кости, которые легли вверх изображениями угря и змеи, и теперь сгребал треугольные золотые монеты. За него ответил варвар:

— Да, этот серячок неплохо управляется с мечом, почти не хуже меня. И еще он очень здорово умеет надувать в кости.

— Стало быть, ты — Фафхрд? — осведомился коротышка. — Неужто ты тоже веришь, что человек может обмануть смерть, даже если он ловко плутует при игре в кости?

Расплывшись в белозубой улыбке, варвар в некотором замешательстве уставился на маленького бледного человечка, чья унылая внешность выглядела особенно странной на фоне толпы гуляк, заполнившей низкую таверну, в которой было не продохнуть от винных паров.

— Ты снова угадал, — ответил варвар слегка насмешливо. — Я Северянин Фафхрд, всегда готовый помериться силами с каким угодно роком. — Он подтолкнул локтем своего товарища: — Слышишь, Мышелов, что ты думаешь об этой мыши в черном балахоне, что выползла из какой-то щели и теперь желает побеседовать с нами о смерти?

Человечек в черном, казалось, не обратил ни малейшего внимания на это насмешливое оскорбление. Его бескровные губы снова слегка зашевелились, однако произносимые ими слова необычайно четко долетали до Фафхрда и Мышелова, несмотря на окружающий шум.

— Говорят, вы были близки к смерти в Запретном Городе Черных Идолов, в каменной ловушке Ангарнджи и на туманном острове в доме Монстров. Говорят также, что вы ходили рука об руку с роком по Стылым Пустошам и лабиринтам Клеша. Но кто может быть в этом уверен, и действительно ли смерть и рок были тогда рядом? А вдруг вы просто бахвалы и лгуны? Когда-то мне рассказывали, что порою смерть зовет человека голосом, который слышит только он один. И тогда человек встает, покидает своих друзей, идет туда, куда позвала его смерть, и там встречает свою судьбу. Вы слышали когда-нибудь такой зов смерти?

Фафхрд собрался было рассмеяться, но ему почему-то расхотелось. У Мышелова на кончике языка уже был остроумный ответ, но вместо этого он вдруг спросил:

— А какими словами зовет смерть?

— Когда как, — отозвался коротышка. — Она может взглянуть на парочку вроде вас и произнести слова: «Черный берег». И все. «Черный берег». А когда она повторит это трижды, вы встанете и пойдете.

На сей раз Фафхрд все же сделал попытку рассмеяться, но смех застрял у него в горле. И он, и его приятель лишь глупо таращились, глядя в ледяные,

запавшие глаза человечка с белым выпуклым лбом. Вокруг них вся таверна сотрясалась от смеха — кто-то удачно пошутил. Захмелевшие стражники ревели какую-то песню. Игроки нетерпеливо окликали Мышелова, чтобы он поскорее делал ставку. Хихикающая женщина в чем-то красно-золотом, пошатываясь, прошла мимо бледного человечка, чуть не смахнув черный капюшон, закрывавший его макушку. Но тот даже не шелохнулся. А Фафхрд и Серый Мышелов продолжали смотреть — завороженно, беспомощно — в его пронизывающие черные глаза, которые теперь казались им двумя тоннелями, ведущими в дальние и злобные миры. Нечто более сильное, чем страх, сжало их железными клещами. Таверна помутнела и затихла, словно они рассматривали ее через множество толстых стекол. Они видели лишь глаза и то, что было за ними — нечто пустынное, жуткое и смертельно опасное.

— Черный берег, — повторил человечек.

И тогда сидевшие в таверне бражники увидели, что Фафхрд и Серый Мышелов встали, и никак не объяснив своего ухода, направились к низкой дубовой двери. Северянин не глядя отстранил с дороги какого-то стражника, и тот выругался. Послышались громкие вопросы и насмешливые комментарии — Мышелов выигрывал в кости, — но они тут же стихли: все заметили, что друзья ведут себя как-то странно и отчужденно. На бледного человечка в черном внимания никто не обращал. Дверь открылась. Гуляки в таверне услышали стоны сухого ветра и гулкие хлопки полотняного навеса. Они увидели, как закружилась на пороге пыль. Затем дверь затворилась: Фафхрд и Мышелов ушли.

Никто не видел, как они пересекли весь Ланкмар и оказались у больших каменных пристаней на восточном берегу реки Хлал. Никто не видел, как одномачтовик Фафхрда с красными парусами и оснасткой по образцу кораблей северян вышел по течению в шквалистое Внутреннее море. Ночь была темна, а пыль заставляла людей сидеть дома. Но на следующий день в городе не было ни их самих, ни судна, ни его мингольской команды — четырех взятых в плен рабов, поклявшихся всю жизнь служить Фафхрду и Серому Мышелову, которые привезли их из неудачного

во всех остальных отношениях набега на Запретный Город Черных Идолов.

Недели через две из Последней Земли, небольшого порта, лежащего западнее всех других городов, у самой кромки пустынного Крайнего моря, до Ланкмара донеслась весть о том, как одномачтовик с оснасткой северного типа зашел туда и взял на борт необычно большой запас провизии и воды — необычайно большой для шестерых человек: угрюмого белокожего Северного варвара, неулыбчивого маленького человечка в сером и четверых приземистых, бесстрастных, черноволосых минголов. Потом одномачтовик ушел в сторону заката. Люди из Последней Земли до самой ночи следили за красным парусом и качали головами, дивясь столь дерзкой затее. Когда этот рассказ стал ходить по Ланкмару, и там нашлись люди, которые качали головами, а кое-кто многозначительно вспоминал о странном поведении двух товарищей в ночь накануне отъезда. Недели сливались в месяцы, месяцы неторопливо сменяли друг друга, и многие стали говорить о Фафхрде и Сером Мышелове, как о покойниках.

Затем появился мингол Урф и рассказал обитателям ланкмарских доков прелюбопытную историю. Относительно ее достоверности мнения разошлись: хотя Урф и владел певучей ланкмарской речью вполне сносно, но все же он был чужак, и к тому же никто не мог подтвердить, что во время своего отсутствия в Ланкмаре он вместе с тремя другими минголами плавал на одномачтовике с северной оснасткой. Более того, в его истории не было ответов на некоторые животрепещущие вопросы, и поэтому многие считали ее враньем.

— Они были безумцы, — рассказывал Урф, — а может, их кто-то заколдовал, этих двух людей, высокого и маленького. Я начал подозревать это еще тогда, когда они сохранили нам жизнь у самых стен Запретного Города. И я знал это уже наверняка, когда они все плыли и плыли на запад, ни разу не взяв рифов, ни разу не сменив курса, так что звезда ледяных пустынь была у нас всегда справа по борту. Они почти не разговаривали, почти не спали и не смеялись вовсе. Как пить дать, над ними тяготело проклятие, да еще какое! Что же до нас четверых —

Тивза, Ларлта, Увенийса и меня, — то они не обращали на нас внимания, хотя нас это и оскорбляло. А у нас были с собой амулеты от сглаза. Мы поклялись служить им до смерти. Мы — люди из Запретного Города. И мы не бунтовали.

Много дней длилось наше плавание. Море вокруг нас было спокойным, пустынным и на вид очень маленьким, казалось, оно как бы загибается книзу на севере, и на юге, и на страшном западе, словно за час можно добраться до его конца. А вскоре оно стало таким и на востоке. Но рука высокого Северянина лежала на рулевом весле, словно проклятие, и рука человечка в сером была такой же твердой. Мы вчетвером чаще всего сидели на носу — работы с парусами было немного — и бросали кости ночью и утром, чтобы угадать нашу судьбу, и проигрывали друг другу наши амулеты и одежду — не будь мы рабами, мы поставили бы на кон даже собственную кожу и кости.

Чтобы не потерять счет дням, я завязал на большом пальце правой руки веревку и каждый день надевал ее на соседний палец, так что она дошла до правого мизинца, перешла на левый мизинец и в конце концов оказалась на большом пальце левой руки. Тогда я надел это веревочное кольцо Тивзу — тоже на большой палец правой руки. Когда пальцы закончились и у него, он передал веревку Ларлту. Так мы и считали дни. И каждый день небо становилось все более пустым, а море все уменьшалось, пока не стало казаться, что его край находится всего в полете стрелы от нашего носа, бортов и кормы. Тивз утверждал, что мы вошли в заколдованную полосу воды, которая тянется по воздуху к красной звезде, и имя этой звезды — Ад. Похоже, Тивз был прав. Не может быть на западе столько воды. Я пересек Внутреннее море и море Монстров и знаю, что говорю.

Когда веревка была у Ларлта на левом безымянном пальце, на нас налетел с юго-запада страшный шторм. Три дня ветер все крепчал, вздымая воду громадными бурлящими волнами; вокруг нас громоздились покрытые пеной водные утесы высотой в мачту и разверзались пенные провалы такой же глубины. Никто таких волн не видел и не увидит — они не для нас и не для наших океанов. И тут я еще раз убедился в том, что над нашими хозяевами тяготеет проклятие. Они

не замечали шторма и позволяли ему самому брать рифы у наших парусов. Они не заметили, как Тивза смыло за борт, не заметили, как корабль наш чуть не затонул, по самый планширь наполнившись водой и пеной, так что ведра, которыми мы вычерпывали воду, казались просто пивными кружками. Они стояли на корме, навалившись на рулевое весло, мокрые до нитки, и глядели прямо перед собой: нам чудилось, будто они переговариваются с существами, которых может слышать лишь одержимый. Они были прокляты, да еще как! Их охраняли злые демоны по какой-то своей непонятной причине. Как же иначе мы пережили бы этот шторм?

А когда веревка была у Ларлта на большом пальце левой руки, громадные волны и соленая пена уступили место черной зыби — ветер покрыл небо рябью, но пены уже не было. Когда на закате мы впервые увидели это, Увенийс закричал, что чье-то колдовство несет нас по морю из черного песка; Ларлт утверждал, что во время шторма мы провалились в океан из адского масла, который, как говорят некоторые, лежит под землей, — а Ларлт, надо сказать, встречал в свое время далеко на востоке черные пузырящиеся озера; я же вспомнил слова Тивза и подумал: быть может, водная полоса уже привела нас в море иного мира? Но человечек в сером, услышав наши разговоры, зачерпнул из-за борта ведро и окатил нас из него, и мы поняли, что корабль наш все еще плывет по воде и вода эта соленая даже здесь, в месте, куда нас занесло.

И потом он попросил нас залатать паруса и придать одномачтовику приличный вид. К полудню мы уже летели на запад даже быстрее, чем шторм, но волны были такими длинными и так быстро двигались вместе с нами, что за весь день мы одолели всего пять или шесть из них. Ну и длинные же были волны, клянусь Черными Идолами!

А веревка уже передвигалась по пальцам Увенийса. Но странное море вокруг нас все зыбилось, а тучи над нами были свинцово-серыми, и мы не знали, что это светит над нами — солнце или какая-нибудь чародейская луна, а когда нам удавалось увидеть звезды, они выглядели совсем чужими. Но белая рука Северянина продолжала крепко сжимать рулевое вес-

ло, и они с человечком в сером все смотрели и смотрели вперед. Однако на третий день нашего полета по черному простору Северянин нарушил молчание. Безрадостная, жуткая улыбка исказила его губы, и я услышал, как он тихо проговорил: «Черный берег». И все. Человечек в сером кивнул, словно в этих словах заключалась могущественная магия. Четырежды я слышал, как Северянин произносил эти слова, поэтому они врезались мне в память.

Дни становились все темнее и холоднее, тучи грозно опускались все ниже, будто своды огромной пещеры. А когда веревка оказалась на указательном пальце Увенийса, мы увидели впереди свинцовое неподвижное пространство, похожее на черную зыбь, но выступающее из нее, и мы поняли, что подошли к Черному берегу.

Берег поднимался из моря все выше и выше, и вот мы уже могли различить высокие базальтовые утесы, скругленные сверху, словно волны, и усеянные серыми валунами, на которых виднелись белые пятна, напоминавшие птичий помет, а между тем птиц мы нигде не видели, ни больших, ни маленьких. Над утесами чернели тучи, внизу белела полоска песка — и больше ничего. Северянин навалился на рулевое весло и направил судно прямо на берег, как будто желал нашей погибели, но в последний миг он провел нас на расстоянии мачты от округлого рифа, едва заметного среди волн, и мы оказались в бухте. Брошенный якорь надежно зацепился за дно.

Тогда Северянин и человечек в сером, двигаясь словно во сне, начали снаряжаться: каждый надел легкую кольчугу и круглый шлем без гребня, которые были белы от соли, попавшей на них с брызгами и пеной. Они опоясались мечами, накинули сверху просторные плащи, взяли немного пищи и воды и попросили нас спустить на воду маленькую шлюпку. Я сел на весла и отвез их на берег; они вышли на песок и зашагали к утесам. Тогда, несмотря на сильный испуг, я крикнул им вдогонку: «Куда вы идете? Нам тоже высаживаться? Что нам делать?» Несколько мгновений ответа не было. Потом человечек в сером, не оборачиваясь, проговорил тихим, хриплым, но хорошо слышным шепотом: «За нами не идите. Мы — мертвецы. Возвращайтесь назад, если сумеете».

Услышав эти слова, я вздрогнул, склонил голову и стал грести к кораблю. Увенийс, Ларлт и я долго смотрели, как они карабкаются по большим круглым утесам. Их фигуры делались все меньше и меньше, и в конце концов Северянин стал не больше крошечной мошки, а его серого товарища было видно лишь тогда, когда он пересекал очередное белое пятно. С утесов задул ветер, отогнал зыбь от берега, и мы поняли, что можем плыть. Но мы остались — разве мы не рабы, которые дали клятву? И разве я не мингол?

Когда спустился вечер, ветер задул крепче, и наше желание пуститься в путь — пусть даже, чтобы найти смерть в неведомых водах — стало еще сильнее. Нам не нравились круглые базальтовые утесы Черного берега, нам не нравилось, что мы не видим в свинцовом небе чаек, ястребов или других птиц, что на берегу нет никакой растительности. И нам, всем троим, стало казаться, что на вершинах утесов что-то стало поблескивать. Но только на третьем часу ночи мы подняли якорь и оставили Черный берег.

После нескольких дней пути снова разразился ужасный шторм; быть может, он-то и вынес нас в знакомое море. Увенийса смыло волной, Ларлт сошел с ума от жажды, и к концу пути я сам уже не понимал, что происходит. Меня выбросило на южный берег неподалеку от Квармалла, и после многих тягот мне удалось добраться до Ланкмара. Но мне все время снятся эти черные скалы, видятся побелевшие кости моих хозяев, видятся их оскаленные черепа, уставившиеся пустыми глазницами на нечто странное и смертоносное.

Не отдавая себе отчета в страшной усталости, сковавшей все его тело, Серый Мышелов, цепляясь руками и ногами за едва заметные уступы в граните и черном базальте, прополз мимо последнего валуна и наконец выпрямился на верхушке самого высокого из круглых утесов, окаймлявших Черный берег. Он чувствовал, что Фафхрд стоит рядом — смутно различимая сутулая фигура в побелевшей кольчуге и шлеме. Он различал Фафхрда с трудом, как будто через множество толстых стекол. Единственное, что он видел отчетливо и, казалось, уже целую вечность — это два запавших,

похожих на тоннели черных глаза, а за ними — нечто пустынное и смертельно опасное, что раньше находилось за Крайним морем, а теперь — в двух шагах. Так продолжалось с тех пор, как он встал из-за игорного стола в низкой ланкмарской таверне. Смутно припоминал он удивленные взгляды людей Последней Земли, пену, яростный шторм, покатую черную зыбь и выражение ужаса на лице мингола Урфа: эти воспоминания доходили до него тоже как будто сквозь множество стекол. Он неясно сознавал, что над ним и его товарищем висит проклятие и теперь они оказались у источника этого проклятия.

А простирающийся перед ними ландшафт был лишен каких бы то ни было признаков жизни. Базальтовая скала перед ними спускалась вниз, к широкой ложбине, покрытой черным песком — мельчайшими частичками железной руды. Из песка выглядывало несколько десятков совершенно черных овальных валунов разного размера — так во всяком случае показалось Мышелову. Но для валунов они были слишком округлы, слишком правильной формы, и до Мышелова постепенно стало доходить, что это никакие не валуны, а чудовищные черные яйца — некоторые небольшие, другие такой величины, что человеку их было бы не обхватить, а одно размером с шатер.

На песке валялись крупные и мелкие кости. Мышелов узнал кабаний череп с торчащими клыками и два черепа поменьше — волчьих. Чуть дальше валялся скелет какого-то крупного хищника из семейства кошачьих. Рядом лежал лошадиный скелет, за ним грудные кости то ли человека, то ли большой обезьяны. Все они ярко-белой полосой опоясывали громадные черные яйца.

Зазвучавший неизвестно откуда бесцветный и тонкий, но отчетливо слышный голос проговорил:

— Воинам — участь воинов.

Мышелов знал этот голос, он звучал у него в ушах уже несколько недель — с тех пор, как с ними заговорил бледный человечек с выпуклым лбом, одетый в черный балахон и сидевший рядом с ним в ланкмарской таверне. А другой, совсем уже едва слышный голос зазвучал где-то у него внутри:

— Он постоянно ищет повторения прошлого опыта, который всегда оказывался для него удачен.

И тут Мышелов увидел, что картина перед его глазами не совсем лишена признаков жизни. На Черном берегу началось какое-то движение. Появилась трещина сначала в одном исполинском черном яйце, потом в другом; трещины змеились, кусочки скорлупы начали падать на черный песок.

Мышелов понимал, что это происходит как бы в ответ на слова первого тоненького голоса. Он знал, что это — конец, к которому тонкий голос призывал его через все Крайнее море. Не в силах двигаться дальше, он угрюмо наблюдал за медленным процессом этого чудовищного рождения. Он видел, как под темнеющим свинцовым небом появляются на свет две смерти — его и Фафхрда.

Первый намек на облик этой смерти появился в виде когтя, который вылез из трещины и сделал ее еще шире. Кусочки скорлупы стали отваливаться быстрее.

Два создания, которые появились в сгущающихся сумерках, показались огромными даже Мышелову с его затуманенным рассудком. Неуклюжие, они стояли прямо, как человек, но были вдвое выше, их черепа рептилий напоминали шлемы, увенчанные гребнями, их задние лапы заканчивались когтями, как у ящериц, на плечах были остроконечные костяные наросты, а на передних конечностях — по одному когтю длиною в ярд. В полутьме они походили на жутких карикатурных рыцарей в латах и с мечами. Мигающие глаза светились желтым огнем.

Снова послышался голос:

— Воинам — участь воинов.

При этих словах словно лопнули оковы, которые опоясывали Мышелова. На миг ему показалось, будто он просыпается после страшного сна. Но тут он увидел, что вылупившиеся существа бегут к нему; из их продолговатых морд вырывался пронзительный скрежещущий вой. Мышелов услышал, как меч Фафхрда со свистом вылетел из ножен. Мышелов последовал примеру друга, и через миг его клинок ударил по казавшемуся стальным когтю, который устремился к его горлу. Одновременно Фафхрд парировал такой же удар второго чудовища.

Потом начался кошмар. Длиннющие когти кололи и рубили. Друзья успевали отражать их удары даже

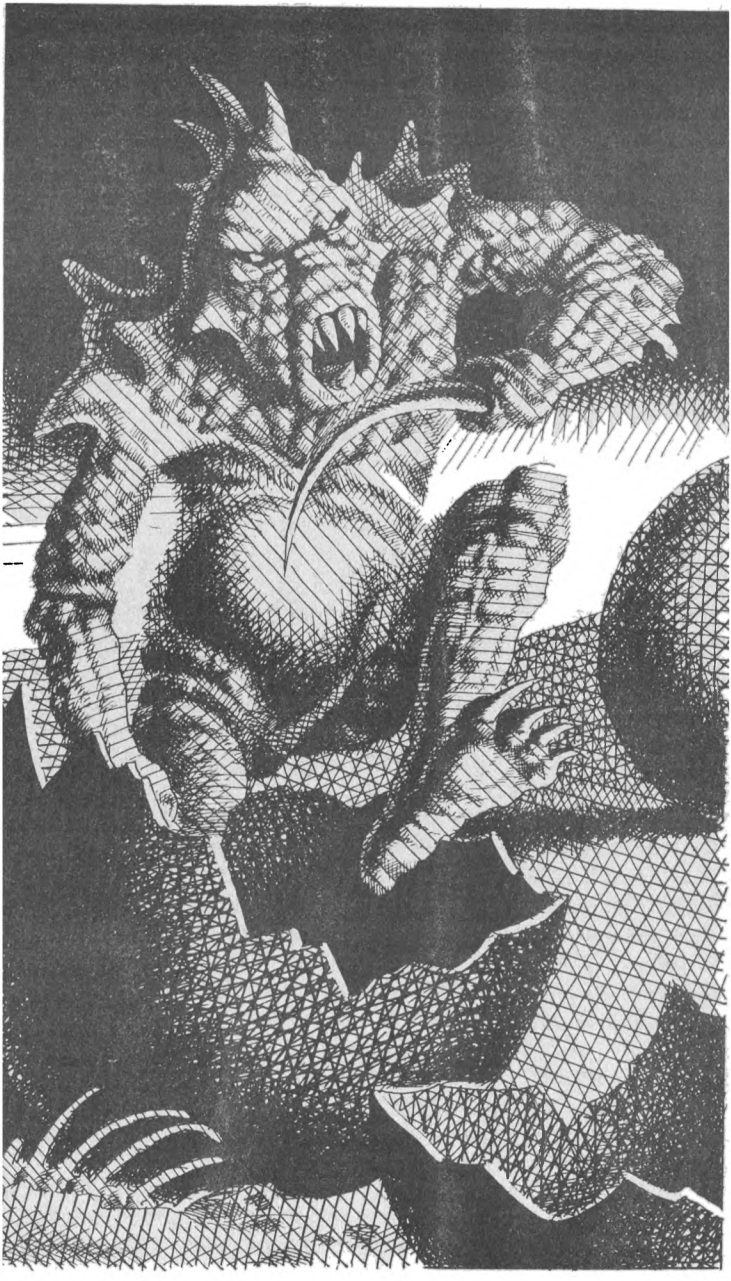
несмотря на то, что на каждый меч приходилось по два смертоносных когтя. Все контратаки разбивались о крепчайшую костяную броню. Внезапно оба чудища развернулись и вдвоем напали на Мышелова, но Фафхрд спас его, налетев на одного из них сбоку. Друзья медленно отступали к краю утеса. Чудовища не знали усталости и, казалось, состояли из кости и металла без малейших признаков плоти. Мышелов уже предвидел конец. Еще какое-то время они с Фафхрдом продержатся, но уже скоро усталость возьмет свое, они будут отбиваться все слабее и медленнее и в конце концов чудища их прикончат.

И как бы предвещая близкую гибель, коготь одного из монстров оцарапал Мышелову запястье. И тут ему вспомнились черные запавшие глаза, которые привели его и Фафхрда сюда, за Крайнее море, вспомнился голос, который предрек им роковой конец. Мышелова охватила странная и бешеная ярость, но направлена она была не на чудовищ, а на их хозяина. Ему почудилось, что мертвые темные глаза смотрят на него из черного песка. Он вконец перестал соображать, что делает. Когда чудовища набросились вдвоем на Фафхрда, он вместо того, чтобы поспешить другу на помощь, пронесся мимо и бросился вниз, в ложбину с полузарытыми в песок яйцами.

Оставшись один, Фафхрд продолжал сражаться с чудовищами как безумный; напрягая остатки сил, он заставлял свой меч молниеносно отражать удар за ударом. Одно из чудищ повернулось и бросилось за его товарищем, но Фафхрд этого даже не заметил.

Мышелов стоял среди яиц, устремив взор на одно из них, которое было меньше остальных и казалось более блестящим. Он занес меч, и карающий клинок обрушился на яйцо. Рука Мышелова мгновенно онемела, но яйцо треснуло.

И тут Мышелов понял, что источник зла лежит здесь, на Черном берегу, а дух его витает где-то далеко и посылает людей на гибель. Позади себя он услышал царапанье когтей по песку и пронзительный визг твари, которой было предначертано его убить. Но он не обернулся, а поднял меч и с размаху опустил его на заморыша, злобствующего здесь, в одиночестве, глумящегося над людьми, которых он обрек на смерть,

и хрустнул под стальным клинком выпуклый лоб бледного человечка с тонкими губами.

Мышелов распрямился, ожидая, что ему вот-вот будет нанесен последний удар, но удара не последовало. Повернувшись, он увидел распростертое на черном песке чудовище. А вокруг смертоносные яйца медленно рассыпались в пыль. Четко вырисовываясь на фоне более светлого неба, к Мышелову бежал Фафхрд, бежал спотыкаясь и гортанно выкрикивая какие-то бессвязные слова радости и удивления. Смерть покинула Черный берег, проклятие было выкорчевано. В ночи прозвучал ликующий крик какой-то морской птицы, и Фафхрд с Мышеловом подумали о долгой и пока непроторенной обратной дороге в Ланкмар.

5. Воющая башня

Звук был негромким, но, казалось, наполнял собою всю бескрайнюю темнеющую равнину и высокое бледное небо: какой-то стонущий вой, такой тихий и монотонный, что его не было слышно вовсе, если б не равномерные пульсирующие всплески; древний, зловещий звук был под стать дикому ландшафту со скудной растительностью и варварской одежде трех человек, лежавших в крошечной ложбинке вокруг догорающего костра.

— Волки, наверное, — сказал Фафхрд. — Они выли примерно так же, когда я спасался от них в Стылых Пустошах. Но от Стылых Пустошей нас отделяет целый океан, да и звук тогда был все же немного не такой, Серый Мышелов.

Мышелов закутался поплотнее в шерстяной плащ, и они с Фафхрдом повернулись к третьему спутнику, который продолжал молчать. Это был бедно одетый человек, его плащ явно знавал лучшие времена, ножны короткого меча давно протерлись. Друзья с удивлением увидели, что обведенные белыми кругами глаза на узком продубленном лице расширились, а сам человек задрожал.

— Ты много раз бывал на этих равнинах, — обратился к нему Фафхрд на местном гортанном наречии. — Потому-то мы и попросили тебя быть нашим

проводником. Ты должен хорошо знать эти места. — В последних словах звучал скрытый вопрос.

Сглотнув слюну, проводник судорожно кивнул.

— Я слышал этот звук и раньше, но не так громко — неопределенным тоном быстро проговорил он. — Не в эту пору года. Говорят, исчезали люди. Всякое говорят. Например, что человек услышит такой вой во сне и идет, как на приманку. Нехороший вой.

— Хороших волков не бывает, — зычно и весело отозвался Фафхрд.

Было еще достаточно светло, и Мышелов заметил упрямство на лице проводника, когда тот снова нарушил молчание.

— Я никогда не видел в здешних местах волков и не слышал, чтобы кто-нибудь убил хоть одного. — Помолчав, проводник продолжал, как бы между прочим: — Говорят, где-то на этих равнинах есть старая башня. Там вой слышнее. Сам я башню не видел. Говорят...

Проводник осекся. Больше он не дрожал, а, казалось, весь ушел в себя. Мышелов попытался задать ему несколько каверзных вопросов, но в ответ получил лишь неясное хмыканье — ни утвердительное, ни отрицательное.

Сквозь белую золу чуть светились тлеющие угли. Легкий ветерок шелестел редкой травой. Вой прекратился, а может, путешественники так к нему привыкли, что уже не замечали. Сонно глядя на обернутое плащом могучее тело Фафхрда, Мышелов унесся мыслями в далекий, изобилующий тавернами Ланкмар, находящийся во многих лигах отсюда, за чужими землями и неизведанным океаном. Не знающая границ тьма все сгущалась.

Наутро обнаружилось, что проводник ушел. Фафхрд рассмеялся, потом потянулся, вдохнул чистый свежий воздух и заметил:

— Уф! Похоже, не слишком-то нравятся ему эти равнины, хоть он и говорит, что пересекал их семь раз. Все эти суеверие и трусость! Видел, как он затрясся, когда завыли волки? Держу пари, что он сбежал к своим друзьям, с которыми мы расстались у последней воды.

Мышелов, который тщетно всматривался в пустой горизонт, убежденно кивнул и пощупал кошель.

— Хоть не обокрал нас — если не считать двух золотых, которые мы дали ему вперед.

Фафхрд расхохотался и шлепнул ладонью Мышелова по спине. Мышелов поймал друга за кисть, бросил через себя, и они принялись бороться, пока Мышелов не оказался на лопатках.

— Ладно, пошли, — осклабился Фафхрд и вскочил на ноги. — Нам не впервой идти по незнакомым местам без проводника.

За день друзья ушли далеко. Жилистый Мышелов двигался упруго и не отставал от широко шагавшего Фафхрда. Ближе к вечеру жужжащая стрела, выпущенная из лука Фафхрда, настигла небольшую антилопу с изящно изогнутыми рожками. Чуть раньше они обнаружили чистый источник и наполнили водой бурдюки. Когда наступил поздний летний закат, друзья разбили бивак и принялись жевать вкусное вареное мясо и похрустывающий на зубах жир.

Тщательно облизав губы и пальцы, Мышелов взобрался на ближайший пригорок, чтобы наметить дорогу на завтра. Дневная дымка исчезла, воздух посвежел и стал прозрачным, и Мышелову было хорошо видно тянущееся до горизонта море чуть колышащейся травы. Теперь путь в Ланкмар уже не казался таким долгим и утомительным. В той стороне, куда им нужно было идти, острый взгляд Мышелова различил крошечную выпуклость. Для купы деревьев ее очертания были слишком отчетливы, для скалы имели слишком правильную форму, да Мышелов и не встречал в здешних местах ни деревьев, ни скал. Предмет четко вырисовывался на фоне бледного неба. Нет, это было какое-то создание человеческих рук, быть может, башня или что-то в этом роде.

И тут снова послышался тот самый звук. Казалось, он доносится сразу отовсюду, словно чуть слышно подвывает само небо, постанывает сама земля. Теперь вой был немного громче, в нем странно смешивалась печаль и угроза, горе и опасность.

Фафхрд вскочил, замахал руками, и Мышелов услышал его громкий веселый крик:

— Давайте, волки, подходите к нашему костру и погрейте свои холодные носы! Я вышлю вам навстречу своих птичек с бронзовыми клювами, а мой друг покажет, что брошенный из пращи камень может жуж-

жать, как пчела. Вы узнаете тайны меча и топора. Добро пожаловать в гости к Фафхрду и Серому Мышелову! Идите сюда — и маленькие и большие!

Раскатистый хохот, завершивший эту тираду, заглушил непонятный звук, который лишь через какое-то время донесся вновь, как будто смех был сильнее него. Мышелов тоже развеселился и с легким сердцем рассказал Фафхрду об увиденном, после чего напомнил слова проводника о башне и жутком вое.

Снова рассмеявшись, Фафхрд предположил:

— Может, у этих косматых печальников там логово. Завтра все выясним — все равно нам идти в ту сторону. А убить волка я непрочь.

Гигант был в веселом расположении духа и не желал говорить с Мышеловом о серьезном или грустном. Он принялся распевать застольные песни и повторять старые кабацкие шуточки, утверждая, что хмелеет от них не хуже, чем от вина. Он производил такой шум, что Мышелов не мог понять, прекратился странный вой или нет, хотя ему казалось, что раздругой он все же его слышал. Но когда друзья, готовясь ко сну под призрачными звездами, завернулись в плащи, никакого воя не было слышно наверняка.

А наутро пропал Фафхрд. Мышелов принялся звать приятеля и осматриваться по сторонам, однако он уже понял, что его глупый и казавшийся ему самому смешным страх имел под собою почву. Башня все так же стояла на месте, но в ярком желтоватом утреннем свете казалась дальше, как будто стремилась избежать встречи. Мышелову даже почудилось, что он видит крошечную движущуюся фигурку, которая была уже ближе к башне, чем к месту их ночлега. Но он знал, что это лишь игра воображения. Слишком уж велико было расстояние. Тем не менее он поспешно проглотил несколько кусочков холодного мяса, которое оказалось не хуже горячего, сунул еще несколько ломтей в мешок, запил завтрак водой и двинулся вперед длинным пружинистым шагом — он знал, что может идти так долгие часы.

На дне очередной пологой впадины Мышелов увидел землю помягче, осмотрел ее вдоль и поперек в поисках следов Фафхрда и нашел их. Отпечатки находились довольно далеко один от другого, словно оставивший их человек бежал.

К полудню Мышелов наткнулся на источник и расположился рядом, чтобы напиться как следует и немного отдохнуть. Чуть раньше он снова обнаружил следы Фафхрда, а теперь увидел еще одни — они принадлежали не его другу, но шли примерно в том же направлении. По форме и размеру они вполне могли быть оставлены проводником: посредине каждого следа виднелся чуть заметный отпечаток ремешка, которым тот подвязывал сандалии.

Мышелов упрямо шел вперед. Он уже начал ощущать тяжесть мешка, скатанного плаща, бурдюка с водой и оружия. Башня явно приблизилась, хотя яркое солнце скрадывало детали. Мышелов прикинул, что преодолел уже примерно половину пути.

Легкие волны равнинного рельефа казались бесконечными, как во сне. Мышелов замечал их только потому, что идти ему было то легче, то труднее. Небольшие кучки кустарника, по которым он пытался отмечать пройденный путь, походили друг на друга как две капли воды. Редкие узкие лощинки можно было с легкостью перешагнуть. Однажды зеленоватая змея, гревшаяся на камне, подняла свою плоскую головку и уставилась на Мышелова. Время от времени у него из-под ног вылетали кузнечики. Чтобы сберечь силы, Мышелов старался не поднимать ноги высоко над землей, однако шаг его был упруг и широк, потому что он привык подлаживаться под поступь своего рослого товарища. Ноздри Мышелова раздувались, вдыхая и выдыхая воздух. Широкий рот был плотно сжат. Темные глаза над загорелыми щеками смотрели пристально и угрюмо. Мышелов понимал, что при всем старании ему вряд ли удастся сравниться в скорости со своим мощным длинноногим другом.

По небу с севера плыли облака, бросая на равнину громадные, торопливо бегущие тени. Вскоре солнце и вовсе скрылось за ними. Башня стала виднее. На темном фоне стен чернели пятна, возможно, это были окна.

Когда Мышелов остановился на верхушке пологого холма, чтобы перевести дух, снова послышался уже знакомый звук; у захваченного врасплох Мышелова кожа покрылась мурашками. Должно быть, из-за низкой облачности вой теперь был сильнее и отдавался жутковатым эхом. Он показался Мышелову не

печальным, а скорее грозным — вероятно, потому, что человечек в сером был один. Но звучал он явно громче, его ритмичные всплески налетали, словно порывы ветра.

Сперва Мышелов рассчитывал добраться до башни к закату. Но зазвучавший так рано вой расстроил все его планы и не предвещал для Фафхрда ничего хорошего. Мышелов прикинул, что теперь ему надо двигаться как можно быстрее. Он мгновенно принял решение. Кинув в заросли кустов объемистый мешок, бурдюк, скатанный плащ, меч и доспехи, Мышелов остался в легкой куртке и взял с собой лишь длинный кинжал и пращу. Облегчив себя таким образом, он стрелой понесся вперед. Низкие тучи потемнели. С неба стали падать редкие капли дождя. Мышелов не отрывал взгляда от земли, избегая неровностей почвы и скользких мест. С каждым не то шагом, не то прыжком Мышелова вой, казалось, усиливался, а звучание его делалось все более грозным.

Если раньше равнина была просто громадной и пустынной, то здесь она оставляла впечатление полной заброшенности. Полуразвалившиеся надворные постройки, заросшие сорняками культурные посевы, ряды чахлых и грозящих рухнуть деревьев, остатки изгородей, тропинок и выбоин от колес — все это говорило о том, что когда-то давно здесь жили люди. А теперь здесь жила только башня, упрямая и массивная, наполняющая пространство жутким воем. Впрочем, возможно, это только так казалось.

Запыхавшийся, но еще не измотанный вконец, Мышелов решил сменить направление, чтобы держаться за узкой полоской деревьев и кустарника. Осторожность была второй его натурой. Все его чувства протестовали против возможности внезапно наткнуться на волка или свору гончих на открытом пространстве.

Частично обойдя таким образом башню, он понял, что незаметно подойти к ней вплотную ему не удастся. Она стояла несколько особняком от окружавших ее руин.

Остановившись за какой-то посеревшей от времени развалюхой, Мышелов пошарил по земле глазами и выбрал пару камней, по весу пригодных для пращи. Его мощная грудь все еще работала, как кузнечные

мехи, со свистом всасывая воздух. Затем он выглянул из-за угла и, нахмурившись, замер.

Башня оказалась ниже, чем он предполагал — высотою в пяти-шестиэтажное здание. Узкие окошки были расположены как попало и не давали ни малейшего представления о внутренней планировке. Большие, грубо обтесанные камни были прочно пригнаны друг к другу — везде, кроме зубчатой стены наверху, где кое-какие глыбы, казалось, немного расшатались. Почти прямо напротив Мышелова равнодушно чернел прямоугольник входа.

В голове у Мышелова пронеслось, что о штурме не может идти и речи — зачем штурмовать крепость, защитников которой не видно? Незаметно к ней тоже не подойти, да и наблюдатель на стене, если таковой, конечно, был, уже давно заметил его приближение. Придется просто идти вперед и быть готовым к неожиданному нападению. Так Мышелов и сделал.

Но не успел он пройти и половины расстояния до башни, а все его мышцы уже напряглись. Он был абсолютно уверен, что за ним наблюдает кто-то, настроенный более чем недружелюбно. После целого дня бега голова у него немного кружилась, но чувства были обострены до предела. На фоне нескончаемого гипнотического воя он слышал стук отдельных капель дождя, еще не превратившегося в ливень. Он внимательно осмотрел каждый темный камень вокруг входа. Его нос чуял характерные запахи камня, дерева, земли, однако никакой звериной вони пока не было. В тысячный раз он попытался мысленно вообразить источник воя. Дюжина свор гончих, запертых где-то в подземелье? Похоже, но не совсем то. Что-то от него ускользало. Темные стены были уже совсем близко, и Мышелов напряг зрение, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в черном дверном проеме.

Отдаленный, едва слышный скрежет не мог насторожить его, потому что он был почти в трансе. Скорее всего случилось так: над головой у него внезапно сделалось чуть темнее, и натянутые как тетива мускулы сами бросили его с кошачьей проворностью внутрь башни — он сделал это инстинктивно, даже не глянув вверх. А ему и впрямь нельзя было терять ни секунды: уже влетая в дверь, он почувствовал, как что-то шероховатое задело его по спине и пяткам. В

спину ему ударил поток воздуха, сзади что-то тяжело ухнуло о землю, так что он даже подскочил. Обернувшись, Мышелов увидел, что большой квадратный камень наполовину загородил дверной проем. Несколько мгновений назад он был частью зубчатой стены.

Глядя на глубоко вдавившийся в землю камень, Мышелов в первый раз за весь день улыбнулся, даже чуть не рассмеялся от облегчения.

Вокруг стояла мертвая, пугающая тишина. Мышелов вдруг заметил, что вой прекратился. Оглядев пустое, круглое помещение, Мышелов двинулся вверх по каменной лестнице, подымавшейся спиралью вдоль стены. Его усмешка сделалась деловитой и зловещей. На втором этаже башни он обнаружил Фафхрда, да и проводника тоже. Кроме того, он нашел там загадку.

Как и нижняя, эта комната занимала все пространство башни. В скупом свете, проникавшем через беспорядочно разбросанные окна-щели, смутно виднелись стоящие вдоль стен сундуки и свисавшие с потолка сушеные травы, чучела птиц, мелких млекопитающих и пресмыкающихся, что все вместе напоминало лавку фармацевта. Повсюду валялся мусор, казавшийся каким-то аккуратным, словно он сам улегся в каком-то головоломном, но не лишенном логики порядке. На столе была невообразимая мешанина из закупоренных бутылок и кувшинов, ступок с пестиками, всевозможных инструментов из рога, стекла и кости; посреди всего этого стояла жаровня с тлеющими угольями. Кроме того, там было блюдо с обглоданными костями и фолиант из листов пергамента, переплетенных в медные пластины, на раскрытые страницы которого был положен кинжал.

Фафхрд лежал ничком на постели, сделанной из шкур, пришнурованных к низкой деревянной раме. Он был бледен и тяжело дышал, словно его чем-то опоили. Он не откликнулся — ни когда Мышелов легонько потормошил его и шепотом позвал по имени, ни когда стал трясти изо всех сил и орать его имя во все горло. Но более всего озадачило Мышелова то обстоятельство, что конечности, грудь и горло Северянина были обмотаны полотняными лентами, хотя пятна крови на них отсутствовали, а под ними — Мышелов немного раздвинул ленты, чтобы понять, в чем дело, — не

было и признака каких-либо ран. Движений Фафхрда ленты тоже никак не ограничивали.

Рядом с Фафхрдом лежал его обнаженный меч, на рукоятке которого покоилась ладонь гиганта.

И тут Мышелов заметил проводника, скрючившегося в темном углу за постелью. Он тоже был весь обмотан лентами, но они уже стали заскорузлыми от ржавых пятен. Проводник был мертв.

Мышелов еще раз попытался привести Фафхрда в чувство, но лицо гиганта оставалось похожим на мраморную маску. Мышелов чувствовал, что рассудок Фафхрда витает где-то очень далеко, и это испугало и разозлило его.

Мышелову стало не по себе, он ломал голову над всем увиденным, и тут услышал, что сверху кто-то спускается. Шаги медленно приближались. Послышалось размеренное, но тяжелое дыхание. Мышелов присел позади стола и вперился в черное отверстие в потолке, куда уходила лестница.

Появившийся оттуда невысокий скрюченный старик был одет в платье, такое же потрепанное и заплесневелое, как и вся комната. Он был почти лыс, и только над большими ушами торчали клочья спутанных седых волос. Когда Мышелов вскочил и замахнулся на него кинжалом, старик даже не сделал попытки убежать, а мгновенно пришел в какой-то экстатический ужас — тело его затряслось, из горла послышались булькающие звуки, руки бесцельно замолотили по воздуху.

Мышелов зажег от жаровни толстую свечу и поднес ее к лицу старика. Он никогда не видел ни таких выпученных от ужаса глаз, ни такого тонкогубого и жестокого рта.

Первые членораздельные звуки, произнесенные стариком, казались хриплыми и сдавленными — это был голос человека, который очень долго молчал.

— Ты мертв! Мертв! — закудахтал он, трясущимся пальцем указывая на Мышелова. — Ты не можешь быть здесь. Я убил тебя. Для чего ж я так хитроумно уравновесил большой камень, что он сорвался от малейшего прикосновения? Я знал, что тебя заманил сюда не вой. Ты пришел, чтобы причинить мне вред и спасти своего друга. Поэтому я и убил тебя. Я видел,

как упал камень. Видел тебя под камнем. Ускользнуть от него ты не мог. Значит, ты мертв.

Он засеменил к Мышелову, размахивая руками, словно хотел рассеять своего гостя, как дым. Но когда пальцы его дотронулись до вполне осязаемого тела, он взвизгнул и попятился.

Делая недвусмысленные движения кинжалом, Мышелов стал наступать на него со словами:

— Ты правильно догадался, почему я здесь. Отдай мне моего друга. Разбуди его.

К его изумлению старик не съежился от страха, а внезапно решил проявить твердость. Выражение ужаса в его немигающих глазах стало чуть иным. Ужас остался, но к нему добавилось и что-то еще. Замешательство уступало место какому-то другому, еще неясному чувству. Пройдя мимо Мышелова, он уселся на табурет у стола.

— Тебя я не слишком-то боюсь, — искоса глядя на собеседника, заявил он. — Но есть и другие, кого я боюсь в самом деле. А тебя я опасаюсь только потому, что ты захочешь помешать мне защититься от них или принять необходимые меры предосторожности. — Голос его стал жалобным. — Ты не должен мне мешать, не должен!

Мышелов нахмурился. Смешанный еще с чем-то невероятный ужас, исказивший черты старика, казался привычным, а его странные слова не были похожи на ложь.

— И тем не менее ты должен разбудить моего друга.

Вместо ответа старик бросил на Мышелова быстрый взгляд, после чего уставился пустыми глазами на стену и, покачав головой, заговорил:

— Тебя я не боюсь. А между тем мне ведомы глубочайшие пучины страха. Тебе этого не понять. Разве ты жил один на один с этим звуком в течение многих лет и при этом знал, что он означает? Я жил. Страх у меня врожденный. Он был плотью и кровью моей матери. И моего отца и моих братьев тоже. Слишком уж были сильны чародейство и одиночество в этом нашем доме и его обитателях. Когда я был маленьким, все они боялись и ненавидели меня, даже рабы и громадные гончие, которые пресмыкались передо мной, ворча и огрызаясь.

Но мой ужас был сильнее их ужаса — разве не поумирали они друг за другом, да так, что на меня не упала даже тень подозрения? Мне было понятно, что я один, а их много, поэтому я действовал наверняка. Когда все началось, они всякий раз думали, что следующим буду я! — Старик рассмеялся кудахчущим смехом. — Они думали, что я мал, слаб и глуп. Но разве смерть моих братьев не выглядела так, словно они собственноручно задушили себя? Разве моя мать не зачахла от болезни? Разве отец не бросился с криком с верхушки башни?

Напоследок остались собаки. Они ненавидели меня сильнее всех, даже сильнее отца, а самая маленькая из них легко могла бы перегрызть мне глотку. Они были голодные, потому что не оставалось никого, кто мог бы их покормить. Но я, сделав вид, что убегаю, заманил их в глубокий подвал, а сам выскочил и запер дверь. Много ночей они лаяли и выли, но я знал, что мне ничего не угрожает. По мере того, как от голода они перегрызали глотки друг дружке, лай становился все тише, однако оставшиеся в живых обретали новые силы, кормясь своими растерзанными собратьями. Это продолжалось долго. В конце концов до меня стал доноситься злобный вой лишь одной собаки. Каждую ночь я ложился спать, твердя себе: «Завтра наступит тишина», но каждое утро просыпался от воя. Тогда я заставил себя спуститься с факелом вниз и через дверное окошко заглянул в подвал. Смотрел я долго, но не заметил никакого движения — лишь колеблющиеся тени — и разглядел лишь белые кости да обрывки собачьих шкур. И я сказал себе, что вой скоро прекратится.

Губы старика искривились в жалкую гримасу, от которой Мышелова пробрала дрожь.

— Но вой не смолкал, а через какое-то время стал даже громче. Тогда я понял, что уловка моя оказалась напрасной. Мне удалось умертвить их тела, но их тени остались, и скоро они, собравшись с силами, вернутся и убьют меня, как им всегда того хотелось. Я начал тщательно изучать отцовские книги по магии, дабы найти способ полностью уничтожить эти тени или с помощью заклятий заслать их так далеко, откуда они до меня не доберутся. Какое-то время мне казалось, что дело идет успешно, но потом они снова начали

брать надо мною верх. Они подходили все ближе и ближе, и порой мне чудилось, что среди их воя я слышу голоса отца и братьев.

Однажды ночью, когда они были совсем близко, в башню вбежал выбившийся из сил путник. В его глазах застыло странное выражение, и я возблагодарил милостивых богов, которые направили его ко мне, потому что я понял, как мне нужно действовать. Я накормил и напоил путника, а в его питье подмешал сонное зелье и заставил дух вылететь из его тела. Должно быть, они поймали его и растерзали, потому что путник вскоре истек кровью и умер. Но они на какое-то время насытились, вой стал еле слышен, и только спустя долгий срок снова начал приближаться. После этого боги не оставляли меня своей милостью и всегда посылали мне гостя, прежде чем вой начинал слышаться совсем уж близко. Я научился перевязывать усыпленных мною людей, чтобы они подольше не умирали и радовали воющих духов.

Старик замолчал, с сомнением покачал головой и как-то укоризненно прищелкнул языком.

— Но теперь меня беспокоит, — продолжал он, — что они стали ненасытнее, а может, просто разгадали мою хитрость. Их теперь труднее удовлетворить, они воют все ближе и далеко не уходят. Порой я просыпаюсь ночью, слышу, как они принюхиваются совсем рядом, чувствуя их морды у самой шеи. Мне нужно больше людей, которые сражались бы с ними. Очень нужно. Вот этот, — старик показал на застывший труп проводника, — был для них просто тьфу. Они обратили на него не больше внимания, чем на высохшую кость. Но вот этот, — он ткнул пальцем в сторону Фафхрда, — могуч и силен. Он сможет долго сдерживать их натиск.

Снаружи совсем стемнело, и теперь комната освещалась лишь оплывшей свечой. Мышелов смотрел на старика, сидевшего на табурете и похожего на какую-то нелепую ощипанную птицу. Затем перевел взгляд на Фафхрда: грудь Северянина тяжело вздымалась, мертвенно-бледный подбородок торчал поверх повязки. Мышелова внезапно охватила страшная ярость, какой-то безудержный гнев, и он бросился на старика.

Но едва он замахнулся кинжалом, как в комнату снова ворвался вой. Изливаясь из каких-то мрачных глубин, он, казалось, заполнил собою всю башню и равнину, так что задрожали стены и посыпалась пыль со свисающих с потолка чучел.

Мышелов задержал клинок в ладони от горла старика, голова которого откинулась назад и тряслась от ужаса. Страшное завывание послышалось снова, и теперь возникал вопрос: может ли кто-нибудь кроме старика спасти Фафхрда? Заколебавшись, Мышелов оттолкнул свою жертву, встал рядом с Фафхрдом на колени. Он тормошил его, звал по имени, но тщетно. Затем послышался голос старика. Он дрожал и был едва слышен из-за воя, но в нем явственно звучало злорадное торжество.

— Тело твоего друга сейчас на грани смерти. Если ты будешь так сильно его тормошить, оно сорвется в гибельную пучину. А если снимешь повязки, это лишь ускорит его смерть. Ты не в силах ему помочь. — Угадав молчаливый вопрос Мышелова, он продолжал: — Нет, противоядия не существует. — Потом, словно не желая отнимать последнюю надежду, торопливо добавил: — Но он не будет беззащитен перед ними. Он силен. Значит, и дух его тоже силен. Возможно, ему удастся их вымотать. Если он продержится до полуночи, то, быть может, и вернется.

Мышелов повернулся и взглянул на старика. Тот опять, словно прочитав что-то в безжалостных глазах Мышелова, проговорил:

— Моя смерть от твоей руки не насытит тех, кто там завывает. Убив меня, ты не спасешь своего друга, а обречешь его на гибель. Лишившись моего духа, они прикончат дух твоего друга.

Сухонькое тело старика задрожало от возбуждения и ужаса. Руки затрепетали в воздухе. Голова затряслась, как у паралитика. Прочитать что-либо по его дергающемуся лицу с выпученными глазами было трудно. Мышелов медленно поднялся на ноги.

— Может быть, и не прикончат, — сказал он. — А может, как. ты говоришь, твоя смерть станет и его гибелью. — Мышелов говорил медленно и размеренно. — Тем не менее, я рискну убить тебя прямо сейчас, если ты не предложишь иного выхода.

— Подожди, — ответил старик. Он попытался оттолкнуть от себя кинжал Мышелова, но напоролся на острие и отдернул руку. — Подожди. Есть способ помочь твоему другу. Где-то там, — старик неопределенно взмахнул рукою вверх, — его дух сражается с ними. У меня еще осталось немного зелья. Я дам тебе его выпить. Тогда ты сможешь сражаться рука об руку со своим другом. Вместе вы сможете их победить. Но нужно торопиться. Смотри! Они уже напали на него!

Старик показал на Фафхрда. Повязка на левой руке Фафхрда была уже не белой. На левой кисти — именно там, куда вполне могла вцепиться собака — расплывалось красное пятно. Глядя на него, Мышелов почувствовал, что внутри у него все похолодело, а к горлу стала подступать тошнота. Старик вложил что-то ему в ладонь.

— Выпей это. Выпей прямо сейчас, — настаивал он.

Мышелов взглянул на свою руку. В ней была зажата небольшая склянка с жидкостью темно-багрового цвета — в точности такого же, как и засохшая капля в уголке рта Фафхрда, которую он заметил раньше. Как зачарованный, он вытащил пробку из склянки, медленно поднес к губам и замер.

— Скорее! Скорее! — торопил старик, приплясывая от нетерпения. — Половины будет достаточно, чтобы ты оказался рядом с другом. Время не ждет! Пей же! Ну, пей!

Но Мышелов пить не стал. Пораженный внезапной мыслью, он пристально посмотрел на старика, так и не опустив руку со склянкой. А тот, мгновенно уловив мысль Мышелова, схватил лежавший на книге кинжал и с неожиданным проворством накинулся на человечка в сером. Удар едва не достиг цели, но Мышелов в последний миг опомнился и свободной рукой выбил клинок из пальцев старика. Кинжал звякнул об пол. Затем быстрым, но осторожным движением Мышелов поставил склянку на пол. Бросившись вперед, старик попытался было ее опрокинуть, но железные пальцы Мышелова сжали его запястья. Не ослабляя хватки, Мышелов заставил старика лечь на пол и запрокинуть голову.

— Хорошо, — проговорил Мышелов, — я выпью. На сей счет можешь не сомневаться. Но и ты выпьешь тоже.

Сдавленно взвизгнув, старик начал вырываться.

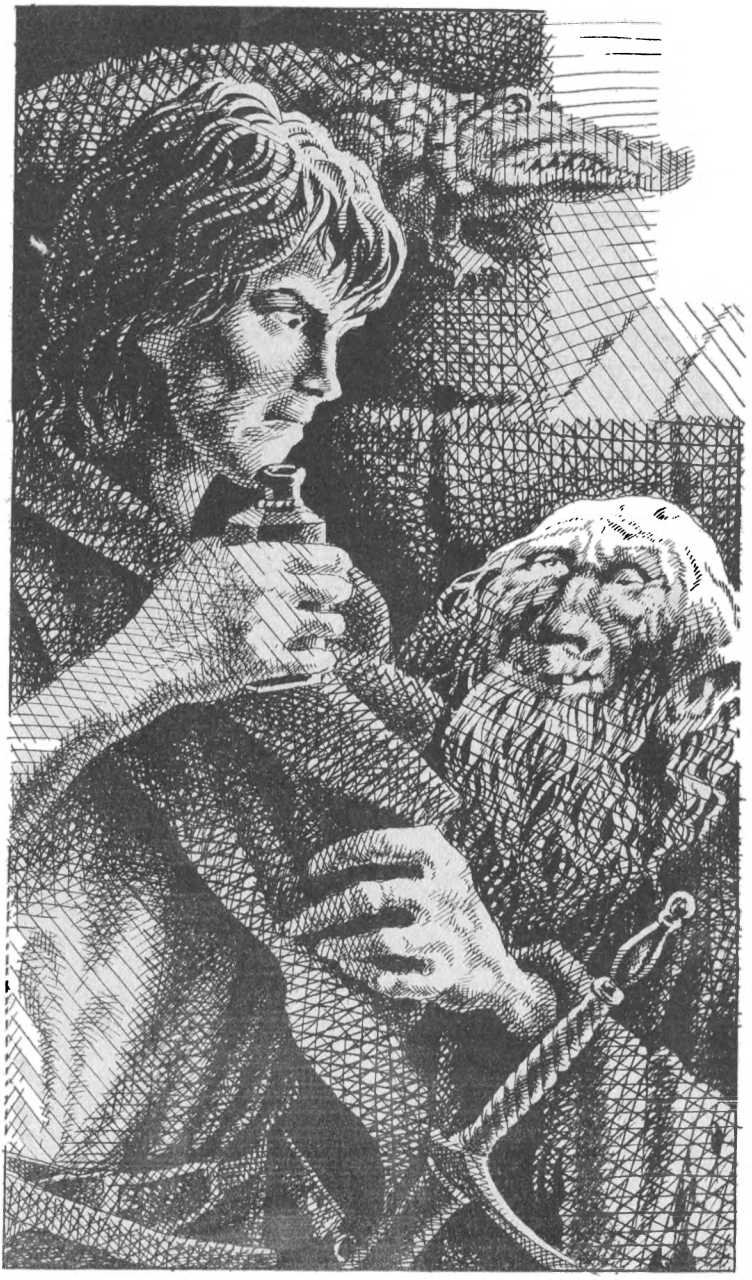
— Нет! Нет! — вопил он. — Убей меня! Заколи своим кинжалом! Но только не заставляй пить! Только не это! — Прижав коленями кисти старика к полу, Мышелов принялся разжимать ему рот. Внезапно старик затих, и его обведенные белыми кругами глаза со зрачками-точками прояснились. — Я отдал последнее зелье твоему другу. А в склянке — яд. Мы оба просто умрем, а он будет обречен.

Но увидев, что Мышелов не поймался и на этот крючок, старик снова принялся извиваться как безумный. Но человечек в сером был неумолим. Несмотря на то, что старик прокусил ему большой палец, он разжал ему челюсти, схватил двумя пальцами за нос и влил в открытый рот багровую жидкость. Лицо старика сразу сделалось ярко-красным, на лбу выступили жилы. Глоток прозвучал, словно предсмертный хрип. Тогда Мышелов допил остаток жидкости — она была солоноватая, как кровь, и имела тошнотворный сладковатый запах — и стал ждать.

То, что он сделал, было ему отвратительно. Никогда в жизни он еще не заставлял мужчину или женщину испытывать такой ужас. Мышелов предпочел бы убить. А физиономия старика до нелепости напоминала личико ребенка, которого мучают. Только он, эта старая развалина, думал Мышелов, понимал до конца, что означает этот вой, до сих пор гудевший у них в ушах. Мышелов чуть было не позволил старику схватить кинжал, к которому тот из последних сил протягивал руку. Но мысль о Фафхрде заставила его крепко схватить старика за кисть.

Постепенно комната наполнилась дымкой, закачалась и стала медленно вращаться. У Мышелова закружилась голова. Казалось, что из-за воя стены начали медленно растворяться. Какая-то сила стала выкручивать ему тело и ввинчиваться в мозг. Затем на комнату обрушился кромешный мрак, раздираемый на части жутким воем.

Однако на бескрайней и чужой равнине, перед которой вдруг раздвинулся мрак, было тихо. Только равнина и зверский холод. С безоблачного неба лился

лунный свет — хотя самой луны не было, — падавший на ровные гряды черных скал; вдали резко вырисовывался бесцветный горизонт.

Мышелов осознал, что рядом стоит нечто, пытающееся спрятаться за его спину. Затем он разглядел невдалеке бледную фигуру и понял, что это Фафхрд. Вокруг него все кишело от черных звериных теней; они, нападая, прыгали вперед и отбегали, глаза их сверкали ярче лунного света, длинные морды издавали беззвучное рычание. Нечто рядом с Мышеловом прижалось к нему плотнее. И тогда Мышелов ринулся на помощь другу.

Свора теней мгновенно бросилась к нему, и Мышелов напряг все силы, чтобы достойно встретить их натиск. Однако первая тень прыгнула мимо его плеча, а остальные, разделившись на две группы, потекли черным потоком, обходя его с обеих сторон. И тут Мышелов ощутил, что нечто прятавшееся за ним исчезло. Он обернулся и увидел, что черные тени преследуют какую-то другую бледную фигурку.

Она бежала быстро, но звериные тени ее настигали. Погоня миновала скалистый пригорок, за ним другой, третий. Мышелову показалось, что среди своры духов животных он разглядел более высокие, человеческого вида тени. Они медленно сокращались в размерах, становились крошечными, почти неразличимыми. А между тем Мышелов ощущал излучаемые ими ненависть и страх.

Затем лунный свет померк, остался лишь холод, который тоже рассеялся без следа, и больше уже не было ничего.

Придя в себя, Мышелов увидел перед собою лицо Фафхрда и услышал его голос:

— Лежи тихо, малыш. Лежи тихо. Нет, я ранен не сильно. Всего лишь разодранная рука. Со мною все неплохо. Не хуже, чем с тобой.

Но Мышелов нетерпеливо покачал головой и попытался привстать, опираясь на ноющую руку. В пронзительных лучах солнечного света сквозь узкие окошки, плавала пыль. И тут Мышелов увидел труп старика.

— Да, — проговорил Фафхрд, и Мышелов, почувствовав слабость, опустился на ложе. — Страхи его кончились. Они расправились с ним. Мне бы надо

испытывать к нему ненависть, но кто может ненавидеть такой ветхий кусок плоти? Когда я вошел в башню, он подал мне какое-то питье. С головой у меня было явно не все в порядке. Я поверил каждому его слову. Он сказал, что питье сделает меня божеством. Я выпил и оказался в ледяной адской пустыне. Но теперь все кончено, мы снова в Невоне.

Рассматривая безусловно и окончательно мертвые чучела, болтавшиеся под потолком, Мышелов испытывал удовлетворение.

6. Затонувшая земля

— Нет, все же я родился в сорочке! — радостно завопил Фафхрд и принялся так скакать по палубе, что раскачал одномачтовик, даже несмотря на аутригеры. — Посреди океана я поймал рыбу, вспорол ей брюхо и смотри, малыш, что нашел!

Серый Мышелов отодвинул лицо от вымазанной рыбьей кровью руки, брезгливо сморщил нос, поднял левую бровь и посмотрел. Штуковина не казалась совсем уж крошечной даже на широкой ладони Фафхрда и, несмотря на покрывающий ее тонкий слой ила, была несомненно золотая. Она представляла собою кольцо с припаянным к нему ключом, который располагался вдоль пальца, когда кольцо надевали. Сквозь ил смутно проглядывал резной орнамент. Штуковина как-то сразу не приглянулась Мышелову. В ней почему-то сосредоточилось то неясное беспокойство, которое он ощущал последние несколько дней.

Прежде всего ему не нравилось громадное и соленое Крайнее море, и только безудержный энтузиазм Фафхрда да его собственная тоска по ланкмарской земле заставили Мышелова пуститься в это долгое и, надо сказать, опасное плавание по неизведанным глубинам. Не по душе ему было и то обстоятельство, что вода так далеко от суши буквально кипела от большого косяка рыбы. Даже стоявшая все время хорошая погода и благоприятные ветры раздражали его: казалось, они, словно зарождающаяся в чистом небе грозовая туча, сулят на будущее большие неприятности. Слишком удачное стечение обстоятельств — это всег-

да опасно. А теперь еще и это кольцо, доставшееся им безо всякого труда, по чистой случайности.

Пока Фафхрд медленно вертел кольцо в пальцах, друзья присмотрелись к нему повнимательнее. Насколько им удалось разглядеть, на кольце был выгравирован морской дракон, который тащит корабль на дно. Изображение, однако, было стилизованным и без каких бы то ни было подробностей. Возможно, они и ошиблись. Но Мышелова, бывавшего в самых разных краях, озадачило более всего одно: он не мог определить стиль, в котором было выполнено изображение.

А вот у Фафхрда кольцо пробудило странные воспоминания. Какие-то легенды, звучавшие долгими северными ночами у сложенного из плавника костра; сказки о великих походах и дальних набегах прежних дней; освещенные неверными отблесками пламени предметы, захваченные далекими предками и давно приобретшие для всех такое значение, что их ни в коем случае нельзя было обменять на что-нибудь, продать или даже просто подарить; зловещие и неопределенные угрозы, к которым прибегали, чтобы мальчишки не заплывали сами и не ходили под парусом слишком далеко. На миг зеленоватые глаза Северянина затуманились, а задубевшее лицо стало серьезным — но лишь на миг.

— Хорошенькая штучка, верно? — с улыбкой проговорил он. — Интересно, чью дверь отпирает этот ключ? По-моему, какой-нибудь королевской любовницы. Колечко по размеру как раз для королевского пальца.

Фафхрд подбросил его в воздух, поймал и вытер о свою грубую тунику.

— Я бы не стал его надевать, — заметил Мышелов. — Скорее всего, рыбка проглотила его вместе с пальцем какого-нибудь утопленника, и оно впитало в себя яд из морского ила. Выброси-ка ты его.

— И попробовать выловить побольше? — ухмыльнулся Фафхрд. — Нет, мне и это в самый раз. — Он надел кольцо на средний палец левой руки, сжал кулак и принялся критически его рассматривать. — К тому же, им можно действовать, как кастетом, — добавил он.

Увидев, что крупная рыба выскочила из воды и чуть было не шлепнулась прямо в кокпит, Фафхрд

схватил лук, положил на тетиву стрелу без оперения, но с зазубренным утяжеленным наконечником, и, опершись одной ногой в аутригер, стал пристально вглядываться за борт. К стреле была привязана легкая просмоленная бечева.

Мышелов не без зависти наблюдал за ним. Оказавшись на борту судна, высокий и поджарый Фафхрд, казалось, становился еще проворнее и увереннее — таким же ловким, каким был Мышелов на суше. Сам Мышелов отнюдь не был сухопутной крысой и плавал не хуже Фафхрда, но чувствовал себя немного не в своей тарелке, когда день за днем вокруг него была одна вода — точно так же, как Фафхрд ощущал неуверенность, оказавшись в городе, хотя не имел ничего против таверн и уличных потасовок. На борту Мышелов становился осторожным и опасливым: он бдительно следил, не появилась ли где-нибудь течь или слабый дымок, не начала ли портиться пища и не стал ли подгнивать такелаж. Он не одобрял стремлений Фафхрда при любом удобном случае испробовать новую оснастку и брать рифы в самый последний момент. Его немного раздражало, что он не может с полным основанием квалифицировать поведение друга как безрассудство.

Фафхрд продолжал напряженно всматриваться в бегущую, чуть зыблющуюся воду. Его длинные медно-красные волосы были убраны за уши и завязаны на затылке узлом. Одет он был в груботканую коричневатую тунику и штаны, на ногах — кожаные шлепанцы, которые можно сбросить одним движением. Пояс, меч и прочее оружие были, понятное дело, завернуты от ржавчины в промасленную материю и убраны. Никаких драгоценностей или украшений Северянин теперь не носил, если не считать найденного кольца.

Взгляд Мышелова скользнул на небо: у горизонта, справа по курсу, собирались облака. Чуть ли не с облегчением он подумал, что они, быть может, предвещают скверную погоду. Поплотнее стянув на шее свою тонкую серую тунику, он чуть повернул румпель. Низкое солнце отбрасывало скрюченную тень Мышелова на парус из небеленого полотна.

Зазвенела тетива, и тяжелая стрела ушла под воду. Засвистела бечева, которая сматывалась с катуш-

ки — ее Фафхрд держал в той же руке, что и лук, и чуть придерживал большим пальцем. На миг бечева немного ослабла, потом дернулась в сторону кормы. Нога Фафхрда скользнула вдоль поперечины и уперлась в поплавок, локтях в трех от борта. Фафхрд позволил другой ноге соскользнуть вслед за нею и оказался распростертым на поперечине почти по колени в воде; он осторожно вываживал рыбу, посмеиваясь и что-то довольно бормоча.

— Ну что, тебе повезло и на этот раз? — немного спустя осведомился Мышелов, когда Фафхрд подал ему дымящийся белый кусок рыбы, сваренной на плите в уютной каютке на носу судна. — Может, к своему кольцу ты раздобыл еще и браслет с ожерельем?

Фафхрд ухмыльнулся с набитым ртом и ничего не ответил, как будто в этот миг в мире не существовало ничего, кроме еды. Но когда позже они растянулись на палубе под звездным небом, по которому гнал редкие облака свежий ветер, дувший с правого борта их летящего все быстрее суденышка, Северянин заговорил:

— Кажется, где-то здесь была земля, которая называлась Симоргия. Она ушла под воду много веков назад. Но еще до этого мой народ совершал на нее набеги, хотя путь был неблизким, а обратная дорога изнурительной. Я плохо помню подробности — слышал лишь какие-то обрывки разговоров, когда был совсем маленьким. Но я видел несколько безделушек с примерно такой же резьбой, как на кольце, их было совсем немного. В легендах вроде говорилось о том, что люди, жившие в далекой Симоргии, были могущественными волшебниками, которые повелевали ветрами, морями и всеми подводными обитателями. Но за это океан поглотил их. И теперь они под водой. — Развернув ладонь, Фафхрд уперся большим пальцем в палубу. — В легенде говорится, что однажды летом мой народ решил напасть на них, но домой вернулось лишь одно судно, когда все уже потеряли надежду, а его команда была полумертвой от жажды. Они говорили, что плыли очень долго, но так и не добрались до Симоргии, не увидели ее скалистого берега и приземистых башен со множеством окон. Только пустынное море. Они пробовали повторить набег на сле-

дующее лето и еще на следующее, но Симоргии так больше и не нашли.

— Но в таком случае, — оживился Мышелов, — откуда нам знать, что мы идем сейчас над затонувшей землей? Может эта рыба, что ты поймал, и близко не подплывала к ее башням?

— Кто знает? — чуть сонно ответил Фафхрд. — Океан велик. Если мы находимся сейчас там, где по нашим расчетам должны быть, то есть почти дома, то возможно так оно и есть. А может, и нет. Я не знаю, существовала ли Симоргия на самом деле. Эти сказители любят приврать. Как бы там ни было, эта рыба не так уж стара и никак не могла поживиться плотью какого-нибудь жителя Симоргии.

— И тем не менее, — тихо и равнодушно проговорил Мышелов, — я бы все же выбросил это кольцо.

Фафхрд усмехнулся. Его воображение разгулялось, и он в красках представил себе сказочную Симоргию — не безжизненную и заросшую илом, а такую, какой она была когда-то: богатую своими ремеслами и торговлей, могущественную неведомыми чародейскими силами. Потом это видение сменила другая картина: длинная и узкая двадцативесельная галера — такая, какие строили его соплеменники, — рассекающая волны бурного моря. Одежда капитана, стоящего на корме, поблескивает золотом и сталью, кормчий, напрягая все мускулы, навалился на рулевое весло. Лица сидящих на веслах воинов нетерпеливы и возбуждены желанием покорить неизведанное, а весь корабль похож на устремленное вперед копье. Фафхрд подивился живости представшего перед ним видения. Внутри у него зазвенели давно забытые желания. Он нащупал кольцо, провел пальцем по изображениям корабля и чудовища и снова усмехнулся.

Мышелов принес из каюты оплывшую свечу с толстым фитилем и вставил ее в защищенный от ветра небольшой фонарь из рога. Он был укреплен на корме и хоть немного рассеивал окружающий мрак. До полуночи на вахте стоял Мышелов. Вскоре Фафхрд погрузился в сон.

Проснулся он от ощущения, что погода переменилась и требуется его помощь. Мышелов звал его. Одномачтовик накренился так, что правый поплавок лишь касался гребней волн. Ветер бил в лицо студеной

водяной пылью. Фонарь раскачивался. Звезды были видны лишь за кормой. Мышелов привел суденышко к ветру, Фафхрд взял три рифа, а волны бились прямо о нос одномачтовика, порою перехлестывая через планширь.

Когда друзьям удалось выправить курс, Северянин не сразу присоединился к Мышелову, а постоял немного, впервые засомневавшись, выдержит ли его одномачтовик крепкий шторм. У себя на севере он не стал бы строить такое судно, но это было лучшее, что он сумел сделать при сложившихся обстоятельствах. Еще на берегу Фафхрд тщательнейшим образом проконопатил и просмолил все швы, заменил все слабые детали деревянного набора, вместо прямого поставил треугольный парус и сделал форштевень немного выше. Для придания судну большей устойчивости он снабдил его аутригерами, поставив их чуть в корму от мачты, а длинные поперечные связи тщательно вытесал из самого прочного дерева, какое смог раздобыть. Он знал, что потрудился на славу, однако у суденышка все равно остался довольно неуклюжий набор и множество скрытых изъянов. Принюхиваясь к резкому соленому воздуху, Фафхрд стоял и сузившимися глазами всматривался в наветренную сторону, пытаясь оценить, что станет с погодой. Тут до него дошло, что Мышелов что-то говорит ему, и он повернул голову.

— Выброси кольцо, пока оно не накликало нам ураган!

Улыбнувшись, Фафхрд отрицательно помахал рукой и снова вперился взглядом в дикий мерцающий хаос мрака и волн с наветренного борта. Он уже не думал о судне и погоде, а просто наслаждался внушающей ужас и повторяющейся из века в век картиной, покачиваясь, чтобы удержать равновесие, ощущая каждое движение судна и вместе с тем безудержную, но родную для него силу стихии.

И тут произошло нечто, заставившее его недвижно застыть, словно он оказался во власти могущественных чар. Из вздымающейся к небесам стены мрака вынырнул увенчанный драконьей головой нос галеры. Фафхрд увидел черное дерево бортов, светлые весла, блеск влажного металла. Все это так походило на картину, нарисованную его воображением, что от

изумления он лишился дара речи: то ли перед ним еще одно видение, то ли он каким-то внутренним чутьем предвидел появление черной галеры, то ли мысленно вызвал ее из океанских глубин. А галера вздымалась все выше и выше.

Мышелов что-то крикнул и навалился на румпель, изгибаясь всем телом от неимоверного напряжения. Одномачтовик буквально в последнюю секунду выскользнул из-под форштевня с драконьей головой. А Фафхрд все смотрел на галеру, как будто она была видением. Он не слышал, как Мышелов кричал ему, что их парус заполоскал и перекидывается на другой борт. Гик врезался Северянину под коленки и столкнул его за борт, однако он упал не в воду, а приземлился на узкий поплавок, с трудом сохраняя равновесие. В этот миг, увидев, что ему на голову стремительно опускается весло галеры, он рванулся в сторону и инстинктивно ухватился за лопасть. Волны завертели, закрутили Фафхрда, но он, крепко вцепившись в весло, начал медленно карабкаться по нему вверх.

Ноги его онемели от нанесенного гиком удара, он даже испугался, что не сможет плыть. К тому же он все еще был словно околдован увиденным. О Мышелове и одномачтовике он забыл начисто. Вырвавшись из алчных объятий волн, Северянин добрался до борта галеры и вцепился в край отверстия для весла. Оглянувшись назад, он с каким-то тупым удивлением увидел удаляющуюся корму его суденышка и в свете качающегося фонаря — лицо Мышелова с совершенно беспомощными глазами под серым капюшоном.

То, что произошло за этим, вмиг разбило сковывавшие Фафхрда чары. Из-за борта вылетела рука с зажатым в ней кинжалом. Увильнув от удара, Фафхрд схватил ее за кисть, вцепился в борт галеры, поставил ногу в отверстие прямо на весло и изо всех сил дернул руку с кинжалом на себя. Его противник выпустил кинжал слишком поздно и, не успев как следует уцепиться за борт, полетел в воду, в запоздалой панике брызжа слюной и стуча зубами. Инстинктивно перейдя в наступление, Фафхрд спрыгнул на скамью для гребцов, оказавшуюся последней из полутора десятков, расположенных под палубой юта. Мгновенно углядев стойку с мечами, он схватил один

из них, чтобы встретить две спешащие к нему темные фигуры — одну с носовых скамей, другую — с кормы. Они набросились на него стремительно, но молча, что показалось Фафхрду странным. Замелькали искрящиеся от водяных брызг клинки.

Фафхрд сражался осмотрительно, соразмеряя свои выпады с качкой галеры и все время ожидая нападения сверху. Ему удалось уклониться от сокрушительного выпада и парировать неожиданный удар наотмашь, сделанный тем же оружием. В лицо ему хлестнул запах винного перегара. Кто-то вытащил весло и швырнул его, словно огромное копье; оно пролетело между Фафхрдом и его противниками и врезалось в стойку с мечами, Фафхрд разглядел крысиного вида лицо с глазками-бусинками, ощерившееся на него из тьмы под палубой юта. Один из его противников сделал бешеный бросок вперед, но поскользнулся и упал. Другой отступил, чтобы собрать силы для очередной атаки, но так и застыл с поднятым мечом, глядя Фафхрду за спину, словно оттуда исходила новая угроза. Громадная волна ударила ему в грудь, и он скрылся в кипящем водовороте.

Почувствовав на плечах тяжесть огромной массы воды, Фафхрд вцепился в борт. Палуба угрожающе накренилась. Вода хлынула в отверстие для весел в противоположном борту. В замешательстве Фафхрд понял, что галера попала на подошву волны и зачерпывает воду всем бортом. Такого ей не выдержать. Увернувшись от следующего вала, он бросился на помощь кормчему, в одиночестве боровшемуся на юте со стихией. Они вдвоем навалились на громадное рулевое весло, которое казалось погруженным не в воду, а в камень. Дюйм за дюймом они медленно двигались по узкой палубе. И тем не менее, галера, похоже, была обречена.

Но дело решил случай — то ли на миг ослабел напор волн и ветра, то ли вовремя навалились на весла сидевшие на носу гребцы. Как бы там ни было, но полузатопленное судно медленно и неуклюже встало на ровный киль и начало постепенно спрямлять курс. Фафхрд с кормчим прилагали неимоверные усилия, чтобы удержать каждый завоеванный фут. И только когда галера благополучно двинулась полным ветром, они подняли головы и осмотрелись. Фафхрд

обнаружил, что в грудь ему направлены два меча. Прикинув свои шансы, он решил пока не сопротивляться.

Было трудно поверить, что в такой страшной сырости можно сохранить хоть какой-то огонь, но один из воинов держал в руке плюющийся искрами смоляной факел. В его свете Фафхрд разглядел, что оба они были, так же как и он, северянами. Высокие костлявые парни, такие светловолосые, что бровей почти не было видно. На них были боевые доспехи с металлическими заклепками и небольшие бронзовые шлемы. Лица их выражали нечто среднее между свирепостью и ухмылкой. Фафхрд снова ощутил запах перегара. Взглянув на нос галеры, он увидел, как трое гребцов вычерпывают из трюма воду с помощью ведра, прикрепленного к чему-то вроде ручной лебедки.

В сторону юта широкими шагами двигался какой-то человек — скорее всего, главарь, если судить по его уверенному виду и одежде, украшенной золотом и драгоценными камнями. Гибким кошачьим движением он взлетел по короткому трапу. Он казался моложе других, а черты его лица отличались изяществом. Белокурые волосы, тонкие и шелковистые, прилипли к мокрым щекам. Однако плотно сжатые, искривленные в улыбке губы говорили о кровожадности, а в ярко блестевших голубых глазах таилось безумие. Под их взглядом лицо Фафхрда посуровело. Однако Северянину не давал покоя один вопрос. Почему даже среди суматохи он не слышал ни криков, ни воплей, ни громогласных команд? С тех пор как он появился на борту, никто не произнес ни единого слова.

Похоже, юный главарь принял относительно Фафхрда какое-то решение: чуть раздвинув тонкие улыбающиеся губы, он указал рукою на скамьи для гребцов. Наконец Фафхрд решил нарушить молчание и хриплым неестественным голосом спросил:

— Что вы задумали? Не забывайте, что я спас ваш корабль.

Он весь напрягся, с удовлетворением отметив, что кормчий держится рядом с ним, словно общая работа сковала их незримой цепью. Главарь перестал улыбаться. Приложив палец к губам, он раздраженно повторил свой первый жест. На этот раз Фафхрд понял. Он должен заменить гребца, которого сбросил

за борт. Иронизируя над собою в душе, Фафхрд признал, что это по-своему справедливо. Ему пришло на ум, что если он вновь ввяжется в столь невыгодное для себя сражение, его ждет быстрая смерть, а если бросится за борт в безумной надежде отыскать одномачтовик в этой завывающей и бушующей тьме, то смерть будет медленной. Руки воинов, державших мечи, напряглись. Коротким кивком Фафхрд дал им понять, что готов подчиниться. По крайней мере все они — его соплеменники.

Когда Фафхрд ощутил под лопастью своего весла тяжелую, неподатливую воду, его охватило новое, причем давно знакомое чувство. Он сразу стал как бы частью судна и стремился к той же, что и оно, цели — какова бы она ни была, проникся древним духом единения с гребной скамьей. А когда его мышцы разогрелись и настроились на ритм гребли, Фафхрд обнаружил, что поглядывает на окружающих его людей, как на старых знакомых, стремясь разгадать упрямое, каменное выражение их лиц.

Из глубокой норы под палубой юта вылезло какое-то существо, закутанное в невообразимые лохмотья, и поднесло кожаную флягу к губам гребца, сидевшего перед Фафхрдом. Среди всех этих гигантов существо казалось до нелепости крошечным. Оно повернулось, и Фафхрд узнал глазки-бусинки, которые уже видел раньше, а когда существо подошло ближе, разглядел под высоким клобуком желтоватое лицо старика-монгола, морщинистое и умное.

— Стало быть, ты новичок, — насмешливо проквакал монгол. — Мне понравилось, как ты размахивал там своим мечом. А теперь напейся как следует, потому что Лавас Лерк может решить принести тебя в жертву морским богам еще до рассвета. Но только осторожнее, не пролей.

Фафхрд жадно припал губами к фляге и чуть было не закашлялся, когда поток крепкого вина обжег ему гортань. Через несколько мгновений монгол отобрал флягу.

— Теперь ты знаешь, чем Лавас Лерк кормит своих гребцов. В этом мире, да и в других тоже, найдется немного команд, которые держатся на вине. — Он усмехнулся и заговорил снова: — Ты наверно удивляешься, почему я говорю вслух. Что же, молодой

Лавас Лерк мог заставить своих людей дать обет молчания, но со мною этот номер не прошел, потому что я всего лишь раб. Я поддерживаю огонь — и неплохо, как ты уже убедился, — подаю им вино, и готовлю мясо, и заговариваю корабль от дурного глаза. Поэтому есть вещи, которых не могут требовать от меня ни Лавас Лерк, ни какой другой человек или даже демон.

— Но что же Лавас Лерк?..

Задубевшая ладонь мингола зажала Фафхрду рот и прервала его шепот.

— Тс-с! Тебе что, не дорога жизнь? Не забывай, что теперь ты — человек Лаваса Лерка. Но я расскажу тебе все, что ты хочешь узнать. — Мингол уселся рядом с Фафхрдом на мокрую скамью и теперь стал похож на груду небрежно сваленной черной одежды. — Поклявшись совершить набег на Симоргию, Лавас Лерк принял сам и заставил своих людей принять обет молчания, пока они не увидят берег. Тс-с! Я знаю, что говорят, будто Симоргия скрыта под толщей воды или будто такой земли никогда и не было. Но Лавас Лерк дал торжественную клятву своей матери, которую он ненавидит даже больше, чем своих друзей, и убил человека, который осмелился поставить под сомнение эту его затею. Вот мы и блуждаем в поисках Симоргии, хотя там, быть может, и делать-то нечего — разве что воровать жемчужины из раковин, да грабить рыб. Наклонись-ка пониже да не греби столь усердно, и я поведаю тебе тайну, которая вовсе не тайна, и сделаю предсказание, которое вовсе не предсказание. — Мингол пододвинулся поближе. — Лавас Лерк ненавидит всех, кто не пьян, потому что считает — и не без основания, — что лишь пьяные хоть чем-то на него похожи. Этой ночью команда будет грести хорошо, хотя у них в желудках не было мяса уже более суток. Этой ночью, благодаря вину, они увидят хотя бы отблеск видений, которые видит Лавас Лерк. Но завтра утром у них будут ныть спины, разламываться от боли черепа и подведет животы. И тогда вспыхнет мятеж, и Лаваса Лерка не спасет даже его безумие.

Фафхрд удивился: мингол внезапно вздрогнул, слабо кашлянул, а в горле у него забулькало. Северянин дотронулся до него рукой, и по его ладони потекла

теплая жидкость. Лавас Лерк выдернул кинжал из горла мингола, и старик скатился со скамьи.

Все это произошло без единого слова, однако весть о том, что произошло нечто гнусное, переходя в штормовой мгле от гребца к гребцу, вскоре достигла передней скамьи. Команду охватило с трудом сдерживаемое волнение, которое стало усиливаться по мере того, как люди узнавали, что совершилось нечто действительно ужасное — убит раб, поддерживавший огонь, раб, чья чародейская сила, хоть и подвергалась нередко насмешкам, была неразрывно связана с участью всего судна. Повсюду стала слышаться если не членораздельная речь, то тихое ворчание и шепотки, скрип вытаскиваемых из воды весел — словом, набирающий силу ропот, в котором смешались страх и угроза; он прокатывался взад и вперед по судну, как волна в лохани с водой. Отчасти поддавшись всеобщему возбуждению, Фафхрд приготовился прыгнуть, только еще не решил куда — то ли на неподвижного, но уже насторожившегося Лаваса Лерка, то ли в сравнительно безопасную дыру под палубой юта. Лавас Лерк был явно обречен, вернее был бы обречен, не раздайся с юта громкий и дрожащий голос кормчего:

— Земля! Симоргия! Симоргия!

Этот дикий крик, словно костлявая рука скелета, схватил матросов за горло и довел их возбуждение до высшей точки. Все как один задрожали и полной грудью вдохнули соленый воздух. Послышались крики изумления и ужаса, зазвучали проклятия, напоминавшие мольбу. Два гребца сцепились друг с другом только затем, чтобы дать выход болезненному взрыву чувств. Другие принялись судорожно табанить и криками призывать остальных последовать их примеру, чтобы развернуть галеру и уплыть подальше от острова. Фафхрд вскочил на скамью и стал всматриваться вперед.

В опасной близости от галеры из моря громадной горою вздымался остров. Огромное черное пятно, смутно вырисовывавшееся на фоне чуть более бледного ночного неба; несмотря на дождь и клочья тумана, кое-где виднелись квадраты тусклого света, которые, судя по их правильному расположению, могли быть

только окнами. А рев прибоя и грохот обрушивающихся на берег волн становился все громче.

Катастрофа застала всех врасплох. Фафхрд вдруг увидел движущийся мимо громадный утес, да так близко, что сломалось последнее весло на другом борту. Галера поднялась на волне, и он в благоговейном ужасе уставился на три окна, прорезанные в утесе — если, конечно, это был утес, а не торчащая из воды башня, — однако не узрел ничего, кроме призрачного желтоватого свечения. Затем Фафхрд услышал, как Лавас Лерк высоким и хриплым голосом отдает какие-то команды. Несколько человек яростно заработали веслами, но было уже слишком поздно, хотя галера и зашла в этот миг за скалу, в более спокойную воду. Вдоль всего киля пробежал душераздирающий скрежет. Балки набора стонали и трещали. Еще одна волна приподняла галеру, и от страшного удара люди кувырком покатились по палубе. Затем судно застыло, и слышался лишь рев прибоя, пока Лавас Лерк ликующим голосом не возопил:

— Доставать оружие и вино! Готовиться к высадке!

В столь опаснейшем положении, когда галера села на камни и буквально переломилась пополам, эта команда прозвучала нелепо. Однако матросы немного пришли в себя и, казалось, даже заразились диким нетерпением от своего главаря, который только что доказал им, что мир так же ненормален, как и он сам.

Фафхрд смотрел, как они выносят из каморки под ютом факел за факелом, пока вся корма разбитой галеры не оказалась в дыму и пламени. Он смотрел, как они, хватая бурдюки, жадно присасываются к ним, как разбирают мечи и кинжалы, примеривают их к руке и для пробы рассекают ими воздух. Кто-то из них схватил его за руку и толкнул к стойке с мечами, приговаривая:

— Давай, Рыжеволосый, давай! Выбери и ты себе оружие.

Фафхрд беспрепятственно двинулся вдоль стойки, чувствуя, однако, что ему, еще так недавно бывшему их врагом, вооружиться не дадут. И точно: Лавас Лерк остановил одного из своих подручных, который как раз протянул Фафхрду меч, и с любопытством уставился на левую руку Северянина.

Озадаченный Фафхрд поднял ее, и тут Лавас Лерк вскричал:

— Хватайте его!

С этими словами он сдернул что-то у Фафхрда со среднего пальца. И тут Фафхрд вспомнил: кольцо.

— Такую работу ни с чем не спутаешь, — проговорил Лавас Лерк, хитро и несколько странно поглядывая на Северянина, казалось, его светло-голубые глаза то ли смотрят чуть в сторону, то ли просто косят. — Этот человек — симоргийский шпион, а может, симоргийский демон, принявший облик северянина, чтобы усыпить наши подозрения. Он вылез к нам из моря, несмотря на бушующий шторм, разве не так? Кто-нибудь из вас видел судно?

— Я видел судно, — поспешно отозвался кормчий. — Странный одномачтовик с треугольным парусом...

Но Лавас Лерк искоса глянул на кормчего, и тот осекся.

Фафхрд почувствовал спиной острие кинжала и расслабил напрягшиеся было мускулы.

— Убить нам его, что ли? — Вопрос прозвучал прямо над ухом у Фафхрда.

Лавас Лерк криво ухмыльнулся в полумраке и замер, словно прислушиваясь к совету какого-то невидимого духа бури. Затем покачал головой.

— Пусть пока живет. Покажет нам, где спрятаны сокровища. Сторожите его с мечами наголо.

Тем временем люди уже начали покидать галеру, спускаясь по свисавшим с носа канатам на скалы, куда еще достигали волны прилива. Один или двое со смехом спрыгнули прямо с борта. Выпавший у кого-то из руки факел зашипел в морской пене. Вокруг не прекращались крики и вопли. Кто-то затянул песню — голос был пьяный и скрежетал как ржавый нож по стеклу. Наконец Лавас Лерк кое-как построил своих приспешников, и они двинулись в путь; половина несла факелы, кое-кто сжимал в объятиях бурдюки с вином. Люди спотыкались и оскальзывались, проклинали острые камни и ракушки, о которые ранились, то и дело падая и выкрикивая чудовищные угрозы темноте, глядевшей на них странными окнами. Позади, раскорячившись веслами, словно мертвое насекомое, лежала галера.

После недолгого пути, когда рев прибоя стал не таким оглушительным, факелы высветили большой портал в черной стене, который был то ли частью замка, то ли вел в громадную пещеру в утесе. Портал был прямоугольный и высотою с весло. К нему вели три истертые ступени, занесенные мокрым песком. На колоннах и тяжелом фризе смутно виднелся орнамент, частично покрытый илом и какой-то коркой, но, судя по непонятной символике, безусловно симоргийский.

Теснясь поближе друг к другу, мореплаватели молча разглядывали портал. Растянувшаяся процессия сбилась в плотную кучу. Лавас Лерк несмешливо воскликнул:

— Где твои стражи, Симоргия? Где твои воины?

С этими словами он смело взошел по ступеням. После недолгого колебания команда последовала за ним.

На массивном пороге Фафхрд невольно задержал шаг, с изумлением увидев, откуда исходит слабое желтоватое свечение, замеченное им раньше в высоких окнах. Фосфоресцировало все — потолок, стены, покрытый илом пол. Светились даже резные поверхности. Северянина охватил трепет и вместе с тем отвращение. Но плотная толпа тут же унесла его дальше. Вино и уверенность главаря притупили чувствительность людей, и они шли по длинному коридору, не отдавая себе отчета в ужасе, которым веяло от всего окружения.

Поначалу кое-кто из них держал оружие наготове на случай внезапного нападения или засады, но вскоре даже самые осмотрительные небрежно опустили мечи, стали прикладываться к бурдюкам с вином и перебрасываться шуточками. Неуклюжий кормчий с пятнами желтоватой пены на белокурой бороде затянул матросскую песню, остальные подхватили, и влажные стены задрожали от мощного рева. Все глубже и глубже проникали они в эту пещеру — а может, и замок, — двигаясь по широкому изгибающемуся коридору, устланному ковром из тины.

Фафхрда несло по течению. Когда он замедлял шаг, другие подталкивали его, и он шел быстрее, но все это происходило механически. Ему остались подвластны только глаза, они бегали из стороны в сторону и с неимоверным любопытством впитывали каждую подробность: и многочисленные неразборчивые резные

изображения морских чудовищ, отвратительных человекоподобных фигур, скатов и осьминогов, которые, казалось, оживали и двигались в мерцающем свечении; и высоко прорезанные окна или какие-то другие проемы со свисавшими из них темными скользкими водорослями; и лужи морской воды; и еще живые рыбы, хватавшие ртом воздух: люди наступали на них или отбрасывали ногой в сторону; и висевшие по углам гроздья усатых моллюсков; и, как казалось Фафхрду, еще какие-то существа, поспешно удиравшие у них с пути. В голове у него все более отчетливо звучала мысль: остальные явно должны понимать, где они находятся. Должны сообразить, что желтоватое свечение — это морская фосфоресценция. Должны догадаться, что они идут по жилищу самых таинственных обитателей глубин. Они обязательно должны осознать, что Симоргия действительно погрузилась под воду и всплыла только вчера или даже несколько часов назад.

Но люди шли за Лавасом Лерком и все так же пели, кричали и быстрыми глотками вливали в себя вино, поднося на ходу бурдюки к запрокинутым головам. А Фафхрд лишился дара речи. Плечи ему свело, словно море всей тяжестью уже давило на них. Его ум был совершенно подавлен зловещим появлением затонувшей Симоргии. Воспоминания о легендах. Мысли о черных столетиях, в течение которых морская живность медленно влезала, вползала и вплывала сюда, пока не заняла каждую щелочку и трещину и Симоргия не слилась с таинственным океаном. В глубоком гроте, выходившем в коридор, Фафхрд увидел каменный стол и рядом широкое каменное кресло; ему показалось, что он различил даже осьминога, который, словно передразнивая человека, развалился в кресле, обвив щупальцами подлокотники и глядя на пришельцев немигающими блестящими глазками.

Постепенно фосфоресценция становилась все ярче, и дымные факелы побледнели. А когда пение смолкло, прибоя уже не было слышно.

Коридор резко повернул вбок, и Лавас Лерк издал торжествующий вопль. Его приспешники, спотыкаясь, пошатываясь и перекликаясь, поспешили следом.

— Симоргия! — вопил Лавас Лерк. — Мы нашли твою сокровищницу!

Потолок квадратной комнаты, в которую они попали, был значительно ниже, чем в коридоре. В ней стояли черные, пропитавшиеся водой, тяжелые окованные железом сундуки. Под ногами чавкал густой ил, тут и там виднелись лужи воды. Свечение стало еще ярче.

Пока остальные раздумывали, светлобородый гребец выскочил вперед и дернул за крышку ближайшего сундука. Ее угол остался у него в руках: дерево оказалось мягче сыра, а металл — черным вязким илом. Гребец снова вцепился в сундук и почти целиком сорвал с него крышку: тускло заблестело золото, чуть засверкали покрытые тиной самоцветы. По драгоценностям пробежало похожее на краба существо и юркнуло в дыру в задней стенке.

С алчным воплем матросы набросились на сундуки, принялись их дергать, трясти и даже рубить мечами трухлявое дерево. Двое грабителей, борясь за право открыть сундук, рухнули прямо на него, он разлетелся на кусочки, и они продолжали тузить друг друга, лежа в грязи на груде драгоценностей.

Все это время Лавас Лерк так и не сошел с места, откуда издал недавно язвительный и ликующий крик. Фафхрду, который стоял рядом, забытый всеми, показалось, что Лавас Лерк огорчен тем, что его долгие поиски увенчались успехом, и отчаянно ищет чего-то большего, нежели золото и драгоценные камни, чтобы насытить свой дикий каприз. Затем Фафхрд обратил внимание, что Лавас Лерк что-то внимательно разглядывает — это была квадратная, заросшая илом, но несомненно золотая дверь в противоположной стене комнаты с изображенным на ней странно изгибающимся и плоским, словно одеяло, морским чудовищем. Послышался гортанный смех Лаваса Лерка, и Северянин увидел, что тот твердой поступью направился к двери, зажав что-то в руке. С удивлением Фафхрд сообразил, что это отнятое у него кольцо. Он увидел, как Лавас Лерк толкнул дверь, но та не шелохнулась. Он увидел, как, повозившись немного с кольцом, Лавас Лерк вставил его в золотую дверь и повернул. Увидел, как после очередного толчка дверь чуть приоткрылась.

И тут Фафхрд понял — мгновенно, как будто на него рухнула стена воды, — что все происшедшее не случайно, что с того мига, как его стрела пронзила

рыбу, все направлялось кем-то или чем-то, кому было нужно, чтобы эту дверь открыли. И, повернувшись, Фафхрд припустил назад по коридору, словно на пятки ему наступала приливная волна.

Без света факелов коридор казался бледным и переменчивым, словно в ночном кошмаре. Свечение передвигалось как живое, открывая в каждом углублении не замеченных раньше Фафхрдом тварей. Споткнувшись, он растянулся во весь рост, вскочил и бросился дальше. Как ни торопился Фафхрд, ему казалось, что он движется медленно, будто в дурном сне. Он старался смотреть только вперед, но краем глаза все равно замечал виденные уже подробности: свисающие отовсюду водоросли, чудовищные орнаменты, усатых моллюсков, угрюмые и неподвижные глазки осьминога. Он с удивлением отметил, что его ноги и тело светятся в тех местах, где на них попал ил. Наконец среди вездесущего свечения Фафхрд разглядел черный квадрат и со всех ног устремился к нему. Квадрат постепенно увеличивался — это был портал. Фафхрд перескочил через порог и нырнул в ночь, откуда его звал чей-то голос.

Это был голос Серого Мышелова. Он доносился со стороны, противоположной той, где лежала разбитая галера. По предательским скальным уступам Фафхрд ринулся на голос. В свете снова вышедших на небо звезд он увидел под ногами черный провал. Фафхрд прыгнул вниз, сильно ударившись ногами приземлился на очередную скалу и, к счастью, не потеряв равновесия, бросился дальше. Над кромкой черноты он увидел верхушку мачты и буквально скатился на маленькую фигурку, которая пристально смотрела в ту сторону, откуда он появился. Схватив Фафхрда за плечо, Мышелов подтащил его к обрыву и толкнул. Они одновременно коснулись воды и поплыли в сторону одномачтовика, стоявшего на якоре в тихой, защищенной скалами бухточке. Мышелов принялся было выбирать якорь, но Фафхрд, выхватив у него из-за пояса нож, перерезал канат и несколькими молниеносными движениями поднял парус.

Одномачтовик тронулся с места. Рябь на воде постепенно превратилась в небольшие волны, которые с каждой минутой набирали силу. Обогнув черный, покрытый клочьями пены остроконечный утес, они ока-

зались в открытом море. Фафхрд молча собирал все имевшиеся на борту куски парусины и вообще лез вон из кожи, стараясь увеличить ход своего потрепанного суденышка. Озадаченный Мышелов покорно помогал ему.

Они успели пройти совсем немного, как вдруг раздался грохот. Мышелов, смотревший с кормы назад, издал хриплый недоверчивый возглас. На них шла волна, которая была выше мачты. И одномачтовик засасывало назад. Мышелов поднял руки, как бы защищаясь от чего-то. Суденышко начало медленно вскарабкиваться на волну, все выше и выше; наконец оно достигло гребня и скользнуло вниз по противоположному скату. За первой волной последовала вторая, за ней — третья, четвертая, и все такие же громадные. Судно бóльших размеров неминуемо бы погибло. В конце концов волны уступили место такой пенистой круговерти, в которой потребовались все мыслимые и немыслимые усилия и тысяча молниеносных маневров, чтобы удержать судно на плаву.

Когда предрассветный полумрак начал рассеиваться, Фафхрд и Мышелов уже спокойно плыли, держа курс в сторону дома; маленький временный парус заменил прежний, разорванный в клочья во время шторма, из трюма было выкачано достаточно воды, чтобы одномачтовик обрел хоть какую-то мореходность. Фафхрд сонно наблюдал восход солнца и чувствовал себя слабым, как женщина. До его сознания долетали лишь обрывки рассказа Мышелова о том, как он потерял галеру из вида во время бури, но продолжал двигаться курсом, каким по его мнению она должна была идти, пока море не утихло, а потом увидел странный остров и высадился на нем, ошибочно решив, что галера вышла в море именно оттуда.

Потом Мышелов принес горьковатого разбавленного вина и соленой рыбы, но Фафхрд отказался от угощения и проговорил:

— Мне кое-что обязательно нужно знать. Назад я не оглядывался. А ты смотрел во все глаза на что-то у меня за спиной. Что это было?

Мышелов пожал плечами.

— Не знаю. Было слишком далеко, да и освещение подкачало. То, что я видел, выглядело довольно нелепо. Я много бы отдал за то, чтобы быть поближе. —

Он нахмурился и снова пожал плечами. — Словом, мне показалось, что я вижу вот что: толпа людей в больших черных плащах — по виду они были похожи на северян — выбежала из какого-то прохода. Во всем этом было нечто странное: свет, который их освещал, словно не имел источника. Потом они принялись вращать в воздухе этими своими черными плащами, словно сражались с ними или отплясывали какой-то танец... Говорю тебе, все это выглядело крайне нелепо... А потом они встали на четвереньки, накрылись плащами и поползли назад — туда, откуда вышли. А теперь можешь сказать, что я врун.

Фафхрд покачал головой.

— Это были не плащи, — заметил он.

Мышелов почувствовал, что за всем этим кроется больше, чем он предполагал.

— А что же это было? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Фафхрд.

— А что это было за место — я имею в виду остров, который чуть было не утянул нас за собой, когда стал тонуть?

— Симоргия, — ответил Фафхрд, поднял голову, и, широко раскрыв глаза, ухмыльнулся такой ледяной, жестокой усмешкой, что Мышелов оторопел. — Симоргия, — повторил Фафхрд и, подтянувшись к борту, уставился на бегущую мимо воду. — Симоргия. И теперь она затонула снова. Чтоб ей мокнуть там веки вечные, гнить и разлагаться, пока она вся не превратится в дерьмо!

Фафхрда передернуло от собственного проклятия, и он устало улегся на палубу. На восточной кромке неба уже проступала красноватая полоса.

7. Семь черных жрецов

Глаза на лице цвета остывшей лавы, горя, словно лава раскаленная, пристально всматривались вдоль отвесного склона вниз, в длинный скалистый уступ, пропадавший в ледяной тьме, едва тронутой рассветом. Сердце гулко стучало в груди у черного жреца. За всю его жизнь, и за жизнь его отца, тоже жреца, ни один чужак не появлялся на этой узкой тропе,

которая шла от Крайнего моря через горы, известные под названием гряды Бренных Останков. Уже трижды наступал и через много лет снова возвращался год Чудовищ, четырежды ходил корабль в тропический Клеш за женами, но за все это время никто, кроме него самого и его собратьев-жрецов не ставил ногу на эту тропу. Однако он всегда охранял ее так внимательно и самоотверженно, словно в любую ночь по ней могли крадучись пойти на приступ нечестивые копейщики и лучники.

И вот опять — сомнений быть не могло! — кто-то громко запел. Судя по голосу, грудная клетка у этого вокалиста не меньше медвежьей. Привычно, как будто он еженощно упражнялся в этом (а так оно и было), черный жрец, отложив в сторону конусообразную шляпу и сняв меховые сапоги и балахон, обнажил свое поджарое, тщательно намазанное жиром тело.

Отойдя в глубь каменной ниши, жрец выбрал в огороженном от сквозняков костре небольшую палочку и положил ее поперек выдолбленной в скале ямы. Ровное пламя осветило насыпанный в яму и на ладонь не доходивший до ее края тонкий порошок, который сверкал, словно растертые в пыль драгоценные камни. Жрец прикинул, что примерно через тридцать медленных вдохов и выдохов палочка посредине прогорит.

Он молча вернулся к краю ниши над заснеженным уступом, которая была в три нормальных человеческих роста и раз в семь выше него самого. Теперь на самом конце тропы он смутно различил фигуру — нет, даже две. Вытащив из набедренной повязки длинный нож, жрец подался вперед и замер, стоя на четвереньках. Едва слышно он шептал молитву своему странному, невероятному божеству. Где-то наверху чуть потрескивали не то скалы, не то лед — как будто сама гора разминала мышцы в предвкушении убийства.

— Ну-ка давай следующий стих, Фафхрд! — весело воскликнул первый из шедших по снежной тропе. — Чтобы его сочинить, у тебя было тридцать шагов, да и наше приключение длилось не дольше. А может, сова твоей поэзии наконец-то окоченела у тебя в глотке?

Мышелов ухмыльнулся, с кажущейся беспечностью вышагивая по снегу; на боку у него раскачивался его меч Скальпель. Высокий ворот серого плаща и надви-

нутый на лоб клобук бросали тень на его смуглое лицо, но не могли скрыть написанной на нем известной наглости.

Одежда Фафхрда, которую удалось спасти, после того как их одномачтовик разбился о студеный берег, была сшита сплошь из мехов и шерсти. На груди у него тускло поблескивала большая золотая пряжка, спутанные рыжеватые волосы были кое-как подвязаны золотой лентой. Белокожее лицо с широко расставленными серыми глазами казалось спокойным и уверенным, однако лоб был задумчиво наморщен. Из-за его правого плеча торчал лук, а над левым горели сапфировые глаза драконьей головы — это было навершие висевшего за спиной меча.

Наконец чело Фафхрда просветлело, и он запел — так запела бы гора, но несколько более добродушная, чем та, по которой они шли:

Лавас Лерк был похож
Своей рожей на нож
И внушал страшный ужас врагам,
И корабль его был
Просмолен и скользил
Лучше всех кораблей по волнам;
Но его все равно
Погрузили на дно
Мышелов, я и сказочный храм,
И теперь Лерк погиб —
Кормит яствами рыб.
Но...

Песня внезапно оборвалась, и Мышелов услышал, как зашуршала по снегу кожа. Резко обернувшись, он увидел, что Фафхрд скользит к краю пропасти; на какую-то секунду Мышелову даже пришло в голову, что Северянин, опьяненный собственными виршами, решил продемонстрировать трагическое погружение Лаваса Лерка в бездонную пучину.

В следующий миг Фафхрду уже удалось задержаться с помощью локтей и ладоней у самого обрыва. Одновременно на столь драматически освобожденное Северянином место откуда-то сверху влетела черная блестящая фигурка, приземлилась на согнутые руки и, перекувырнувшись, бросилась на Мышелова с ножом, сверкнувшим, как осколок луны. Еще немного, и нож вонзился бы Мышелову в живот, однако

Фафхрд, одной рукой держась за край обрыва, дернул другой нападающего за щиколотку. Тихо и страшно зашипев, черный человечек вывернулся и кинулся на Фафхрда. Но тут наконец Мышелов сбросил оцепенение, которое, как впоследствии он сам себя уверял, никогда не охватило бы его в местности менее холодной и мерзкой. Нырнув вперед, он резко толкнул человечка, кинжал которого высек искры из камня совсем рядом с рукою Фафхрда, и намазанная жиром фигурка стремительно заскользила вниз по отвесному склону. Бесшумно, словно летучая мышь, она мгновенно скрылась из вида.

Раскачивая свое могучее тело над пропастью, Фафхрд закончил стишок:

— Но вкуснейшее яство — он сам.

— Тише, Фафхрд! — наклонясь и к чему-то прислушиваясь, прошипел Мышелов. — Кажется, я слышал звук удара.

Фафхрд рассеянно присел на краю обрыва.

— Не мог ты ничего слышать, даже если высота здесь вдвое меньше, чем когда мы в последний раз заглядывали в эту пропасть, — заверил он приятеля.

— Но кто это был? — нахмурившись, спросил Мышелов. — Он похож на уроженца Клеша.

— Ага, особенно если учесть, что до клешских джунглей отсюда как до луны, — ухмыльнувшись, напомнил Фафхрд. — Какой-нибудь обмороженный до черноты полоумный отшельник, наверное. Говорят, в этих горушках встречаются всякие странные типы.

Запрокинув голову, Мышелов принялся изучать головокружительную вершину в милю высотой и заметил нишу над тропой.

— Интересно, есть там еще кто-нибудь? — с тревогой спросил он.

— Тронутые обычно ходят в одиночку, — вставая, успокоил его Фафхрд. — Пошли, ворчунишка, раз тебе нужен горячий завтрак, нам пора идти. Если древние предания не врут, мы к восходу достигнем Стылых Пустошей, а там по крайней мере есть хоть какие-то деревья.

В этот миг в нише, откуда спрыгнул их противник, вспыхнуло зарево. Оно пульсировало, становясь то фиолетовым, то зеленым, то желтым, то красным.

— А это еще что? — задумчиво проговорил Фафхрд, в котором наконец пробудился интерес к происходящему. — О том, что в гряде Бренных Останков бывают огненные сполохи, древние предания умалчивают. Если б мне хотелось тебя подзадорить, я предложил бы тебе подняться на этот холмик и самому...

— Ну уж нет, — перебил Мышелов, таща гиганта за рукав и проклиная себя за то, что начал задавать вопросы. — Я хочу, чтобы мой завтрак был приготовлен на нормальном огне. И я буду далеко отсюда, прежде чем это зарево увидят еще чьи-нибудь глаза.

— Да никто его не увидит, — с улыбкой ответил Фафхрд, покорно идя вслед за другом по тропе. — Вот уж любитель тайн на мою голову. Смотри, сияние уже почти погасло.

Но разноцветные сполохи увидел по крайней мере еще один глаз — размером с осьминожий и яркий, как Сириус.

— Гляди-ка, Фафхрд! — несколько часов спустя, уже утром, весело закричал Серый Мышелов. — Это знамение, чтобы отогреть наши замерзшие сердца! Зеленый холм подмигивает окоченевшим путникам, он строит нам глазки, словно умащенная зелеными притираниями смуглая клешская куртизанка!

— Должно быть, он и не менее пылок, чем клешская куртизанка, — в свою очередь обходя громадный валун, добавил могучий Северянин. — Видишь, он растопил весь снег.

Так оно и было. На горизонте снега и ледники Стылых Пустошей светились зеленовато-белым сиянием, но совсем рядом виднелось небольшое незамерзающее озерцо. И хотя воздух вокруг был студеным и дыхание путешественников вырывалось изо ртов облачками пара, на коричневатой тропе, по которой они шли, снега не было.

У ближайшего берега озерца высился холм, который имел в виду Мышелов, а на склоне холма, отражая лучи утреннего солнца, ослепительно блестела какая-то точка.

— Может быть, — не стал возражать Фафхрд. — Не знаю, клешская это куртизанка или холм, но у него несколько лиц.

Фафхрд попал в самую точку. При богатом воображении, бугристые склоны холма можно было принять за какие-то чудовищные лица с закрытыми глазами — кроме одного, который мерцал перед ними. Ближе к подножию холма лица, словно восковые, стекали вниз каменными ручейками — или это были слоновьи хоботы? — впадая в зеркальную, похожую на кислоту воду. Тут и там на фоне зелени краснела небольшая скала; это напоминало то ли о пятнах крови, то ли о красногубых ртах. Округлая вершина холма разительно отличалась по цвету и, казалось, была сделана из розовато-телесного мрамора. И она тоже что-то напоминала — скорее всего лицо спящего великана. Ее пересекал пласт ярко-красного камня — это могли быть великаньи губы. Из щели в красном пласте поднимался легкий туман.

Холм был явно вулканического происхождения. Словно какая-то дикая, первобытная сила, более необузданная, чем все известные Фафхрду и Мышелову, вынесла земную плоть на поверхность и та навечно застыла, соприкоснувшись с молодым и еще слабым миром, — застыла в постоянном бдении, ожидании, томлении.

А потом иллюзия исчезла — четыре лица пропали, черты пятого заколыхались и стали нерезкими. Холм снова стал холмом — вулканической причудой Стылых Пустошей, зеленым холмом со сверкающей точкой на склоне.

Фафхрд шумно вздохнул и принялся обозревать дальний берег озера. Он был кочковатый, поросший какой-то темной растительностью, которая неприятно напоминала мех. В одном месте из него торчал каменный столб, похожий чем-то на алтарь. А вокруг густого кустарника, расцвеченного кое-где красными листьями, простирались лед и снег, на которых изредка виднелись большие камни да кучки карликовых деревьев.

Однако мысли Мышелова были заняты другим.

— Глаз, Фафхрд! Радостный, сверкающий глаз! — зашептал он очень тихо, словно находился на людной улице и его мог подслушать какой-нибудь осведомитель или соперник. — Только раз я видел такое сверкание, это было при лунном свете, в царской сокровищнице. Тот огромный бриллиант мне унести не уда-

лось. Помешала сторожевая змея. Ее я, конечно, убил, но своим шипением она разбудила других стражей. А сейчас нужно всего лишь взобраться на холм. И если даже на таком расстоянии камень светится столь ярко, — для пущей убедительности Мышелов вцепился пальцами в ногу Фафхрда, в чувствительное место ниже колена, — сам подумай, до чего он громаден!

Северянин, слегка нахмурившись от боли, равно как от дурных опасений и предчувствий, тем не менее алчно вдохнул ледяной воздух.

— И мы, бедные мародеры с разбитого корабля, — восторженно продолжал Мышелов, — сможем рассказать изумленным и завистливым ланкмарским ворам, что не только прошли по гряде Бренных Останков, но и обчистили их по пути.

И Мышелов весело понесся по узкой тропке, переходившей в неширокую скалистую седловину над озером, которая соединяла горный массив с зеленым холмом. Фафхрд двигался не так быстро и не спускал глаз с холма, ожидая, что лица появятся снова или исчезнут вовсе. Но ни того, ни другого не случилось. Ему пришло в голову, что холм, пусть даже частично, — дело человеческих рук, да и мысль об идоле с бриллиантовым глазом не казалась такой уж невероятной. Почти добравшись до конца седловины, у самого подножия холма, Фафхрд налетел на Мышелова, рассматривавшего плоский черный камень, испещренный черточками явно искусственного происхождения, как с первого взгляда убедился Северянин.

— Руны тропического Клеша! — пробормотал он. — Откуда они взялись здесь, так далеко от джунглей?

— Надо полагать, их вырезал какой-то обмороженный до черноты отшельник, в безумном озарении научившийся клешскому языку, — язвительно заметил Мышелов. — Ты что, забыл нашего ночного гостя с ножом?

Фафхрд лишь коротко кивнул. Друзья склонились над глубоко вырезанными иероглифами, стараясь призвать на помощь свои скудные знания, полученные при изучении древних карт с изображением мест, где спрятаны клады, и чтении перехваченных у шпионов зашифрованных посланий.

— Семь черных... — с трудом прочел Фафхрд.

— ...жрецов, — закончил Мышелов. — Это мы прочли правильно, кто бы там ни были эти жрецы. А дальше что-то про бога, зверя или дьявола — вот этот замысловатый иероглиф означает одно из трех, в зависимости от окружающих слов, которых я не понимаю. Это очень древняя надпись. И семь черных жрецов должны не то служить этому замысловатому иероглифу, не то держать его связанным, а может, и то, и другое.

— И пока будет длиться это служение, — продолжал разбирать Фафхрд, — этот самый бого-звере-дьявол будет лежать спокойно... или спать... или останется мертвым... или не встанет...

Внезапно Мышелов подскочил, болтая в воздухе ногами.

— А скала-то горячая! — пожаловался он.

Фафхрд кивнул. Даже через толстые подметки своих сапог из моржовой кожи он начал ощущать странное тепло.

— Горячее, чем пол в преисподней, — заметил Мышелов, подпрыгивая то на одной ноге, то на другой. — Ну что, Фафхрд? Полезем или нет?

Внезапно расхохотавшись, Фафхрд отозвался:

— Да ведь ты, малыш, уже давно принял решение! Разве это я завел разговор о громадных бриллиантах?

И они полезли, выбрав место, где конец гигантского хобота или щупальца, а может, и складка оплывшего подбородка выступала из гранитной скалы. Лезть было нелегко с самого начала: зеленые камни имели округлую форму без каких-либо следов долота или топора, что сильно поколебало и без того сомнительную теорию Фафхрда относительно того, что холм — наполовину рукотворный.

Друзья карабкались и карабкались вверх, изо ртов у них вырывались облака пара, хотя камень чуть ли не обжигал им руки. Дюйм за дюймом преодолев скользкую поверхность с помощью рук, ног, локтей, коленей и даже обожженных подбородков, они оказались на нижней губе одного из ртов зеленого холма. Похоже, на этом их восхождение и закончилось: громадная щека над ними была совершенно гладкой и выступала вперед на длину копья.

Однако Фафхрд снял со спины у Мышелова веревку, ранее служившую вантой на их разбитом одно-

мачтовике, завязал на конце петлю и бросил ее в сторону лба, из которого торчало нечто вроде рога или короткого щупальца. Петля села на место с первого же раза. Фафхрд, навалившись всем своим весом, натянул веревку, проверяя ее на прочность, после чего вопросительно взглянул на спутника.

— Что ты надумал? — осведомился Мышелов, любовно приникнув к скале. — Эта затея начинает казаться мне дурацкой.

— А как же алмаз? — с добродушной иронией отозвался Фафхрд. — Он ведь такой большой, Мышелов, просто громадный!

— Скорее всего, это кусок кварца, — кисло ответил Мышелов. — У меня что-то пропал к нему аппетит.

— А вот я, — вскричал Фафхрд, — наоборот нагулял аппетит!

И, держась за веревку, он прыгнул в пустоту, плавной дугой огибая щеку в прозрачном, залитом солнечными лучами воздухе.

Несколько мгновений ему казалось, что раскачиваются озеро и зеленый холм, а не он сам. Остановился он как раз напротив чудовищно припухшего века. Забравшись на него и отыскав на припухлости хорошую опору для ног, он швырнул конец веревки Мышелову, который был скрыт от него щекою гигантского лица. После третьего броска конец веревки не вернулся. Фафхрд присел на корточки и надежно закрепился. Веревка у него в руках натянулась. Вскоре и Мышелов уже стоял рядом с ним на выступе.

На лице маленького мошенника снова было написано веселье, но веселье какое-то хрупкое, словно он хотел покончить со всем этим как можно скорее. Пройдя по огромному нижнему веку, приятели остановились прямо под воображаемым зрачком. Он располагался над головой Фафхрда, но Мышелов ловко вскарабкался приятелю на плечи и заглянул в глаз.

Упершись в зеленую стену, Фафхрд нетерпеливо ждал. Казалось, Мышелов будет молчать вечно.

— Ну что там? — в конце концов спросил Северянин, у которого уже начали ныть плечи от тяжести приятеля.

— Это и в самом деле алмаз. — Голос Мышелова звучал на удивление равнодушно. — Большой. Я даже

не могу обхватить его пальцами в поперечнике. Он сделан в виде гладкого шара — действительно что-то вроде алмазного глаза. Но вот вытащить его отсюда... Он сидит очень глубоко. Попробовать? Да не вопи ты так, Фафхрд, а то мы оба свалимся вниз! Пожалуй, раз уж мы здесь, то его нужно взять. Но это не так-то легко. Моим ножом мне... хотя нет, получилось! Я думал, алмаз вправлен прямо в скалу, но тут что-то вроде смолы. Липкое. Ну вот, готово. Я спускаюсь.

Краем глаза Фафхрд успел заметить, что Мышелов держит в руках нечто шарообразное, гладкое и ослепительное, опоясанное каким-то уродливым и неровным смолистым кольцом, как вдруг почувствовал, что его кто-то словно слегка задел за локоть. Северянин обернулся и посмотрел. На секунду ему почудилось, что он вдруг оказался в душных зеленых джунглях Клеша: из коричневого меха его шубы торчала зловеще зазубренная небольшая стрела, густо намазанная какой-то черной смолистой дрянью, очень похожей на ту, что налипла на алмазный глаз.

Фафхрд молниеносно бросился ничком на уступ и крикнул Мышелову сделать то же самое. Затем осторожно вытащил стрелу и с облегчением убедился, что та лишь пробила толстую меховую шубу, но руку не задела.

— Кажется, я его вижу! — крикнул Мышелов, чуть приподняв голову над краем уступа. — Маленький человечек с длиннющей трубкой для выдувания стрел, одетый в какой-то мех и конусообразную шляпу. Сидит на корточках в темных кустах на том берегу озера. Похоже, такой же черный, как и наш ночной гость с ножом. По-моему, уроженец Клеша — если, конечно, не еще один из твоих обмороженных отшельников. Осторожно, он снова подносит трубку к губам!

Вторая стрела звякнула о скалу у них над головами и упала рядом с рукою Фафхрда. Тот поспешно ее отдернул.

Затем послышалось жужжание и приглушенный щелчок. Это решил вступить в схватку Мышелов. Пользоваться пращой, лежа ничком на узком уступе, нелегко, однако пущенный Мышеловом снаряд врезался в кусты совсем рядом с черным стрелком, и тот моментально исчез.

Разработать дальнейший план операции оказалось делом несложным, потому что возможностей у друзей оставалось не густо. Пока Мышелов с помощью пращи прочесывал кусты на том берегу, Фафхрд спускался вниз по веревке. Несмотря на прикрытие Мышелова, он горячо молился, чтобы его шуба оказалась достаточно толстой. По своему опыту он знал, что клешские стрелы — штука скверная. Северянина немного подбадривало раздававшееся время от времени жужжание пращи.

Достигнув подножия зеленого холма, он натянул на лук тетиву и крикнул Мышелову, что готов прикрывать его отход. Фафхрд не переставая обшаривал взглядом обомшелые скалы на том берегу; дважды он замечал какое-то движение и тут же посылал туда одну из своих драгоценных двадцати стрел. Наконец Мышелов спустился, и они побежали по горячему подножию холма в то место, где загадочно зеленел древний ледник. Не раз оглядывались они на подозрительные кусты на том берегу, кое-где расцвеченные кроваво-красными листьями, и несколько раз им казалось, что видят кого-то, крадущегося за ними вслед. Они всякий раз выпускали в ту сторону стрелу или камень, однако с каким результатом — не знали.

— Семь черных жрецов, — пробормотал Фафхрд.

— Шесть, — поправил Мышелов. — Одного мы прикончили вчера ночью.

— Правильно, тогда шесть, — согласился Фафхрд. — Похоже, они на нас рассердились.

— А почему бы и нет? — отозвался Мышелов. — Мы же похитили единственный глаз их идола. Такие вещи обычно приводят жрецов в невероятное раздражение.

— Кажется, у него есть и другие глаза, — задумчиво предположил Фафхрд, — только он их еще не открыл.

— И слава Аарту! — прошипел Мышелов. — Осторожно, стрела!

Фафхрд мгновенно бросился лицом в землю, вернее, в скалу, и черная стрела зашуршала по льду, рядом с ними.

— Они раскипятились, по-моему, даже слишком, — неторопливо поднимаясь, заметил Фафхрд.

— А жрецы всегда так, — философски ответил Мышелов и вздрогнул, искоса взглянув на острие стрелы с черной коркой.

— По крайней мере мы от них избавились, — с облегчением вымолвил Фафхрд, когда они с Мышеловом запрыгали по льду. Мышелов язвительно ухмыльнулся, но Фафхрд этого не заметил.

Весь день они быстро двигались по зеленому льду на юг, ориентируясь по солнцу, стоявшему всего на ладонь над горизонтом. Ближе к вечеру Мышелов тремя выпущенными из пращи камнями сшиб двух низко летевших арктических птиц, а остроглазый Фафхрд углядел пещеру, черневшую в обнаженной скале у подножия высокого заснеженного склона. По счастью у входа в пещеру обнаружилось несколько карликовых деревьев, вырванных с корнями подвижкой льда, и вскоре оба искателя приключений жевали жесткое коричневатое птичье мясо, глядя на маленький костерок, разожженный у входа в пещеру.

Сладко потянувшись, Фафхрд проговорил:

— Прощай, черные жрецы! Одною докукой меньше. — Он ткнул в приятеля своим длинным пальцем. — Дай-ка, Мышелов, я гляну на этот глаз, что ты выковырял из зеленого холма.

Мышелов молча сунул руку в мешок и протянул Фафхрду сверкающий шар со смоляным ободком. Фафхрд взял его обеими руками и принялся задумчиво рассматривать. Пламя костра, отражаясь от алмаза, осветило пещеру зловещим красным сиянием. Фафхрд долго смотрел на него немигающим взглядом, и в конце концов Мышелова буквально пронизало ощущение окружавшей их тишины, которая нарушалась лишь чуть слышным, но частым потрескиванием поленьев в костре и нечастым, но громким потрескиванием льда снаружи. Мышелов чувствовал смертельную усталость, но почему-то и думать не мог о сне.

И вдруг Фафхрд каким-то тихим, неестественным голосом заговорил:

— Земля, по которой мы теперь ходим, была когда-то огромным живым зверем, выдыхавшим огонь и плевавшимся расплавленными скалами. Она вечно стремилась доплюнуть своей огненной слюною до звезд. Это было еще до людей.

— Ты что? — удивился Мышелов, очнувшись от своей полудремы.

— А когда пришли люди, земля уснула, — не глядя на Мышелова, так же глухо продолжал Фафхрд. — Но в своем сне она думает о жизни, шевелится, пытаясь придать себе человеческое обличье.

— Да что с тобой, Фафхрд? — с тревогой повторил Мышелов.

Но Фафхрд ответил лишь неожиданным храпом. Мышелов осторожно вытащил драгоценный камень из рук приятеля. Смолистый ободок был мягким и склизким — отвратительно мягким и склизким, словно какая-то черная живая ткань. Мышелов сунул камень в мешок. Через несколько часов Мышелов тронул приятеля за меховое плечо. Фафхрд вздрогнул и проснулся.

— В чем дело, малыш? — осведомился он.

— С добрым утром, — кратко ответил Мышелов, указывая на золу догоревшего костра и светлеющее небо.

Когда они, согнувшись, вылезали из пещеры, послышался отдаленный гром. Взглянув на заснеженный склон, Фафхрд увидел, что на них, увеличиваясь на глазах, катился громадный белый шар. Они с Мышеловом едва успели нырнуть назад в пещеру, как от оглушительного грохота содрогнулась земля и в пещере на секунду стало темно, когда громадный снежный ком прогремел мимо нее. Им пахнуло в лицо золой из костра, и Мышелов закашлялся.

Однако Фафхрд стремительно выскочил из пещеры, на ходу натягивая лук и кладя на тетиву стрелу длиною в руку. Задрав голову, он взглянул на склон. На самой его вершине копошились с полдюжины фигурок в конусообразных шляпах; они казались рядом с грозно зазубренным наконечником стрелы не больше жуков.

Жуки деловито сновали вокруг белого кома, который был чуть ли не выше их самих.

Фафхрд тихонько выдохнул, замер и спустил стрелу. В течение нескольких вдохов и выдохов крошечные фигурки продолжали копошиться вокруг неподатливого снежного шара. Затем ближняя к шару фигурка судорожно подскочила и распростерлась поверх него. Снежный ком медленно покатился под уклон вместе

с пронзенным стрелой черным жрецом, обрастая на ходу новым снегом. Вскоре жрец полностью скрылся под все утолщающейся снежной коркой, но еще до этого его торчащие в разные стороны руки и ноги изменили направление движения грозного снаряда, и тот прокатился правее пещеры на длину копья.

Когда грохот затих, из пещеры осторожно выглянул Мышелов.

— Я выстрелил и пустил лавину стороной, — небрежно заметил Фафхрд. — Давай-ка двигаться дальше.

Мышелов собрался было идти в обход — длинной извилистой тропой, заснеженной и изобиловавшей скользкими участками, но Фафхрд сказал:

— Нет, пойдем прямо к вершине, по дороге, которую очистили для нас эти снежные комья. Жрецы слишком хитры, чтобы предполагать, что мы изберем этот простой путь.

Однако пока они карабкались по скалистому склону, Фафхрд держал лук наготове и стал двигаться с удвоенной осторожностью, когда они достигли голого гребня горы. Перед друзьями открылся белый простор с зелеными пятнами льда, однако никаких движущихся точек на нем не было видно, да и укрыться поблизости было негде. Фафхрд снял тетиву с лука и рассмеялся.

— Похоже, они удрали, — сказал он. — Должно быть, несутся со всех ног к своему зеленому холму, чтобы обогреться. Как бы там ни было, мы от них избавились.

— Вот-вот, как вчера, — сухо отозвался Мышелов. — Ты полагаешь, падение одного из них со скалы ничуть их не встревожило, а вот когда ты всадил стрелу еще в одного, тут уж они напугались до смерти — так, что ли?

— Ладно, в любом случае, — сухо отозвался Фафхрд, — теперь уже осталось пять черных жрецов из семи.

С этими словами он беззаботно и широко зашагал вниз по противоположному склону. Мышелов шел медленнее, покачивая пращой с камнем и непрестанно оглядываясь по сторонам. Добравшись до заснеженной части склона, Мышелов внимательнейшим образом оглядел ее в поисках следов, но ничего похожего не

обнаружил. Когда он спустился к подножию, Фафхрд уже ушел на полет камня вперед. Чтобы нагнать его, Мышелов мягко и легко побежал, не теряя при этом, однако, бдительности. Его внимание тут же привлек приземистый сугроб, стоявший невдалеке, прямо на пути у Фафхрда. Мышелову не удалось определить по тени, не притаился ли кто-нибудь за этим сугробом, так как мешала желтовато-розовая дымка, застилавшая солнце, и он, не отрывая от него взгляда, прибавил шагу. До сугроба он добежал и убедился, что за ним никого нет, как раз в тот миг, когда Фафхрд только что миновал его.

И тут сугроб разломился на тысячу кусков снега, из него выскочила черная фигура и бросилась сзади на Фафхрда, держа в черной руке кинжал и целя им в горло Северянина. Почти мгновенно Мышелов кинулся на нее и изо всех сил ударил наотмашь пращой с лежавшим в ней камнем, который угодил нападавшему прямехонько в физиономию. Кривой нож просвистел в нескольких дюймах от шеи Фафхрда. Нападавший рухнул, и Северянин, не скрывая легкого удивления, обернулся.

Вмятина во лбу черного человечка была так глубока, что вопросов о его состоянии не возникало, и тем не менее Мышелов долго и пристально смотрел на него.

— И впрямь уроженец Клеша, — задумчиво проговорил он, — но более упитанный, чем обычно. С некоторой, так сказать, защитой от морозов. Странно, что они забрались так далеко, чтобы служить своему божеству.

Мышелов взглянул на Фафхрда и, не поднимая руки, резко крутанул пращой — словно наемный убийца в темном переулке, который хочет припугнуть таящихся в темноте противников.

— Осталось четверо, — подытожил он, и Фафхрд сдержанно кивнул в ответ.

Весь день шли они по Стылым Пустошам — шли очень осторожно, но безо всяких происшествий. Поднялся ветер, и стало чертовски холодно. Мышелов натянул свой клобук на нос и рот, и даже Фафхрд плотнее завернулся в шубу.

Когда небо стало приобретать оттенки умбры и индиго, Фафхрд внезапно остановился, натянул лук

и выстрелил. На какую-то секунду Мышелову, который был встревожен слишком уж задумчивым видом своего друга, показалось, что тот пустил стрелу просто в кучу снега. Однако когда куча подскочила и задрыгала четырьмя сероватыми копытами, Мышелов догадался, что Фафхрд подстрелил какое-то животное, покрытое белой шерстью. Он алчно облизывал онемевшие от холода губы, пока Северянин свежевал тушу и водружал ее себе на плечо.

Чуть позже, пройдя еще немного, друзья наткнулись на обнаженную черную скалу. Рассмотрев ее повнимательнее, Фафхрд достал из-за пояса топор и осторожно ударил по скале обухом. И вскоре Мышелов уже торопливо собирал в полу своего плаща большие и маленькие куски черного камня. Он чувствовал их маслянистость и согревался одною мыслью о том, как жарко они будут гореть.

Сразу за черной скалой обнаружился низкий утес, а в его подножии друзья увидели вход в пещеру, который загораживал торчавший в двух длинах копья от него высокий камень. Мышелов уже предвкушал наслаждение, следуя за другом к гостеприимному темному отверстию. Окоченевший, с ноющим от усталости телом и голодный, он очень боялся, что им придется ночевать на открытом воздухе и довольствоваться косточками вчерашней птицы. И вдруг за удивительно короткий промежуток времени им удалось добыть еду, топливо и укрытие. Как все удачно сложилось...

И тут, когда Фафхрд уже огибал высокий камень, направляясь ко входу в пещеру, Мышелова пронзила мысль: «Слишком удачно!» Он не раздумывая бросился к приятелю и повалил гиганта на снег.

Просвистевшая над их головами стрела чуть звякнула о высокий камень. Опять-таки не раздумывая, Мышелов бросился к пещере, выхватив на ходу из ножен Скальпель. Ворвавшись в пещеру, он сделал выпад влево, потом вправо и прижался к скалистой стене, предусмотрительно полосуя мечом мрак перед собой и пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь.

Наискосок от него и прямо напротив входа пещера, сворачивая вбок, образовывала тупик, в котором к удивлению Мышелова слабо пульсировало какое-то свечение — это был не костер и не отблески сумеречного света снаружи. Более всего оно походило на

сверхъестественное сияние, которое они видели на гряде Бренных Останков.

Как бы там ни было, но на его фоне был четко виден противник Мышелова. По счастью, приземистый человечек сжимал в руке не духовую трубку, а кривой кинжал. Когда Мышелов бросился на него, он, отступив назад, нырнул за угол, из-за которого исходило свечение. Мышелов двинулся следом и снова удивился, чувствуя в воздухе не только тепло, но и влагу. Он зашел за угол, и черный жрец, притаившийся сбоку у стены, прыгнул на него. Но Мышелов был к этому готов, его Скальпель вонзился противнику точно в грудь, и во влажном воздухе судорожно задергался кривой кинжал.

Фанатик попробовал было насадить себя поглубже на тонкий клинок, чтобы достать Мышелова. Но через миг его ненавидящий взгляд остекленел, жрец осел, а Мышелов с отвращением выдернул из его тела меч.

Едва держась на ногах, жрец отступил в облако сияющего пара, который, как теперь увидел Мышелов, поднимался над ямой в конце тупика. С чудовищным булькающим стоном черный человечек сделал еще шаг назад и рухнул в яму. Послышался глухой удар тела о скалу, пауза и тихий всплеск, после чего все стихло, если не считать отдаленного бульканья и шипения, доносившихся из ямы, под монотонные звуки которых в пещеру наконец ввалился Фафхрд.

— Осталось трое, — небрежно сообщил Мышелов. — Четвертый варится в этой яме. Но на ужин я хочу жаркое, а не отварное мясо, и к тому же у меня нет достаточно длинной вилки. Так что принеси уголь, который я там рассыпал.

Поначалу Фафхрд принялся возражать, не без суеверного страха глядя на кипящее жерло ямы и настаивая на том, что заночевать они должны где-нибудь в другом месте. На это Мышелов вполне справедливо заметил, что провести ночь в пустой пещере, где все прекрасно видно, гораздо лучше, чем рисковать наткнуться в темноте еще на одну засаду. В конце концов Фафхрд к радости Мышелова дал себя уговорить — правда, лишь после того, как заглянул в яму и убедился, что ни живому, ни вареному убийце оттуда не выбраться. А у Мышелова не было ни малейшего желания покидать это приятное теплое местечко.

Костер они разожгли у наружной стены, прямо у входа в пещеру, чтобы ни одна живая душа не могла прокрасться в нее незамеченной. Умяв внушительное количество жареной печенки и по несколько жестких, обуглившихся кусков мяса, друзья побросали обглоданные кости в костер, и пока они весело там потрескивали, Фафхрд прислонился спиной к скале и попросил Мышелова дать ему посмотреть алмазный глаз.

Его просьбу Мышелов выполнил неохотно и снова почувствовал отвращение, когда прикоснулся к вязкому кольцу, опоясывающему сверкающий ледяным блеском алмаз. У него было ощущение, что Фафхрд хочет сделать с камнем что-то не то, но что именно — он не знал. Однако Северянин просто осмотрел алмаз — правда, несколько озадаченно — и сунул его себе в сумку. Мышелов было запротестовал, но Фафхрд обрезал его, сказав, что это их общая собственность. Мышелов вынужден был согласиться.

Они решили нести дозор по очереди, Фафхрду выпало не спать первому. Мышелов завернулся в плащ и сунул под голову свой мешок и свернутый плащ. Уголь в костре пылал, странное сияние слабо пульсировало. Мышелову понравилось лежать между жаром первого и влажным теплом второго; порывы ледяного ветра снаружи казались ему приятной приправой. Полузакрытыми глазами он следил за игрой теней на стенах пещеры. Сидевший между ним и костром Фафхрд выглядел весьма надежно — большой, бдительный страж. Уже засыпая, Мышелов порадовался, что отдал Фафхрду алмаз — голове было гораздо мягче.

Разбудил его какой-то странный тихий голос. Костер уже догорал. На секунду Мышелов испугался — ему почудилось, что в пещеру проник кто-то чужой, возможно, усыпив приятеля тихими завораживающими словами. Но тут же сообразив, что таким же голосом Фафхрд разговаривал прошлой ночью, он увидел, что Северянин сидит, уставившись в алмазный глаз, словно созерцая бесконечные видения, и медленно покачивает камень в руках. Движущиеся отблески от алмаза совпадали с мерцающим сиянием, что Мышелову определенно не понравилось.

— Кровь Невона, — бормотал, чуть ли не пел Фафхрд, — еще бьется под его сморщенной скалистой

кожей, еще вытекает, горячая и свежая, из ран в горах Невона. Но чтобы принять человеческое обличье, этой земле нужна кровь героев.

Мышелов вскочил и осторожно потряс Фафхрда за плечо.

— Те, кто истинно поклоняется Невону, — зачарованно продолжал Фафхрд, как будто ничего не чувствуя, — стерегут его горные раны, ждут и молятся о приходе великого дня воплощения, когда Невон снова проснется, на этот раз в человеческом обличье, и стряхнет с себя паразитов, которые носят название людей.

Мышелов затряс Фафхрда изо всех сил, тот мгновенно проснулся и объявил, что ни на миг не смыкал глаз, а Мышелову приснился кошмар. Он лишь смеялся на все возражения Мышелова и стоял на своем как скала. Алмаз он тоже не отдал, а, засунув его поглубже к себе в мешок, дважды зевнул во весь рот и уснул под увещевания друга.

Остаток ночи Мышелов провел весьма неуютно. Убежище в скалах уже не казалось таким надежным, как раньше: ему везде чудилась опасность, он то заглядывал в кипящую яму, то вглядывался в темноту ночи, время от времени живо представляя себе, что сваренному жрецу каким-то образом удалось выбраться наружу. А между тем более трезвая часть его ума была занята пугающе правдоподобной теорией относительно того, что внутренние расплавленные слои Невона и впрямь завидуют людям и что зеленый холм — это одно из мест, где они стремятся выбраться из своей каменной одежды и превратиться во всемогущего человекоподобного великана, сделанного из ожившего камня. А черные клешские жрецы — это невонопоклонники, жаждущие уничтожить весь род людской. Алмазный же глаз — это вовсе не ценная, но безопасная добыча, а живое существо, пытающееся охмурить Фафхрда своим блеском и сулящее ему какую-то страшную участь.

Трижды пытался Мышелов забрать у приятеля камень, причем в третий раз попробовал даже разрезать дно его мешка. Однако несмотря на то, что Мышелов славился как самый ловкий карманник Ланкмара — если даже он и потерял былую сноровку, то совсем чуть-чуть, — Фафхрд всякий раз еще крепче прижи-

мал мешок к себе, что-то брюзжал сквозь сон и решительно отталкивал ловкую руку Мышелова. Мышелов подумывал даже отобрать камень силой, но отказался от этой затеи, инстинктивно придя к заключению, что лишь разбудит невероятное упрямство Северянина. К тому же, у него были недобрые предчувствия относительно состояния, в коем пробудится его друг.

Но когда заря осветила вход в пещеру, Фафхрд внезапно проснулся с чудовищным зевком и рыком — столь естественным, что Мышелов как обычно поморщился. И вообще, Фафхрд вел себя так радостно и простодушно, что страхи Мышелова рассеялись или по крайней мере отошли на второй план. Позавтракав холодным мясом, друзья аккуратно завернули и сложили в мешки жарившиеся всю ночь голяшки и лопатки подстреленного зверя.

Затем Мышелов выскочил из пещеры и укрылся за торчащим перед нею камнем, а Фафхрд прикрывал его, держа свой лук наготове. Выглянув несколько раз из-за камня, Мышелов проверил, нет ли засады на склоне над пещерой. После этого, зарядив пращу, он дал возможность и Северянину перебраться к нему. Убедившись, что, по крайней мере, поблизости никто не затаился, Фафхрд пружинистым шагом двинулся в путь. Мышелов проворно шел следом, однако через какое-то время его стали одолевать сомнения: ему начало казаться, что Северянин сильно забирает влево. Впрочем, полной уверенности в этом не было: солнце еще не встало, небо было покрыто длинными клочьями пурпурных и желтоватых облаков, а откуда они вчера пришли, Мышелов точно сказать не мог, поскольку когда приходишь на какое-то место, оно выглядит совсем не так, как когда с него уходишь.

Тем не менее он решился выразить свои сомнения вслух, на что Фафхрд ответил крайне уверенно и добродушно:

— В Стылых Пустошах я провел все детство и знаю их не хуже, чем ты — улочки Ланкмара или тропки Великой Соленой Топи.

Мышелов почти успокоился. К тому же день выдался безветренный, и он бесконечно этому радовался, так как очень любил тепло.

Пройдя в хорошем темпе полдня, друзья забрались на очередной заснеженный холм, и тут брови Мышелова удивленно поползли вверх, когда он увидел расстилающийся внизу пейзаж — зеркально-гладкий зеленый ледяной склон. Вершина холма справа от них была вся иззубрена, словно гребень громадной волны. Слева склон резко уходил вниз и терялся в каком-то белесом тумане, а если смотреть прямо, ему просто не было видно конца.

Поверхность склона была такой зеленой, что походила на море, застывшее по приказу могучего чародея, и вызывала головокружение. Мышелов был уверен, что в ясную ночь в ней отражаются звезды.

Он пришел в ужас, хотя и не удивился, когда приятель предложил просто пересечь этот громадный ледяной скат. Своим острым взором Северянин разглядел, что прямо под ними есть более пологий участок, после которого вновь начинается крутизна. Заверив, что спуститься по этой пологой ленте ничего не стоит, Фафхрд зашагал вперед, не дожидаясь ответа.

Смирившись с неизбежностью и пожав плечами, Мышелов двинулся следом, ступая сперва с величайшей осторожностью и непрестанно бросая тревожные взгляды на расстилающийся перед ним обширный склон. Вот бы ему сейчас подбитые бронзовыми гвоздями башмаки, пусть даже стоптанные, как у Фафхрда, или какие-нибудь шипы, чтобы не было так скользко идти! Однако мало-помалу Мышелов стал чувствовать себя увереннее и делал все более длинные и быстрые, хотя и осторожные шаги, так что вскоре нагнал Фафхрда.

Пройдя вслед за Северянином по бесконечному склону примерно три полета стрелы, Мышелов вдруг краем правого глаза заметил какое-то легкое движение и обернулся.

Выйдя из какого-то укрытия на иззубренной вершине, в их сторону быстро и бесшумно скользили в ряд три оставшихся в живых жреца. Ноги они ставили, как опытные лыжники, и, похоже, действительно шли на чем-то вроде лыж. Двое держали в руках копья, сделанные из метательных ножей, которые были вставлены в длинные трубки для отравленных

стрел, а у шедшего посредине вместо копья была острая сосулька футов восемь длиной.

Хвататься за пращу или лук было уже поздно, а как проткнешь мечом человека, который уже успел проткнуть тебя самого копьем? К тому же, скользкий склон — вовсе не место для изысканного позиционного маневрирования. Уверенный, что Фафхрд поступит точно так же и не говоря ему ни слова, Мышелов заскользил вниз по грозному, сворачивающему влево склону.

У него сразу же возникло чувство, что он отдался в руки демону головокружительной скорости. Лед тихо шуршал под его подошвами, недвижный воздух превратился в ветер, который трепал его одежду и морозил щеки.

И все же скорость оказалась недостаточной. Стоявшие на лыжах жрецы уже успели разогнаться. Мышелов надеялся, что на пологом участке им придется туго, однако все трое величественно, несмотря на свой невысокий рост, взмыли с него в воздух и четко приземлились всего в двух длинах копья позади. Кинжалы и сосулька заблестели леденящим блеском.

Мышелов вытащил из ножен Скальпель и после нескольких безуспешных попыток разогнаться, используя его в качестве лыжной палки, присел на корточки, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. Но черные жрецы все равно продолжали его настигать. Ехавший рядом Фафхрд оперся на свой длинный меч с драконьей головой, так что лед брызнул фонтаном, и сделал плавную дугу в сторону. Жрец с сосулькой свернул вслед за ним.

Тем временем двое других уже почти догнали Мышелова. Продолжая нестись по льду, он изогнулся и увильнул от одного копья и отбил Скальпелем другое. Затем в течение нескольких секунд он вел весьма странную схватку — словно бы стоя на месте, поскольку все трое двигались с одинаковой скоростью. Какое-то время Мышелов даже скользил задом наперед, с трудом парируя удары самодельных копий своим коротким клинком.

Но двое на одного — расклад всегда непростой, а на сей раз он мог бы оказаться просто фатальным, если бы в последний момент не появился Фафхрд: он заметил где-то небольшой уклон, набрал на нем ско-

рость и теперь летел во весь дух, размахивая над головой мечом. Он пронесся за спинами у жрецов, и две головы продолжали скользить по льду, но уже отдельно от туловищ.

Однако и Северянину грозила неизбежная гибель: последний черный жрец, быть может, благодаря весу своего ледяного копья, настигал Фафхрда, летя с еще большей скоростью, и неминуемо пронзил бы его, если бы Мышелов не отбил громадную сосульку вверх, держа Скальпель обеими руками, и в результате ее острие лишь взъерошило рыжие развевающие волосы Фафхрда.

И в следующее же мгновение все трое влетели в ледяной белый туман. Последним, что успел увидеть Мышелов, была несущаяся вперед голова Фафхрда — туман приходился Северянину в тот миг как раз по шею. А затем и Мышелов полностью погрузился в молочную пелену.

Было очень странно и неприятно нестись в этом белом дыму, чувствовать, как к щекам прилипают кристаллики льда, и не знать, в какую секунду ты налетишь на невидимую преграду. Мышелов слышал, как кто-то хрипло заворчал — кажется, это был Фафхрд, — и одновременно звонкий удар, как будто сломалось копье-сосулька, за которым последовал тихий и скорбный стон. Вслед за этим Мышелов почувствовал, что достиг дна впадины и едет вверх, а еще через секунду он вынырнул из тумана на красновато-желтый дневной свет и, подкатившись к мягкому сугробу, дико расхохотался от внезапного облегчения. Только через несколько мгновений он обнаружил, что Фафхрд, тоже сотрясаясь от смеха, лежит рядом с ним в снегу.

Северянин взглянул на Мышелова, и тот сделал вопросительный жест в сторону оставшегося позади тумана. Фафхрд утвердительно кивнул.

— Последний жрец мертв. Не осталось ни одного! — радостно провозгласил Мышелов, растянувшись на снегу, словно это была пуховая перина. Теперь он думал лишь о том, чтобы побыстрее найти пещеру — он не сомневался, что какая-нибудь да отыщется — и как следует отдохнуть.

Но оказалось, что в голове у Фафхрда совсем другое, а сам он так и кипит от избытка энергии. Им

следует не расслабляться и непременно идти до самого заката, говорил Северянин, рисуя такие заманчивые перспективы выбраться из Стылых Пустошей к завтрашнему дню или даже еще раньше, что Мышелов через какое-то время обнаружил следующее: он сам послушно шагает за своим могучим другом и то и дело удивляется, как тому удается держаться нужного направления в этом хаосе льда, снега и кучевых облаков крайне неприятного оттенка. Не могли Стылые Пустоши быть местом детских игр Фафхрда, думал Мышелов, внутренне содрогаясь при мысли, что ребенок способен резвиться в подобном месте.

Сумерки спустились прежде, чем они успели добраться до обещанного Фафхрдом леса, и Мышелов настоял на том, чтобы найти место для ночлега. Но на этот раз пещера что-то не попадалась. Было уже почти темно, когда Фафхрд заметил скалистую расщелину с кучкой чахлых деревьев, что обещало по крайней мере топливо и сносное укрытие от ветра.

Однако оказалось, что дерево вряд ли понадобится: совсем рядом друзья обнаружили выход черного угольного пласта, очень похожего на предыдущий.

Но едва Фафхрд радостно занес топор, как черный пласт ожил и бросился на него с кинжалом, метя прямо в живот.

Жизнь Фафхрду спасли его молниеносная реакция и неутомимость. Он втянул живот и увернулся с проворством, поразившим даже Мышелова, после чего обрушил топор на голову нападавшего. Приземистая черная фигурка задергала конечностями и вскоре затихла. Хохот Фафхрда прозвучал, словно раскат грома.

— Ну что, Мышелов, будем считать его черным жрецом номер ноль? — поинтересовался он.

Но Мышелов не видел особых причин для веселья. Его опять стала одолевать тревога. Если они просчитались на одного жреца — скажем, на того, который скатился с горы в снежном коме, или на другого, вроде бы убитого в тумане, — то почему они не могли просчитаться и на второго? Да и как они могли быть так уверены, лишь прочитав древнюю надпись, что черных жрецов всего семь? А если признать, что их могло быть и восемь, то почему тогда не девять, десять или даже двадцать?

Но Фафхрд лишь хмыкал в ответ, продолжая рубить дрова и подкладывать их в гудящий костер. И хотя Мышелов понимал, что костер на много миль вокруг объявит об их появлении, он был так благодарен за тепло, что не стал судить Фафхрда очень уж строго. А когда они согрелись и поели оставшегося с утра жареного мяса, на Мышелова навалилась столь приятная усталость, что он завернулся в плащ и вознамерился тут же лечь спать. Однако Фафхрд как назло извлек из мешка алмаз и принялся рассматривать его в свете костра, поэтому Мышелову волей-неволей пришлось приоткрыть один глаз.

Но на этот раз Фафхрд, казалось, не собирался входить в транс. Усмехаясь вполне трезво и даже несколько алчно, он так и сяк крутил камень, словно любовался его игрой и одновременно прикидывал, сколько квадратных ланкмарских золотых за него могут дать.

Мышелов успокоился, хотя и почувствовал легкое раздражение.

— Убери ты его, Фафхрд, — бросил он другу.

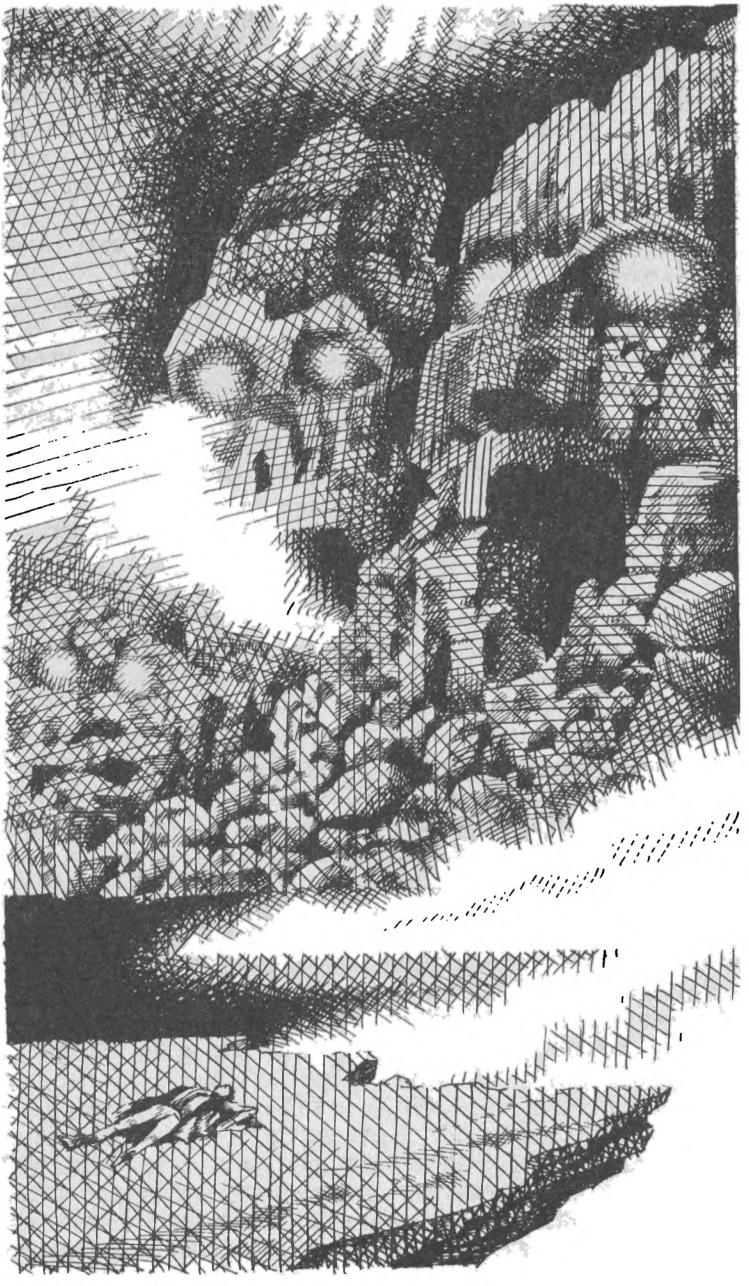
Фафхрд перестал вертеть камень, и один из лучей сверкнул прямо в глаза Мышелова. Тот вздрогнул: на какое-то мгновение он ясно ощутил, что камень смотрит на него осмысленно и злобно.

Но Фафхрд послушно сунул алмаз обратно в мешок и с полуулыбкой-полузевком тоже завернулся в плащ и лег. Постепенно вид пляшущих языков пламени успокоил как суеверные, так и вполне оправданные страхи Мышелова, и он уснул.

Следующее, что осознал Мышелов, было ощущение, будто его грубо швырнули в густую траву, на ощупь неприятно напоминающую мех. Голова у него раскалывалась, вокруг мерцало желто-багровое сияние, которое пронизывало его ослепительными лучами. До Мышелова не сразу дошло, что это мерцание реально и находится вне его гудящего черепа, а не внутри.

В надежде оглядеться он поднял голову, и ее тут же охватила нестерпимая боль. Однако, сжав зубы, Мышелов все же решил выяснить, где он находится.

Оказалось, что он лежит на бугристом, поросшем темной растительностью берегу озерца с водой, похожей на кислоту, напротив зеленого холма. В ночном небе горело северное сияние, а из похожей на рот

щели в склоне холма, теперь широко отверзтой, клубами вырывался красный пар, словно это с трудом дышал человек. Разноцветное освещение делало чудовищные лики холма совершенно живыми, их рты кривились, а глаза сверкали, как будто в каждый было вставлено по бриллианту. Всего в нескольких футах от Мышелова, у приземистого каменного столба, который действительно оказался чем-то вроде резного алтаря с чашей наверху, застыл Фафхрд. Северянин пел что-то на каком-то хрюкающем языке — Мышелов такого не знал и никогда не слышал, чтобы приятель им пользовался.

Мышелов с трудом сел. Бережно ощупал голову и над правым ухом обнаружил громадную шишку. Тем временем Фафхрд высек над чашей огонь — очевидно, с помощью камня и кинжала — и из нее взметнулся к небу столб багрового пламени. Мышелов увидел, что глаза у Северянина плотно зажмурены, а в руке он держит алмазный глаз.

И тут Мышелов понял, что глаз этот был гораздо мудрее черных жрецов, служивших холму-идолу. Они, как и многие жрецы, были слишком фанатичны и по уму даже в подметки не годились своему божеству. Пока они пытались вернуть украденный глаз и уничтожить воров, алмазное око прекрасно позаботилось о себе само. Оно заворожило Фафхрда и заставило его пойти круговым путем, который привел его и Мышелова к мстительному зеленому холму. На последнем отрезке пути оно даже ускорило события, вынудив Фафхрда оглушить сильным ударом спящего Мышелова и идти всю ночь, неся его на руках.

К тому же алмазный глаз был гораздо дальновиднее и целеустремленнее своих жрецов. У него явно была более серьезная цель, нежели просто быть возвращенным идолу. Иначе зачем же ему было заставлять Фафхрда сохранить жизнь Мышелову и взять его с собой? Око хотело каким-то образом использовать их обоих. В затуманенном мозгу Мышелова всплыла фраза, которую он слышал из уст Фафхрда позапрошлой ночью: «Но чтобы принять человеческое обличье, этой земле нужна кровь героев».

Тяжко ворочая в отупелом мозгу все эти мысли, Мышелов увидел, что Фафхрд приближается к нему с алмазным глазом в одной руке и обнаженным мечом

в другой, однако с обезоруживающей улыбкой на незрячем лице.

— Пошли, Мышелов, — ласково проговорил он, — настало время пересечь озеро, взобраться на холм, ощутить на себе прикосновение высочайших уст и смешать свою кровь с горячей кровью Невона. Тогда мы воплотимся в каменных гигантов, которые только еще должны появиться на свет, и вкусим в их обличье радость, когда будем сокрушать города, попирать ногами армии и вытаптывать посевы.

Услышав эти безумные речи, Мышелов сбросил оцепенение и решил действовать, не обращая внимания на мерцание небес и холма. Он выхватил из ножен Скальпель и, бросившись на Фафхрда, сделал замысловатый выпад с поворотом, благодаря которому меч Фафхрда непременно должен был вылететь у него из пальцев — тем более, что глаза Северянина были все еще крепко зажмурены.

Однако Фафхрд уклонился от молниеносного выпада с легкостью, с какою взрослый уклоняется от слабенького удара детской ручонки, после чего, печально улыбнувшись, неуловимым движением направил свой клинок прямо в горло Мышелову, и тот избежал гибели лишь благодаря отчаянному и совершенно фантастическому сальто назад.

Прыгнуть ему пришлось в сторону озера. И тут же Фафхрд стал наступать, держась при этом весьма уверенно и нагло. Его светлокожее лицо излучало невыразимое презрение. Гораздо более тяжелый меч Северянина двигался так же непринужденно, как Скальпель, выписывая сверкающие арабески выпадов и ударов, которые заставляли Мышелова отступать все дальше, дальше и дальше.

Все это время глаза Фафхрда оставались закрытыми. И только оказавшись на самом берегу озера, Мышелов все понял. За Северянина смотрел алмазный глаз, который тот держал в левой руке. Со змеиной внимательностью он следил за каждым движением Скальпеля.

И вот, продолжая маневрировать на скользком берегу совершенно зеркального озера под желто-багровую пульсацию небес и тяжкое дыхание зеленого холма, Мышелов в очередной раз увернулся от грозного

клинка Фафхрда, сделал нырок и неожиданно нанес сильнейший удар по алмазному оку.

Меч Северянина просвистел у него прямо над головой.

Алмазный глаз после удара рассыпался в белую пыль.

Черная мохнатая земля под ногами испустила мучительный стон.

Зеленый холм взорвался зловещим алым пламенем и взметнул к исшрамленному ночному небу столб расплавленной каменной породы вдвое выше себя самого, так что Мышелов едва удержался на ногах.

Схватив за руку своего приятеля, который ошеломленно стоял и пялил глаза в пространство, Мышелов понесся с ним прочь от зеленого холма и озера.

Через дюжину ударов сердца расплавленная лава уже затопила алтарь и потекла дальше. Багровые капли долетали даже до бежавших со всех ног Фафхрда и Мышелова, огненными стрелами проносясь над ними. Несколько капель угодили в цель, и Мышелову пришлось срочно гасить небольшой пожар прямо на спине у друга.

Мышелов на бегу оглянулся на холм. Тот еще плевался огнем и истекал багровыми ручейками, но тем не менее казался отяжелевшим, словно жизненные силы покинули его на время, а может, и навсегда.

Когда приятели наконец остановились, Фафхрд с глупым видом взглянул на свою левую руку и заявил:

— Эй, Мышелов, я порезал большой палец. У меня течет кровь.

— У зеленого холма тоже, — глядя назад, заметил Мышелов. — И я рад, что от потери крови он, похоже, умрет.

8. Когти из тьмы

Над залитым лунным светом Ланкмаром навис страх. Словно туман, вползал он на широкие улицы и в извилистые переулки и просочился даже на затейливо петляющую и похожую на щель улочку, где коптящий фонарь освещал вход в таверну «Серебряный угорь».

Это был еще неизвестный, неуловимый страх, совсем не такой, какой может внушить стоящая у ворот города неприятельская армия, или находящиеся в состоянии войны аристократы, или восставшие рабы, или обезумевший сюзерен, охваченный жаждой крови, или вражеский флот, входящий из Внутреннего моря в устье реки Хлал. Но тем не менее страх этот был могущественным. Он стискивал хрупкое горло каждой женщины, которая щебеча входила в низкую дверь «Серебряного Угря», делая ее смех нервным и пронзительным. Он прикасался и к сопровождавшим дам кавалерам, заставляя их разговаривать громче обычного и без надобности позвякивать оружием.

Это была компания молодых аристократов, которые решили поразвлечься в кабачке, пользующемся дурной славой и порой даже опасном. Одеты все были богато и фантастично, согласно моде упадочнического ланкмарского дворянства. Но одна деталь казалась слишком уж экстравагантной даже для экзотического Ланкмара. Голова каждой из женщин была заключена в небольшую, тонкой работы серебряную клетку для птиц.

Дверь снова отворилась — на сей раз, чтобы выпустить двух мужчин, которые быстро зашагали прочь. Один из них был долговяз и крепок и, казалось, прятал что-то под своим широким плащом. Второй был невысок ростом, гибок и с головы до ног одет во что-то мягкое и серое, сливавшееся с рассеянным лунным светом. На плече он нес удочку.

— Кажется, Фафхрд и Серый Мышелов что-то замышляют, — заметил завсегдатай таверны, с любопытством оглядываясь им вслед. Хозяин таверны пожал плечами. — Готов поклясться, что-нибудь скверное, — продолжал завсегдатай. — Я видел, как у Фафхрда под плащом что-то шевелилось, словно живое. Нынче в Ланкмаре все вызывает подозрения. Понимаете, что я имею в виду? И вдобавок эта удочка.

— Угомонись, — отозвался хозяин. — Они честные жулики, хотя и сидят на мели, если только то, что они задолжали мне за вино, что-то значит. И нечего их поносить.

Однако входя назад в таверну и нетерпеливо подталкивая завсегдатая, хозяин выглядел слегка озадаченным и встревоженным.

Страх явился в Ланкмар три месяца назад, и поначалу был совершенно иным, даже и не страхом вовсе. Просто гораздо чаще стали пропадать безделушки и драгоценности, главным образом у женщин. Предпочтение оказывалось ярким блестящим предметам, независимо от того, из чего они были сделаны.

Прошел слух о шайке исключительно ловких и удачливых воров, избравших своей специальностью туалетные комнаты знатных дам, однако жестокая порка горничных и служанок на предмет выявления соучастников так ничего и не дала. Потом кто-то выдвинул предположение, что это все дело рук проказников детей, которые по молодости лет не могут правильно определить ценность похищаемых предметов.

Однако мало-помалу характер краж стал меняться. Дешевенькие побрякушки пропадали все реже. Стали исчезать действительно ценные украшения, как будто воры научились на практике отличать драгоценности от мишуры.

Горожане уже начали подозревать, что старинный и чуть ли не почтенный Цех Воров Ланкмара изобрел новую хитрость, и подумывали уже было подвергнуть пытке нескольких его наиболее одиозных главарей или же дождаться западного ветра и спалить улицу Торговцев Шелком.

Однако Цех Воров был организацией консервативной, отличавшейся узостью кругозора и приверженной традиционным методам воровства, поэтому вскоре, когда стало совершенно очевидным, что тут действуют люди невероятно находчивые и изобретательные, оказался вне подозрений.

Ценности уже исчезали среди бела дня, даже из запертых и тщательно охраняемых помещений и садов, устроенных на крышах зданий с отвесными стенами. Некая леди, сидя у себя дома, положила браслет на недосягаемый снаружи подоконник, и вещица пропала, пока дама болтала с подругой. Дочь некоего лорда, прогуливаясь в собственном саду, почувствовала, как кто-то, спустившись с густой кроны стоявшего поблизости дерева, выдернул у нее из прически алмазную булавку; проворные слуги тут же взобрались на дерево, но никого не нашли.

В другой раз к даме прибежала служанка в совершенно истерическом состоянии и заявила, будто

только что видела, как из окна вылетела большая черная птица с изумрудным кольцом в когтях.

Поначалу эта история была встречена с яростным недоверием. Все решили, что девушка сама украла кольцо. Ее запороли чуть ли не до смерти, что было встречено всеобщим одобрением.

На следующий день большая черная птица налетела на племянницу сюзерена и вырвала у нее из уха серьгу.

И тут хлынули сведения, подтверждающие правдоподобность случившегося. Люди принялись рассказывать о птицах, которых они видели в необычное время и в необычных местах. Все тотчас же сообразили, что любая из краж могла быть совершена с воздуха. Жертвы стали вспоминать подробности, которые прежде казались неуместными: биение крыл, шорох перьев, птичьи следы и помет, парящие тени и тому подобное.

Ланкмар загудел от самых невероятных гипотез. Однако горожане сочли, что теперь, когда виновники известны и необходимые меры приняты, кражи прекратятся. Разорванному уху племянницы сюзерена никто большого значения не придал. Но и то и другое оказалось ошибкой.

Два дня спустя известная куртизанка Лесния была атакована большой черной птицей, когда пересекала широкую площадь. Не растерявшись, Лесния ударила птицу золоченой тросточкой, которую несла в руке, и закричала, чтобы отогнать пернатого грабителя.

К ужасу наблюдавших за сценой, птица, увернувшись от удара, вонзила когти в белое плечо женщины и принялась яростно выклевывать ей правый глаз. Затем с ужасающим клекотом она захлопала крыльями и взмыла в небо облаком черных перьев, держа в когтях нефритовую брошку.

В течение трех следующих дней еще пять женщин подверглись ограблениям такого же рода, причем трое из них были покалечены.

Ланкмар перепугался. Ни на что не похожее поведение жутких птиц рождало всяческие суеверные страхи. На крышах домов появились лучники, вооруженные трехзубыми стрелами. Более робкие из женщин сидели дома или надевали плащи с капюшонами, чтобы не было видно их драгоценностей. Несмотря на летнюю жару, ставни по ночам не открывались. Мно-

жество ни в чем не повинных голубей и чаек были застрелены или отравлены. Бесстрашные молодые дворяне, призвав на помощь своих сокольничих, выходили на охоту за грабителями.

Однако отыскать пернатых разбойников оказалось делом нелегким; в нескольких случаях, когда это удалось, соколы столкнулись с противником, который летал быстрее них и успешно отражал все атаки. Не в одном доме оплакивалась гибель любимой охотничьей птицы. Все попытки выследить крылатых воров ничего не дали.

Вся эта бурная деятельность привела к одному: теперь все ограбления стали совершаться после захода солнца.

Некая женщина, у которой было расцарапано когтями все горло, умерла, промучившись три часа, и лекари в черных мантиях заявили, что в когтях черных птиц содержится страшный яд.

Паника набирала силу, и вместе с нею на свет стали появляться самые дикие предположения. Жрецы Великого Божества утверждали, что это — кара за суетность женщин, и зловеще предрекали неминуемый бунт всего живого против грешных людей. Астрологи бросали смутные и тревожные намеки. Исступленная толпа сожгла грачовник, принадлежавший зажиточному торговцу зерном, после чего двинулась по улицам, швыряя в птиц камнями; прежде чем ее удалось разогнать, она убила трех священных черных лебедей.

А нападения продолжались. И Ланкмар, с присущей ему способностью восстанавливать душевное равновесие, начал как-то приспосабливаться к этой странной и необъяснимой осаде с неба. Богатые женщины сделали из страха моду и придумали носить на головах серебряные клетки. Остроумцы шутили, что в этом перевернутом вверх тормашками мире птицы летают на свободе, а женщины заточены в клетки. Куртизанка Лесния заказала своему ювелиру новый глаз из дутого золота, который по мнению мужчин только подчеркивал ее экзотическую красоту.

И тут в Ланкмаре появились Фафхрд и Серый Мышелов. Мало кому приходило в голову задаться вопросом, откуда прибыли громадный Северянин и его низкорослый и ловкий спутник или почему они вер-

нулись именно теперь. Друзья же с объяснениями не спешили.

Они тут же принялись за расспросы — как в «Серебряном Угре», так и в других местах, поглощая при этом в больших количествах вино, однако избегая потасовок. Окольными путями Мышелову удалось узнать, что сказочно богатый, но не принятый в обществе ростовщик по имени Муулш купил у Царя Востока — тому срочно понадобились наличные — его знаменитый рубин и собирается подарить камень своей супруге. После этого Мышелов и Фафхрд, разузнав еще кое-что и сделав кое-какие тайные приготовления, вышли из «Серебряного Угря» в лунную ночь, неся с собою непонятные предметы, возбудившие тревогу и подозрения хозяина таверны и ее посетителей.

Никто не отрицал, что предмет, который Фафхрд нес под своим широким плащом, двигался как живой и имел размеры крупной птицы.

Лунный свет нимало не смягчил резкие очертания каменного дома, принадлежавшего ростовщику Муулшу. Прямоугольный, трехэтажный, с плоской крышей и узенькими окошками, он, словно пария, стоял в некотором отдалении от таких же домов торговцев зерном.

Неподалеку катил свои воды Хлал, сердито пенясь в этой части города, словно локоть, врезающийся в могучий поток. Над самой водой высилась темная башня — один из проклятых и заброшенных ланкмарских храмов, который давным-давно был закрыт по причинам, известным лишь нескольким жрецам и некромантам.

По другую сторону дома чернели здания складов, стоявших впритык друг к другу. Дом Муулша оставлял впечатление молчаливой мощи, а значит, надежно охраняемых богатств и секретов.

Однако Серый Мышелов, заглянувший через обычное для ланкмарских домов окно на крыше в будуар жены Муулша, увидел совершенно другого ростовщика. Известный своею черствостью процентщик, спасовавший в супружеской перепалке, напоминал сейчас не то ластящуюся к ногам хозяйки собачонку, не то встревоженную и заботливую наседку.

— Ты — червяк! Слизень! Жирная, толстая скотина! — напевно чистила Муулша его стройная и юная жена. — Своей вонючей алчностью ты загубил мне всю жизнь! Ни одной благородной даме и в голову не придет заговорить со мной. Ни один лорд или даже купец не осмеливается ухаживать за мной. Меня изгнали из общества. И все потому, что твои мерзкие пальцы грязны от вечного пересчитывания монет!

— Но Атья, — робко пробормотал супруг, — я думал, у тебя есть друзья, которых ты навещаешь. Почти каждый день ты пропадаешь на долгие часы и никогда не говоришь мне, куда идешь.

— Чурбан бесчувственный! — завопила Атья. — Что удивительного в том, что я ускользаю в какой-нибудь укромный уголок, чтобы поплакать и попытаться найти горькое утешение в уединении? Тебе никогда не понять моих чувств. И зачем только я вышла за тебя? В жизни бы этого не сделала, можешь быть уверен, если бы мой бедный отец не оказался на мели и ты не вынудил бы его отдать меня в жены. Ты купил меня! Только так ты и умеешь добиваться своего! А когда мой бедный отец умер, у тебя хватило наглости купить и этот дом — его дом, дом, в котором я родилась. Ты сделал это, чтобы довершить мое унижение. Тут ведь все вокруг меня знают, и любой может сказать: «Вот идет жена этого скряги-ростовщика!» — если, конечно, он употребит вежливое слово «жена». Тебе нужно лишь мучить и унижать меня, чтобы я скатилась до твоего уровня, ниже которого некуда. Гнусная свинья, вот ты кто!

С этими словами девушка забарабанила золочеными каблучками по сверкающему паркету. Одетая в желтую шелковую тунику и шальвары, она выглядела хрупкой и очень хорошенькой. Ее головка с крошечным подбородком и яркими глазами, увенчанная копною блестящих и гладких черных волос, была необычайно привлекательна. Быстрые движения оставляли впечатление непрерывного трепетания. В этот миг каждый ее жест был полон гнева и невыносимого раздражения, однако в них чувствовалась и привычная непринужденность, благодаря чему Мышелов, наслаждавшийся уморительным зрелищем, сделал вывод, что подобная сцена разыгрывается далеко не впервые.

Комната с шелковыми драпировками и изящной мебелью была под стать хозяйке. Многочисленные низенькие столики были заставлены баночками с косметикой, бомбоньерками и всяческими безделушками. Пламя длинных свечей чуть колыхалось от теплого ветерка, проникавшего через открытое окно.

С потолка на тонких цепочках свисала дюжина клеток с канарейками, соловьями, попугайчиками и другими певчими птичками, из которых одни дремали, другие сонно чирикали. На полу тут и там лежали маленькие пушистые коврики. Словом, довольно уютное и мягкое гнездышко для каменного Ланкмара.

Муулш был примерно таким, каким изобразила его жена — жирным, уродливым и лет на двадцать старше нее. Кричащих расцветок туника висела на нем, как мешок. В его глазах, устремленных на жену, была забавная смесь страха и желания.

— Ну, Атья, голубка моя, не надо на меня сердиться. Я ведь стараюсь угодить тебе изо всех сил, я так тебя люблю! — возопил он, пытаясь накрыть ладонью ее руку. Она ускользнула. Он неуклюже бросился за ней и тут же налетел на низко висевшую клетку. Супруга с гневом набросилась на него:

— Не смей трогать моих птичек, скотина! Ну, ну, мои миленькие, не бойтесь, это просто старая слониха.

— Да чтоб их разорвало, этих твоих птичек! — держась за лоб, порывисто воскликнул ростовщик, но сразу же опомнился и стал отступать назад, словно боясь, что схлопочет туфлей по физиономии.

— Ах вот как? Тебе мало прежних оскорблений, ты теперь хочешь, чтобы нас разорвало? — проговорила Атья, тон которой внезапно сделался ледяным.

— Ну что ты, возлюбленная моя Атья! Я забылся. Я очень тебя люблю и твоих пернатых крошек тоже. Я не имел в виду ничего плохого.

— Как же, ничего плохого! Ты лишь хочешь замучить нас до смерти. Хочешь унизить и...

— Но Атья, — умиротворяюще произнес ростовщик, — по-моему, я вовсе тебя не унизил. Вспомни-ка: даже до нашей свадьбы твоя семья не водилась с ланкмарским обществом.

Мышелов, едва сдерживая смех, понял, что последнее замечание было ошибкой. Дошло это и до Муулша:

когда Атья, побледнев, потянулась за тяжелой хрустальной бутылкой, он отступил назад и закричал:

— Я принес тебе подарок!

— Могу себе представить, — презрительно скривилась женщина, которая немного успокоилась, но все еще держала бутылку наготове. — Должно быть, какая-нибудь дешевка, какую приличная дама подарила бы своей горничной. Или кричащие тряпки, годные разве что для публичной девки.

— О нет, дорогая, это подарок, достойный императрицы.

— Я тебе не верю. В Ланкмаре меня не принимают только из-за твоего скверного вкуса и дурных манер. — Тонкие и безвольные губки избалованной женщины надулись, ее прелестная грудь продолжала вздыматься от гнева. — «Она сожительница ростовщика Муулша», говорят люди и хихикают надо мной. Хихикают, ты понимаешь это?

— Они не должны так делать. Я ведь могу купить их всех вместе! Посмотрим, что они запоют, когда ты наденешь мой подарок. Да за такую драгоценность жена сюзерена отдаст что угодно!

Когда прозвучало слово «драгоценность», Мышелов буквально почувствовал, как по комнате пробежала дрожь предвкушения. Более того, он заметил, что одна из шелковых драпировок колыхнулась, причем это сделал явно не ленивый ветерок.

Осторожно продвинувшись вперед, Мышелов изогнул шею и заглянул вниз, в промежуток между драпировками и стеной. На его некрупном и задорном лице появилось выражение ехидного веселья.

За драпировкой, освещенные янтарным светом, просачивающимся сквозь желтую материю, скрючились два сухопарых человека, единственную одежду которых составляли набедренные повязки. У каждого в руках был мешок, достаточно большой, чтобы его можно было накинуть кому-нибудь на голову. Из мешков доносился запах какого-то сонного зелья, который Мышелов уловил еще раньше, но никак не мог определить, откуда он исходит.

Улыбка Мышелова сделалась шире. Он бесшумно пододвинул к себе удочку и еще раз проверил леску, на конце которой вместо крючка были привязаны когти, намазанные чем-то липким.

— Ну, показывай свой подарок! — велела Атья.

— Сейчас, дорогая, — ответил Муулш. — Но по-моему, прежде нам надо закрыть все окна, включая и то, что выходит на крышу.

— Вот еще! — возмутилась Атья. — Стану я задыхаться только из-за того, что какие-то старухи навыдумывали всяких глупых страхов!

— Но, голубка моя, это вовсе не глупые страхи. Весь Ланкмар трепещет, и не без оснований.

Он собрался было кликнуть раба, но Атья капризно топнула ножкой.

— Не смей, жирный трус! Я не хочу поддаваться детским испугам. И не верю ни в одну из этих фантастических историй, какие бы знатные дамы их не рассказывали, выдавая за чистую правду. И не вздумай затворять окна. Немедленно показывай подарок, а не то... а не то я никогда больше не буду с тобою мила.

Казалось, женщина вот-вот забьется в истерике. Муулш вздохнул и сдался.

— Как скажешь, моя прелесть.

Неуклюже подныривая под птичьи клетки, он подошел к стоявшему у двери инкрустированному столу и принялся шарить в небольшом ларце. Четыре пары глаз внимательно следили за ним. Когда он подошел к жене, в руке у него было что-то сверкающее. Он положил предмет на середину стола и, отойдя назад, проговорил:

— Вот он. Я говорил, что подарок достоин императрицы, и так оно и есть.

На какое-то мгновение все в комнате затаили дыхание. Воры за драпировкой, мягко ступая по натертому полу босыми ногами, подались вперед и принялись развязывать шнурки, которыми были стянуты мешки.

Мышелов просунул тонкое удилище в окно и стал опускать его, стараясь не задеть серебряные цепочки клеток, пока когти на конце лески не оказались над центром стола, словно паук, приготовившийся упасть на ничего не подозревающего большого красного жука.

Атья смотрела на рубин завороженным взглядом. В выражении лица Муулша появился оттенок достоинства и самоуважения. Рубин сиял, словно жирная, прозрачная и чуть дрожащая капля крови.

Оба вора приготовились к прыжку. Мышелов чуть тряхнул удочкой, чтобы получше прицелиться перед броском. Нетерпеливо вытянув руку, Атья устремилась к столу.

Но все эти действия были прерваны в самом зародыше.

Раздалось хлопанье и свист могучих крыльев. Черная птица размером чуть больше вороны, влетев в отворенное окно, устремилась в комнату, похожая на вырванный из ночи кусок мрака. Приземлившись на стол, она проехалась по нему когтями и оставила царапины в локоть длиной. Затем, выгнув шею, она страшно заклекотала и бросилась на Атью.

В комнате все завертелось. Намазанные клеем когти застыли, не долетев до стола. Воры неуклюже барахтались, пытаясь удержать равновесие и не быть увиденными. Муулш, размахивая руками, завопил:

— Кыш! Кыш!

Атья рухнула на пол.

Пронесшись над нею, черная птица, задевая крыльями клетки, вылетела в ночь.

И снова в комнате на секунду воцарилось молчание. Нежные певчие птички замолкли, ошеломленные вторжением своего хищного собрата. Удочка исчезла в верхнем окне. Воры за драпировкой бесшумно продвигались к двери. Изумление и испуг на их лицах уступили место разочарованию профессионалов.

Атья поднялась на колени, прижимая изящные ладони к лицу. По мясистой шее Муулша пробежала судорога, и он двинулся к ней.

— Она... она не сделала тебе больно? Она ударила тебя по лицу?!

Атья опустила руки: лицо ее было цело и невредимо. Она уставилась на мужа и через секунду взгляд ее засверкал — так, как внезапно закипает висящий над огнем горшок.

— Толстая, никому не нужная курица! — завопила она. — Еще немного, и она выклевала бы мне глаза! Почему ты ничего не сделал? Вопил только свое «кыш», пока она на меня налетала! А камень испарился! Каплун несчастный!

Она встала на ноги и с отчаянной решимостью сняла туфлю. Муулш обратился в бегство и мгновенно запутался в птичьих клетках.

Небрежно брошенный плащ Фафхрда еще лежал в том месте, где Мышелов расстался с приятелем. Подбежав к краю крыши, он различил массивную фигуру Фафхрда, который был уже довольно далеко, на кровле одного из складов. Варвар стоял, глядя в залитое лунным светом небо. Мышелов поднял его плащ, перескочил на соседнюю крышу и направился к другу.

Когда Мышелов подошел, Фафхрд довольно ухмылялся, обнажив свои крупные белые зубы. Размеры его гибкого мускулистого тела, а также обилие украшений из кожи, которые он носил на кистях и талии, резали глаз в цивилизованном Ланкмаре точно так же, как и его длинные волосы цвета меди и красивое, но грубоватое лицо с бледной кожей уроженца севера, призрачно светившейся в лунном свете. Крепко вцепившись когтями в охотничью перчатку, на руке у него сидел белоголовый орел; когда Мышелов подошел, он взъерошил перья и издал неприятный горловой звук.

— Попробуй теперь скажи, что я не умею ходить в полнолуние на орлиную охоту! — радостно воскликнул Северянин. — Я не знаю, что произошло в комнате и улыбнулась ли тебе удача, но что касается черной птицы, которая туда залетала... Смотри, вот она!

С этими словами он пнул ногой лежавшую рядом кучку черных перьев.

Свистящим шепотом Мышелов перечислил имена нескольких богов и спросил:

— А камень?

— Понятия не имею, — отозвался Фафхрд, не желая обсуждать этот вопрос. — Но видел бы ты, малыш, что это была за битва! — В голосе гиганта вновь зазвучал восторг. — Та птица летела быстро и замысловато, но мой Кускра взмыл в небо, словно северный ветер над перевалом. На какое-то время я потерял их из вида. Они, по-видимому, сцепились, а потом Кускра принес соперника к моим ногами.

Встав на колени, Мышелов тщательно осмотрел добычу Кускры. Затем достал из-за пояса небольшой кинжал.

— Нодумать только! — продолжал Фафхрд, надевая на голову орлу кожаный мешочек. — А мне ведь говорили, что это не то демоны, не то свирепые фан-

томы тьмы. Тьфу! Это ж просто неуклюжие ночные вороны!

— Ты говоришь слишком громко, — предупредил Мышелов, глядя снизу вверх на друга. — Но спору нет: сегодня орел превзошел удочку. Гляди-ка, что я нашел у птицы в глотке. Она так и не отдала его.

Свободной рукой Фафхрд выхватил у Мышелова рубин и протянул к луне ладонь с лежащим на ней камнем.

— Вот это куш! — воскликнул он. — Мышелов, наше будущее обеспечено! Я знаю, как мы сделаем. Станем выслеживать этих пернатых грабителей, а потом Кускра будет отнимать у них добычу.

Фафхрд расхохотался.

На этот раз ничто не предвещало беды — не было ни хлопанья крыльев, ни свиста рассекаемого воздуха. Стремительная тень лишь чиркнула Фафхрда по поднятой ладони и бесшумно скользнула прочь. Чуть задержавшись на краю крыши, она стремительно взмыла в небо.

— Клянусь кровью Коса! — взревел Фафхрд, очнувшись от охватившего его столбняка. — Мышелов, она утащила рубин! — Мгновенно сдернув мешочек с головы орла, Северянин рявкнул: — Взять ее, Кускра! Взять!

Однако друзья с первого взгляда поняли: что-то пошло не так. Орел махал крыльями как-то вяло и, казалось, с трудом набирал высоту. Тем не менее ему удалось постепенно нагнать добычу. Черная птица внезапно сделала вираж, нырнула, потом снова взмыла вверх. Орел следовал за нею по пятам, хотя и летел все так же неуверенно.

Фафхрд и Мышелов молча наблюдали за тем, как птицы подлетают к высокой, массивной башне заброшенного храма; вскоре они стали четко видны на фоне древних светлых камней.

Казалось, к Кускре вернулись силы. Он планировал над противником, а тот отчаянно метался и кружился, пытаясь спастить. И тут Кускра камнем рухнул на свою добычу.

— Взял, клянусь Косом! — выдохнул Фафхрд и ударил кулаком по колену.

Но он ошибся. Удар Кускры пришелся по воздуху. В последний миг черная птица увернулась и скрылась в одном из верхних окон башни.

И вот тут стало совершенно ясно, что с Кускрой что-то неблагополучно. Он попытался проникнуть в отверстие, где скрылся его противник, но лишь потерял высоту. Затем внезапно развернулся и полетел прочь от стены. Его крылья двигались судорожно, с трудом. Фафхрд в тревоге сжал плечо Мышелова.

Оказавшись над головами у друзей, Кускра издал дикий крик, разрезавший нежную ланкмарскую ночь, и стал падать, кружа, как опавший лист. Он еще раз попытался совладать с крыльями, но тщетно.

Орел тяжело приземлился на крышу неподалеку от приятелей. Когда Фафхрд добежал до него, Кускра был уже мертв.

Варвар опустился на колени и, рассеянно поглаживая перья птицы, уставился на башню. Недоумение, гнев и печаль исказили его лицо.

— Лети на север, птица, — хрипло прошептал он. — Лети в никуда, Кускра. — Затем обратился к Мышелову: — Но он не был ранен. Могу поклясться, что в этот раз никто до него даже не дотронулся.

— Это случилось, когда он принес свою предыдущую добычу, — мрачно ответил Мышелов. — Ты тогда не обратил внимания на когти той мерзкой птицы. Они были вымазаны чем-то зеленым. И через какую-то крошечную царапину это зелье проникло в Кускру. Смерть уже находилась в нем, когда он сидел у тебя на руке, а его полет за черной птицей лишь ускорил дело.

Фафхрд кивнул, не отрывая глаз от башни.

— Сегодня мы потеряли целое состояние и верного охотника. Однако ночь еще не кончилась. Меня очень заинтересовали эти смертоносные тени.

— Что ты хочешь сказать? — удивился Мышелов.

— Что за угол этой башни нетрудно зацепить кошку с привязанной к ней веревкой, и как раз такая веревка обмотана у меня вокруг пояса. С ее помощью мы поднялись на крышу Муулша, и я хочу опять ею воспользоваться. Не трать лишних слов, малыш. Муулш? Нам нечего его опасаться. Он видел, что камень унесла птица. Зачем же ему посылать стражников, чтобы те обыскали крышу? Я знаю, что при моем

появлении птица улетит. Но она может уронить камень, или тебе удастся сбить ее пращой. К тому же у меня свое мнение насчет всех этих дел. Отравленные когти? На мне будут перчатки и плащ с капюшоном, а в руке кинжал. Вот что, малыш, не спорь. Нам подойдет вон тот угол башни, на противоположной стороне от дома Муулша и реки. Вон тот, с маленьким обломанным шпилем. Берегись, башня, мы идем!

И он потряс кулаком.

Натягивая веревку, по которой Фафхрд лез на стену башни, Мышелов мурлыкал что-то под нос и настороженно поглядывал по сторонам. Он чувствовал себя явно не в своей тарелке: ему не нравилась и дурацкая затея Фафхрда, и молчаливый, заброшенный древний храм, и то, что, судя по всему, этой ночью удача отвернулась от них.

Заходить в подобные места было запрещено под страхом смерти, никто не знал, какое зло может там таиться, копя в одиночестве свой яд. Кроме того, луна светила слишком уж ярко: Мышелов даже поморщился, когда подумал, какие прекрасные мишени представляют собой они с Фафхрдом на фоне светлой каменной кладки.

В ушах у него гудело от низкого и мощного рева, издаваемого водами Хлала, которые неслись и бурлили у основания противоположной стены. В какой-то миг Мышелову даже показалось, что весь храм вибрирует, словно Хлал вгрызается в его внутренности.

У ног Мышелова чернела тьма — пропасть шириною футов шесть, отделяющая склад от башни. Внизу можно было разглядеть обнесенный стеной сад храма, заросший какими-то бледными полусгнившими травами.

Но посмотрев туда, Мышелов увидел нечто, из-за чего его брови поползли вверх, а по затылку побежали ледяные мурашки. По залитому лунным светом саду скользила на первый взгляд человеческая, но при этом совершенно бесформенная фигура.

У Мышелова создалось впечатление, что у этой странной фигуры нет утолщений и сужений, свойственных человеческому телу, лицо совсем гладкое, и вся она до отвращения напоминает гигантскую лягушку ровного темно-коричневого цвета.

Существо скрылось в направлении храма. Что это было такое, Мышелов и представить не мог.

Желая предупредить Фафхрда, он взглянул вверх: варвар уже втискивался в узкое окно, находившееся на головокружительной высоте. Кричать не хотелось, и Мышелов начал было уже подумывать, чтобы тоже взобраться на стену по веревке. Все это время он продолжал мурлыкать песенку, которую любили напевать воры, полагая, что она навевает сон на обитателей намеченного для ограбления дома. Мышелову страшно хотелось, чтобы луна скрылась наконец за облаком.

Затем, как внезапное воплощение его страхов, какой-то предмет чиркнул его по уху и глухо ударил в стену храма. Мышелов сразу понял, что это было — выпущенный из пращи глиняный шарик.

Он пригнулся, и еще два снаряда просвистели у него над головой. По силе удара о стену Мышелов понял, что пращник находится где-то неподалеку и стремится его убить, а не просто оглушить. Мышелов окинул взглядом освещенную луной крышу, но никого не заметил. Бросившись на колени, он мгновенно сообразил, что ему надо делать, если он хочет помочь Фафхрду. Был только один быстрый путь к отступлению, и Мышелов его тут же и избрал.

Схватившись покрепче за веревку, он нырнул в пропасть между строениями; еще три глиняных шарика ударились о стену.

Добравшись до узкого оконного проема и ощутив под ногами твердую почву, Фафхрд понял, почему ему не давали покоя полустертые непогодой древние резные изображения на стенах: каждое из них так или иначе было связано с птицами, главным образом с хищными, и даже в каждой фигурке человека присутствовало что-нибудь птичье — голова с клювом, или крылья, как у летучей мыши, или когти на ногах и руках.

Оконный проем, в котором он стоял, был окаймлен изображениями этих существ, а камень наверху, за который зацепилась кошка, представлял собою искусно вырезанную голову охотничьего сокола. От столь неприятного совпадения мощная преграда внутри Фафхрда, которая сдерживала страх, чуть подалась, и трепет, даже ужас стал просачиваться в его мозг, притупляя гнев, вызванный страшной смертью Кускры.

Но в то же время Фафхрд утвердился в кое-каких предположениях, пришедших чуть раньше ему на ум.

Он огляделся. Черная птица, похоже, скрылась внутри башни; в скудном свете луны Фафхрд видел замусоренный чем-то каменный пол и приоткрытую дверь, за которой зияла чернота. Вытащив длинный кинжал, Фафхрд осторожно двинулся вперед, ощупывая ногой каждый камень старинной кладки.

Сначала вокруг было совсем темно, но потом глаза Северянина немного привыкли к полумраку. Камни под ногами постепенно становились все более скользкими. И все сильнее бил в ноздри едкий и отдающий плесенью птичий запах.

Кроме того, чуткие уши Фафхрда улавливали какие-то мягкие непрерывные шорохи. Он уговаривал себя, что нет ничего удивительного в том, что птицы, быть может, голуби, гнездятся в заброшенной постройке, однако что-то смутно подсказывало, что верны его худшие предположения.

Миновав выступающую каменную панель, Фафхрд вступил в верхнее помещение башни.

В проникавшем через два отверстия в высоком потолке лунном свете слабо вырисовывались стены с нишами, уходившие далеко влево. Рев Хлала звучал приглушенно, словно доносился сюда не по воздуху, а сквозь камень. Постепенно Фафхрд приблизился к полуоткрытой двери.

В ней было прорезано небольшое зарешеченное окошко, словно это была дверь тюремной камеры. В более широкой части помещения у стены высился алтарь, украшенный какими-то резными изображениями. А по обе стороны алтаря, на спускавшихся ступенями уступах, виднелись маленькие черные пятна.

И вдруг Фафхрд услышал пронзительный фальцет:

— Человек! Человек! Убить его! Убить!

Несколько черных пятен снялись со своих мест и, расправив крылья, стали быстро приближаться к нему.

Поскольку Фафхрд опасался именно чего-то в этом роде, он накинул на обнаженную голову капюшон и принялся размахивать перед собою кинжалом. Теперь он мог как следует рассмотреть эти существа: черные птицы с грозными когтями, как две капли воды похожие на тех, с которыми сражался Кускра, с кле-

котом набрасывались на него, словно научившиеся летать бойцовые петухи.

Поначалу Фафхрд решил, что ему легко удастся отбить их атаку, но на деле это оказалось все равно что сражаться с вихрем теней. Нескольких он вроде бы зацепил, кто его знает, да это и не было важно. Фафхрд почувствовал, как острые когти вонзились ему в левую кисть.

Оставалось одно: Фафхрд бросился в приоткрытую дверь, захлопнул ее за собой, и, заколов птицу, мертвой хваткой вцепившуюся ему в руку, отыскал на ощупь ранки от ее когтей и принялся высасывать яд, чтобы тот не проник ему в кровь.

Прижавшись спиною к двери, он слышал, как птицы в бессилии хлопают крыльями и злобно каркают. Убежать отсюда было практически невозможно: внутренняя комнатка и впрямь представляла собою камеру, освещаемую лишь слабыми отблесками луны, падавшими сквозь зарешеченное окошко. Фафхрд никак не мог придумать, каким образом ему добраться до проема в стене и спуститься вниз: когда его руки будут заняты веревкой, он окажется во власти чудовищных птиц.

Он хотел было криком предупредить Мышелова, но передумал: с такого расстояния тот вряд ли разберет слова и может оказаться в точно такой же ловушке. В бессильной ярости Фафхрд пнул ногой убитую птицу.

Но мало-помалу его страх и ярость улеглись. Птиц больше не было слышно, они не бились о дверь и не цеплялись с клекотом за решетку.

Сквозь оконце Фафхрду хорошо был виден темный алтарь и ступенчатые насесты. Черные обитатели башни беспрерывно сновали туда и сюда, собирались в кучки, возбужденно перелетали с места на место. От их вони было трудно дышать.

И тут Фафхрд вновь услышал пронзительный фальцет, причем на этот раз не один:

— Драгоценности! Драгоценности! Яркие! Яркие!

— Искрящиеся! Блестящие!

— Вырвать ухо! Выдрать глаз!

— Щеку исполосовать! Горло разодрать!

На сей раз сомнений быть не могло: говорили сами птицы. Фафхрд остолбенел. Впрочем, ему и раньше доводилось слышать, как разговаривают вороны или

бранятся попугаи. И здесь слышалась та же монотонность, та же бессмысленность, те же бранчливые повторы. Ей-ей, он встречал попугаев, которые имитировали человеческую речь гораздо более похоже.

Однако сами фразы были настолько к месту, что Фафхрд испугался, как бы из простой болтовни они не превратились в разумную беседу — с вопросами и вполне осмысленными ответами. К тому же у него не шла из головы весьма недвусмысленная команда: «Человек! Человек! Убить его! Убить!»

Пока он как зачарованный слушал этот злобный хор, мимо окошка к алтарю прошла некая фигура. Она только отдаленно напоминала человеческую и была лишена каких бы то ни было черт, вся коричнево-гладкая, кожистая, словно безволосый медведь с толстой шкурой. Птицы роем набросились на нее и принялись с клекотом клевать толстую кожу.

Но странное существо не обращало на них ни малейшего внимания, как будто вовсе не чувствовало ударов мощных клювов и ядовитых когтей. Чуть подняв голову, оно неспешно проследовало к алтарю. Луч лунного света, падавший через отверстие в крыше уже почти вертикально, образовал на полу перед алтарем бледное пятно, и Фафхрд разглядел, как существо принялось рыться в стоявшем там большом ларце и доставать из него небольшие сверкающие предметы, словно не замечая круживших черной стаей птиц.

Существо немного передвинулось, так что лунный свет упал прямо на него, и тут Фафхрд понял, что это все же человек, одетый в неуклюжий костюм из толстой кожи с двумя узкими прорезями для глаз. Неловко, но тем не менее методично он перекладывал содержимое ларца в кожаный мешок, который был у него с собой. До Фафхрда наконец дошло, что именно в этом ларце птицы хранили украденные ими драгоценности и безделушки.

Тем временем человек в коже завершил свои манипуляции и тем же путем двинулся назад, все еще окруженный тучей озадаченно клекотавших птиц.

Однако когда он поравнялся с дверью, за которой стоял Фафхрд, птицы внезапно оставили его в покое и устремились назад к алтарю, словно подчиняясь команде, долетевшей до них сквозь гомон, стоявший в башне. Человек в коже остановился как вкопанный

и стал осматриваться вокруг; длинные прорези для глаз придавали ему вид загадочный и угрожающий.

Но едва он двинулся снова, как на его защищенной кожей шее затянулась брошенная откуда-то удавка.

Человек покачнулся и, делая отчаянные попытки освободиться от нее, схватился за горло пальцами в кожаных перчатках. Потом он как-то нелепо взмахнул руками, и из его мешка, который он так и не выпустил, посыпались драгоценности. В конце концов ловкий рывок удавки заставил его грохнуться на пол.

Фафхрд решил использовать этот момент и вырваться на свободу. Он надеялся застать птиц врасплох, но просчитался. Возможно, ему в кровь все же попала капелька яда и повлияла на его умственные способности.

Фафхрд уже почти достиг узкого прохода, ведущего к оконному проему, как тут вторая удавка захлестнула ему горло. Пол выскользнул у него из-под ног, и Северянин с размаху треснулся головой о каменные плиты. Петля затягивалась все туже, и он почувствовал, что задыхается в море черных перьев, а вокруг него ослепительно сверкают все драгоценности мира.

Когда сознание вернулось в пульсирующую от боли голову, он услышал, как чей-то испуганный голос прокричал:

— Боги милостивые, кто вы такие? Что вы тут делаете?

Ему ответил другой голос: высокий, чирикающий, повелительный и ледяной:

— Я — крылатая жрица, повелительница соколов. Я — королева с когтями, пернатая принцесса, воплощение Той, что правила здесь всегда, несмотря на запреты жрецов и указы сюзерена. Я та, что насылает справедливую кару на высокомерных и сластолюбивых женщин Ланкмара. Я та, что отправляет посланцев за данью, которая когда-то возлагалась на мой алтарь добровольно и трепетно.

Первый голос с опаской, но уже без дрожи произнес:

— Но вы не можете осудить меня на столь страшную гибель. Я буду хорошо хранить ваши секреты. Я ведь только вор.

Второй голос ответил:

— Ты, безусловно, вор, поскольку пытался ограбить алтарную сокровищницу Крылатой Тьяа, а за подобное преступление птицы Тьяа выносят наказание, какое считают нужным. Если они решат, что ты заслуживаешь снисхождения, то не убьют тебя, а лишь выклюют глаз, а быть может, и оба.

Голос был чирикающий и переливчатый, и Фафхрд напрягался что есть сил, пытаясь представить себе какую-то невероятно чудовищную певчую птицу. Он попробовал встать на ноги, но почувствовал, что крепко привязан к креслу. Руки и ноги у него затекли, а левое предплечье вдобавок горело и ныло.

Наконец мягкий лунный свет перестал вызывать у Северянина нестерпимую боль, и он увидел, что сидит все в той же камере с зарешеченным окошком, лицом к алтарю. Рядом с ним в таком же кресле сидел связанный человек в кожаных доспехах. Однако кожаный капюшон был снят у него с головы, и по бритому черепу и крупному лицу в оспинах Фафхрд узнал в нем прославленного вора Страваса.

— Тьяа, Тьяа, — курлыкали птицы. — Клюнуть в глаз. Порвать ноздрю.

Между выбритыми бровями и толстыми щеками Страваса двумя безднами ужаса чернели глаза. Он снова заговорил, обращаясь в сторону алтаря:

— Я вор, это верно, но и ты тоже. Боги из этого храма давно изгнаны. Их прокляло само Великое Божество. Они покинули это место много столетий назад. Кто бы ты там ни была, ты прежде всего мошенница. Каким-то образом, наверное, с помощью волшебства, ты научила птиц воровать, зная, что многие из них по природе имеют пристрастие к блестящим вещицам. Они крадут, а ты забираешь их добычу себе. Ты ничем не лучше меня, который разгадал твой секрет и в свою очередь нашел способ ограбить тебя. Никакая ты не жрица, осуждающая человека на смерть за святотатство. Где люди, поклоняющиеся тебе? Где твои служители? Где твои пожертвования? Ты просто воровка!

Насколько позволяли ему путы, Стравас подался вперед, словно желая добровольно броситься навстречу гибели, которая ждала его за столь смелые слова. И тут Фафхрд увидел стоящую подле Страваса фигуру, которая заставила его усомниться в том, действитель-

но ли к нему вернулся рассудок. Это был еще один человек в кожаном капюшоне.

Однако проморгавшись и внимательно вглядевшись в фигуру еще раз, он понял, что это не капюшон, а лишь небольшое забрало, а в остальном его обладатель выглядит как сокольничий в толстой куртке и громадных рукавицах. На его широком кожаном поясе висел короткий меч и свернутый аркан. Обернувшись, Фафхрд увидел такую же фигуру, стоящую и подле его кресла.

Тут снова зазвучал голос с алтаря — немного более резкий и пронзительный, но все равно певучий и очень похожий на птичий. Едва он раздался, как птицы хором завопили: «Тьяа! Тьяа!»

— Вот теперь ты и впрямь умрешь, причем будешь разорван в клочья. И тот, что сидит рядом с тобой, чей нечестивый орел убил Кивиса и был им убит, умрет тоже. Но вы умрете, зная, что Тьяа — это Тьяа, а я, ее жрица и воплощение — не мошенница.

После этих слов Фафхрд наконец взглянул на алтарь: до сих пор он бессознательно избегал этого из сильнейшего суеверного страха и необъяснимого отвращения.

Теперь лунный луч передвинулся на алтарь, освещая две каменные фигуры по его краям, похожие на горгулий. У них были женские лица, однако угрожающе согнутые руки заканчивались когтями, а за спиной виднелись сложенные крылья. Древний скульптор вырезал их с поистине дьявольским мастерством: казалось, они вот-вот расправят свои каменные крылья и взлетят.

А посредине алтаря, держась в углублении между изваяниями и оставаясь в тени, стояла большая черная тень с двумя полукружиями за спиной, которые вполне могли быть крыльями. Облизнув губы, Фафхрд уставился на нее; его отуманенный ядом рассудок отказывался понять, что это может быть.

Но вместе с тем он почти автоматически начал работать своими длинными гибкими пальцами, пытаясь развязать путы на руках.

— Знай же, глупец, — проговорила черная тень, — что божества не умирают, когда на них налагают запрет отступники-жрецы, они никуда не исчезают, когда их проклинает ложное и самонадеянное боже-

ство. Жрецы и поклонники уходят, но они остаются. Когда я впервые взобралась сюда, я была мала и не имела крыльев, но я почувствовала присутствие этих божеств в самих камнях. И я сердцем ощущала родство с ними.

В этот миг Фафхрд услышал, как Мышелов позвал его по имени — голос был очень слабый и приглушенный, но несомненно принадлежал его другу. Он доносился откуда-то из нижней части храма, сливаясь с еле слышным, глухим ревом Хлала. Тень на алтаре что-то резко вскрикнула и вскинула вверх руку, так что качнулось полукружие у нее за спиной.

Одна из черных птиц слетела с насеста, уселась на руку сокольничему, стоявшему рядом со Стравасом, и тот ушел. Вскоре по его шагам стало ясно, что он спускается по лестнице. Другой сокольничий подбежал к окну, через которое Фафхрд проник в башню, и сразу же послышался скрип перерезаемой веревки. Второй сокольничий вернулся на место.

— Похоже, сегодня ночью у Тьяа достаточно поклонников, — прочирикала тень на алтаре. — И придет день, когда все роскошные женщины Ланкмара буду сами, объятые ужасом, подниматься сюда, чтобы принести в жертву Тьяа часть своих украшений.

Фафхрду, который видел теперь гораздо лучше, показалось, что чернота тени слишком гладка для оперения, но наверняка он ничего сказать не мог. Он продолжал дергать путы и вскоре почувствовал, что на правой кисти они немного ослабли.

— Попортить красу. Попортить красу, — хрипло клекотали птицы. — Клювом лобызнуть. Когтем приласкать.

— Когда я была маленькой, — продолжала тень, — я могла лишь мечтать о таком, тайком убегая из отцовского дома в это святое место. Но уже тогда во мне жил дух Тьяа, заставляя людей избегать и бояться меня. Однажды я нашла спрятавшуюся здесь молодую раненую птицу и вылечила ее. Она оказалась прямым потомком древних птиц Тьяа, которые после осквернения храма улетели в Горы Тьмы дожидаться того часа, когда Тьяа снова призовет их к себе. Окультными путями почувствовав, что Тьяа возродилась во мне, птица вернулась в храм. Мы познакомились с нею и медленно — ведь мы были юны и оди-

ноки — стали вспоминать древние ритуалы и обретать способность беседовать друг с другом. Год шел за годом, и птицы одна за одной возвращались из Гор Тьмы. Они стали спариваться друг с дружкой. Наши церемонии делались все совершеннее. Мне стало трудно оставаться жрицей Тьяа в тайне от всего мира. Нужно было доставать много живой пищи. Нужно было многому учиться. Но я крепилась. Все это время люди, окружавшие меня в миру, испытывали ко мне сильную ненависть, чувствуя мою силу, оскорбляли и старались унизить меня. Тысячу раз на дню честь Тьяа втаптывалась в грязь. Меня лишили привилегий, положенных мне по рождению и положению, и я была вынуждена довольствоваться всем грубым и вульгарным. Но я покорилась и вела себя так, словно была одной из них, а сама в душе насмехалась над их тупостью, легкомыслием и суетностью. Я ожидала своего часа и чувствовала, как с каждым днем крепнет во мне дух Тьяа.

— Тьяа! Тьяа! — подхватили птицы.

— Затем я стала искать помощников и нашла двух потомков древних сокольничих Тьяа, в чьих семьях еще были живы и почитаемы старые традиции. Они узнали меня и отдали мне должное. Теперь они прислуживают мне.

Фафхрд почувствовал, как стоящий рядом с ним сокольничий согнулся в почтительном поклоне. У Северянина было такое ощущение, как будто он присутствует на мерзком спектакле театра теней. Опасение за Мышелова свинцовой тяжестью давило на его путающиеся мысли. Однако это не помешало ему заметить на загаженном полу неподалеку от его стула жемчужную брошь и браслет с сапфирами. Драгоценности лежали на том самом месте, куда они вывалились из мешка Страваса.

— Четыре месяца назад, — продолжал голос, — на исходе Совьей Луны, я почувствовала, что Тьяа созрела во мне окончательно и что пришло время ей рассчитаться с Ланкмаром. Поэтому я послала птиц собирать старую дань и наказала им карать тех женщин, которые будут сопротивляться, равно как тех, кто известен своим тщеславием и гордыней. Птицы быстро обрели свою прежнюю ловкость. Алтарь Тьяа был убран подобающим образом. А Ланкмар

научился бояться, хотя и не знал, что он боится самой Тьяа. Но так долго продолжаться не будет! — Голос сорвался на пронзительной ноте. — Скоро я во всеуслышание заявлю о Тьяа. Двери храма будут открыты для поклонников и данников. Идолы Великого Божества будут повергнуты, а его храмы разрушены. Богатые и наглые женщины, презирающие во мне Тьяа, будут приведены сюда. И этот алтарь снова ощутит сладость жертвоприношения. — Голос превратился в визг. — И это начнется сейчас же! Еще немного, и два чужака узнают, что такое месть Тьяа!

Стравас хрипло задышал и принялся извиваться, тщетно пытаясь освободиться от пут. Фафхрд отчаянно работал пальцами, стараясь вытащить из веревок правую руку. Несколько черных птиц поднялись по команде с насестов, но тут же нерешительно сели назад, поскольку пронзительный голос оборвался на полуслове.

Это вернулся второй сокольничий: подняв руку в торжественном приветствии, он шел к алтарю. Птицы с ним уже не было. В левой руке он держал короткий окровавленный меч.

Тень на алтаре нетерпеливо наклонилась вперед и теперь оказалась вся в лунном луче, так что Фафхрд впервые сумел рассмотреть ее как следует. Это была не гигантская птица или какой-нибудь чудовищный гибрид, а женщина в черном одеянии с длинными и широкими рукавами. Черный капюшон упал назад, и теперь в лунном свете белело треугольное лицо под копной блестящих черных волос; в его хищном выражении и тусклых светлых глазах было нечто птичье, но вместе с тем оно напоминало и личико злого хорошенького ребенка. Двигалась женщина мелкими чуть подпрыгивающими шажками.

— Третий за ночь, — воскликнула она. — Ты убил третьего. Неплохо, сокольничий.

Где-то рядом с Фафхрдом послышался хриплый голос Страваса:

— Я тебя знаю. Я тебя знаю.

Сокольничий продолжал приближаться к алтарю, и женщина спокойно осведомилась:

— В чем дело? Что тебе надо?

И тут сокольничий, с кошачьим проворством прыгнув вперед, приставил сверкающий окровавленный меч к черной ткани, покрывавшей ее грудь.

И Фафхрд услышал голос Мышелова:

— Не двигайся, Атья. И не вздумай приказать своим птичкам какую-нибудь глупость, иначе ты умрешь, не успев и глазом моргнуть, как умерли твой сокольничий и его черная тварь.

В течение пяти тяжелых ударов сердца в башне царила мертвая тишина. Затем женщина громко и сипло задышала и принялась издавать короткие хриплые возгласы, напоминающие карканье.

Несколько черных птиц, поднявшись с насестов, неуверенно закружили, то и дело попадая в лунные лучи, однако к алтарю не подлетали. Женщина принялась раскачиваться из стороны в сторону. Меч, словно маятник, неуклонно повторял ее движения.

Фафхрд заметил, что стоявший рядом с ним сокольничий, зашевелился, готовясь метнуть свой короткий меч. Вложив все силы в могучий рывок, Фафхрд разорвал оставшиеся путы на правой руке, бросился вперед вместе со стулом и, схватив за кисть сокольничего, который уже занес меч для броска, повалился вместе с ним на пол. Сокольничий взвыл от боли, послышался хруст сломанной кости. Фафхрд всей тяжестью прижал его сверху и, не отрываясь, смотрел на Мышелова в кожаной маске и перчатках стоявшего перед женщиной.

— Второй сокольничий за ночь, — передразнивая Атью, проговорил Мышелов. — Неплохо, Фафхрд. — И он безжалостно продолжил: — Маскарад кончен, Атья. Ты больше не будешь мстить высокородным женщинам Ланкмара. Ну и подивится жирный Муулш на свою голубку! Украсть свои собственные драгоценности! Весьма хитро, Атья!

Горький страдальческий крик вырвался из груди вконец пораженной женщины, воплощавшей теперь унижение и слабость. Однако она тут же прекратила раскачиваться, и выражение крайнего отчаяния исказило ее мелкие черты.

— В Горы Тьмы! — дико завопила она. — В Горы Тьмы! Отдайте Тьяа дань в ее последней твердыне!

Вслед за этими словами из горла у нее вырвался странный клекот и свист.

Все птицы как одна поднялись с насестов, но к алтарю не подлетали. Они закружились бешеной стаей, издавая пронзительные крики, на которые женщина время от времени отвечала.

— А ну, Атья, брось эти штучки! — предупредил Мышелов. — Смерть близка.

Тут одна из черных птиц, нырнув к полу, подхватила усеянный изумрудами браслет и вылетела через окно, выходившее на реку Хлал. Остальные одна за другой бросились за ней.

Словно какая-то гротескная ритуальная процессия, они летели в ночи, неся в когтях целое состояние: ожерелья, броши, кольца и булавки из золота, серебра и янтаря, украшенные самыми разными самоцветами, посверкивавшими в лунном свете.

Едва три последние птицы, которым уже не досталось украшений, исчезли, как Атья, воздев руки в черных рукавах к изваяниям крылатых женщин и словно умоляя о чуде, испустила дикий крик, спрыгнула с алтаря и бросилась вслед за ними.

Мышелов не сразил ее, а, держа меч наготове, побежал следом. Они оба скрылись в глубокой нише. Снова послышался крик, и через несколько секунд Мышелов, уже один, подошел к Фафхрду. Он разрезал веревки, поднял стул и помог другу подняться на ноги. Раненый сокольничий лежал неподвижно и только тихонько постанывал.

— Она бросилась в Хлал? — спросил Фафхрд, в горле у которого пересохло.

Мышелов кивнул. Фафхрд сонно потер себе лоб. Яд перестал действовать, и в голове у него немного прояснилось.

— Даже имена у них были похожи, — еле слышно пробормотал он. — Атья и Тьяа.

Подойдя к алтарю, Мышелов принялся освобождать вора от пут.

— Кто-то из ваших, Стравас, обстрелял меня сегодня ночью, — беззаботно заметил он. — Мне было не так-то просто избавиться от них и подняться по этой захламленной лестнице.

— Теперь я сожалею об этом, — ответил Стравас.

— А в дом к Муулшу за драгоценностями приходили тоже ваши?

Стравас кивнул, разминая затекшие члены.

— Но я надеюсь, что сейчас мы союзники, — ответил он, — хотя делить нам уже нечего, если не считать нескольких стеклянных побрякушек. — Он мрачно усмехнулся. — Неужто никак нельзя было избавиться от этих черных дьяволов и не потерять добычу?

— Ты очень алчен, Стравас, особенно для человека, которого вырвали из лап у смерти, — отозвался Мышелов. — Но я полагаю, это у тебя профессиональное. Нет, я очень рад, что птицы улетели. Больше всего я боялся, что они выйдут из повиновения — а так и случилось бы, прикончи я Атью. Только она могла управлять ими. Малейшая оплошность, и нас ждала бы неминуемая гибель. Смотри, как вспухла рука у Фафхрда.

— А может, птицы принесут сокровища назад? — с надеждой спросил Стравас.

— Не думаю, — ответил Мышелов.

Две ночи спустя ростовщик Муулш, узнавший кое-что о происшедших событиях от сокольничего со сломанной рукой, который прежде ухаживал за птичками его жены, удобно раскинувшись, лежал на роскошной кровати в комнате своей супруги. В одной пухлой руке он держал кубок с вином, другой сжимал ручку хорошенькой служанки, в обязанности которой раньше входило укладывать волосы его жене.

— Я никогда по-настоящему не любил ее, — проговорил он, привлекая к себе робко улыбающуюся девушку. — Она лишь терзала да пугала меня.

Служанка мягко высвободила руку.

— Я просто хочу накрыть клетки, — объяснила она. — Все эти птицы смотрят, как она. — И девушка чуть вздрогнула под тонкой туникой.

Когда последняя клетка была накрыта куском материи и пение птиц умолкло, она вернулась и села к ростовщику на колени.

Ланкмар постепенно избавлялся от страха. Но многие состоятельные женщины продолжали носить на головах серебряные клетки, считая эту моду очаровательной. Через какое-то время клетки уступили место мягким маскам из тончайшей серебряной проволоки.

А еще некоторое время спустя Мышелов как-то заявил Фафхрду:

— Я хочу тебе кое-что сказать. Когда Атья бросилась в Хлал, было полнолуние. Но почему-то я потерял ее из виду, пока она падала, и не заметил всплеска, хотя следил очень внимательно. А потом я поднял голову и увидел на фоне луны конец птичьей процессии. Позади, как мне показалось, мощно взмахивая крыльями, летела птица гораздо больших размеров.

— Ты хочешь сказать, что... — начал было Фафхрд.

— Ну что ты, Атья утонула в Хлале, — ответил Мышелов.

9. Цена забвения

Громадный варвар Фафхрд, выходец из невонских Стылых Пустошей, так и оставшийся чужаком в славном городе Ланкмаре — самом примечательном, кстати сказать, месте Невона — и небольшой ростом, но грозный боец на мечах Серый Мышелов, личность подозрительная даже в глазах беззаботных и не слишком придирчивых властей этой страны, человек без родины (он во всяком случае не знал, где она), стали закадычными друзьями с первой же минуты, когда они познакомились в Ланкмаре, неподалеку от перекрестка улицы Желтого Дьявола и Чистоганной. Но жить под одной крышей они так и не стали. Во-первых, и это ясно как день, они, несмотря на свою дружбу, были по природе одиночками, а у людей такого покроя почти никогда не бывает своего дома. Во-вторых, они беспрестанно ввязывались во всяческие истории, скитались, осваивали неизведанное или же спасались от смертоносных последствий собственных ошибочных действий или умозаключений. В-третьих, их единственные и неповторимые возлюбленные — у Фафхрда таковой была Влана, а у Мышелова — Ивриана — были подло убиты (страшная месть последовала мгновенно, но утешения друзьям не принесла) в первый же вечер их встречи, а дом без любимой женщины — место неприютное. В-четвертых же, все, чем они владели, появлялось у них в результате краж, даже мечи и кинжалы, которые всегда носили одни

и те же имена: Серый Прутик и Сердцеед у одного, и Скальпель и Кошачий Коготь у другого, независимо от того, как часто молодые люди их лишались и похищали где-нибудь новые взамен, — но вот похитить где-либо дом дело чрезвычайно сложное. Здесь, разумеется, речь не идет о шатрах, комнатах на постоялых дворах, пещерах или даже о дворцах, куда человека всегда может занести по долгу службы или в качестве гостя какой-нибудь принцессы или королевы; не идет речь и о лачуге, которую можно снять ненадолго, что Мышелов и Фафхрд иногда и проделывали: одно из таких временных пристанищ располагалось в переулочке по соседству с Площадью Тайных Восторгов.

И все же, после первых пеших и конных скитаний по Невону, после второй авантюры в Ланкмаре и за его пределами, когда друзья были практически лишены женского общества, так как память об Ивриане и Влане преследовала их долгие годы, после проделанного под влиянием колдовских чар плавания по Крайнему морю, после встречи с семью черными жрецами, а также с Атья и Тьяа и второго возвращения в Ланкмар — после всего этого они в течение нескольких недолгих лун все же делили кров, хотя дом у них был небольшой и, понятное дело, краденый, женщины навещали его лишь в виде привидений, да и стояло их жилище в весьма подозрительном и зловещем месте, поскольку настроение у приятелей было в те поры отвратительное.

Однажды вечером, будучи уже навеселе, приятели покинули таверну «Золотая Минога», что на углу Чистоганной и Бардачной, и, миновав Чумное Подворье и переулок Скелетов, оказались подле веселого, но для них столь трагически памятного трактира «Серебряный Угорь», который располагался в Тусклом переулке, между Грошовой и Извозчицкой; за трактиром Мышелов и Фафхрд уже в который раз узрели золу и обугленные руины обители, где их возлюбленные Ивриана и Влана, приняв великие муки, сгорели дотла; в неверном свете луны еще витали белые пылинки их праха.

Много позже и в состоянии гораздо более основательного подпития они забрели в аристократический квартал к северу от улицы Богов, который тянется вдоль Морской Стены восточнее Радужного Дворца ланкмарского сюзерена Карстака Овартомортеса. В усадьбе герцога Даниуса Мышелов, заглянув в щель утыканной шипами стены, приметил в ярком лунном свете — северный ветерок с моря уже разогнал ночной туман — ладный и симпатичный садовый домик из полированного дерева с затейливыми загогулинами на концах конькового бруса и балок, и сооружение это до такой степени вдруг пленило его, что он даже уговорил Фафхрда им полюбоваться. Дом стоял на шести коротких кедровых сваях, которые в свою очередь покоились на каменной плите. Не в силах совладать с искушением, друзья были просто вынуждены сбегать на Пристенную улицу и к Болотной заставе, нанять четыре десятка вечно шатающихся там по ночам ражих бездельников, сунув каждому по серебряной монете, поставив добрую выпивку и посулив по золотой монете и по еще более внушительной выпивке по окончании работ, отвести их к темному обиталищу Даниуса, отпереть отмычкой замок железных ворот, осторожно провести всех внутрь и велеть поднять садовый домик, причем все это обошлось без особенного шума и неожиданного появления стражи. Наблюдая за работой, Мышелов и Фафхрд успели даже осушить еще один кувшинчик вина. Затем они плотно завязали носильщикам глаза — это оказалось единственной трудной частью операции, потребовавшей от Мышелова всей его ловкости и умения умасливать людей, и непринужденного, хотя и настойчивого, порой даже зловещего дружелюбия со стороны Фафхрда, — и сорок импровизированных дрягилей, потея и тяжело сопя, потащили дом, ведомые и понукаемые двумя приятелями. Проследовав на юг безлюдной Извозчицкой улицей, они свернули на запад, в переулок Скелетов (домик, по счастью, оказался довольно узким, поскольку состоял из трех расположенных в ряд комнатушек), и в результате оказались на пустыре позади «Серебряного Угря», где и опустили свою ношу на землю, после того как Фафхрд откатил в сторону три мешавшие им каменные глыбы. Теперь оставалось лишь отвести носильщиков, все еще с по-

вязками на глазах, назад к Болотной заставе, расплатиться с ними и поставить обещанную выпивку — по вместительному кувшину на брата, дабы все происшествие стерлось у молодчиков из памяти, — после чего броситься в розоватом свете зари к хозяину таверны Брагги, купить у него этот никудышный пустырь позади «Серебряного Угря», скрепя сердце обрубить загогульки от конька и балок с помощью боевого топора Фафхрда, обрызгать водой крышу и стены, в качестве маскировки присыпать их золой (совершенно позабыв при этом о Влане и Ивриане и не подумав, что это дурной знак), и, наконец, заползти внутрь и забыться мертвым сном прямо на голом полу, даже не осмотревшись в новом жилище.

Проснувшись на следующий вечер, друзья обнаружили, что в домике очень мило: обе крайние комнаты представляли собой уютные спальни с толстыми коврами на полу и невероятно эротическими росписями на стенах. Мышелов был озадачен: то ли герцог Даниус делил своих садовых наложниц с приятелем, то ли сам метался из спальни в спальню. Средняя комната оказалась уютной и покойной гостиной; на нескольких полках стояли книги возбуждающего содержания и в дорогих переплетах, а вместительная кладовка была буквально набита кувшинами с изысканной едой и винами. В одной из спален даже оказалась медная ванна — Мышелов тут же занял эту комнату, — и обе были снабжены уборными, содержимое которых можно было легко вынести из-под дома, для каковой цели приятели в тот же вечер наняли приходящую прислугу — мальчишку из «Угря».

Кража сошла приятелям с рук: их не тревожила ни ленивая ланкмарская стража в коричневых кирасах, ни герцог Даниус — если он даже и нанял сыщиков, чтобы те отыскали дом, то с этой нелегкой работой они не справились. Несколько дней Серый Мышелов и Фафхрд наслаждались счастьем в своем новом жилище: поглощали роскошные яства Даниуса, то и дело бегая в «Угорь», дабы пополнить запасы вина; Мышелов два-три раза на дню подолгу принимал ванны, от души пользуясь всяческими благовониями, мылами и притираниями, Фафхрд же через день ходил в городские парные бани, а большую часть

времени посвящал книгам, совершенствуя свои и без того немалые познания в верхнеланкмарском, илтхмарском и квармаллийском языках.

Постепенно в спальне Фафхрда воцарился весьма уютный кавардак, в то время как Мышелов неукоснительно содержал свою комнату в полном порядке и чистоте — так проявлялась натура каждого.

Через несколько дней Фафхрд обнаружил еще одну хитроумно спрятанную библиотеку, которая состояла исключительно из книг, посвященных смерти, и таким образом являла собою полную противоположность подборке эротических произведений. Фафхрд нашел новые книги не менее познавательными, тогда как Мышелов развлекался, представляя себе, как герцог Даниус, перебегая из одной спальни, где лежала девушка (или девушки), в другую, останавливается на минутку, чтобы просмотреть несколько абзацев касательно видов удушения или действия клешских ядов, добываемых в джунглях.

Однако же друзья не приглашали девушек в свой прелестный новый дом и, вероятно, были совершенно правы: не прошло и половины луны, как Мышелову стал являться призрак стройной Иврианы, а Фафхрду — высокорослой Влады; оба духа, по-видимому, восстали из пепла, который летал вокруг дома и даже прилип снаружи к его стенам. Девушки-призраки не произносили ни слова, даже самым тихим шепотом, не прикасались к своим кавалерам и, проходя мимо, не задевали их хотя бы одним волоском; Фафхрд ничего не говорил Мышелову о Влане, а тот в свою очередь помалкивал о посещениях Иврианы. Обе девушки неизменно оставались невидимыми, неразличимыми для уха, неосязаемыми, но они были.

По секрету друг от друга приятели стали обращаться за советом к ведунам, шаманам, астрологам, магам, некромантам, предсказателям, знаменитым врачам и даже к жрецам, стремясь обрести исцеление от своего недуга (каждый хотел, чтобы подруга являлась ему в каком-нибудь более осязаемом виде или не являлась вовсе) и не находя его.

В течение трех лун Мышелов и Фафхрд — очень любезные друг к другу, очень терпимые, всегда готовые поддерживать шутку, улыбающиеся гораздо чаще, чем обычно, — неуклонно теряли рассудок. Мышелов по-

нял это, когда, проснувшись как-то пасмурным утром, открыл глаза и увидел, наконец, бледную двухмерную Ивриану, которая печально взглянула на него с потолка и бесследно исчезла.

На лбу и щеках у Мышелова выступили капли пота, в горле запершило, он почувствовал, что задыхается и вот-вот извергнет содержимое своего желудка. Тогда единым взмахом руки он отбросил простыни и как был, нагишом, ринулся через гостиную в спальню Фафхрда.

Северянина там не было.

Мышелов долго смотрел на пустую измятую постель. Затем одним махом влил в себя полбутылки крепленого вина, после чего сварил котелок обжигающего вздрога тройной крепости. Отхлебнув, он почувствовал, что его начинает трясти. Тогда он накинул шерстяной халат, туго подпоясался, натянул шерстяные носки и, хотя у него все еще зуб на зуб не попадал, допил дымящийся напиток.

Весь день он то мерил шагами гостиную, то валялся в большом кресле и, чередуя крепленое вино со вздрогом, ожидал возвращения Фафхрда, время от времени поеживаясь и кутаясь в теплый халат.

Но Северянин так и не появился.

К вечеру, когда окна, в которые были вставлены тонкие сероватые пластинки из рога, пожелтели, мысли Мышелова приняли более практическое направление. Ему пришло в голову, что единственным волшебником, с кем он еще не советовался относительно своего кошмара с Иврианой, висящей на потолке, — Мышелов решил не упускать последний шанс, поскольку считал, что именно этот чародей может оказаться не мошенником и не шарлатаном, — был Шильба Безглазоликий, живший в пятиногой хижине на Великой Соленой Топи, что лежала на восток от Ланкмара.

Скинув шерстяные одежды, он поспешно облачился в свою серую тунику из толстого шелка, обул башмаки из крысиной кожи, привесил к поясу тонкий и длинный меч Скальпель и кинжал Кошачий Коготь (еще раньше он обратил внимание, что повседневная одежда Фафхрда и его оружие — меч Серый Прутик и кинжал Сердцеед — отсутствуют), подхватил плащ с капюшоном, сшитый из той же материи, что и туника,

и выскочил из жуткого домика, охваченный внезапным страхом, что печальный призрак Иврианы явится ему снова и исчезнет, не сказав ни слова и даже не прикоснувшись к нему.

Солнце уже спустилось к самому краю горизонта. Мальчик из «Угря» чистил отхожие места. Едва сдерживая ярость, Мышелов осведомился:

— Фафхрда сегодня видел?

Парнишка вздрогнул и ответил:

— Ага. Он рано утром ускакал на большой белой лошади.

— Никакой лошади у Фафхрда нет, — хрипло и грозно проговорил Мышелов.

Парнишка снова вздрогнул.

— В жизни не видал такой крупной кобылы. На ней было коричневое седло и украшенная золотом сбруя.

Мышелов зарычал и начал вытаскивать Скальпель из ножен, сшитых из мышиной кожи. Но тут за спиной у мальчишки он увидел поблескивающего в сумраке громадного вороного коня в сбруе накладного серебра и под черным седлом.

Мышелов рванулся и, стрелою промчавшись мимо парня, который от неожиданного толчка полетел в грязь, взметнулся в седло, схватил поводья, сунул ноги в стремена — по высоте они оказались ему в самый раз — дал коню шенкеля, и тот, с места в карьер пронесшись Тусклым переулком, свернул на север, на Извозчицкую, затем на запад, на улицу Богов (толпа только шарахалась в стороны), и вылетел из города через Болотную заставу, прежде чем стражники успели занести для броска копья с зазубренными наконечниками или хотя бы преградить ими дорогу.

За спиной у Мышелова было заходящее солнце, впереди — ночь, влажный ветер обвевал разгоряченное лицо, и все это ему нравилось.

Черный конь проскакал по Насыпной дороге шестьдесят полетов стрелы или около того, то есть примерно триста шестьдесят полетов копья и внезапно свернул с дороги к югу, да так неожиданно, что Мышелов чуть не вылетел из седла. Однако он усидел и продолжал скакать, уворачиваясь как мог от опасных

колючих кустов и ветвей ястребиных деревьев. Не успел он и сотню раз судорожно глотнуть воздух, как конь встал: перед Мышеловом была хижина Шильбы, а в низком дверном проеме, чуть выше головы Мышелова виднелась раскорячившаяся фигура в черном балахоне с надетым на голову клобуком.

Мышелов громко проговорил:

— Что ты замыслил, лукавый колдун? Я знаю, это ведь ты послал за мною коня.

Шильба не промолвил ни слова и не шелохнулся, хотя его позу вряд ли можно было назвать удобной — разве что вместо ног у него росли, скажем, щупальца.

Через несколько мгновений Мышелов осведомился уже громче:

— Ты посылал сегодня утром за Фафхрдом? Громадную белую лошадь с украшенной золотом коричневой сбруей?

На сей раз Шильба чуть вздрогнул, однако тут же снова застыл, не проронив ни слова: лишь то место, где должно было помещаться его лицо, густо чернело даже на фоне его черных одежд.

Смеркалось. Подождав чуть подольше, Мышелов промолвил тихим, пресекающимся голосом:

— О, великий волшебник Шильба, окажи мне благодеяние, или я сойду с ума. Верни мне мою возлюбленную Ивриану, верни всю, целиком, или же избавь меня от нее, но так, как будто ее никогда не было вовсе. Сделай или то, или другое, и я заплачу любую назначенную тобою цену.

Голосом сухим, как шорох гальки, на которую накатила внезапная волна, сидевший в дверях Шильба ответил:

— Будешь ли ты верой и правдой служить мне всю жизнь? Исполнять все мои повеления? Со своей стороны я обязуюсь призывать тебя не чаще раза в год, самое большее дважды, и пользоваться твоими услугами три луны в году из тринадцати. Ты должен мне поклясться костями Фафхрда и своими собственными, что, во-первых, пустишься на любую уловку, как бы постыдна и унизительна она ни была, чтобы добыть для меня из царства теней маску Смерти, и, во-вторых, что убьешь любого, кто попытается воспрепятствовать тебе в этом, будь это хоть твоя мать, которой ты не знаешь, хоть само Великое Божество.

После долгого молчания Мышелов едва слышно ответил:

— Обещаю.

— Прекрасно, — проговорил Шильба. — Оставь коня себе. Поскачешь на восток, мимо Илтхмара, города Упырей, моря Монстров и Выжженных гор, пока не доберешься до царства теней. Там разыщешь голубой огонь, возьмешь со стоящего рядом с ним трона маску Смерти и привезешь мне. Или же сорвешь ее с лица у Смерти, если та окажется дома. Кстати, в царстве теней ты найдешь свою Ивриану. В особенности опасайся некоего герцога Даниуса, чей садовый домик вы недавно стянули — между прочим, вовсе не случайно — и чьи книги о смерти, должно быть, уже обнаружили и просмотрели. Этот самый Даниус боится смерти сильнее, чем любое существо, когда-либо жившее или описанное человеком, демоном либо божеством, поэтому он вознамерился совершить набег на царство теней, дабы убить самое Смерть (впрочем, я понятия не имею, какого она рода, так далеко не простираются даже мои знания) и уничтожить все, чем она владеет, включая и маску, которую ты взялся для меня добыть. А теперь отправляйся выполнять задание. Это все.

Оцепеневший, изумленный, но при этом несчастный и полный подозрений Мышелов уставился в темный дверной проем и смотрел в него, пока не поднялась луна и на ее фоне не вырисовались корявые ветви высохшего ястребиного дерева. Шильба больше не проронил ни звука, не шелохнулся, и Мышелов тщетно ломал голову, какой бы не слишком глупый вопрос еще задать. В конце концов он тронул каблуками бока вороного коня, тот сейчас же повернулся, осторожно ступая, взобрался на Насыпную дорогу и неспешным галопом поскакал на восток.

Почти в то же самое время — ведь чтобы добраться через Великую Соленую Топь и Зыбучие Земли до гор, что позади Илтхмара, города с дурной славой, нужно скакать целый день — и после почти такой же беседы Фафхрд заключил точь-в-точь такое же соглашение с Нингоблем Семиоким, сидевшим в своей обширной, имевшей массу разветвлений пещере, — с тем разве отличием, что Нингобль со своею склонностью к празднословию произнес в тысячу раз больше

слов, чем Шильба, но в конечном итоге сообщил столько же.

Словом, оба героя, люди сомнительной репутации и весьма беспринципные, отправились в царство теней, причем Мышелов осмотрительно придерживался прибрежной дороги и только севернее Сархеенмара свернул в глубь суши, тогда как Фафхрд безрассудно гнал коня через Отравленную пустыню прямо на северо-запад. Тем не менее обоим удалось в один и тот же день пересечь Выжженные горы — Мышелов двигался северным перевалом, а Фафхрд — южным.

После Выжженных гор небо заволокли густые тучи, которые опускались все ниже и ниже, но ни дождя, ни даже намека на туман не было. Студеный воздух дышал влагой, вероятно испарявшейся из какого-то далекого подземного источника, на фоне густой зеленой травы чернел редкий кедровый лес. Стада черных антилоп и черных северных оленей пощипывали на лужайках траву, однако ни пастуха, ни других людей не было видно. Мало-помалу небо сделалось еще более мрачным, казалось, вот-вот наступит полярная ночь; вдалеке выросли причудливые низкие холмы, усыпанные грудами черных валунов, горизонт осветился множеством огней всех цветов и оттенков, кроме голубого, которые по мере приближения исчезали, не оставляя после себя ни золы, ни какого-либо иного следа. Тут Мышелов и Фафхрд окончательно поняли, что находятся в царстве теней, которого на севере до смерти боялись не знающие жалости минголы, на западе — упыри с толстыми бежеватыми костями и невидимой плотью, на востоке — сам Царь Царей, взявший за непреложное правило предавать смерти любого человека, пусть даже собственного визиря, возлюбленного сына или наидрагоценнейшую из жен, который осмелится хотя бы шепотом произнесли запретные слова: «Царство Теней», не говоря уже о том, чтобы так или иначе обсуждать столь зловещее место.

Через какое-то время Мышелов увидел черный шатер, подскакал к нему, спешился со своего вороного коня и раздвинул шелковые занавеси у входа: за столиком из черного дерева, равнодушно потягивая из хрустального кубка белое вино, одетая в любимое ими обоими фиолетовое шелковое платье с накинутым на плечи горностаем сидела его возлюбленная Ивриана.

Но она отсутствующим взглядом смотрела в пространство, а ее узкие, изящные руки имели мертвенный голубовато-серый оттенок, да и лицо было того же цвета. Только волосы, черные и блестящие, казались такими же живыми, как прежде, хотя, как почудилось Мышелову, немного отросли — так же как и ногти.

Ивриана пристально уставилась на Мышелова — ее глаза, как он теперь заметил, были слегка подернуты матовой белой пленкой, — чуть раздвинула почерневшие губы и монотонно заговорила:

— Я не в силах выразить, Мышелов, как счастлива видеть тебя, любовь моя вечная, ведь ради меня ты не побоялся ужасов царства теней и все же остался живым и невредимым, а я вот мертва. Никогда больше не приходи сюда и не тревожь меня, мой ненаглядный. Радуйся жизни. Радуйся.

Мышелов бросился к ней, опрокинув по пути хрупкий черный столик, но Ивриана как-то сразу потускнела и в мгновение ока погрузилась в землю, словно под ней был прозрачный, мягкий и неопасный с виду зыбучий песок, а не плотный дерн, как убедился, вцепившись в него пальцами, Мышелов.

Тем временем, в нескольких ланкмарских лигах к югу, Фафхрд испытывал те же самые ощущения, пребывая в обществе своей драгоценной Вланы, с блестящими каштановыми локонами и тоже синюшными лицом и руками — ах, эти милые, длинные сильные пальцы! — и одетой, словно лицедейка, в черную хламиду и красные чулки, — с тою, однако, разницей, что прежде чем уйти под землю, она, будучи женщиной несколько более резкой, чем Ивриана, голосом безжизненным, монотонным и составлявшим разительный контраст с энергическим содержанием ее речи, проговорила:

— А теперь ноги в руки и марш отсюда, олух ты мой обожаемый и единственный в мире живых и царстве теней! Постарайся выполнить идиотское поручение Нингобля, хотя это почти что верная смерть, а ты — болван, раз за него взялся. А потом скачи как угорелый на юго-запад. И если ты по дороге все же сыграешь в ящик и повстречаешь меня в царстве теней, я плюну тебе в рожу, никогда больше не скажу с тобой ни словечка, и ты больше не увидишь меня

в своей черной замшелой постели. Смерть есть смерть, ничего не попишешь.

Вылетев, словно перепуганные мыши, из черных шатров, Мышелов и Фафхрд, хотя и разделенные несколькими лигами, увидели на востоке голубовато-стальное пламя, взметнувшееся в небо длинным блестящим стилетом, гораздо более высокое, чем огни, что они прежде встречали в царстве теней — узкий ярко-голубой язык огня, глубоко вонзившийся в черные тучи. От Мышелова пламя находилось немного к югу, а от Фафхрда — чуть-чуть к северу. Друзья яростно замолотили каблуками по бокам своих лошадей и понеслись во весь опор, причем их дороги постепенно сближались. В этот тяжкий миг, когда сердце каждого еще кровоточило после разговора с любимой, они более всего на свете желали встречи со Смертью, чтобы либо убить это самое ужасное во всей вселенной создание, либо погибнуть самим.

Однако по пути Фафхрд никак не мог избавиться от мысли о том, что Влана, в сущности, старше него на десять лет и в царстве теней выглядела уж никак не моложе своего возраста, а Мышелов был не в силах выбросить из головы воспоминания о некотором скудоумии и снобизме Иврианы.

Но они продолжали скакать — упорно, с отчаянной радостью — к голубому пламени, становившемуся все шире и ярче, пока наконец не увидели, что бьет оно из громадной трубы стоявшего на длинном невысоком взгорье замка, все ворота и двери которого были распахнуты настежь.

Бок о бок въехали они в широкие ворота, а затем и в двери замка, не замечая друг друга. В черной гранитной стене перед ними зияло отверстие огромного очага, в котором пламя, сиявшее ослепительно, как само солнце, вздымалось вверх по трубе — его-то они и увидели издалека. Перед очагом стояло эбеновое кресло, обтянутое черным бархатом, а на этом изящнейшем из сидений лежала блестящая черная маска на все лицо с широкими отверстиями для глаз.

Погребальным набатом загудели по черным плитам пола восемь железных подков вороной и белой лошадей.

Спешившись, Фафхрд и Мышелов приблизились — один с северной стороны, другой с южной — к эбе-

новому креслу с черным бархатным сиденьем, на котором лежала усыпанная блестками маска Смерти. Наверное на их счастье сама Смерть была где-то далеко — то ли отлучилась по делам, то ли уехала на отдых.

И в этот миг Фафхрд и Мышелов поняли, что согласно клятве, данной ими Нингоблю и Шильбе, каждый из них должен умертвить своего товарища. Мышелов мгновенно извлек из ножен Скальпель. С неменьшим проворством Фафхрд выхватил Серый Прутик. Приятели стояли лицом к лицу, готовые поразить друг друга.

Но тут между ними, быстрый как молния, сверкнул длинный меч, и черная маска Смерти распалась на две равные части — от черного лба до черного подбородка.

В ту же секунду стремительный клинок герцога Даниуса метнулся в сторону Фафхрда. Северянин с трудом парировал удар аристократа, глаза которого пылали бешенством. Сверкающий меч обрушился на Мышелова, и тот тоже насилу отбил его.

Оба героя скорее всего погибли бы — ведь в конечном итоге, кто может одолеть безумца? — но тут Смерть вернулась к себе домой, в черный замок в царстве теней, и, схватив своими черными пальцами герцога Даниуса за горло, задушила его — на это ей потребовалось время, за которое сердце Фафхрда сократилось семнадцать раз, Мышелова — двадцать один раз, а герцога Даниуса — несколько сотен.

Ни один из героев не осмелился взглянуть в лицо Смерти. Не успело это удивительнейшее и жутчайшее из созданий покончить со своим безрассудным недругом Даниусом и на треть, как они схватили по половинке сверкающей маски, взлетели в седла и, словно два умалишенных брата-близнеца, причем из самых буйных, понеслись на своих белой и вороной лошадях через царство теней кратчайшей дорогой на юго-запад, но еще быстрее настигал их сам Страх, лучший наездник космоса.

В Ланкмаре и его окрестностях, куда не мешкая вернулись друзья, им пришлось несладко. Нингобль и Шильба страшно рассвирепели, получив только по половине маски, хотя та принадлежала самому могущественному существу во всех известных и неизвестных

вселенных. Довольно эгоцентричные, без царя в голове колдуны, по уши погруженные в свою междоусобицу — хотя они и слыли самыми хитрыми и мудрыми волшебниками из когда-либо живших в стране Невон, — ни в какую не желали принять во внимание четыре весьма веских аргумента, которые Фафхрд и Мышелов приводили в свою защиту. Во-первых, друзья утверждали, что не отступили от условий, навязанных им чародеями, поскольку прежде всего озаботились тем, чтобы вывезти из царства теней маску Смерти (в таком объеме, в каком это представилось возможным), даже ценою частичной потери самоуважения. Ведь если бы они вступили между собою в схватку, как того требовало второе условие, то скорее всего просто убили бы друг друга, и тогда Шиль и Нинг не получили бы даже клочка маски, а что касается Смерти, то какой же здравомыслящий человек станет рассматривать ее как противника? Герцог Даниус самое убедительное тому доказательство. Во-вторых, половинка волшебной маски все же лучше, чем ничего. В-третьих, чародеи, обладая половинкой маски каждый, будут вынуждены прекратить свою дурацкую войну и начать сотрудничать друг с другом, в результате чего их и без того огромное могущество удвоится. И в-четвертых: вопреки обещанию, чародеи не вернули друзьям их прекрасных возлюбленных живыми и не уничтожили их во времени, так чтобы от них не осталось и воспоминания, а только вытянули из героев все кишки — и, видимо, из девушек тоже — этим страшным последним свиданием. Однако в раздражении, совершенно недостойном столь великих волшебников, Нингобль заколдовал все, что находилось в похищенном Фафхрдом и Мышеловом домике, а Шильба спалил сам домик дотла, так что его пепел невозможно было отличить от пепла обиталища, в коем погибли Влана и Иврианa.

Но это, вероятно, было и к лучшему: мысль поселиться на пустыре за «Серебряным Угрем» — так сказать, на кладбище, где покоились возлюбленные героев, была с самого начала нездоровой.

Впоследствии Шильба и Нингобль, не выказав и тени благодарности и не испытывая ни малейших угрызений совести по поводу своей ребяческой мести, настоятельно домогались от Фафхрда и Мышелова

верной службы, как то было обусловлено договором, который они заключили с друзьями.

Тем не менее восхитительные и роскошные Влана и Ивриана перестали являться Фафхрду и Мышелову, а воспоминания о них остались у приятелей самые мирные и благостные. Короче говоря, не прошло и нескольких дней, как Мышелов закрутил бурный роман с еще несовершеннолетней, но весьма обольстительной племянницей Карстака Овартомортеса, тогда как Фафхрд приударил за невероятно похожими сестрами-близнецами, дочерьми герцога Даниуса — девицами в высшей степени привлекательными и богатыми, однако находившимися на грани проституции, поскольку их якобы интересовали сопутствующие ей переживания.

А вот что думали обо всем этом Влана и Ивриана в далеком царстве теней, месте своего вечного упокоения — это касается только них самих да еще Смерти, в чей ужасный лик они могли заглядывать теперь без малейшего трепета.

10. Склад Странных Услад

Тускловатые и причудливые невонские звезды густо усыпали небо над черневшим крышами городом Ланкмаром, в котором одинаково часто звенят мечи и монеты. Для разнообразия тумана в эту ночь не было.

На площади Тайных Восторгов, что лежит семи кварталами южнее Болотной заставы и простирается от фонтана Запретного Изобилия до часовни Черной Девы, огни, если так можно выразиться, торговых реклам освещали небо не ярче, чем звезды землю. Дело в том, что расположившиеся на площади торговцы всяческими зельями, продавцы раритетов и сводники освещают свои крошечные ларьки и палатки с помощью гнилушек, светляков и горшочков с угольями и ведут дела так же тихо, как и звезды.

В ночном Ланкмаре есть множество шумных мест, ярко освещенных факелами, однако по идущей с незапамятных времен традиции на площади Тайных Восторгов всегда царит приятный полумрак и звучат мягкие шепотки. Философы часто приходят туда по-

одиночке, чтобы поразмышлять, студенты — помечтать, богословы с фанатично горящими глазами — чтобы плести, словно пауки, свои неудобопонятные новые теории касательно Дьявола и других темных сил, правящих вселенной. И если кто-то из них вкусит по пути немножечко от запретных удовольствий, то это несомненно лишь идет на пользу их теориям, мечтам и теологическим системам.

Однако в эту ночь обычный полусумрак площади был нарушен ярким светом, который лился из низкой двери со сводом в форме трилистника, недавно пробитой в древней стене. Словно ослепительное солнце, взошедшее над горизонтом тротуара, освещенная дверь практически затмевала тусклые «звезды» остальных торговцев тайнами.

У двери были разложены жутковатые и загадочные товары, а рядом с ними сидел на корточках человечек с алчным взглядом, облаченный в наряд, невиданный доселе ни на суше, ни на морях страны Невон. На нем была красная шапочка в форме ведра, мешковатые штаны и невероятные красные туфли с загнутыми носами. Глаза у него были хищные, как у ястреба, а улыбка — циничная и льстиво-сладострастная, как у древнего сатира.

То и дело человечек вскакивал на ноги и, схватив длинную метлу, принимался в который раз мести мостовую, словно готовясь к приходу некоего фантастического императора. Время от времени он прекращал этот танец и кланялся — низко и подобострастно, но не опуская взгляда — толпе, которая стекалась в полутьме к пятну яркого света, после чего протягивал руку к двери новой лавки, приглашая зайти в нее: жест этот был одновременно грозным и раболепным.

Однако никто из зевак не мог набраться храбрости зайти в ярко освещенное помещение или хотя бы осмотреть редкости, столь небрежно и прельстительно разложенные у входа. А между тем число завороженных ротозеев росло с каждой минутой. В толпе слышался неодобрительный ропот по поводу столь оскорбительного нового метода торговли, в котором выказывалось пренебрежение к обычаю сохранять на площади полумрак, однако эти жалобы тонули в гуле удивления, восхищения и любопытства, разгоравшихся все сильнее.

Серый Мышелов проскользнул на площадь со стороны фонтана так тихо, как будто собирался перерезать кому-то глотку или же следил за шпионами самого сюзерена. Его ноги, обутые в мокасины из крысиной кожи, ступали совершенно бесшумно. Даже меч Скальпель в ножнах из мышиных шкурок не шуршал о тунику и плащ, сшитые из серого груботканного шелка. Взгляды, которые Мышелов кидал по сторонам из-под надвинутого на лоб серого шелкового капюшона, были полны угрозы и ледяного высокомерия.

Но в душе Мышелов чувствовал себя, как школьник, в ужасе ожидающий головомойки и труднейшего домашнего задания. В его кошеле из крысиных шкурок лежала записка, нацарапанная чернильной жидкостью каракатицы на серебристой рыбьей коже Шильбой Безглазоликим, в которой тот наказывал Мышелову быть здесь в это время.

Шильба был колдуном-покровителем и — когда ему в голову приходил подобный каприз — опекуном Мышелова, поэтому его приглашениями пренебрегать не следовало, тем более что Шильба мог выследить непокорного где угодно, хотя у него и не было глаз на положенном для них месте.

Однако задания, которые Шильба обычно поручал Мышелову, были на редкость обременительными, а порой и тошнотворными — к примеру, раздобыть девять белых кошек без единого черного волоска, или украсть пять экземпляров одной и той же книги магических рун, разбросанные по библиотекам разных чернокнижников, или достать образцы экскрементов четырех живых и мертвых королей, — поэтому Мышелов пришел пораньше, чтобы поскорее узнать скверные новости, и в одиночестве, поскольку вовсе не хотел, чтобы его друг Фафхрд стоял рядом, давясь от смеха, пока Шильба будет читать свои чародейские нотации послушному Мышелову, а то и выдумает еще какое-нибудь дополнительное поручение.

Записка Шильбы, накрепко запечатлевшаяся в мозгу у Мышелова, гласила:

«Когда звезда Акуль украсит шпиль Рхана, будь подле фонтана Запретного Изобилия».

Вместо подписи внизу был нарисован овал неправильной формы — знак Шильбы.

Мышелов скользнул в темноте к фонтану, представлявшему собой приземистый черный столб с шероховатой скругленной верхушкой, из которой через каждые двадцать ударов слоновьего сердца истекала капля черной жидкости.

Остановившись подле фонтана, Мышелов поднял согнутую руку и прикинул угол возвышения зеленой звезды Акуль. Ей предстояло еще опуститься на семь пальцев, прежде чем она коснется острия шпиля стройного и окруженного звездами далекого минарета Рхана.

Чуть оттолкнувшись, Мышелов легко вскочил на черный столб, чтобы проверить, не изменится ли с этого наблюдательного пункта угол возвышения звезды Акуль. Угол не изменился.

Мышелов поискал во тьме глазами неподвижную фигуру в хламиде с монашеским клобуком, надвинутым так низко, что было непонятно, как его обладатель видит, куда идет. Никаких фигур поблизости не было.

Настроение у Мышелова улучшилось. Раз Шильба не соизволил из любезности прийти пораньше, то и он может проявить некоторую невоспитанность. Приняв такое решение, Мышелов зашагал в сторону ярко освещенной двери новой лавки, чье вызывающее сияние пробудило его любопытство еще за квартал до площади Тайных Восторгов.

Северянин Фафхрд поднял отяжелевшее от вина веко и, не поворачивая головы, осмотрел половину освещенной огнем очага комнатки, в которой он спал совершенно голый. Затем он закрыл глаз и, открыв другой, осмотрел вторую половину комнатки.

Мышелова нигде не было видно. Тем лучше! Если повезет, он сумеет провернуть сегодня ночью одно неприятное дело, не выслушивая насмешек этого маленького мошенника.

Фафхрд вытащил из-под заросшей бородой щеки квадратик фиолетовой змеиной кожи, испещренной крошечными дырочками. Если смотреть сквозь него на огонь, дырочки превращались в яркие точки, которые при внимательном изучении складывались в слова:

«Когда кинжал Рхана пронзит во тьме сердце Акуль, буду ждать тебя у источника Черных Капель».

Во всю ширину фиолетового квадрата чем-то красновато-коричневым, похожим на засохшую кровь, была нарисована семилучевая свастика — один из знаков Нингобля Семиокого.

Фафхрд без труда догадался, что источник Черных Капель — это фонтан Запретного Изобилия. С подобным туманным поэтическим языком он познакомился еще тогда, когда мальчишкой учился у поющих скальдов.

Нингобль был для Фафхрда примерно тем же, кем Шильба для Мышелова, но с тою разницей, что Семиокий был более требовательным архимагом, и чародейские задания, поручаемые Фафхрду, отличались большей широтой и заключались в умерщвлении драконов, потоплении волшебных четырехмачтовых кораблей и похищении зачарованных королев, охраняемых великанами-людоедами.

Кроме того, Нингобль был склонен к не лишенному оснований хвастовству, особенно в отношении необъятности пещеры, в которой он жил, по чьим извилистым каменным проходам можно было, по его словам, пробраться в любое пространство и время — конечно, если Нингобль предварительно подробно описывал путь по этим кривым скалистым коридорам с низкими потолками.

В отличие от Мышелова, который стремился учиться у Шильбы магическим заклинаниям, Фафхрд был не слишком-то расположен запоминать колдовские формулы Нингобля, однако Семиокий крепко держал Северянина в руках, благодаря кое-каким слабостям и былым злодеяниям последнего, поэтому Фафхрду часто приходилось терпеливо выслушивать наставления и похвальбу Нингобля, но он любыми мыслимыми и немыслимыми способами старался избежать этого, когда рядом находился насмешливо ухмыляющийся Мышелов.

Стоя у огня, Фафхрд натягивал, нахлобучивал и пристегивал многочисленные одежды, оружие и украшения, которые постепенно закрывали его тело, обильно поросшее завитками коротких красно-рыжих волос. Когда, уже в полном облачении, он открыл дверь и, глянув в темный переулок, увидел на ближайшем углу

лишь торговца жареными каштанами, сидящего на корточках у своей жаровни, любой поклялся бы, что продвижение Северянина в сторону площади Тайных Восторгов будет сопровождаться звоном и грохотом, какой издает осадная башня, приближающаяся к толстым стенам неприятельского города.

Однако старому торговцу каштанами, который был по совместительству шпионом сюзерена и обладал рысьим слухом, пришлось доставать и водружать на место неожиданно ушедшее в пятки сердце, когда мимо него пронесся Фафхрд — высокий, как сосна, быстрый, как ветер, и бесшумный, как призрак.

Ловкими тычками локтем под ребро Мышелов растолкал двух зевак и по темным плитам тротуара направился к сверкающей лавке с дверью, похожей на перевернутое сердце. Ему пришло в голову, что каменщики, должно быть, вкалывали как черти, раз успели так быстро пробить и оштукатурить дверной проем с аркой. Еще днем он проходил мимо и ничего, кроме гладкой стены, тут не видел.

Из лавки выскочил немыслимый привратник в красном цилиндре, туфлях с загнутыми носами и метлой в руках и, пятясь и приседая перед Мышеловом, принялся мести тротуар перед первым покупателем, сопровождая свои действия многочисленными раболепными поклонами и глупыми ухмылками.

Однако лицо Мышелова выражало лишь мрачное и скептическое презрение. Остановившись перед наваленной у двери груды товара, он принялся неодобрительно ее рассматривать. Затем вытащил из тонких серых ножен Скальпель и кончиком тонкого клинка раскрыл переплет самой верхней книги в стопке замшелых томов. Не подходя ни на йоту ближе, он пробежал первую страницу, покачал головой, быстро перевернул тем же Скальпелем еще несколько, пользуясь своим мечом, как учитель, отмечающий некоторые слова указкой — а, судя по выражению лица Мышелова, слова были подобраны скверно, — после чего неожиданно захлопнул книгу быстрым движением.

Затем он, приподняв Скальпелем красную скатерть, свисавшую до земли со стола, который стоял позади стопки книг, подозрительно заглянул под него, пре-

небрежительно постучал кончиком клинка по стеклянному кувшину, внутри которого плавала человеческая голова, презрительно притронулся к еще нескольким предметам, и укоризненно помахал перед носом у совы, прикованной за лапку к высокому насесту и важно ухнувшей ему в лицо.

Проделав все это, Мышелов спрятал Скальпель в ножны и, с кислым видом подняв брови, повернулся к привратнику, как бы спрашивая у него: «И это все, что вы можете предложить? Неужто, по-вашему, весь этот хлам извиняет вас за то, что вы буквально залили светом площадь Тайных Восторгов?»

На самом деле все увиденное Мышеловом заинтересовало его до чрезвычайности. Книга, к примеру, была на языке, которого он не только не понимал, но даже не сумел узнать.

Мышелов уяснил три вещи: во-первых, что весь предложенный на продажу товар привезен даже не из дальных окраин Невона, а неизвестно откуда; во-вторых, что вся эта мура невероятно опасна, хотя он сам не смог бы объяснить почему; и в-третьих, что он, то есть Мышелов, не сдвинется с места, пока не рассмотрит, не изучит, а если понадобится, и не попробует на вкус каждый из этих загадочных предметов.

При виде кислой гримасы Мышелова привратник буквально задергался в приступе раболепия и услужливости; он явно был раздираем между двумя желаниями: то ли поцеловать ногу Мышелова, то ли, умирая от подобострастия, продемонстрировать каждый предмет, ласково поворачивая его то так, то этак.

В конце концов он согнулся в таком низком поклоне, что коснулся подбородком тротуара, и, протянув по-обезьяньи длинную руку в сторону лавки, затараторил на ужасающем ланкмарском:

— Все для того, чтобы доставить удовольствие плоти, чувствам и воображению человека! Немыслимые чудеса! Очень, очень дешево! Можно сказать, даром! Склад Странных Услад! Благоволите взглянуть, о мой король!

Мышелов зевнул во весь рот, прикрывая его тыльной стороной ладони, огляделся вокруг с усталой, терпеливой и светской улыбкой герцога, который понимает, что должен примириться с несколькими минутами невыносимой скуки, дабы поощрить торговлю

в своих владениях, и, слегка пожав плечами, вошел внутрь.

Оставшийся позади привратник пришел в исступленную радость и с ужимками и прыжками принялся снова мести тротуар с видом человека, помешавшегося от восторга.

Оказавшись в лавке, Мышелов прежде всего обратил внимание на кипу тонких книг в переплетах из красной и лиловой шагрени, тисненной золотом.

Затем он увидел полку со сверкающими линзами и тонкими медными трубками, в которые так и подмывало заглянуть.

И, наконец, взгляд его остановился на стройной темноволосой девице, таинственно улыбавшейся ему из золотой клетки, свисавшей с потолка.

Рядом с этой клеткой висели другие, их прутья были сделаны из серебра, а также невиданных зеленых, темно-красных, оранжевых, ярко-синих и фиолетовых металлов.

Фафхрд увидел, что Мышелов скрылся в лавке, как раз в тот миг, когда его левая рука коснулась шероховатой холодной верхушки фонтана Запретного Изобилия, а звезда Акуль оказалась в точности над шпилем Рхана, который стал похож на тонкий фонарный столб с зеленой лампой.

Северянин мог пойти вслед за Мышеловом, мог не пойти, но непременно обдумал бы увиденное, однако в этот миг у него за спиной послышалось длинное «Пс-с-с-т!»

Словно искуснейший танцовщик, Фафхрд крутанулся на каблуках, а его длинный меч Серый Прутик вылетел из ножен стремительно и, пожалуй, даже тише, чем змея выползает из норы.

Локтях в десяти, у входа в переулок, который по царившей в нем тьме давал сто очков вперед самой площади, даже когда на ней еще не взошло новое коммерческое светило, Фафхрд с трудом разглядел две стоявшие рядом фигуры в просторных балахонах и глубоко надвинутых клобуках.

Внутри одного из клобуков чернел непроглядный мрак. Будь там даже физиономия клешского негра, то и в этом случае можно было бы заметить слабые бронзовые блики. Но под клобуком не было даже бликов.

Под другим клобуком слабо мерцали семь зеленоватых огоньков. Они находились в непрестанном движении, кружили, словно выплясывая какой-то замысловатый танец. Порой один из этих семи крошечных тусклых овалов делался чуть ярче, как будто стремился вылезти из-под клобука, порою — немного темнее, словно прячась поглубже.

Фафхрд засунул в ножны меч и направился к двум фигурам, которые, пятясь, стали медленно отступать в переулок.

Северянин двинулся за ними. В нем пробудился интерес... и еще кое-какие чувства. Встреча только с его собственным наставником-чародеем грозила лишь скукой и некоторым нервным напряжением, однако никто не смог бы подавить дрожь благоговейного трепета при встрече одновременно с Нингоблем Семиоким и Шильбой Безглазоликим.

Более того: сам факт, что эти два колдуна, непримиримые соперники, объединили усилия и действуют в дружеском согласии... Несомненно, затевается нечто весьма и весьма серьезное.

Мышелов между тем испытывал роскошнейшие, изысканнейшие удовольствия, в высшей степени будоражащие ум. Красивые книги в шагреневых переплетах, тисненных золотом, были написаны гораздо более необычными буквами, чем та, которую он листал у входа: эти буквы напоминали скелеты каких-то неведомых животных, кружевные облака и деревья с узловатыми ветвями, но Мышелов, как ни странно, мог читать их без малейшего труда.

В книгах были подробнейшим образом описаны такие предметы, как частная жизнь бесов, тайная история многих кровавых культов, а также — эти томики были с картинками — техника фехтования на мечах с демонами и эротические ухищрения ламий, суккубов, вакханок и лесных нимф.

Сквозь линзы и в медные трубки — некоторые из последних были изогнуты столь фантастично, словно были перископами для заглядывания через стены и сквозь зарешеченные окна иных миров — сначала были видны лишь дивные разноцветные узоры, однако вскоре Мышелов научился различать в них всяческие

интересные места: сокровищницы усопших королей, спальни еще живущих королев, тайные подземелья, где собираются мятежные ангелы, а также стенные шкафы, в которых боги хранят проекты новых миров, слишком ужасных и неимоверных, чтобы их стоило создавать.

Что же касается необычно одетых девушек в веселеньких клетках с широко расставленными прутьями, то на них приятно отдыхал взгляд, утомленный просмотром книг и заглядыванием в трубки.

Время от времени какая-нибудь из девушек привлекала внимание Мышелова тихим свистом, а потом льстиво, умоляюще или со взором, полным неги, указывала на покрытую драгоценными камнями ручку в стене, с помощью которой ее клетка, висящая на сверкающей цепи, проходившей через не менее сверкающие блоки, могла быть опущена на пол.

На эти призывы Мышелов отвечал мягкой и ласковой улыбкой, кивал и отрицательно помахивал ладонью, словно шепча: «Потом... Потом... Потерпи...»

Ведь в конце концов девушки могли запросто смазать впечатление от, быть может, не столь острых, но от этого не менее приятных ощущений. Девушек следовало оставить на десерт.

Нингобль и Шильба, а за ними и Фафхрд продолжали двигаться по темному переулку, пока Северянин не вышел из терпения и, поборов свой невольный трепет, не закричал с раздражением:

— Вы что, так и будете пятиться от меня, пока мы все не угодим в Великую Соленую Топь? Чего вы от меня хотите? И вообще, в чем дело?

Но две фигуры в капюшонах уже остановились, насколько мог разглядеть их Фафхрд в свете звезд и сиянии, лившемся из нескольких высоких окон, причем Северянину показалось, что сделали они это за миг до того, как он их окликнул. Обычная чародейская штучка, чтобы заставить человека почувствовать неловкость. Фафхрд в темноте прикусил губу. Так вот даже как!?

— О мой нежный сын, — начал Нингобль своим самым медоточивым тоном, и тусклые огоньки его семи глаз внутри клобука остановились и загорелись мягко,

словно Плеяды, наблюдаемые летней ночью сквозь зеленоватый туман, который поднимается над озером, наполненным медным купоросом с растворенными в ней едкими газами.

— Я спрашиваю, в чем дело! — хрипло перебил Фафхрд. Чуть раньше он проявил нетерпение и теперь был готов на все.

— Если позволишь, я попытаюсь выдвинуть одну гипотезу, — невозмутимо отозвался Нингобль. — Предположим, мой нежный сын, что во вселенной есть некий человек; крайне злые силы явились в эту вселенную из другой вселенной или даже скопления вселенных, а этот человек — смельчак, который так хочет защитить свою вселенную, что ни во что не ставит собственную жизнь, и, кроме того, его наставляет весьма мудрый, осторожный и проникнутый общественным сознанием дядюшка, знающий все об этих гипотетических делах...

— Пожиратели угрожают Ланкмару! — бросил Шильба голосом, напоминающим треск ломающегося дерева, причем столь неожиданно, что Фафхрд чуть не подпрыгнул и, насколько нам известно, Нингобль тоже.

Выждав несколько мгновений, дабы не произвести ложного впечатления, Фафхрд перевел взгляд на Шильбу. Глаза Северянина уже привыкли к темноте, и он видел гораздо лучше, нежели у входа в переулок, однако и теперь не смог разглядеть внутри клобука Шильбы ничего, кроме абсолютного мрака...

— Что это еще за Пожиратели? — осведомился он.

Ответил ему Нингобль:

— Пожиратели — это самые искусные торговцы во всем множестве вселенных — настолько искусные, что продают лишь всякий хлам. Это совершенно им необходимо, поскольку Пожиратели используют всю свою ловкость лишь для оттачивания способов продажи и не имеют поэтому ни секунды свободного времени, чтобы задуматься о ценности того, чем они торгуют. Да, они не позволяют себе и помышлять об этом из опасения потерять хоть крупицу своего мастерства, а между тем они так наловчились торговать, что никто не в силах устоять против их товаров,

которые, стало быть, самые лучшие во всех вселенных — ты улавливаешь мою мысль?

Фафхрд с надеждой взглянул на Шильбу, но на сей раз тот не стал кратко резюмировать речь коллеги, и Северянин кивнул.

Нингобль продолжал и, судя по движениям семи зеленоватых огоньков, принялся при этом слегка вращать глазами.

— Как ты легко можешь догадаться, Пожирателям доступны все самые могучие чары, собранные по разным вселенным, а их штурмовые отряды возглавляются агрессивнейшими из колдунов, которые в совершенстве владеют любыми методами сражения, будь то с помощью разума, чувств или собственного тела, снабженного оружием. Действуют Пожиратели следующим образом: открывают в новом мире лавку и заманивают туда сперва наиболее склонных к риску людей, обладающих самым гибким умом — у них так сильно развито воображение, что даже после легкого намека они сами проделывают почти всю работу по продаже товара. Когда подобные люди оказываются в ловушке, Пожиратели продолжают работать с остальным населением, то есть продают, продают, продают — продают хлам, беря за это самые настоящие деньги, а порой и красивые, дорогие вещи.

Нингобль вздохнул — шумно, но с оттенком уважения.

— Все это очень скверно, мой нежный сын, — продолжал он, завораживающе вращая глазами под клобуком, — но вполне естественно для вселенных, которыми правят такие боги, как у нас, — естественно и даже, быть может, терпимо. Однако, — он немного помолчал, — это не все, худшее еще впереди! Пожиратели стремятся не только к тому, чтобы все существа во вселенных покупали только у них, им нужно — без сомнения потому, что они боятся, как бы в один прекрасный день кто-нибудь не поднял крайне неприятный для них вопрос относительно истинной ценности товара — им нужно довести всех своих клиентов до состояния рабской покорности и полной внушаемости, чтобы они были способны лишь пялить глаза да покупать хлам, который Пожиратели выставляют на продажу. Естественно, это означает, что в конце концов их клиентам будет нечем платить за

этот хлам, но Пожирателей это, похоже, не слишком-то заботит. Возможно, они считают, что всегда найдется новая вселенная, где они смогут развернуться. И скорее всего, они правы!

— Чудовищно! — заметил Фафхрд. — Но что же в конечном итоге Пожиратели получают от своих бешеных коммерческих вылазок, от всей этой безумной торговли? Чего они добиваются?

— Пожиратели стремятся, — ответил Нингобль, — лишь копить деньги и воспитывать потомство, которое сумело бы еще ловчее набивать карман, и кроме того, они соревнуются друг с другом: у кого карман туже? (Ты, случаем, Фафхрд, не знаешь такого города — Кармантуг?) Пожиратели страшно любят распространяться относительно великой пользы, которую они оказали множеству вселенных — они утверждают, что раболепные покупатели это самые послушные подданные для богов, — а также жаловаться, что набивание мошны гнетет их рассудок и расстраивает пищеварение. К тому же, каждый Пожиратель втайне собирает и прячет навеки от любых глаз, кроме своих собственных, все наиболее красивые вещи и лучшие мысли, рожденные истинными мужчинами и женщинами (и подлинными чародеями и демонами тоже) и приобретенные по бросовым ценам в обмен на хлам или же — это они любят больше всего — и вовсе доставшиеся им даром.

— Нет, это в самом деле чудовищно! — повторил Фафхрд. — От купцов всегда припахивало, но от этих, похоже, просто воняет. Но я-то тут при чем?

— О мой нежный сын, — отвечал Нингобль, и к благочестию, звучавшему в его голосе, примешалась нотка тайного разочарования, — ты вынуждаешь меня еще раз удалиться в область гипотетического. Давай вернемся к предположению относительно существования храбреца, чья вселенная оказалась под угрозой и который ни во что не ставит свою жизнь, и к связанному с этим предположению относительно его мудрого дядюшки, чьим советам этот храбрец неуклонно следует...

— Пожиратели открыли лавку на площади Тайных Восторгов! — внезапно перебил Шильба таким скрежещущим голосом, что на этот раз Фафхрд дей-

ствительно подскочил. — Сегодня ночью ты должен уничтожить этот их форпост!

Фафхрд призадумался, потом, прощупывая почву, сказал:

— Я полагаю, вы оба отправитесь вместе со мной, чтобы обеспечить мне свою колдовскую поддержку в этой, по-моему, крайне опасной операции. Вы будете как бы составлять отряд волшебной артиллерии и лучников, а я стану играть роль штурмовой группы.

— О мой нежный сын... — с еще более глубоким разочарованием в голосе перебил его Нингобль и покачал головой, так что его глаза-огоньки затряслись внутри клобука.

— Ты должен сделать это один! — отрезал Шильба.

— Вообще без всякой помощи! — возмутился Фафхрд. — Нет уж, поищите кого другого. Найдите себе придурковатого смельчака, который следует советам своего дядюшки-интригана так же рабски, как по вашим словам клиенты Пожирателей покупают у них всякий хлам. Найдите, попробуйте! Что же касается меня — нет уж, дудки!

— Тогда ступай прочь, трус! — сурово заявил Шильба, однако Нингобль лишь вздохнул и заговорил извиняющимся тоном:

— Мы полагали, что на это предприятие ты отправишься не один, а с товарищем, воином, который поможет тебе одолеть мерзкое зло, — я имею в виду Серого Мышелова. Но, к сожалению, он пришел чуть раньше на свидание с моим коллегой, был завлечен в лавку Пожирателей, и теперь, должно быть, он уже у них в ловушке, если и вовсе не погиб. Так что сам видишь: мы печемся о твоем благе и вовсе не желали обременять тебя сверх меры, заставляя сражаться в одиночку. Однако, мой нежный сын, если ты все еще упорствуешь в своем нежелании...

Фафхрд вздохнул еще глубже, чем Нингобль, и, признавая поражение, ворчливо проговорил:

— Ладно уж, я сделаю это для вас. Кто-то ведь должен вытащить нашего безмозглого серого дурня из славного костерка или миленькой водички, которые его прельстили. Но как мне с этим справиться? — Он погрозил пальцем Нингоблю. — И хватит называть меня нежным сыном!

Помолчав, Нингобль коротко сказал:

— Действуй по своему разумению.

А Шильба добавил:

— Берегись черной стены!

Затем Нингобль обратился к Фафхрду:

— Погоди-ка, у меня есть для тебя подарок.

С этими словами он протянул потрепанную полоску ткани, которая торчала у него прямо из рукава, но самой руки волшебника при этом не было видно. Фыркнув, Фафхрд взял тряпку, смял ее в комок и засунул в кошель.

— Поосторожней с ней, — предупредил Нингобль. — Это шарф-невидимка; правда, он несколько поизносился в разных чародейских мероприятиях. Не надевай его, пока не подойдешь к складу Пожирателей. У него есть два небольших изъяна: во-первых, ты не будешь под ним совершенно невидимым для опытного колдуна, если он почувствует твое присутствие и примет определенные меры. И, во-вторых, постарайся не проливать собственной крови, потому что кровь он не скрывает.

— У меня тоже есть подарок! — заявил Шильба, вытаскивая из дыры под клобуком — так же, как Нингобль, закрытой рукавом рукой — что-то слабо мерцающее в темноте и похожее на...

На паутину.

Шильба помахал ею в воздухе, словно желая стряхнуть одного-двух пауков.

— Повязка прозрения, — пояснил он и протянул паутинку Фафхрду. — Через нее все вещи видны в их истинном виде. Но не вздумай надевать ее на глаза, пока не зайдешь в лавку. И ни в коем случае, если ты дорожишь своей жизнью и рассудком, не надевай ее сейчас!

Фафхрд осторожнейшим образом взял повязку, чувствуя мурашки в пальцах. У него и в мыслях не было нарушить суровые наставления колдуна. В этот миг ему как-то не хотелось увидеть истинное лицо Шильбы Безглазоликого.

Мышелов тем временем читал самую интересную из находившихся в лавке книг — объемистый учебник тайных знаний, написанный астрологическими и гео-

мантическими знаками, смысл которых как бы сам перетекал со страниц к нему в голову.

Чтобы дать передохнуть глазам, а вернее, чтобы не проглотить столь занимательную книгу слишком быстро, он заглянул в девятиколенную медную трубку и полюбовался такой картиной: на голубой небесной вершине всей вселенной порхают ангелы, мерцая крыльями, словно стрекозы, а несколько избранных героев отдыхают после труднейшего восхождения и критически посматривают вниз на муравьиную суетню богов, копошащихся на много уровней ниже.

Затем, чтобы глаза отдохнули уже и от этого зрелища, Мышелов посмотрел сквозь алые (из кровавого металла?) прутья самой дальней клетки на необычайно привлекательную, стройную, светловолосую и яркоглазую девушку. На ней была туника из красного бархата, а густейшая лавина золотистых волос прикрывала все лицо вплоть до пухлых губ. Изящным движением пальчиков одной руки она чуть раздвинула эту шелковистую завесу и игриво посматривала на Мышелова, а в другой руке держала кастаньеты, которыми постукивала в медленном томном ритме, изредка прерывавшемся взрывами стаккато.

Мышелов уже подумывал было повернуть разок-другой торчавшую у его локтя золотую рукоятку, усеянную рубинами, но тут увидел в дальнем конце лавки сияющую стену. Из чего она может быть сделана? Из бесчисленного числа крошечных алмазов, вплавленных в дымчатое стекло? Из черного опала? Черного жемчуга? Затвердевшего черного лунного света?

Как бы там ни было, стена мгновенно заворожила Мышелова, и он, заложив книгу девятиколенной трубкой — кстати сказать, на весьма увлекательном месте, касающемся фехтования, где описывался универсальный отбив с пятью ложными вариантами, а также три истинных разновидности секретного выпада, — и лишь шутливо погрозив пальцем золотоволосой чаровнице в красном бархате, поспешно направился в конец лавки.

Когда он подошел к черной стене, ему на миг показалось, что из нее выходит серебристое привидение, вернее, серебристый скелет, однако Мышелов тут же сообразил, что это всего-навсего его собственное отражение, несколько приукрашенное глянцевитым

материалом стены. То, что он принял было за ребра, было просто серебристой шнуровкой его туники.

Глуповато ухмыльнувшись своему отражению, Мышелов протянул палец, желая дотронуться до отражавшегося в стене серебристого пальца, но тут — о чудо! — его рука свободно прошла сквозь стену, и он ощутил при этом лишь приятный холодок, словно от свежих простынь на только что постланной кровати.

Он взглянул на свою руку, находившуюся внутри стены, и — о новое чудо! — увидел, что она сделалась серебристой и как будто покрылась мелкими чешуйками. И хотя это была явно его рука — он убедился в этом, сжав пальцы в кулак, — на ней теперь не осталось ни единого шрама, она сделалась изящнее, пальцы чуть длиннее — словом, стала красивее, чем миг назад.

Мышелов пошевелил пальцами: это было похоже на стайку резвящихся серебристых рыбок.

Ему в голову пришла вдруг причудливая мысль, что здесь, в помещении, устроен пруд, вернее бассейн с темной свежей жидкостью, стоящей вертикально, так что в нее можно войти непринужденно и грациозно, а не нырять с шумом и брызгами.

А как это дивно, что бассейн наполнен не мокрой холодной водой, а темновато-лунной квинтэссенцией сна! Квинтэссенцией, имеющей косметические и лечебные свойства — что-то вроде грязевых ванн без грязи. Мышелов решил, что должен тотчас же искупаться в чудесном бассейне, но тут взгляд его упал на длинное и высокое черное ложе, стоявшее у другого конца темной жидкой стены; рядом с ложем помещался небольшой столик на высоких ножках, на котором были приготовлены всевозможные яства, а также хрустальный кувшин и кубок.

Мышелов двинулся вдоль стены, чтобы получше рассмотреть все это великолепие, и его прекрасное отражение зашагало рядом.

Несколько шагов он держал руку внутри стены, а потом вытащил: чешуйки тут же исчезли, вновь появились знакомые шрамы.

При ближайшем рассмотрении ложе обернулось узким черным гробом с высокими стенками, обитым изнутри стеганым черным атласом и с горкой подушечек из такого же материала в одном конце. Выглядел гроб

заманчиво удобным и покойным — не таким соблазнительным, как черная стена, но все же очень привлекательно; в одной из обитых черным атласом стенок гроба была даже полочка с тонкими черными книжечками для развлечения его обитателя, рядом стояла незажженная черная свеча.

Все закуски на эбеновом столике, стоявшем подле гроба, были черного цвета. Сначала на взгляд, а потом и на вкус Мышелов определил, что это такое: тонкие ломтики очень темного рисового хлеба с маковой корочкой, намазанные черным маслом; куски зажаренного до угольной черноты мяса; тонкие ломтики точно так же зажаренной телячьей печенки в каком-то темном соусе с каперсами; желе из черного винограда; очень тонко нарезанные жареные трюфеля и другие грибы; маринованные каштаны; и, разумеется, зрелые маслины и черная икра. Пенящийся черный напиток оказался крепким портером, смешанным с илтхмарским игристым.

Прежде чем погрузиться в черную стену, Мышелов решил освежить себя изнутри, поскольку у него от губ к животу уже прокатывалась мягкая волна голода.

Фафхрд возвратился на площадь Тайных Восторгов; ступал он очень осторожно, зажав между указательным и большим пальцами левой руки потрепанный шарф-невидимку, а между теми же пальцами правой, только с еще большей опаской — мерцающую паутинку повязки прозрения. Он не был вполне уверен, что на этом невесомом шестиугольнике не осталось ни одного паука.

На противоположной стороне площади он увидел залитый светом вход в лавку — форпост грозных Пожирателей, как ему сказали — и около него волнующуюся толпу, над которой плыл хриплый возбужденный шепот.

Единственной принадлежностью лавки, которую Фафхрду удалось разглядеть с такого расстояния, был привратник в красной шапочке и туфлях и пузырящихся штанах: теперь он не скакал, а опершись на длинную метлу, стоял у сводчатого дверного проема.

Широким движением левой руки Фафхрд накинул шарф-невидимку на шею. Концы потрепанной ленты

легли на грудь его куртки из волчьего меха, не доходя до широкого пояса, на котором висел длинный меч и небольшой боевой топор. Насколько Северянин видел, тело его никуда не исчезло, поэтому он засомневался, в исправности ли шарф. Как и многие другие чародеи, Нингобль мог без колебаний подсунуть человеку никуда не годный амулет, причем вовсе не обязательно из вероломства, а просто чтобы как-то подбодрить своего подопечного. Тем не менее Фафхрд смело направился к лавке.

Северянин был высок, широкоплеч и выглядел крайне внушительно; в сверхцивилизованном Ланкмаре его варварское одеяние и вооружение лишь подчеркивали это впечатление, поэтому он привык, что горожане обычно расступаются перед ним: не было еще случая, чтобы кто-нибудь не уступил ему дорогу.

На сей раз он был потрясен. Писцы, наемные убийцы с нездоровым цветом лица, судомойки, студенты, рабы, второразрядные купцы и захудалые куртизанки — словом все, кто обычно мгновенно уходил у него с пути (последние, правда, не преминув призывно вильнуть бедрами), теперь шли прямо на него, так что ему приходилось то и дело отступать в сторону, останавливаться и даже делать шаг назад, чтобы кто-нибудь в него не врезался или не отдавил ногу. А какой-то наглый толстяк с гордо выпяченным пузом чуть даже не унес на себе его паутинку, на которой, как разглядел Фафхрд в ярком свете из дверей лавки, действительно не осталось ни одного паука — если только совсем крохотные.

Внимание Фафхрда было настолько занято тем, чтобы ни с кем не столкнуться, что рассмотреть как следует лавку он смог лишь тогда, когда оказался у самых ее дверей. Но не успел он оглядеться, как обнаружил, что стоит, склонив голову к левому плечу и надевает на глаза паутинку, подаренную Шильбой.

Фафхрд ощутил на лице прикосновение самой обычной паутины — на такую можно натолкнуться, продираясь на заре сквозь заросли кустов. Все вокруг слегка замерцало, словно он смотрел сквозь тонкую хрустальную сетку. Потом мерцание прекратилось, паутинку на лице он тоже перестал ощущать, и зрение Фафхрда — насколько он мог об этом судить — вновь стало нормальным.

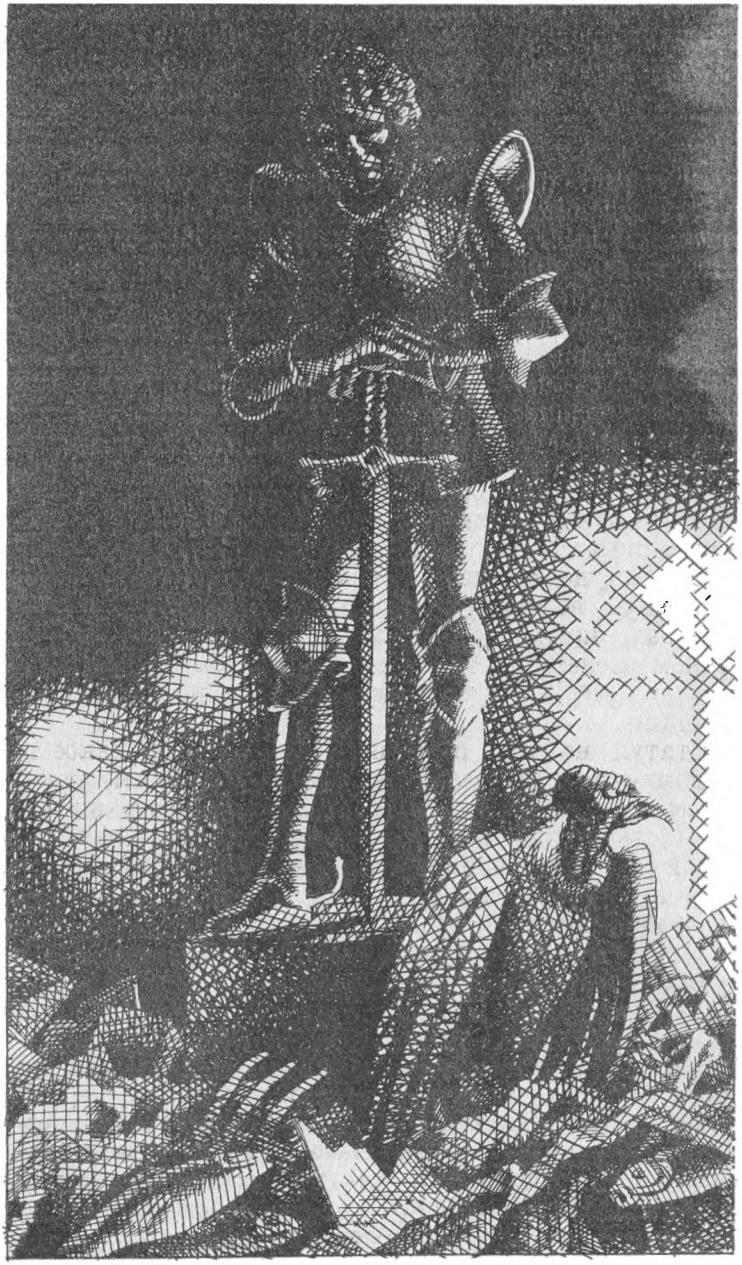
И сразу же оказалось, что у дверей лавки Пожирателей навалена груда мусора, притом самого оскорбительного свойства: старые кости, дохлая рыба, мясные отбросы, полусгнившие саваны, сложенные неровными стопками и напоминавшими скверно переплетенные книги с необрезанными краями, битое стекло и глиняные черепки, ломаные ящики, большие гниющие листья с пятнами оранжевой плесени, окровавленное тряпье, проношенные до дыр набедренные повязки, и во всем этом копошились длинные черви, сновали сороконожки, ползали тараканы и личинки, не говоря уж о еще менее приятных насекомых.

На куче сидел крайне плешивый стервятник, который, казалось, только что скончался от какой-то птичьей экземы. Во всяком случае, Фафхрд решил, что птица издохла, но она вдруг приоткрыла один глаз, подернутый белой пленкой.

Единственным пригодным для продажи предметом, составлявшим резкий контраст со всем остальным, была большая статуя из вороненого железа, изображавшая худого воина — немного больше, чем в натуральную величину — с грозным и вместе с тем грустным лицом. Стоя у самой двери на своем квадратном пьедестале, воин наклонился вперед, опираясь на длинный двуручный меч, и скорбно глядел на площадь.

Статуя на миг пробудила у Фафхрда какое-то воспоминание, причем совсем недавнее, как ему показалось, однако оно тут же пропало, и Северянин не стал больше ломать над ним голову. В таких налетах, какой ему предстоял, прежде всего необходимы быстрота и натиск. Фафхрд высвободил из петли топор, бесшумно вытащил Серый Прутик и, слегка отпрянув от вонючей груды мусора, вошел в «Склад Странных Услад».

Мышелов, ощущая приятную тяжесть в желудке после вкусной черной еды и крепкой, тоже черной, выпивки, подошел к черной стене и сунул в нее правую руку по самое плечо. Затем слегка помахал ею, наслаждаясь приятным текучим холодком, словно бальзамом, и восхищаясь мелкими серебряными чешуйками на руке и ее нечеловеческой красотой. Потом

он проделал ту же манипуляцию правой ногой и принялся раскачивать ею, словно танцовщик у станка. И наконец, тихо, но глубоко вдохнул и вступил в стену.

Фафхрд зашел в лавку и увидел те же самые, что и Мышелов кипы роскошно переплетенных книг и полки с блестящими зрительными трубками и хрустальными линзами — обстоятельство, на первый взгляд сводившее на нет теорию Нингобля о том, что Пожиратели продают только хлам.

Увидел он и восемь великолепных металлических клеток всех цветов радуги, подвешенных к потолку на сверкающих цепях, которые шли через блоки к усеянным драгоценными камнями рукояткам, расположенным на стене.

В каждой клетке сидел блестящий, роскошной расцветки темношерстный или светлошерстный паук величиной с невысокого человека, время от времени шевелящий суставчатой ногой с клешней на конце или слегка разевающий клыкастые жвалы и пристально глядящий на Фафхрда восемью внимательными глазками, блестящими, как два ряда самоцветов.

«Науськай паука на паука», — подумал Фафхрд, вспомнив о своей паутинке, и тут же удивился, что это может значить.

Быстро переключившись на более насущные дела, он задал себе вопрос не стоит ли, прежде чем двигаться дальше, перебить этих очень дорогих на вид пауков, с которыми могла бы охотиться какая-нибудь царица джунглей — еще одно очко не в пользу теории Нингобля! — но тут услышал в дальнем конце лавки тихий плеск. Это напомнило ему, что Мышелов любит принимать ванны — долгие роскошные ванны, причем в горячей мыльной воде с благовонными маслами, — этакий маленький сибарит! И Фафхрд поспешил в ту сторону, то и дело оглядываясь через плечо на клетки.

Он как раз обходил последнюю клетку из алого металла с самым красивым пауком внутри, когда заметил книгу, заложенную изогнутой зрительной трубкой — в точности так же, как Мышелов любил закладывать книги кинжалом.

Фафхрд остановился и раскрыл книгу. Ее глянцевитые белые страницы были пусты. Затем он приставил глаз, прикрытый неощутимой паутинкой, к зрительной трубе. Увиденная им картина представляла собой дымную и красноватую бездну вселенского ада, где черными сороконожками сновали дьяволы, скованные цепями люди с тоской устремляли взгляды наверх, а преданные проклятию корчились в объятиях черных змей, у которых сверкали глаза, с зубов капал яд, а из ноздрей вырывалось пламя.

Отложив в сторону трубку и книгу, Фафхрд услыхал приглушенное бульканье пузырьков, поднимающихся на поверхность воды. Взглянув в полутемный конец лавки, он увидел жемчужно мерцающую черную стену и углубляющийся в нее черный скелет с большими алмазами вместо глаз. Впрочем, одна рука этого дорогостоящего живого костяка — еще раз теория Нингобля оказалась ложной! — еще торчала из стены, и была она не костью серебряного, белого, коричневатого или красноватого цвета, а рукою из плоти, покрытой самой настоящей кожей.

Рука медленно погружалась в стену, но Фафхрд бросился вперед с быстротой, с какой не передвигался еще ни разу в жизни, и успел схватиться за кисть, пока та не исчезла. И тут он понял, что держит руку приятеля, потому что сразу узнал хватку Мышелова, несмотря на всю ее слабость. Северянин стал тащить Мышелова к себе, но того словно затягивало в черный зыбучий песок. Фафхрд положил Серый Прутик на пол, схватился за кисть друга обеими руками, покрепче уперся в шероховатые плиты и дернул изо всех сил.

В черной стене послышался всплеск, и скелет, вылетев из нее, мгновенно преобразился в Серого Мышелова с отсутствующим взглядом, который, даже не посмотрев на своего приятеля и спасителя, нетвердой походкой доплелся до черного гроба и нырнул в него вверх тормашками.

Но не успел Фафхрд выручить друга из этой новой беды, как послышались быстрые шаги и к некоторому удивлению Фафхрда в лавку вбежала высокая статуя из вороненого железа. Захватить с собой пьедестал она, по-видимому, не сочла нужным, но зато не позабыла о двуручном мече, которым принялась яростно

размахивать, бросая, словно черные стрелы, пытливые взгляды в каждый темный закоулок.

Черные глаза не останавливаясь скользнули по Фафхрду, но задержались на лежащем на полу Сером Прутике. Увидев меч, статуя явно удивилась, злобно скривила железные губы и сузила глаза. Бросая по сторонам пронизывающие взгляды, она принялась резкими зигзагами двигаться по лавке, взмахивая блестящим черным мечом, будто косой.

В этот миг из гроба выглянул Мышелов: затуманенным взором он взглянул на статую, вяло помахал ей рукой и с глуповатой хитрецой в голосе тихонько воскликнул:

— Улю-лю!

Статуя прекратила прочесывать лавку и уставилась на Мышелова презрительно и вместе с тем удивленно.

Покачиваясь, как пьяный, Мышелов поднялся на ноги в черном гробу и полез в свой кошель.

— Эй, раб! — в приступе хмельного веселья закричал он. — Товар у тебя сносный. Я беру девицу в красном бархате. — Достав из кошеля монету, он поднес ее к самым глазам, потом швырнул в сторону статуи. — Вот тебе за нее грошик. И девятиколенную зрительную трубу. Вот еще грош. — Он бросил монету. — И вот тебе еще грош за «Основы экзотических знаний» Грона! Да, и еще один — за ужин, было очень вкусно. Ага, чуть не забыл: вот еще грош — за хорошую постель!

Он бросил пятый медяк в демоническую черную статую и, блаженно улыбаясь, снова грохнулся в гроб. Было слышно, как под ним зашуршал черный стеганый атлас.

Еще когда Мышелов бросал четвертую монету, Фафхрд решил, что сейчас бессмысленно ломать голову над дурацким поведением друга и будет гораздо полезнее воспользоваться этой заминкой и подобрать с пола Серый Прутик. Он молниеносно нагнулся, но черная статуя, если даже и потеряла на миг бдительность, то теперь была снова настороже. Едва Фафхрд прикоснулся к мечу, как она повернулась, наступила на клинок, который звякнул у нее под ногой, и издала хриплое металлическое восклицание.

Очевидно меч тоже стал невидимым, когда Фафхрд прикоснулся к нему: черная статуя не следила за Северянином взглядом, когда тот, схватив клинок, отскочил в сторону. Вместо этого она отложила свой внушительный меч, схватила длинную и узкую серебряную трубу и поднесла ее к губам.

Фафхрд счел за лучшее броситься в атаку, пока противник не вызвал подкрепление. Занеся меч и напружинив все мускулы для сильнейшего косого удара, он бросился на статую.

Статуя дунула в трубу, и вместо ожидаемого сигнала тревоги из нее прямо в лицо Фафхрду беззвучно вылетело большое облако какого-то белого порошка, который мгновенно заволок все вокруг, словно густейший туман с реки Хлал.

Задыхаясь и откашливаясь, Фафхрд отступил. Демонический туман тут же рассеялся: белый порошок неестественно быстро опал на пол. Фафхрд снова все видел и мог возобновить атаку, но теперь, похоже, статуя тоже его увидела, поскольку взглянула прямо на него, опять издала металлический возглас и принялась вращать мечом над головой, взвинчивая себя для атаки.

Фафхрд увидел, что его руки покрыты толстым слоем белого порошка, который, очевидно, был на нем повсюду за исключением глаз, несомненно защищенных паутинкой Шильбы.

Железная статуя яростно бросилась вперед. Фафхрд парировал выпад и сам нанес удар, который в свою очередь был отбит. Схватка наконец превратилась в обычный шумный и грозный поединок на мечах, с тем лишь отличием, что после каждого удара на Сером Прутике оставалась зазубрина, тогда как несколько более длинному клинку статуи ничего не делалось. Кроме того, когда Фафхрду с помощью выпада удавалось пробить защиту противника — боковыми ударами его было практически не достать, — тот с невероятной быстротой и прозорливостью уклонялся в сторону.

Фафхрду казалось — по крайней мере в те минуты, — что это самый жестокий, безнадежный и, главное, изнурительный поединок из всех, в которых он участвовал, поэтому он почувствовал обиду и раздражение, когда Мышелов снова уселся, пошатываясь, в

своем гробу, облокотился о стенку, обитую черным атласом, положил подбородок на кулак и принялся посылать сражающимся улыбки от уха до уха, время от времени разражаясь диким хохотом и выкрикивая всякую возмутительную чушь, вроде: «А ты его секретным выпадом с двумя с половиной оборотами, Фафхрд!», или: «Прыгай в печь! Это будет шедевр тактики!», или, уже обращаясь к статуе: «Не забудь подмести у него под ногами, мошенник!»

Отступая назад во время одной из внезапных атак Фафхрда, статуя опрокинула столик с остатками трапезы Мышелова — очевидно, затылком она не видела, — и черные объедки, белые черепки и осколки хрусталя рассыпались по полу.

Мышелов перегнулся через стенку гроба и, игриво погрозив пальцем, воскликнул:

— Это придется подмести!

И тут же оглушительно расхохотался.

Отступая в очередной раз, статуя натолкнулась спиной на гроб. Мышелов лишь дружески похлопал демоническую фигуру по плечу и заметил:

— Ну-ка наддай, паяц! Вымети его метлой!

Но пожалуй самым неприятным был момент, когда во время краткой передышки, пока противники, тяжело дыша, мутными глазами смотрели друг на друга, Мышелов кокетливо помахал рукой ближайшему пауку, повторил свое бессмысленное «Улю-лю!», после чего проговорил:

— Увидимся после цирка, дорогая.

Отчаянно и устало парируя пятнадцатый, а может, и пятидесятый удар в голову, Фафхрд с горечью подумал: «Вот и пытайся спасти таких бессердечных недоумков, которые лишь улюлюкают, видя свою бабушку в объятиях медведя. Паутинка Шильбы выставила Мышелова в его истинном идиотском виде».

Мышелов сперва было разозлился, когда звон мечей вырвал его из черных атласных сновидений, но, увидев, что происходит, был очарован этой невероятно комичной сценой.

Без паутинки Шильбы Мышелов видел лишь гаера-привратника в красной шапочке, который, пританцовывая в своих красных туфлях с загнутыми носами, пытался ударить метлой Фафхрда, выглядевшего так, словно он только что вылез из бочки с мукой. Не

припорошена ею была лишь узкая полоса на лице, которая маской лежала у Северянина на глазах.

Но самым забавным в этой сцене было то, что тело белого как мельник Фафхрда — да и душа тоже! — с поразительной точностью выполняли все движения, полагающиеся в бою на мечах, парируя удары метлы, словно это была большая сабля или даже двуручный меч. Метла взлетала вверх, и Фафхрд провожал ее взглядом, превосходно делая вид, что напряженно следит за ее перемещениями, несмотря на свои как-то странно затемненные глаза. Метла обрушивалась вниз, и Фафхрд отбивал ее мечом словно бы из последних сил, а потом еще прикидывался, будто его отбросило назад!

Мышелов так и покатывался со смеху: он никогда не подозревал, что у Фафхрда такой драматический талант; правда, Северянин играл несколько механически, ему недоставало широких мазков подлинно гениального актера.

И вдруг метла задела Фафхрда за плечо; брызнула кровь.

Фафхрд, в конце концов не избежавший ранения и теперь понимавший, что за счет простой выносливости черную статую ему не одолеть — впрочем, и ее железная грудь вздымалась, как кузнечные мехи, — решил принять более скорые и действенные меры. Он снова высвободил из петли боевой топор и в очередную паузу, когда противники перехитрили сами себя, одновременно отступив, метнул его прямо в физиономию статуи.

Вместо того, чтобы попробовать уклониться или отбить летящее оружие, черная статуя опустила меч и просто-напросто слегка крутанула головой.

Топор, словно серебряная комета с деревянным хвостом, огибающая черное солнце, описал круг около железной головы и бумерангом устремился к Фафхрду, причем с гораздо большей скоростью, чем Фафхрд его послал.

Но тут течение времени для Северянина замедлилось, и он, нырнув вбок, успел левой рукой перехватить топор у самой щеки.

На какой-то миг и мысли Фафхрда ускорили бег. Он подумал о том, что противник, легко уклоняясь от любой фронтальной атаки, натолкнулся спиной

сперва на столик, потом на гроб. Затем, сообразив, что, во время десятка последних сшибок, смеха Мышелова не было слышно, он взглянул на приятеля и увидел, как тот, еще несколько сонный, но неестественно бледный и серьезный, с ужасом смотрит на струящуюся по руке друга кровь.

Поэтому Фафхрд бросил топор Мышелову, воскликнув как можно веселее и дружелюбнее:

— Позабавься-ка и ты, маленький шут! Присоединяйся! Вот тебе хлопушка!

Затем, не глядя в сторону Мышелова — а может, не смея взглянуть, — он собрал оставшиеся у него силы и стремительно ринулся на черную статую, крутя мечом с такой скоростью, что той пришлось отступить в сторону гроба.

Не сводя с приятеля испуганного и глуповатого взгляда, Мышелов в последний момент протянул руку и поймал топор за рукоятку, когда тот уже начал падать на пол.

Когда статуя оказалась подле гроба и остановилась, явно собираясь с силами для страшнейшей контратаки, Мышелов нагнулся и, снова по-идиотски ухмыльнувшись, обрушил топор на черную макушку.

Железная голова треснула, словно кокосовый орех, но на части не развалилась. Глубоко заклиненный топор, казалось, мгновенно стал целиком железным, и когда статуя судорожно распрямилась, его вырвало из рук у Мышелова.

А тот скорбно смотрел на расколотую голову, словно ребенок, который не знал, что ножом можно порезаться.

Статуя прижала свой огромный меч к груди, словно пытаясь на него опереться, и со страшным грохотом плашмя рухнула на пол.

Одновременно с ударом металла о камень по черной стене пробежала ослепительно-белая зарница, словно вспышка далекой молнии, осветила всю лавку, и лязг железа о базальт отозвался громовым эхом в ее глубине.

Фафхрд вложил в ножны Серый Прутик, вытащил Мышелова из черного гроба — у него даже после схватки хватило сил поднять друга, как маленького ребенка — и крикнул ему в ухо:

— Бежим!

Мышелов ринулся к черной стене.

Фафхрд успел схватить его за кисть и увлек к двери с аркой, буквально таща приятеля за собой.

Громовой рокот стих, и вслед за ним послышался тихий и весьма прельстительный свист.

По черной стене снова пробежала зарница, но на этот раз она была гораздо ярче, словно гроза быстро приближалась.

Ослепительная вспышка навсегда запечатлела в мозгу у Фафхрда только одну картину: гигантский паук, прижавшись к кроваво-красным прутьям клетки, смотрит на них сверху вниз. У паука были бледные ноги, красное бархатистое тело и густая шерсть, глянцевитая и золотистая, сквозь которую поблескивали восемь маленьких глазок, а свисающая вниз иззубренная клешня, словно пара золотых ножниц, выстукивала, как на кастаньетах, бешеное стаккато.

Прельстительный свист повторился. Казалось, его испустил красно-золотистый паук.

Но сильнее всего Фафхрда поразило поведение Мышелова, который упираясь тащился за другом, крича, как бы в ответ на свист:

— Да, милая, я иду. Пусти, Фафхрд! Дай я к ней влезу! Только один поцелуй! О драгоценная!

— Прекрати, Мышелов! — проворчал Фафхрд, и по его телу пробежали мурашки. — Это же гигантский паук!

— Сотри паутину с глаз, Фафхрд, — отозвался Мышелов умоляюще и неожиданно весьма к месту. — Это роскошная девушка! Она стала еще обворожительнее, да и я заплатил за нее! О моя радость!

Но тут его голос потонул в громовом рокоте — так же, как, быть может, и новый свист паука; опять вспыхнула яркая как день зарница, за ней последовал новый удар грома, пол задрожал, вся лавка затряслась, и Фафхрд вытащил Мышелова через арку с трилистником на площадь, после чего опять раздался жуткий грохот, сопровождаемый ослепительной вспышкой.

В ярком свете было видно, как ланкмарцы полукругом бегут прочь по площади Тайных Восторгов, повернув пепельно-бледные лица в сторону лавки, из которой вот-вот вырвется страшный ураган.

Фафхрд обернулся, на месте арки была ровная стена.

«Склада Странных Услад» в Невоне больше не было.

Сидя на влажном тротуаре, куда вытащил его Фафхрд, Мышелов жалобно бормотал:

— Тайны времени и пространства! Божественные знания! Секреты преисподней! Черная нирвана! Красно-золотые небеса! Пропали мои пять медяков!

Фафхрд сжал зубы. В нем зрела твердая решимость, родившаяся из недавней злости и замешательства.

До сих пор он пользовался паутинкой Шильбы, да и тряпкой Нингобля тоже, чтобы служить другим. Теперь он воспользуется ими в собственных интересах! Повнимательнее присмотрится к Мышелову и прочим своим знакомым. Вглядится даже в свое собственное отражение! Но главное, он пронзит всевидящим взором Шильбу и Нинга до самых их чародейских внутренностей!

Откуда-то сверху раздалось тихое: «Пс-с-т!»

Не успел он поднять голову, как почувствовал, что с его шеи и глаз что-то сдернули, причем глаза после этого некоторое время покалывало.

Мимо них наверх устремилось нечто мерцающее, и Фафхрду показалось, что он, словно сквозь толстое стекло, увидел на миг черное лицо, с очень морщинистым ртом, носом и веками.

Но сразу же это неверное видение исчезло, и его глазам предстали лишь две головы в клобуках, свесившиеся с высокой стены. Раздался кудахчущий смешок.

Затем головы в клобуках скрылись из вида, и все снова стало как прежде: край крыши, небо, звезды, да голая стена.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Мечи и Черная Магия

Вступление 9
Снежные женщины 10
Грааль скверны 94
Радушие по-ланкмарски 125

ЧАСТЬ II

Мечи против Смерти

Круговое Заклятие 205
Драгоценности в лесу 217
Дом Вора 256
Черный берег 293
Воющая башня 306
Затонувшая земля 323
Семь черных жрецов 342
Когти из тьмы 370
Цена забвения 400
Склад Странных Услад 415

Лейбер Ф.

Л42 Сага о Фафхрде и Сером Мышелове. Роман т. 1: Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 444 с.

ISBN 5-8352-0266-0 (т. 1)
ISBN 5-8352-0386-1

Настоящее издание открывает знаменитую эпопею американского фантаста Фрица Лейбера «Сага о Фафхрде и Сером Мышелове»; знакомит читателя с двумя неунывающими приятелями, — с варваром-северянином по имени Фафхрд и коротышкой по прозвищу Серый Мышелов. Задиры и отчаянные рубаки, авантюристы и искатели приключений — два друга странствуют по удивительным землям мира Невона, бьются с чудовищами и колдунами, любят и ненавидят.

Сага о Фафхрде и Сером Мышелове никого не оставит равнодушным — ни взрослого, ни подростка.

Литературно-художественное издание

Фриц Лейбер

Сага о Фафхрде и Сером Мышелове

ТОМ 1

Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Редактор *Наталья Ермакова*
Художник *Сергей Лемехов*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Корректоры *Ольга Юдина и Ульяна Емельянова*
Верстка *Елены Черновой*

Подписано в печать с оригинал-макета 24.01.94. Формат издания 84×108 1/32. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 100 000 экз. Изд. № 266. Заказ № 63.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18.

Отпечатано в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ВПЕРВЫЕ В ПОЛНОМ ПЕРЕВОДЕ
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ
Фрица Лейбера
«САГА О ФАФХРДЕ И СЕРОМ МЫШЕЛОВЕ»
(в трех томах)

Эпопею крупнейшего американского фантаста Фрица Лейбера «Сага о Фафхрде и Сером Мышелове» зарубежная критика ставит в один ряд с такими общепризнанными шедеврами фантастики как «Властелин колец» Толкина, «Дюна» Герберта, «Замок Лорда Валлентайна» Силверберга. С первых страниц «Саги» читатель проникается симпатией к двум главным героям эпопеи, двум бесшабашным, неунывающим бродягам и авантюристам.

Написанная, казалось бы по строгим канонам «фэнтези меча и колдовства», «сага» насквозь пронизана тонкой иронией и при более внимательном чтении превращается в этакую ерническую «анти-пародию», в кривое зеркало третьесортных фэнтези-романов. Автор неистощим на выдумку, и те ситуации, в которые попадают герои, одна фантастичнее другой. И конечно же, читателя подкупает знаменитый «черный юмор» Лейбера. Оказывается, даже о самых серьезных вещах — о любви, верности, долге — можно писать так, как будто рассказываешь веселый анекдотец.

В состав трехтомника входят:

МЕЧИ И ЧЕРНАЯ МАГИЯ
МЕЧИ ПРОТИВ СМЕРТИ
МЕЧИ В ТУМАНЕ
МЕЧИ ПРОТИВ КОЛДОВСТВА
МЕЧИ ЛАНКМАРА
МЕЧИ И ЛЕДОВАЯ МАГИЯ
МЕЧИ И ТЕНИ

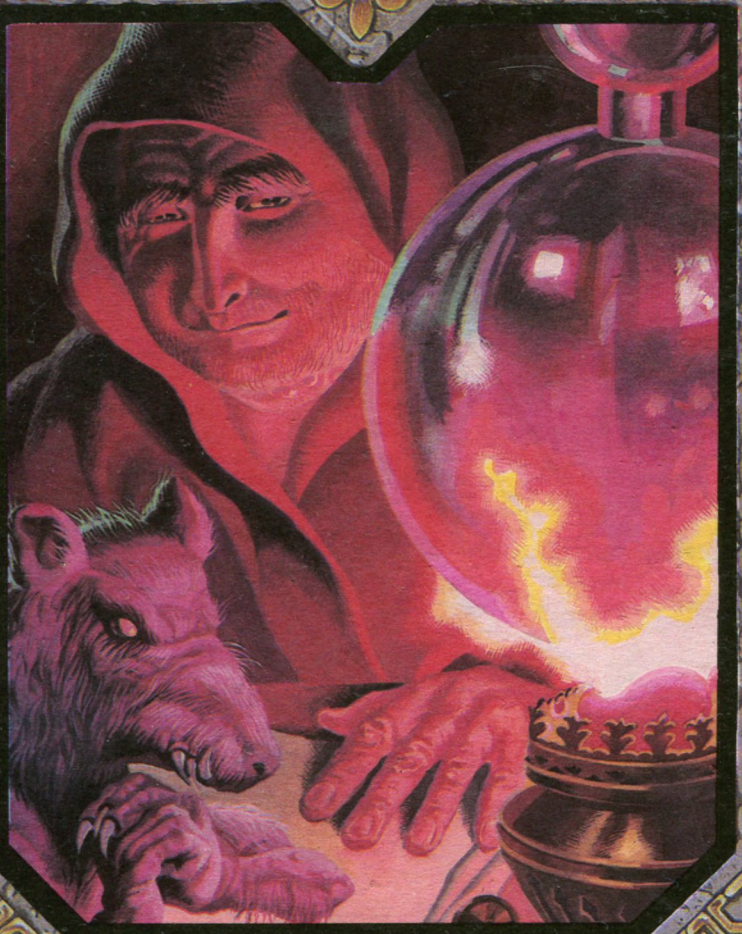

ЗАМЕРЗШЕЕ МОРЕ
Воющая башня
Стылые пустоши
Симоргия
Тыквенный остров
Горы Плящущих троллей
Гряда Бренных Останков
Иллик-Винг
Горт
Но-Омбрульск
Мингеворд
ЗЕМЛЯ ВОСЬМИ ГОРОДОВ
Уул-Хруеп
Кварч-Нар
Уул-Плерн
Клелг-На
Когти
Драконьи скалы
Крысиные скалы
ВНУТРЕННЕЕ МОРЕ
Горы Тьмы
Последняя Земля
Великая Соленая Топь
Ланкмар
Река Хлам
сорив
Голодные Горы
Плийские Озера
Квармалл
С
З
В
Ю
Клеш

4100
891/15
652

fantasy

«Два неунывающих искателя приключений, два отчаянных рубаки великан-викинг по имени Фафхрд и коротышка по прозвищу Серый Мышелов герои американского фантаста Фрица Лейбера — известны читателям всего мира. Впервые на русском языке «Сага о Фафхрде и Сером Мышелове» публикуется ПОЛНОСТЬЮ. Читателя ждут захватывающие истории о странствиях двух друзей в диковинном мире Невона».

СЕВЕРО-ЗАПАД